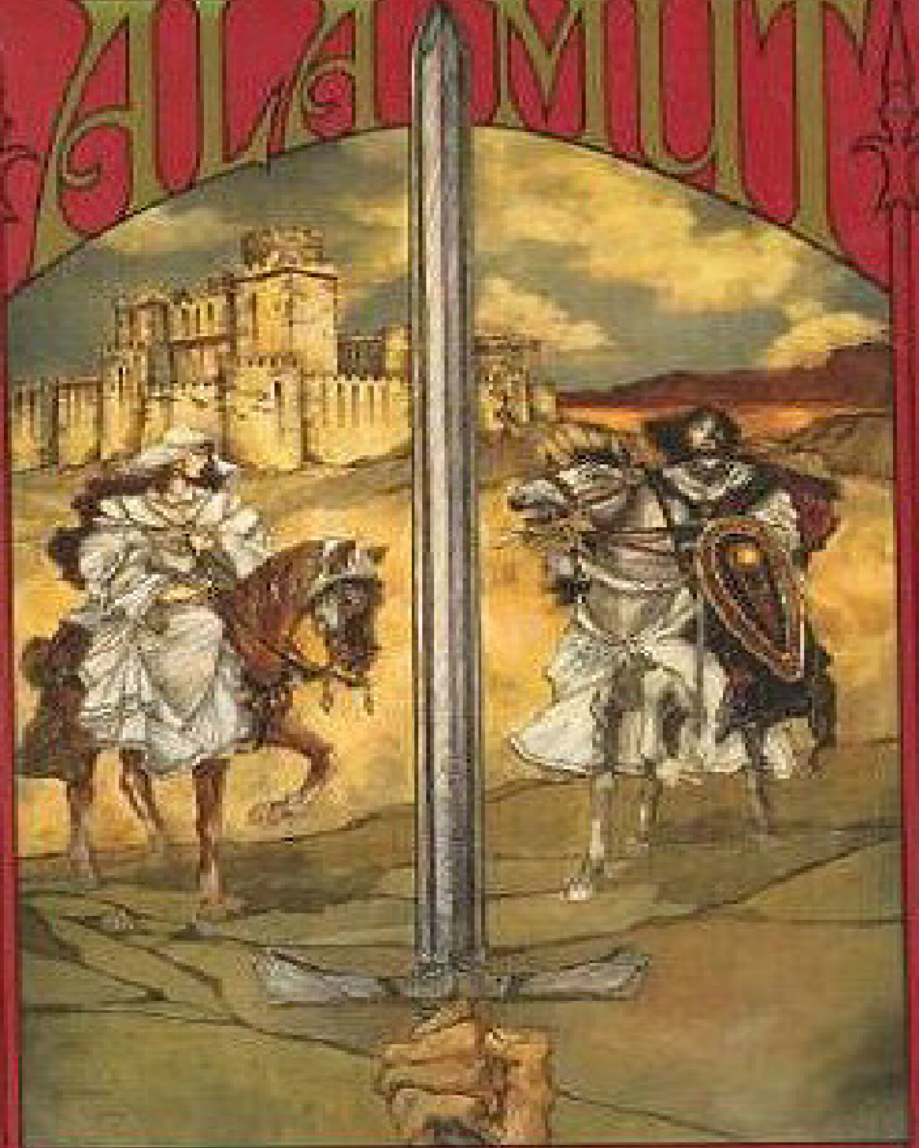
ALAMUT



A NOVEL BY

JUDITH TARR

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Принц Айдан, сын короля Райаны от бессмертной колдуньи, приезжает в Святую Землю, чтобы навестить своего племянника Герейнта, и узнает, что тот убит по приказу Синана, владыки Аламута. Айдан клянется отомстить за смерть родича. Он не знает, что ассасин, совершивший убийство — не человек, а дух пустыни в облике женщины. Но и сам Айдан — не простой смертный. Роман Джудит Тарр "Аламут", не публиковавшийся на русском языке, рассказывает о противостоянии двух бессмертных — сарацинки и христианина, — и их охоте друг на друга.

- Джудит Тарр
  - Часть I. Аква Белла
    - 1
    - 2
    - 3
  - Часть II. Иерусалим
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
  - Часть III. Дамаск
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
  - Часть IV. Алеппо
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
  - Часть V. Масиаф
    - 24
    - 25
    - 26

        - 27
        - 28
        - 29
        - 30
        - 31
        - 32
        - 33
        - 34
        - 35
    - Часть VI. Алеппо
        - 36
        - 37
    - Часть VII. Иерусалим
        - 38
        - 39
        - 40
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

Джудит Тарр
Аламут

Часть I. Аква Белла

1

В первый час после восхода солнечный свет был мягок. Он скользил по холмам Иерусалима, омывая золотым сиянием стены замка Аква Белла, деревеньку, теснившуюся под этими стенами, и зелень вокруг. Зелень была великой драгоценностью здешних мест: дубы, что считались священными, почитаемые даже превыше их оливы, и плакучие ивы, росшие вдоль реки. В реке купались женщины, они пели нежными высокими голосами, здесь и там слышался серебристый смех.

Он приехал по дороге, ведущей к морю; он ехал один, его доспехи и оружие были навьючены на мышасто-серого мула. Его боевой конь гнедой масти был чистых кровей, а сам он был красив и отважен. Его серый плащ с капюшоном был отброшен за спину, открывая ало-золотое пламя на челе и рубин в рукояти меча. Он ехал и напевал в такт перестуку копыт:

> Chevalier, mult estes guiariz,
> Quant Deu a vus fait sa clamur
> Des Tors e des Amoroviz,
> Ki li unt fait tels deshenors[1]

Песня женщин сбилась и смолкла. Прячась под пологом листвы, они изумленно смотрели на проезжего: рыцарь в золоте и блеске, и при нем — ни охраны, ни спутников. Он был либо безумцем, либо одним из тех, кого хранит сам Господь.

Его голос был глубоким и чистым, лился свободно, радостно и бесстрашно, песня была призывом на битву, выигранную тридцать лет назад.

> Ki ore irat od Loovis
> Ja mar d'enfern avrat pouur,
> Char s'alme en iert en pareis
> Od les angles nostre Segnor.[2]

Он не опасался ни мук ада, ни оружия смертных. Его жеребец заплясал, встревоженный шорохами в листве; он засмеялся и поклонился, заметив широко распахнутые от испуга и зачарованно блестящие глаза, смотрящие на него из зарослей; при этом он даже не сбился с ритма, продолжая напевать.

> Alum conquer Moisиs,

Ki gist ci munt de Sinai;
A Saragins nel laisum mais,
Ne la verge dunt ii partid
La Roge mer tut ad un fais,
Quant le grant pople le seguit:
E Pharaon revint aprиs:
El e ii suon furent perit.[3]

Его взгляд не испрашивал у сарацинских женщин прощения, оно не было ему нужно. Средь листьев сверкнула улыбка, или две, или три. Конь фыркнул. Его всадник поклонился вновь и повернул прочь, направляясь по дороге к замку. Женщины смотрели ему вслед. Постепенно, одна за другой, они вернулись к своему омовению. Вскоре они снова запели. Песня была новой: про утро, про солнечный свет и про то, как огненный дух на франкском коне пел о победе своего народа.

Дорога и песня завершились одновременно. Рыцарь непринужденно и весело приветствовал стража ворот Аква Белла, позволив пристальному и настороженному взору того убедиться, что он один, знатен и, несомненно, является христианином. Настороженность была сущностью Внешних Земель, этого укрепленного королевства, в глотку которого постоянно норовили вцепиться сарацины; и люди всегда смотрели на него так.

— Сообщи своему господину, — сказал рыцарь, — что его родич прибыл, дабы засвидетельствовать ему свое почтение.

Глаза стража сузились в щелки. Гнедой жеребец ударил копытом, почувствовав тень, омрачившую утреннее сияние. Рыцарь вздрогнул, несмотря на тепло солнечных лучей. Его прекрасное настроение разом улетучилось без остатка.

— Брайант! — Юный голос, прозвучавший изнутри замка, был ломким, как у подростка, хотя обладатель его пытался придать ему твердость. — Брайант, кто приехал?

"Никто", — собирался ответить страж. Рыцарь ясно видел ход его мыслей. Сейчас не время принимать дурацких гостей, пожаловавших прямо с корабля, хотя отнюдь не на бал. Только новоприбывший может красоваться лилейно-белым цветом лица в этой опаленной солнцем стране и к тому же разъезжать в одиночку весь разнаряженный, как приманка для каждого грабителя на Востоке.

Страж уже открыл рот, собираясь выдать краткий и резкий ответ. Но тот, кто задавал вопрос, уже стоял рядом с ним. Это был мальчик, стройный и смуглый, как сарацин, с глазами раненого

фавна. Эти глаза мимолетно скользнули по незнакомцу, но потом вновь обратились к нему, став вдруг невероятно огромными.

— Принц? — прошептал мальчик. — Принц Айдан? — Он подобрался так, что все его тонкое тело задрожало, подобно струне, а затем учтиво поклонился: — Ваше высочество, ваш приезд — честь для нас. Прошу вас извинить Брайанта, мы все несколько не в себе, мы…

Принц Айдан спешился. Брайант продолжал смотреть сердито и с подозрением, но тем не менее крикнул конюшим, чтобы они позаботились о жеребце и муле. Принц не видел ничего и никого, кроме мальчика, который был так безукоризненно учтив и так стойко боролся с подступающими слезами.

— Тибо, — сказал Айдан, положив руку на плечо мальчика. — Ты, должно быть, Тибо. — Тот вздрогнул. Айдан попытался внушить ему успокоение. — Что случилось?

Слезы вырвались наружу, а вместе с ними и знание о случившемся.

— Нет, — очень тихо произнес Айдан. — О нет.

Он уже не слышал слов мальчика. Он не видел ни стража, ни слуг. Руки Айдана сомкнулись вокруг ребенка; сознание его окутала тень.

Покойный лежал в зале. Священник бормотал над ним молитвы. Вокруг стояли люди. Айдан заметил, что они не плакали и не причитали. Их горе нахлынуло на него, но их страх был сильнее. Он воспринимался им как удушье.

Он отбросил это ощущение. Оказывается, он уже не цеплялся за мальчика. Опустив руки, Айдан стоял над гробом: на самом деле, это был стол, покрытый шелковым покровом, и такой же покров был наброшен на тело, лежащее на столе. Мужчина, уже не юный, но еще не старый, загорелое, как и у всех здесь, лицо, было тем не менее красиво; но сейчас на нем лежала смертная бледность. Черные волосы рано поседели, острый нос дополнялся столь же острым подбородком; было непривычно и страшно видеть это всегда подвижное лицо таким застывшим.

— Кто убил его? — услышал Айдан свой собственный голос; от его звука он содрогнулся. Такой тихий, такой спокойный, и такой мертвенный. — Кто его убил?

— Кто вы такой, чтобы спрашивать об этом?

Он обернулся. Все отшатнулись. Все, кроме этой женщины. Айдан с трудом мог рассмотреть телесный облик, вмещающий эту душу. В ней был огонь, спорящий с его огнем, горе, сравнимое с его горем, и воля, неумолимая, как воля самого неба. Тело Айдана сделало все за него. Оно повелело ему опуститься на одно

колено и склонить голову.

— Миледи.

— Кто вы?

Она знала это. Но ей нужно было услышать его ответ.

— Он был сыном моей сестры. — Айдан посмотрел снизу вверх в ее темные глаза. — Кто это сделал?

— Если вы тот, за кого себя выдаете, — ответила она, — вам нет нужды спрашивать.

Она не боялась его. Даже тогда, когда он поднялся во весь рост — а он был высок даже для человека западных стран. Несмотря на то, что Герейнт, несомненно, говорил ей, кто такой принц Айдан. Он вернулся к погребальному ложу и склонился над ним, положив ладонь на холодную щеку.

— Мальчик, — сказал он на языке своего народа, более богатом и тайном, нежели трескучий langue d'oeil (так на Востоке именовалось наречие франков и норманнов). Он погладил тронутые сединой волосы. — Герейнт, мальчик, что же это было такое? Почему оно не могло подождать до моего приезда? — Рука Айдана соскользнула с головы на окоченевшее плечо, замерла напротив безмолвного сердца. Десять лет. Такой малый промежуток времени. Мальчик ушел, потому что должен был уйти. Так же, как Айдан остался, потому что должен был остаться. Обязанности; королевство; мышиная возня с войнами и переговорами. Герейнт желал завоевать славу и Иерусалим.

Он получил и то, и другое. И леди из королевства у моря, и замок в считанных часах пути от Святого Града; и смерть в то утро, когда его родственник наконец прибыл исполнить обещание, данное, когда Герейнт уезжал.

Тело под покровом было облачено в восточные шелка. Но Айдан был тем, кем он был. Он видел узкую рану, слишком маленькую, чтобы быть столь ужасной, но именно через нее клинок вошел в сердце. Герейнт даже не почувствовал этого, не проснулся. Он умер во сне, лежа подле своей леди, и она крепко спала, а когда проснулась, обнаружила, что он мертв. И что на подушке меж ними лежит хлебец. Круглый, пахучий, теплый, словно недавно из печи. Такие хлебцы не пекли ни в этом доме, ни где-либо в округе.

Гашишины. Айдан слышал о них, они были легендой, страшной сказкой для непослушных детей. Ассасины. Неверные, безумцы, фанатики, происходящие из Аламута, черного сердца Персии. Они приходили, как призраки в ночи, убивали тех, кого их повелители приказывали убить, и растворялись в воздухе. Если по Божьей милости людям удавалось схватить кого-либо из них, убийца обращал свое оружие против себя, и перед смертью в

безумной радости славил своего нечестивого бога.

Айдан поднял голову. Он улыбался, хотя руки его дрожали. Кто-то из женщин перекрестился. Улыбка Айдана стала еще шире. Аламут был силой, так говорили все. Аламут был непобедим. Но Айдан хотел проверить это. Аламуту еще не приходилось сталкиваться с кем-либо похожим на принца Айдана из Райаны.

Он повернулся к женщине. В его сознании возникло ее имя — Маргарет де Отекур. Супруга Герейнта, с которой он связал свою жизнь, будучи совершенно опьянен ею. Это чувство проступало даже сквозь сухие фразы его писем. В ней не было особой красоты. Невысокая женщина с округлыми формами, она была старше своего мужа, и это было заметно. В ее внешности не было ничего от ее отца-франка. Она могла бы быть родной сестрой тем женщинам у реки. Неверным. Сарацинкам. *Пуллана*, как назвали бы они ее, полукровка, могущественная, и тем не менее презираемая.

Он незаметно покачал головой. Нет, не презираемая. Только не она. Она знала, кто он такой, и понимала, что это значит, и все-таки не боялась его.

Айдан обратился к ней, взвешивая каждое слово:

— Они заплатят за то, что сделали. Клянусь в этом своим именем.

Ее ответ поразил его. Она коснулась его руки и сказала:

— Нет. Это мое дело. Я не должна втягивать вас в это грязное дело.

— Он был для меня больше, чем родич. Он был сыном моей сестры. Я присутствовал при его рождении.

Многие из стоявших вокруг перекрестились. Маргарет повернулась.

Она не повысила голоса, но толпа тут же поредела. Замок проснулся, стряхнул с себя оцепенение, вызванное ударом, снова становясь крепким хозяйством.

И все это от нескольких негромко сказанных слов. Айдан позволил проводить себя в покои. Он покорно вынес хлопоты слуг и омовение, отличавшееся истинно восточной продолжительностью и роскошью. Одежды, приготовленные для него, были простыми, черными и белыми, и богатыми в своей простоте: арабский шелк и нечто более мягкое и тонкое, чем лен, чудесно прохладное.

— Хлопок, — сказал человек, помогавший Айдану одеться, бородатый сарацин в тюрбане, державшийся с изысканной вежливостью. Он предложил Айдану еды и вина, а потом проводил его на плоскую крышу замка, где пребывала госпожа в обществе единственной погруженной в дрему компаньонки и

откуда она твердой рукой правила поместьем Аква Белла.

И собою тоже. На какой-то час она забыла обо всем, кроме смерти.

Но теперь она вспомнила, кто она такая. Она приветствовала Айдана, как владетельная леди должна приветствовать иноземного принца, скрывая горе под маской учтивости.

— Сожалею, что наша встреча омрачена столь горькой утратой, — сказала она мягким голосом, напоминавшим Айдану шелк, скрывающий сталь.

— Герейнт ждал вашего приезда, как мальчишка. Каждое утро он говорил:

"Сегодня. Может быть, он приедет сегодня". И при этом смеялся над тем,

что он, взрослый человек, барон Высшего Света Иерусалимского

Королевства, с таким детским нетерпением ожидает увидеть своего любимого родственника вновь.

— И еще до того, как я достиг ворот вашего замка, вы уже устали от меня.

Она рассмеялась, дивясь сама себе:

— Я и не предполагала, что человек может быть таким образцом всех добродетелей. Величайший из рыцарей Западных стран, благозвучнейший из певцов, прекраснейший и любезнейший из людей, и…

— Леди, остановитесь! Я прошу у вас пощады! — Айдан, как и Маргарет, смеялся сквозь слезы. — Если Герейнт кого-то любил, то любил не зная меры. Я снискал кое-какую славу, и удача благосклонна ко мне, но я всего лишь человек, как и все прочие.

— Не совсем так, — сказала Маргарет, и голос ее вновь звучал мягко и спокойно.

Айдан посмотрел на свои руки. Изящные кисти, слишком тонкие для той силы, которая скрывалась в них, и кожа чересчур белая, гладкая и юная. Он поднял глаза. Маргарет ждала от него истины. Он дал ей эту истину, и она не дрогнула пред нею.

— Мой отец был смертным, — сказал Айдан.

— А ваша мать не была смертной.

— Смертна была ее дочь.

— И сын ее дочери. — В голосе Маргарет не было горечи. — Герейнт гордился своим происхождением, хотя и был обделен талантом к магии. Он был родичем белых чародеев, и кровь его была благородной кровью. И все-таки он говорил, что счастлив быть смертным. Он не был создан для столь великого удела, как чародейство или же бессмертие.

— Мы можем умереть, — сказал Айдан. — Если клинок будет

достаточно острым. Если будет пронзено сердце или сломан позвоночник. Нас можно убить.

— Так же легко, как убили его?

Айдан склонил голову.

— Тот, кто убил его, был смертным человеком. — Что-то словно сжимало горло, мешая говорить. Неожиданно Айдан почувствовал холод. — Скажите мне, почему это произошло?

Он не ждал, что она ответит. Ее лицо не выражало ничего.

И с этого круглого плоского лица на него неотрывно смотрели прекрасные глаза. И взгляд их был жестким. Такие взгляды ему доводилось видеть поверх обнаженной стали, и за столом переговоров, и при королевских дворах. В конце концов, это был всего лишь человеческий взгляд. А взгляд самого Айдана не был человеческим.

— Расскажите мне, — повторил он.

— Это произошло не из-за его собственных деяний. — Она не заламывала руки, как делала бы слабая женщина. Ее руки были сжаты в кулаки и лежали на коленях; она рассматривала их, словно завороженная. — Рассказывал ли он вам все о том, кто я такая? Отекур из Аква Белла, да. Баронесса, рожденная в Заморских Землях. Но рожденная еще и по ту сторону стены. Моя мать происходила из Дома Ибрагима. На Западе это ничто: клан торговцев, и кроме того — неверных. Но в Алеппо это однозначно говорит о высоком происхождении. В этих королевствах наживы моя мать была принцессой, дочерью королевы. Дом Ибрагима известен повсюду, куда доходят караваны, у него имеются родичи, слуги и союзники везде — от Лондона до Самарканда, от Генуи до Византия, от Руси до Нубии. Шелковые пути, пути пряностей, пути золота, соли и пушнины — Дом Ибрагима властвует над всем. А власть порождает зависть — вы, как сын короля, знаете это. Дети Дома во все времена предпринимали далекие путешествия для заключения союзов, и порою жертвовали Верой Пророка во имя интересов Дома, так же, как когда-то давно пожертвовали верой Моисея. Так поступила моя мать. Я была ее единственным ребенком. Она воспитывала меня в обычаях двух миров, и мой отец не препятствовал ей. Он был странным человеком, мой отец. Он был намного старше своей супруги, на первый взгляд — неотесанный солдат, ветеран многих сражений. И к тому же он был монахом. И даже не монахом воинствующего ордена — нет, монахом святого Клюньяка, отшельником-аскетом. Никто из нас не знал, почему он покинул монастырь; он пошел в крестовый поход, служил королю Иерусалима, завоевал себе поместье и взял жену из Дома Ибрагима. Люди говорили, что он стал неверным. Но я думаю,

что он попросту всегда оставался в душе мирским человеком. — Маргарет посмотрела на гостя, пришельца с неведомого Запада, и с силой встряхнула головой, словно пытаясь привести в порядок мысли. Когда она заговорила вновь, казалось, что она ведет речь уже о чем-то совершенно ином: — Что вы знаете о *гашишинах*?

Это слово она произнесла спокойно, без малейшего признака страха и ненависти, которые всегда вкладывались в него. Так, как будто это слово было обычным именем.

В этом было нечто превыше презрения. Айдан высказал все, что смог припомнить:

— Они — ассасины-убийцы. Безумцы, опоенные наркотиками либо одержимые, обученные убивать чрезвычайно быстро и бесшумно. Они верят, что убийствами прокладывают себе дорогу в рай. Они повинуются безумному владыке или владыкам. Кое-кто сомневается, что они вообще люди.

— Они — просто люди, — сказала Маргарет с едва уловимым оттенком иронии. — Они схизматики, еретики, как назвали бы их христиане, фанатичные последователи того, кого они именуют Погибшим Имамом. Сердце этой секты, центр ее — Алух Амут, Аламут, Орлиное Гнездо в Персии. Но сила ассасинов распространяется на все земли ислама. Они очень сильны в Алеппо, где находится Дом Ибрагима. А сильнее всего они в Масиафе, в Сирии. Эту крепость называют даже Малым Аламутом, или просто Аламутом.

Их вера довольно примитивна. Они ожидают, что вернется их Имам, погибший много лет назад. Их жизнь подчинена строжайшим обычаям. Все прочие религии ложны, и последователи ложных религий для ассасинов являются жертвами. Они выражают свою волю посредством террора; они и вправду считают убийство дорогой к спасению. Они убивают калифов и султанов, владык исламского и христианского мира, священников, мулл и отшельников: любых, кто помешает им или окажется неугоден их повелителю.

Величайшим из их вождей в Сирии является владыка Масиафа. Его имя Синан. Синан ибн Салман ибн Мухаммад, именующий себя Рашид аль-Дин. Остальные называют его Шейх аль-Джабал, Горный Старец. Он провозглашает верность владыке Аламута, но ни для кого не секрет, что прежде всего он служит себе самому. Ассасины Сирии изрекают лживые уверения в верности Аламуту и исполняют повеления Масиафа. В Алеппо они даже не удосуживаются кланяться Аламуту.

— Вы знаете, что такое власть, — продолжала Маргарет. — Не особо сладкое зелье, но его никогда не бывает достаточно. Синан отдает приказы всей своей секте, и таким образом диктует

свою волю большей части Сирии и Заморских Земель. Но "большая часть" — это не "все". Он желает большего. Для того, чтобы добиться этого, ему нужно иметь глаза и уши в каждом городе; ему нужны союзники, слуги, рабы. Он считает, — сказала Маргарет, — что ему нужен Дом Ибрагима.

Пока Маргарет говорила, Айдан вскочил с кресла и стал расхаживать туда-сюда. Таково было его обыкновение. Он мог, конечно, сидеть спокойно, если это требовалось, но неподвижность мешала ему думать. Он повернулся на пятках и посмотрел на леди, выжидая.

Она слабо улыбнулась воспоминаниям. Герейнт предупреждал ее: "Он не может долго сидеть, кроме как в седле. Он ничего не может с собой поделать. Он был рожден непоседой. Ошибка Господа Бога. Все спокойствие досталось его брату, а ему самому досталось пламя духа."

— Это не совсем верно, — сказал Айдан. Внезапно на его лице появилась усмешка. — Но верно в достаточной степени. — Он склонил голову. — Синану нужна шпионская сеть. Это я могу понять. Но почему именно семья вашей матери?

— Это самый могущественный клан, — ответила Маргарет. — И у него есть то, чего желает Синан. — Она встретилась взглядом с Айданом. Глаза его были серыми, как море, она знала это еще по рассказам Герейнта. Такие же глаза, как были у него: северное море, северные камни. Этот цвет напоминал ей закаленную сталь. Когда Айдан пошевелился, в глазах Маргарет, зеленых, как у кошки, мелькнуло отчуждение.

— Когда Герейнт приехал сюда, я была вдовой, — сказала она, — госпожой и правительницей этих земель, с двумя маленькими детьми. Меня защищало достаточное количество людей, и Аква Белла был моим по праву. Мой муж был вассалом принца Антиохии; другие его сыновья, помимо Тибо, унаследовали его земли. Для меня это не имело значения. У меня был Аква Белла. И положение в Доме Ибрагима. Синан обратился ко мне. Ко мне, а не к одному из моих кузенов, потому что я принадлежу и к народу франков, и к сарацинам. Моя христианская вера не была помехой. Я, прежде всего, женщина, а женщина есть то, чем приказывает ей быть мужчина. Синан желал получить мой Дом и мое место в Иерусалимском Королевстве. Быть может, он отчасти желал и меня. Я выглядела не столь болезненной, когда была моложе. Я отказала ему. Он настаивал. Он не мог понять, что надо мной властна лишь я сама. Я взяла одного мужа по долгу и по желанию моего отца. Я избрала второго по собственному желанию. После этого, полагала я, Синан должен был оставить меня в покое. Я выдала дочь замуж за

барона из Акры, чтобы Синан не обратил свои помыслы на нее. Но Синан был человеком Аламута. Он не признавал иной воли, кроме воли своего господина, и с тех пор, как он объявил господином себя, для него существовала только его собственная воля. Он даровал мне немного мирного времени. А затем послал приказ. Я должна была отослать прочь своего мужа-франка и принять сватовство Синана. Мой ответ не содержал слов. Только улыбку. Я была горда. Я была неимоверно глупа. И с течением времени становилась все глупее. После приказов Синан перешел к действиям. Он убил лучшую из моих охотничьих собак; он убил кобылу, которую я вырастила сама. Я отвечала ему полным пренебрежением. Затем он оставил меня в покое. Я думала, что победила. Я уменьшила количество стражей. И когда пришло новое послание, я пренебрегла им. Оно гласило: "Уступи, или же я и вправду прибегну к силе." Я пренебрегла этим посланием, — повторила Маргарет, — и прошло много времени, а удара не последовало. Я полагала, что поступила мудро. Я приняла сильные меры для своей защиты. Я думала, что он решит похитить меня, и предприняла все предосторожности против этого. Но Синан — ассасин. Его сила направлена на убийство. Он не тронул меня. Он убил моего супруга.

Айдан застыл на месте. Трепетная неподвижность, словно неподвижность пламени в безветренный день.

— Итак, вы видите, — сказала Маргарет, — что это целиком и полностью мое дело. Я не предам Дом Ибрагима в руки этого человека.

— Воистину, вы этого не сделаете.

В его лице и голосе было нечто, что заставило ее вскочить на ноги.

— Вы здесь совершенно ни при чем, — возразила она.

— Ваш враг удостоверится, что это не так.

— В таком случае, вы должны убить меня, поскольку я виновна в смерти вашего родственника.

Айдан осознал логику этой фразы. Да, он мог бы сделать это, хотя бы в ослепляющем порыве гнева. Он оскалил зубы. И это не было улыбкой.

— Вы знаете, что ваше неразумие привело вас к поражению. Этого достаточно для мести. Нет, госпожа моя, ваш поклонник заплатит мне долг крови. Он заплатит его самолично, даже если мне для этого придется раскатать Аламут по камешку.

— Масиаф, — поправила она его, холодно и спокойно.

— Масиаф и Аламут, и любую лачугу или хижину, где хранят верность *гашишинам* и повинуются их приказам.

— И все за одну-единственную человеческую жизнь?

— Он был сыном моей сестры.

Она коснулась руки Айдана, словно проверяя, нет ли у него жара. Ее рука была прохладной и спокойной. Он схватил эту руку, и Маргарет не пыталась вырвать ее, даже когда его хватка причинила боль.

— Такая сила, — сказала она. Это было просто замечание, констатация факта. — Вы в самом деле так скорбите по нему? Или вы просто рады, что можете вступить в схватку со столь сильным противником?

Он мог бы убить ее. Легко. Одним ударом, не требующим особой силы. Он мог бы вмешаться в ее сознание. Она была смертной женщиной. Пред его мощью она была ничем.

Она знала это. И тем не менее это не страшило ее. Она не сделала бы ничего, кроме того, что сделала. Она не смирялась ни перед кем, даже перед белым чародеем, чья скорбь граничила с безрассудством.

Айдан выпустил ее руку.

— Я сделаю то, что сделаю, — промолвил он.

Маргарет поклонилась. В этом поклоне не было покорности.

— Вы будете присутствовать на похоронах своего родственника?

— У меня достаточно времени, — ответил он.

— Это так, — сказала Маргарет. Она снова села в кресло и кликнула своих женщин.

Ему давали понять, что он свободен. Это было для него внове, и он был настолько ошеломлен, что подчинился. Позднее она заплатит за это. Если он решит потребовать с нее плату.

2

У ребенка резались зубки, и он непрестанно капризничал. Что бы ему ни дали, все ему было не то и не так. Когда бабушка баюкала его, он вопил, прося соску с сахаром; когда тетушки совали ему сахарную соску, он ревел, требуя материнскую грудь; когда мать давала ему грудь, он колотил по ней так, что оставались синяки, и продолжал настойчиво орать. Его мать готова была кричать вместе с ним, хотя бы только для того, чтобы не слышать его воплей.

— Ну прямо маленький принц, — сказала Лейла с негодованием. До того, как родился этот ребенок, она была главной среди младших жен. В конце концов, она имела право на превосходство над Сайидой: та была всего лишь младшей дочерью в своей семье, да и замуж вышла поздно. Но Сайида сделала то, чего Лейла не могла — она подарила мужу сына, и таким образом стала важной персоной в пределах их маленького мирка.

— Принц, — повторила Лейла, изящно прижимая ладони к ушам. — Его капризы — закон для нас. Ну почему я не могу выспаться с тех пор…

Сайида сжала зубы, чтобы не сказать что-либо, о чем потом придется пожалеть. Грудь ее затрепетала. Она рискнула покачать Хасана на своем колене. Его крики перешли в рев пополам с икотой.

— Ну вот, — произнес женский голос от входа. — Что такое? — Вошедшая подхватила Хасана на руки.

Тишина наступила столь внезапно, что у Сайиды закружилась голова. Долгое мгновение она просто сидела и наслаждалась этой тишиной. Затем открыла глаза и огляделась.

Хасан наконец нашел то, чего хотел. Его пальчики запутались в самых великолепных в мире волосах. Невероятно — но он даже начал смеяться!

Лейла тихонько взвизгнула. Дородная неторопливая Фахима вышла, чтобы принести еды и напитков, как того требовал закон гостеприимства, но прямо взглянуть на гостью не решилась. Матушка — для Сайиды она всегда и бесповоротно была Матушкой — села очень прямо и неподвижно. Она не заходила так далеко, чтобы прямо выразить антипатию, но на ее лице явно читалось неодобрение.

Сайида не обращала внимания ни на кого из них.

— Марджана! — Сайида бросилась к гостье, держащей на руках ребенка. Хасан даже не нахмурился. Он был совершенно

заворожен и блаженствовал. — Марджана! — вновь вскрикнула его мать. — О чудотворица! Не желаешь ли ты усыновить его?

Марджана улыбнулась и покачала головой. Она снисходительно принимала и бурные выражения чувств Сайиды, и выходки Хасана, дергающего ее за волосы.

— Мир тебе, — сказала она, — и мир этому дому.

Это напомнило Сайиде о хороших манерах. Она поклонилась так учтиво, как только могла, в то время как ей хотелось плясать от радости.

— Да осенит мир Аллаха тебя, твой приход и твой уход, и пусть твое пребывание здесь будет долгим и благословенным. — Она сглотнула. — Марджана! Когда ты вернулась? Где ты была? Надолго ли ты останешься? Ты знала о Хасане? Ты…

Марджана рассмеялась:

— Все по порядку, о стремительная! Я вернулась только что, я была там, где была, я останусь до вечерней молитвы, и да, я знала и о Маймуне и об этом его прелестном сыне.

Лейла сделала знак против дурного глаза. И сделала это не только для того, чтобы отогнать демонов, которые могли услышать, как Марджана дерзко превозносит достоинства Хасана.

— Этот ничтожный пащенок, — промолвила Лейла, — доводит нас до умопомешательства.

Марджана едва взглянула на нее. Сайида спрятала усмешку. Лейла не только знала о том, что прелестна, но и была уверена, что никто не может не заметить этой прелести. Но рядом с Марджаной она просто-напросто усыхала до полной неприметности. Марджана была великолепна, небывало, ошеломляюще прекрасна. Ее кожа была подобна слоновой кости. Очи ее были словно чистые изумруды, или, как не раз злобно говаривала Лейла, словно кошачьи глаза. Ее волосы были тем богатством, ради которого можно пойти на убийство: прекрасные, невероятного цвета темного сладкого вина, до которого добрым мусульманам воспрещено дотрагиваться, они ниспадали до колен. Здесь, в знакомой до отвращения комнате, среди суматохи, создаваемой четырьмя женщинами и ребенком, она сияла, как драгоценность. Даже в скромной простой одежде она выглядела так, словно была облачена в шелка и золото.

Фахима вернулась в сопровождении служанки, принеся все необходимое для маленького пиршества. Матушка молча неодобрительно взирала на это. Лейла принюхалась и нахмурилась:

— *Зирбаджа?* Фахима, мы же хранили ее для…

Матушка взглянула на нее. Этого было достаточно. Лейла надулась, но умолкла.

Марджана откусила немного хлеба с солью, взяла кусочек халвы, плеснула в бокал немного *зирбаджи*, полила рис острой приправой из чеснока и пряностей. Хасан с жадностью потянулся к еде. Марджана задобрила его халвой, которой он и удовольствовался.

Мираж. Нет, подумала Сайида, не мираж. Марджана. Остальные, даже Лейла, относились к Марджане с настороженностью, почти со страхом. Она была семейной легендой и семейной тайной. Немалая тайна, и вот она сидит, смакует *зирбаджу* и пьет крепкий сладкий кофе из серебряной чашечки, какие подаются только очень важным гостям.

Когда Марджана отведала всего и должным образом похвалила угощение — вытянув из Фахимы имя нового пекаря, обосновавшегося на базаре и проходившего обучение на кухне самого султана, — то завела какой-то длинный и неинтересный разговор.

Сайида была обучена следовать необходимости. Но она никогда не могла научиться терпению. При старших женщинах Марджана никогда не рассказывала лучшие свои истории. Для них она была чудачкой с дурной репутацией, и они терпели ее потому, что так приказал им их господин и повелитель, и проявляли гостеприимство потому, что так завещал Пророк. Для Сайиды она была просто Марджана, и это было весьма непросто. И это было чудесно и великолепно, и историям Марджаны не было равных, потому что они были правдивы.

Но Марджана не рассказывала их всем и каждому, а нарушить законы вежества Сайида не могла. Она сидела у ног Марджаны, стараясь помнить о достоинстве замужней женщины и не ерзать от нетерпения. Несомненно, Матушка знала об этом. Она прослеживала каждый шаг Марджаны на каждом фарлонге долгого пути в Мекку; поминутно задавала ей вопросы о каждом из ее попутчиков; просила описать каждый камень каждого святого места в этом святейшем из городов.

Лейла, единственная из всех, пришла на помощь Сайиде. Она томно зевнула, словно кошечка, и потянулась, демонстрируя в выгодном свете округлости своей фигуры.

— Я прошу всемилостивейшего прощения нашей гостьи, — сказала она, — но мой муж и повелитель должен прийти ко мне сегодня, и я должна отдохнуть, иначе я вряд ли смогу доставить ему удовольствие.

Сайида закусила губу. Матушка была выше ревности. Фахима не обращала внимания. Но они вспомнили о неотложных обязанностях. Они не могут оставить важные дела ради Марджаны; ничего не оставалось, как поручить гостью заботам

Сайиды.

— С меня будет достаточно, — сказала Марджана, — если я побуду с маленьким принцем. Если его мать пожелает отдохнуть часок…

— Конечно же, она не пожелает, — резко возразила Матушка. — Ступай, девочка. Проводи госпожу в сад. И попридержи свой язычок. Гостье не следует выслушивать все глупости, которые так и сыплются с него.

Сайида, чрезвычайно довольная собой, танцевала вокруг розового куста, которым Фахима ужасно гордилась.

— О сиятельная! О великолепная! — Сайида сорвала цветок и уткнулась в него носом, вдыхая аромат. Марджана смотрела на нее смеющимися глазами. Сайида подхватила на руки Хасана, успевшего проголодаться, и опустилась на траву, чтобы покормить его. Но ее улыбка была отнюдь не улыбкой материнского счастья. — Ведь они сделали это все потому, что ты так хотела, правда? Даже Лейла?

— Лейла не участвует ни в чьих интригах, кроме своих собственных. — Марджана осыпала голову Сайиды розовыми лепестками. Хасан, сосавший грудь, засмеялся. Марджана провела ладонью по своим волосам, легким, шелковистым и необычайно мягким. Эта мягкость была странной, ибо сама Марджана отнюдь не была нежным созданием. Она сбросила свои покрывала и широкое верхнее платье темного цвета. То, что было под платьем, ужаснуло бы Матушку и весьма заинтересовало бы Лейлу: одежда, в какой ходили молодые мужчины Дамаска.

— Это не опасно? — спросила Сайида. Вопрос был глупый, но не спросить она не могла.

Марджана гибким движением опустилась на траву и сноровисто заплела волосы в косу, перевязав ее лоскутом зеленого шелка и перебросив через плечо. Ее улыбка была подобна белозубому оскалу хищницы. Это была неженская улыбка, и все-таки в ней было что-то невыразимо женственное. Такова уж была Марджана.

— Это совершенно безопасно, — ответила она. — Разве иначе я затеяла бы это?

Сайида осторожно обдумала этот вопрос. Хасан ущипнул ее за нежную кожу груди. Она наклонила к нему голову.

— Я умерла бы за него, — сказала она, обращаясь скорее к себе самой. Потом подняла лицо. — И ты тоже.

Улыбка пропала с лица Марджаны. Она вскочила. Сайида в испуге вскинула руки, защищая сына, потом опустила их, не прося, однако, прощения. Марджана не заметила ничего. Она кружилась в безумном танце, она словно бы была солнцем, а

Сайида — робкой тенью. Она была грациозна, как пантера в прыжке, столь же необузданна и столь же смертоносна.

Но Хасану не грозило ничего. Марджана буквально упала наземь перед Сайидой и ее сыном.

— Ты слишком доверяешь мне, — сказала она.

Сайида покачала головой.

— Упрямица!

Сайида улыбнулась.

Марджана вздохнула.

— Дитя! Знаешь ли ты, что думает обо мне твой муж? Что я вхожу в число самых богатых людей города, что я чересчур фанатична в своей вере и чересчур люблю добрые дамасские клинки, ибо копья плоти у меня, увы, нет. Он жалел бы меня, если бы меньше меня презирал.

— Ах, — сказала Сайида, ничуть не встревоженная, — он мужчина, и недавно приходил доказывать это. Конечно же, он невыносим.

— Дарует ли он тебе счастье?

Это был отнюдь не праздный вопрос, каким бы ленивым тоном он ни был задан. Сайида слегка вздрогнула. За Хасана она больше не боялась. Но за его отца…

Она ответила Марджане правду:

— Мне двадцать один год. Все мои сестры были выданы замуж, едва достигнув женского возраста. Я была самой младшей, последним горьким разочарованием, до того как Аллах сжалился над нашей семьей и послал ей сына. Но вопреки долгу и обычаю мой отец снисходил до того, чтобы питать ко мне теплые чувства. Я выросла на твоих глазах, и ты знаешь, что он позволял мне жить более счастливо, чем у меня на то было право. Но истина есть истина. "Для женщины существует лишь выбор между замужеством и могилой." Отец спросил моего согласия. Он не приказывал мне. Он предложил мне выйти за Маймуна, и я согласилась.

— Но счастлива ли ты?

— Ты видела Маймуна.

Глаза Марджаны были прищурены, это был опасный признак. Сайида твердо встретила их взгляд:

— Он дал мне счастье.

Марджана прикрыла глаза. Сайида даже пошатнулась, освободившись от натиска этого взгляда. Это была правда, твердило ее сердце, с силой колотясь возле прильнувшей к ее груди щечки Хасана. Маймун не был совершенством. Он был слишком молод, чтобы приобрести мудрость, он был блистателен и знал это, он был мужчина. Но он был Маймун. Сидя в брачную

ночь подле жены и в первый раз созерцая ее непокрытое лицо, он не отшатнулся. Он даже не отвел глаз. "Не красавица, — сказал он ей потом, будучи слегка пьян, но сохраняя рассудок. — Но и не уродина. В самый раз для меня."

— Ответь мне, — сказала Сайида гостье, — где ты была с тех пор, как я видела тебя в последний раз? Не считая Мекки, конечно.

— Что? Ты не веришь?

Саийда поклонилась так изящно, как только могла поклониться с ребенком на руках:

— Воистину, о хаджини, эта солнцепоклонннница претендует на малую причастность к святыням. Отнюдь не на то, что осмотрела и потрогала каждый камень между Дамаском и Каабой.

Марджана рассмеялась. Такой радостный смех редко можно было услышать из ее уст. Хасан оторвался от материнской груди, уставился на Марджану и засмеялся ей в ответ. Он все еще смеялся, когда снова оказался на коленях у гостьи. Сайида подавила в себе желание воспротивиться этому. Она подалась вперед:

— Ну же, — приказала она, — рассказывай.

— Слушаю и повинуюсь, — ответила Марджана.

Марджана побывала везде. И делала все, как была уверена Сайида. Делала то, что и не мечтала делать ни одна женщина, и даже кое-что из того, чего не мог бы вообразить ни один мужчина. Когда Сайида была маленькой, он верила каждому слову каждой истории как чистейшей правде. Когда она стала постарше, то решила выбросить из головы эти сказки и бредни. Но теперь она снова верила им. Марджана была Марджаной. Ей не нужно было раскидывать сети лжи.

Марджана принесла с собой подарок: какой-то очень странный плод, снаружи покрытый коричневыми волосками, а внутри зеленый, блестящий и кисло-сладкий. Он был принесен из страны, еще более странной, чем он сам, и более далекой, нежели могла представить себе Сайида.

— Это так же далеко, как звезды? — спросила она.

— Не настолько далеко, — ответила Марджана, — и не так далеко, как мне порой приходилось путешествовать. Существуют миры внутри этого мира, далеко за морями. И люди… Она покачала Хасана на колене, глаза ее загорелись от воспоминаний. — Люди цвета земли, поклоняющиеся солнцу. Чернокожие люди, обитающие в пустыне, где погиб бы самый выносливый бедуин. Они живут там нагими, облаченные лишь в свою гордость, и весь мир для них составляет тень, в которой

можно поспать днем. Они не испугались меня. Они встретили меня с почтением, как духа воздуха.

Сайида проглотила последний кусочек плода. Она резала его ножом Марджаны, новым и прекрасный лезвием. Потом она повертела его в пальцах:

— Еще один нож, сработанный отцом?

— Маймуном.

Сайида подняла брови:

— Я надеюсь, что это было сделано не ради меня.

— Его изделия хороши, — ответила Марджана, — что бы он обо мне ни думал.

— Ему неизвестна правда.

— Ты не веришь ему?

— Отец не счел необходимым говорить ему. Как же могу я?

— Твой отец не счел необходимым говорить и тебе.

— Ему это было не нужно, — промолвила Сайида. — Он все еще полагает, что лучше бы мне этого не знать никогда. Но он был достаточно мудр, позволив Маймуну пребывать в покое неведения. Уж слишком Маймун настойчив, пытаясь защитить меня от всех невзгод в этом мире.

— Даже от деторождения?

Их глаза встретились, во взглядах обеих было понимание. Сайида вздохнула, пожав плечами:

— Он дал мне Хасана, не так ли? И это великое сокровище. Даже когда у него режутся зубки.

Марджана посмотрела на ребенка, дремлющего у нее на руках.

— Этим утром я убила христианина, — сказала она.

Сайида застыла. Она не думала ни о Хасане, ни даже о Маймуне. Ее взгляд был устремлен на Марджану.

— Это было так просто, — произнесла Марджана. — Один удар, прямо в сердце. Его жена даже не проснулась. Это был добрый клинок, выкованный твоим отцом.

— Я надеюсь, ты скажешь это ему.

Марджана снова стала укачивать Хасана. Она выглядела скорее юной девушкой, нежели женщиной. Но затем она подняла голову, и лицо ее не было человеческим.

Сайида вздрогнула. Временами было трудно помнить, кем была Марджана. Не женщиной. Даже не человеком. Она очень хорошо изображала человека; но порою эта маска внезапно слетала, уничтоженная одним словом, жестом или вспышкой света в этих огромных кошачьих глазах. "Ифрита, — произнесла Сайида почти вслух. — Дух огня."

За движениями Марджаны трудно было уследить, она

двигалась быстрее, нежели любой смертный. Она очень осторожно положила Хасана на руки его матери, и застыла так неподвижно, как не смог бы никто из людей. Она села на пятки, словно служанка, но она не более чем играла роль прислуги. Так же, как играла роль женщины.

— В убийство я не играю, — сказала она.

Сайида не выдержала:

— Я не хочу, чтобы ты это делала! — Она тут же прикусила язык.

— Знаешь, — произнесла Марджана, — я никому больше не могу сказать то, что говорю тебе. Никому за всю свою жизнь. Никто больше и не знает, что я такое на самом деле. Почему это, как ты думаешь? Может быть, я впадаю в старческое слабоумие?

— Ты же не старая.

— Я не выгляжу старой. — Марджана уткнулась лицом в ладони, словно пытаясь найти приметы возраста, следы лет, не коснувшихся ее. Сайида не знала, сколько Марджане лет. Но эту заказчицу отец Сайиды получил в наследство, так же, как свое древнее и славное имя, как ремесло, прославившее это имя, как дом, где он родился. Ее клинки всегда выходили из одной кузни. Ее имя и обличье менялись с каждым появлением, но кузнецы всегда знали правду о ней. Сайида была уверена, что никто из них ни минуты не думал о ней, как о женщине. Она была демоном в женском облике, служанкой Ангела Смерти, Рабыней Аламута.

— Теперь — Масиафа, — сказала Марджана. — Аламут уже не тот, каким был. — Она засмеялась тихим горьким смехом. — Когда мой мнимый повелитель объявил о воскресении Погибшего Имама — в лице своей недостойной и крайне неуравновешенной персоны — и провозгласил Золотой Век, я покинула его. В его новом мире не было места для Рабыни Аламута. Но ловкач Синан выкроил себе королевство в Сирии. Он мог найти хорошее применение бессмертной убийце, которую нельзя увидеть, которую нельзя поймать, на счету которой несметное количество душ, во имя Веры отправленных ею к Иблису. — Она отняла ладони от лица. — Странно. На них не видно крови. Может быть, именно поэтому ты позволяешь мне касаться твоего сына?

— Ты не причинишь ему вреда.

Марджана выхватила Хасана из рук матери. Сайида не успела даже крепче обнять его, прежде чем поняла, что ее руки пусты. От рывка Хасан проснулся, недовольно сморщил лицо, но увидел Марджану и радостно взвизгнул. Она зарылась лицом в его пеленки.

Когда она подняла голову, ее щеки были лишь чуть-чуть

влажными. Она выглядела скорее сердитой. Хасан нахмурился и шлепнул ее по подбородку, до которого едва смог дотянуться. Марджана пристально посмотрела на него. Он отважился улыбнуться. Она до крови закусила губы.

— Я обожаю детей, — обратилась она к нему, — я воздвигла замки из их костей. Мой повелитель назвал меня самым смертоносным оружием в мире. Он приказывает мне моим именем и Именем Аллаха, и Соломоновой Печатью, и клятвой, которую я дала, когда была молодой и безумной. Но если я не повинуюсь, он не осмелится покарать меня. Он полагает, что желает меня. Он и не подозревает, как сильно боится меня. Он тот, кого боятся все люди: мудрый Синан, Шейх аль-Джабал, Горный Старец. А ты, о невинность, считаешь меня очаровательной.

— Ты очаровательна, — ответила Сайида.

Марджана издала ужасное рычание. Хасан фыркнул от удовольствия, схватил ее за волосы и немедленно потащил кончик косы себе в рот. Марджана и не пыталась помешать ему.

— Я могла бы причинить ему вред, — сказала она. — И не сомневайся. Но сделала бы я это или нет… на этом власть Синана надо мной кончается. Он понимает это. Он приказал мне убить человека, о котором ты, возможно, слышала. Этот человек называет себя Салах аль-Дин.

— Саладин? — Сайида гордилась, что знает франкское произношение этого имени. — Он теперь наш султан. Когда-то отец сделал для него меч, еще когда тот был просто курдом Юсуфом, сыном Айюба. Ты ведь еще не убила его, правда? Он ведет войну где-то недалеко отсюда. Отец, Маймун и остальные постоянно работают, изготовляя оружие для эмиров.

— Воистину, он может завоевать все вокруг, — ответила Марджана. — Может стать султаном Египта и Сирии. Я не убила его. И не убью. Я покончила с убийствами.

— И все же ты убила христианина.

Лицо Марджаны омрачилось.

— Я дала клятву. Моя глупость и безрассудство Синана. Отныне и впредь он не сможет приказывать мне. В конце концов, — сказала она, — тот человек не был мусульманином. И даже солнцепоклонником.

— Я — солнцепоклонница, — сказала Сайида.

— Ты женщина, и потому обделена и верой, и разумом. — Легкомыслие слов Марджаны было подобно игре клинка в битве. — Я же менее, чем женщина: я ифрита, из тех детей Иблиса, кто принял Истинную Веру. Три рода сущих стоят превыше меня: мужчины, женщины, и мужи моего племени. Я

рабыня рабов рабов Аллаха. Или так говорится, — продолжала Марджана. — Я знаю, что подобных мне больше нет в мире. Афариты избегают встреч со мною. Я сильнее и быстрее любого из людей; я владею магией, превосходящей понимание людей. Я начинаю полагать, что я не являюсь ничьей рабыней. Кроме, разумеется, Аллаха.

— Бог велик, — промолвила Сайида, склонив голову в знак почтения к святому Имени. — Если ты так устала убивать, то почему ты продолжаешь этим заниматься? Покинь Масиаф. Оставь ассасинам ножи и запугивания. Ты выполняла их приказы несчетные годы. Разве этого недостаточно?

— Быть может, — ответила Марджана. — Быть может, нет. Предположим, я позабуду свою клятву; предположим, я сбегу. И куда мне идти?

— Куда угодно. Перед тобой целый мир, и ты можешь быть свободна. И даже ужасные ассасины не найдут тебя — тебя, которая была самой ужасной из них. почему бы тебе не остаться здесь? — спросила Сайида. — Отец не скажет ничего. Маймун будет думать, что у нас гостит родственница. Хасан будет счастлив. А я, — сказала она, — смогу получить хоть немного покоя в то время, когда у него режутся зубки.

Марджана улыбнулась и покачала головой:

— Тигрица не может скрываться среди газелей, как бы она ни любила их. А что касается того, чтобы оставить Синана… это будет очень долго. Или недостаточно долго. Я отнюдь не покорный кинжал в его руке; я не заберу больше ни единой мусульманской души. Но существует достаточно франков, от которых нужно очистить мир. В особенности одна семейка, к которой я уже приступила. Отступники, дети той, что предала Веру. Они насмеялись над нашей Миссией. Я должна увидеть, как они заплатят за это.

— Я не уверена, что мне нравятся твои слова.

Марджана вновь посадила Хасана на колени Сайиды и нежно поцеловала ее в лоб, подарив ей долгий безмолвный взгляд.

— Честность, — сказала ифрита. — Вот что это такое. Смогу ли вновь переступить твой порог?

— Ты уходишь?

Марджана кивнула.

— Возвращайся поскорее, — попросила Сайида. — И когда ты пресытишься кровью христиан, помни, что есть место, куда ты можешь вернуться. Если тебе это понадобится. Мы… я всегда думала, что у меня могла бы быть еще одна сестра.

— Хороша сестра! — хмыкнула Марджана. — Я вернусь. Даю тебе слово.

— Иди с Богом, — сказала Сайида. Но как всегда, Марджана уже не услышала напутствия, ибо была не здесь. Она исчезла, словно пламя свечи. Так же быстро, так же бесшумно, и так же бесследно.

3

В Аква Белла было две башни. Одна, более новая и куда более массивная, была выстроена в простом стиле — квадратная и основательная. С ее стен был виден Иерусалим. Вторая башня была более старой и стройной, как минарет. Она защищала угол стены, и помимо этого не служила никакой иной цели. На ее нижнем уровне было стойло для вола, крутившего масличный пресс, а теперь и для одной-двух лошадей, на которых прибыли те, кто желал присутствовать на похоронах Герейнта. Верхние этажи были предоставлены в полное распоряжение сквозняку и паукам. Детям замка запрещено было туда лазить, поскольку лестница была ненадежна.

Они, конечно, находили пути, невзирая на все замки и преграды. Но пауки и пыль вскоре надоедали им, а ступени были просто крошащимися камнями, и лазить по ним было довольно легко, если быть осторожными. В башне когда-то обитали совы, они летали и ухали, наводя восхитительный страх, но последняя из них улетела давным-давно и больше не возвращалась. Дети нашли себе другие развлечения и оставили древнюю башню в покое.

Тибо нужно было побыть одному. Он изо всех сил старался быть мужчиной, дабы не порочить память Герейнта, но день и ночь этих стараний измучили его. Замок был полон людей, прибывших выразить свои сочувствия и, вне сомнения, поглазеть на новоиспеченную богатую вдову. Их голоса резали слух Тибо, их сочувственные взгляды вызывали у него желание наброситься на них с кулаками. Знали ли они о том, что такое горе? Что они вообще знали, кроме жадности, лжи и вульгарного любопытства?

До него доносились их слова, когда они думали, что он не слышит:

— Все сложилось очень удачно для этого юнца. Ему не понравилось бы делиться наследством с потомством своего отчима, какие бы теплые к нему он ни изображал.

Вспомнив это, Тибо остановился посреди темной опасной лестницы и ударил кулаком по стене. Лучше ему от этого не стало. Он всхлипывал без слез. Его отец умер, когда он был слишком мал, чтобы помнить его. Герейнт был скорее старшим братом, нежели отцом: сперва в Иерусалиме, где юный рыцарь, приехавший с Запада, находил время, чтобы отвечать маленькому *пуллани* на множество вопросов, и позже в Аква Белла, когда рыцарь стал мужем леди Маргарет. Люди всегда рассуждали так, словно Тибо не хотел видеть свою мать счастливой. Словно бы он

мог чувствовать к Герейнту что-то еще, кромке любви. К Герейнту, который, казалось, всегда смеялся или пел, который относился к детям супруги, как к своим собственным, который даже в гневе был сдержан и справедлив.

В горле Тибо теснились рыдания. Он прошел последние несколько пролетов, пытаясь ни о чем не думать

Наверху кто-то был.

Какой-то момент сознание Тибо действительно было пусто. Потом его заполонил гнев. Это было его место. Ни один мужчина в мире не имел права быть здесь, и только одна женщина могла бы прийти… Но она была в Акре, замужем за бароном, и быть может еще даже не знала, что Герейнт умер.

Затем Тибо разглядел незваного пришельца, и гнев его угас. Казалось, тот и не заметил появления Тибо. Он опирался на парапет, прижавшись щекой к камню, и глаза его были устремлены не на запад, к Иерусалиму, как мог предположить Тибо, а на север. Солнце палило его, но не могло обжечь эту невероятно белую кожу. На таком солнцепеке другой бы уже обгорел до красноты. Он же выглядел столь же несокрушимым, как мрамор, и столь же неподвижным.

Сердце Тибо билось учащенно. Здесь, на излюбленном месте Тибо, сидел герой легенд. И выглядел он не намного старше Тибо. Но зато намного выше. Доля франкской крови в Тибо никак не проявлялась внешне, и выглядел он как настоящий юный сарацин.

Для Герейнта это не имело значения. "Ты не победишь в схватке за счет веса или длины рук, — говаривал он во время обучения бою, — но у тебя есть ловкость, быстрота и хорошая посадка на лошади. Ты возьмешь свое."

Принц был схож с Герейнтом, как мраморная статуя схожа с человеком. Такой же высокий рост. Такой же ястребиный нос. Те же самые черные волосы, густые и волнистые. Даже такой же длинный заостренный подбородок. Но Герейнт был некрасив, а красота принца была такова, что замирало сердце.

Когда он был среди людей, он не казался таким чужим. Он притворялся человеком. Возможно, он наводил чары, видимость человеческой внешности. Здесь, в одиночестве, он был самим собой, и не был человеком.

Затем он пошевелился, черты его затуманились. Резкость их сгладилась. Нечеловеческая красота стала вполне обычной. Сияние, пребывавшее на нем, стало просто солнечным светом, по-прежнему бессильным опалить бледную кожу.

Тибо вытянулся в струнку, протискиваясь через узкий проход. Айдан сидел на его всегдашнем месте, оставив Тибо место

Джоанны в амбразуре, выходящей на восточную дорогу. Он сел на каменный подоконник. По дороге ехали всадники. "Еще одни стервятники торопятся на пиршество", — подумал мальчик.

— Тамплиеры, — сказал Айдан, — и с ними госпитальер. Ну разве не чудо?

Ответить столь же небрежным, почти ленивым тоном не составило труда для Тибо:

— Это необычно. Воинствующие Ордена на этой неделе должны бы вести переговоры.

— Они прибыли почтить нашего родича.

Тибо был почти потрясен. *Нашего*. Он так сказал! Но нет, это скорее всего просто оборот речи. Ведь он же принц королевской крови!

Айдан смотрел на всадников. Тибо впервые стоял так близко к нему. Достаточно близко, чтобы рассмотреть вены, просвечивающие синевой сквозь опалово-белую кожу; достаточно близко, чтобы увидеть, как сузились от солнца его зрачки. Не так, как у людей.

Тибо даже не испугался. Он и Джоанна были взращены на сказках о чудесах. Это было реальностью, вот и все.

Наваждение слегка отступило. На плечо Тибо легла крепкая теплая ладонь.

— Да, — сказал Айдан, — я из плоти и крови. А ты ожидал узреть живой огонь?

Тибо не любил, когда над ним смеялись.

— Я ожидал увидеть особу высокого звания и достоинства.

Айдан рассмеялся:

— Достоинство? Титул? У меня? О нет! Титул принадлежит моему брату-королю. Достоинство — синоду епископов, каждый из которых пыжится перед другими, как только может. Я же с колыбели был непоседой.

— Вы хотите… — Тибо не сразу решился высказать то, о чем подумал. — Вы хотите казаться… необычным. Но… менее необычным, чем вы есть на самом деле. Каким-то образом это так.

Серые глаза округлились от удивления, как у обычного человека. Но за этим выражением пряталась невозмутимость.

— О, быть легендой! Поверь, юноша, я отнюдь не бесплотный дух. Даже если всего наполовину человек.

Тибо покачал головой. Он не знал, откуда приходят ему на язык слова, но промолчать уже не мог:

— Вам приходится скрывать и прятать свою необычность, чтобы уберечься от опасностей. Но вы скрываете и это, вы одеваетесь в золото и алое, вы совершаете поступки, выходящие за рамки, и все боятся вас, но этот страх нужен. Он не дает им

думать и догадываться. Догадываться о том, кто же вы такой на самом деле.

— Поведай же, о мудрец, кто я такой?

И снова насмешка. Вечная беда Тибо — слишком мал для своих лет, и голос еще ломается, и щеки все еще гладкие, как у девчонки. Он покосился на принца, но ответил довольно холодно:

— Я полагаю, что вы, должно быть, ифрит. Не из джиннов, нет, те — духи земли, а вы состоите из воздуха и огня.

— Сотрясение воздуха, — сказал Айдан, прислоняясь спиной к парапету и усмехаясь. — Я скажу тебе, кто я такой. Я сын короля и брат короля королевства на западе мира. Родись я на полчаса раньше, и я был бы королем. Каждое утро на рассвете я благодарю Бога за то, что этого не случилось. Мой отец был из славного старинного рода смертных владык, восходящего к самому Амброзию. Моя мать была… тем, кем она была. Она воспитала моего брата королем. Она вырастила меня тем, кем я хотел стать. Нам обоим было предназначено жить в мире нашего отца. Она говорила, что выбора у нас нет. Несмотря на то, что мы знали, что мы бессмертны, как она, а наша сестра смертна, как наш отец.

В словах его не было горечи, гнева или страха. Он рассказывал старую историю, и скорбь уже минула.

— Вы не спрашивали ее, почему? — вопросил Тибо.

— Она не ответила бы нам. Она была очень старой, хотя выглядела, как молодая девушка. Она была одинока несчетные годы. Я думаю, что она была слегка безумна. Она полюбила нашего отца, не считаясь с доводами разума. Полюбила так, что отказалась стать его женой, зачала и родила нас вдали от него, от его народа и его Церкви, которая ненавидит наше племя. Но когда всем стало ясно, что у него, коронованного короля, нет ни жены, ни наследников, ни даже незаконных детей, ее самоотречение исчерпало себя. Она пришла к его двору и принесла с собой нас, двоих годовалых младенцев, две его копии. "Они принадлежат тебе, — сказала она, — как и я. Если ты захочешь принять нас."

— И он сказал, что примет, — подхватил Тибо, захваченный рассказом.

— Был огромный скандал, — ответил Айдан. — Но это была очень романтическая история, а наша мать была необычайно красива, и она дала ему обещание родить дочь с человеческими глазами. И, к полному разочарованию священников, ее нельзя было изгнать ни святыми реликвиями, ни холодным железом. Она не позволила им окрестить себя, но спокойно дала погрузить нас в купель, и не произошло ничего худшего, нежели погружение в

холодную воду в марте после долгой зимы. Даже когда они отослали нас учиться в монастырь, она не протестовала. "Сыновья короля должны научится всему, чему только могут", — сказала она. Мой брат последовал этому. Я был менее послушен.

— В чем? В отправке в монастырь или в обучении?

— В отправке в монастырь, — откликнулся Айдан после недолгого молчания. — Учиться было интересно, если только меня не принимались поучать. Но эти стены, среди которых я был как в темнице… я думал, что сойду с ума.

Чело Айдана омрачилось от воспоминаний. Он попытался рассеять эту тучу.

— Так что видишь, я вовсе не легенда. Я просто очень странный.

— Чудесно, сказал Тибо. Он не осмеливался дотронуться до принца, но смотрел на него искренним взглядом, сложив руки на коленях. — Вы прибыли сюда один. Вы потеряли своих слуг?

— У меня их не было.

Тибо всем своим видом выразил недоверие.

Айдан посмотрел на него и пожал плечами.

— Ну хорошо, когда я выехал из дому, со мною было несколько. Некоторых я отослал назад. Некоторых я отпустил. Я хотел посмотреть эту страну просто так, без толкущейся около меня кучи бездельников.

— Но теперь вы здесь, — сказал Тибо, — и вам не подобает обходиться без слуг. Вы принц. У вас должна быть свита.

Глаза принца сузились.

— Должна? А кто ты такой, чтобы требовать этого от меня?

— Этого требует ваше положение, — сказал Тибо дрогнувшим голосом, — и то достоинство, которого вы не желаете признавать. Вы не можете вести себя, как мелкопоместный рыцарь только что из франкского хлева. Вы должны блюсти честь имени.

На какой-то момент Тибо показалось, что он сейчас будет испепелен на месте. Но во взгляде Айдана мелькнула улыбка.

— Тело Господне! Какой священник вышел бы из тебя!

— Я не могу стать священником, — ответил Тибо. — Я наследник Аква Белла.

В его словах не было сожаления, но не было и страха перед судьбой священника. Тибо когда-то думал, что не прочь бы стать тамплиером, разъезжать на рыцарском коне, носить на груди багряный крест и ловить на себе взгляды, полные священного трепета. Но он был франком на три четверти, и на одну четверть — сарацином, и этой четверти было достаточно, чтобы воспрепятствовать его мечтам. Теперь он уже не печалился об

этом. Он не стремился спать в каменных сараях вместе с сотнями других людей, никогда не мыться и отрастить бороду до колен. Тем более, что борода у него пока расти не собиралась.

Айдан, как и Герейнт, казалось, от природы знал, для чего необходимы купания. И его не беспокоило, что мать Тибо была наполовину сарацинкой. Его собственная мать была чистокровной ифритой, или как там это называлось в их стране…

— Я хочу быть вашим оруженосцем, — сказал Тибо.

Айдан поднял брови.

— Мне уже достаточно лет, — продолжал Тибо, — и я учился владеть оружием. Я был оруженосцем Герейнта до того, как… — Он умолк и сглотнул комок в горле. — Я должен быть чьим-то оруженосцем, это же понятно! Это нужно мне. И поскольку вы принц, и без свиты, и к тому же лучший рыцарь в мире…

— Нет, — сказал Айдан.

Тибо не услышал этого. Не захотел услышать.

— Я вам нужен. Ваше звание требует, чтобы у вас был оруженосец. А *мне* нужны *вы*. Как же я смогу стать рыцарем, с таким-то лицом и сложением, если вы не будете учить меня?

— Ты же как-то обходился до моего приезда.

— Это было раньше. Теперь я не смогу удовлетвориться малым.

— А тебе никогда не приходило в голову, что это дерзость?

Тибо покраснел, но едва-едва.

— Это правда. — И добавил, помолчав. — Мой господин.

Айдан улыбнулся, удерживаясь от более сильного проявления чувств. Он положил руки на плечи Тибо и посмотрел ему в глаза. Тибо застыл, зачарованный этим взглядом. Айдан встряхнул его с едва ли тысячной долей своей истинной силы, но этого было достаточно, чтобы у Тибо хрустнули суставы.

— Выслушай меня, Тибо. Выслушай внимательно. Ты сделал мне честь, предложив свою службу. Я был бы счастлив принять ее. Но я не могу.

— Почему?

Айдан резко выдохнул. Он словно бы забавлялся и сердился одновременно. Но вместе с этим он был мрачен, и эта мрачность крайне подавляла Тибо.

— Потому что, Тибо. Вчера я дал клятву, и эта клятва связывает меня. Я не могу — не смею — вовлекать кого-либо в это дело.

— Он помедлил, словно бы ожидая от Тибо вопроса. Но Тибо молчал.

— Я поклялся отомстить за смерть Герейнта. Я поклялся отомстить за это самому Повелителю Ассасинов, и не

останавливаться ни перед чем, пока я это не сделаю.

Его пальцы сжали плечи Тибо. Тибо даже задохнулся от боли, но выдержал эту хватку, не вскрикнув.

— Теперь ты понимаешь? — спросил Айдан. — Ты понимаешь, почему я должен быть один?

— Нет, — ответил Тибо.

Айдан отпустил его так неожиданно, что он ударился о парапет. Тибо выпрямился, стараясь скрыть дрожь. Голос его напоминал писк, колеблясь между альтом и высоким тенором:

— Он не был мне родичем по крови, но он был мне родным. Он был единственным отцом, которого я когда-либо знал. Это мое право — взыскать плату за его кровь.

Айдан смотрел на него. Тибо знал, что он видит.

Потом выражение лица принца изменилось.

— Ты будешь мужчиной, — промолвил он как бы про себя. Но потом сказал: — Нет, Тибо. У меня есть защита от ассасинов. А у тебя нет. Они убьют тебя. Поверь мне, Тибо. Они это сделают.

— Это может случиться, даже если я останусь здесь. Мать не говорила мне, но я знаю. Я уже отмечен. В следующий раз они придут за мной. В конце концов, рядом с тобой я смогу хоть на что-то надеяться. Или защищаться. Или отомстить за Герейнта.

— Ты должен стать схоластом, — сказал Айдан. — Ты приводишь доводы, как ученый. — Он неожиданно встал. — Твоя мать будет под моей защитой.

И под защитой Тибо. Но Тибо был слишком счастлив, чтобы тревожиться. Он достиг того, о чем мечтал с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы понимать рассказы Герейнта.

Он больше не хотел одиночества. Он улыбнулся в ответ на хмурый взгляд принца и преклонил колени на нагретых солнцем камнях заброшенной башни. Он положил ладони на колени Айдана и произнес слова, сделавшие его вассалом принца Каэр Гвента. Принц Каэр Гвента принял клятву. Он сделал это хмуро, без удовольствия, но сделал. И сказал Тибо:

— Это все падет на твою голову.

К своему удовлетворению, Тибо увидел, что это правда. Айдан выглядел иным наедине с собой или с людьми, которые знали, кто он такой. В зале, среди чужаков, он тоже выглядел заметной фигурой, но заметной по-человечески: высокий молодой мужчина с чеканно-красивым лицом. Даже бледность его слегка потускнела, хотя по-прежнему не могла не удивлять в краю, где каждый человек моментально загорал до красного или черного цвета.

— Он белолиц, как девушка, — произнес кто-то неподалеку от Тибо.

— Видит Бог, мало кто сравнится с ним в бою, — ответил другой.

— Что, ты видел, как он сражается?

— Видел? Да он сбил меня с лошади так, что я полетел через круп. — Мужчина произнес это так, словно ему не было стыдно признаваться в поражении. — Ах да, я и забыл — тебя же не было при дворе. У нас в Акре неделю назад состоялся небольшой турнир. Ничего особо значительного, просто вышла кучка зачинщиков, да было заключено несколько пари. На корабле из Венеции прибыла обычная группа новичков, как всегда нахальных и смердящих на всю округу. Но этот был свеж, как юная дева, и кто-то, как и ты, обратил на это внимание, другой подхватил, и так или иначе, мы все настроились потрепать его чудные кудри. Мы пожалели его невинность и выставили против него самых слабых из нас. И ты можешь представить, что из этого вышло.

Собеседник, по-видимому, представить не мог. Он следил глазами за стройной фигурой в черном, склонившейся поцеловать руку леди и казавшейся совсем маленькой рядом с высоким белокурым спутником той.

— Результат был неожидан, — продолжал рыцарь из Акры, — но неоспорим. Именно так. Это могла быть просто случайность. Он сдерживал себя, мы поняли это достаточно быстро. И он продолжал сохранять выдержку. Я думал, что одержу победу, пока не обнаружил, что лежу на спине, уставившись в небо. Затем он вышел из себя. Я не знаю точно, отчего это произошло: я все еще подсчитывал, все ли кости у меня на месте. Я думаю, кто-то обвинил его, что он насмехается над нами, и подначил его показать все, на что он способен. И вот под конец мы все хромали и стонали, и были все в поту от жары, а он оставался таким же свежим, как цветок в саду. Он дважды менял лошадей, приняв во внимание, что здешние более выносливы к климату, чем та, которую он привез с собой с запада. Это были хорошие лошади, сильные и чистых кровей: мы были дураками, но дураками честными. Я помню, он скакал на сером коне Риквира, на котором сам Риквир ездил, боясь отпустить удила на лишнюю пядь. А этот парень гарцевал, бросив поводья на шею зверюги и управляя им при помощи одних колен. Он объезжал арену с копьем, упертым в подставку, и хотя на нем был шлем, мы знали, что он присматривается к нам. А затем направил копье на того, кто надел доспехи за компанию с нами, но не собирался сражаться, поскольку никто не осмеливался вызвать его.

— Это, конечно, был Балиан, — ответил собеседник.

— Балиан, — подтвердил рыцарь. — Конечно. Мы все не прочь послушать трубадуров. И этот парень с Запада, несомненно,

тоже. Балиан находится в расцвете сил, Балиан закаленный боец, Балиан неизменный победитель турниров в Заморских Землях. "И поэтому, — сказал этот приезжий с Запада, — я буду биться с ним." Он имел в виду именно это. Сперва на копьях, потом, если никто не победит, то на мечах, до тех пор, пока один из них не сдастся или будет не в состоянии продолжать схватку. Балиан согласился неохотно. Он вообще-то довольно мягок, когда не доходит дело до копий. Но вызов есть вызов, и Балиан понимал, что юноша жаждет отстоять честь. И он готов был дать ему эту возможность даже вместе с поражением. Ну, ты знаешь, как это обычно бывает на турнирах. Рыцари занимают места в своих концах ристалища. Боевые кони грызут удила, фыркают и роют землю копытами. Их дыхание слышно даже на трибунах. Затем распорядитель поднимает руку. Копья опускаются. Щиты поднимаются. Лошади начинают разбег. Сначала медленно, как во сне, затем так быстро, что трудно уследить. Еще до того, как скрестились копья, мы знали, что мы увидим. Видит Бог, с нашими рыцарями из Заморских Земель не сравнится никто в мире. И нам часто приходится доказывать это — с каждым кораблем, приплывающим с Запада, и с каждым нахалом, которому солнце напекло голову и который вообразил себя непобедимым. Этот был достаточно нахален, но биться на поединке он мог. Он сломал свое копье о щит Балиана, а Балиан сломал свое о щит приезжего, но ни один даже не покачнулся в седле. Они оба выдержали испытание, мы видели это. Никто из них не произнес ни слова, которое мы могли бы услышать, но оба остановились в один и тот же миг, спешились и извлекли из ножен мечи. Что ж, Балиан не выиграл в конной сшибке, но мечом он владел, как никто, и именно мечом он завоевал титул победителя и удерживал этот титул так долго. Его руки словно сделаны из железа, дыхание несокрушимо, а глаз наметан, как у каирского карманника. Люди клянутся, что он предвидит удар еще до того, как противник задумает нанести его. Но здесь он встретил равного себе. Довольно скоро оба лишились шлемов. Они усмехались, словно мальчишки над шуточкой, но выкладывались полностью. По крайней мере, Балиан. Его противник по-прежнему — по-прежнему! — сохранял самообладание. Когда Балиан увидел это, его улыбка превратилась в оскал, и он нанес удар с в полную силу. Так, словно намеревался попросту убить противника. Противник видел это, и его улыбка ничуть не изменилась, но я видел, как сверкнули его глаза. Он отразил этот удар и выбил меч из рук Балиана, и приставил острие своего меча к горлу Балиана, мягким, как материнский поцелуй, касанием. "Со временем вы

станете грозным бойцом", — сказал он.

Повисло молчание, нарушаемое лишь хриплым дыханием. Затем послышалось:

— Во имя Креста Господня! И Балиан не убил его за это?

— Балиан? Балиан проклял его на трех языках, а потом спросил его, не желает ли он взять его в обучение.

Тибо улыбнулся про себя. Рассказ заинтересовал публику, и все присутствующие пытались не таращить глаза на его героя. Тибо заметил, что ни у кого не возникло и мысли, что молодой нахал не был так молод, как казался. Райана была маленьким королевством и находилась слишком далеко, ее воинство почти не участвовало в войнах на Западе и совсем не воевало на Востоке. Никто здесь не знал, кем был ее король. И его брат…

Люди верят в то, во что хотят верить. В этом была мудрость Герейнта и залог его безопасности. Его происхождение не обсуждалось там, где о нем могли услышать чужие. Порою Герейнт говорил о грядущем приезде своего дяди с опаской, хотя и посмеиваясь над собой. "Он старше, чем я, и мудрее, и долго учился выглядеть если и не обыкновенным, то по крайней мере человеком. Но все же… он тот, кто он есть. Он никогда не лжет об этом. Если кто-либо спросит его напрямик…"

До сих пор никто не спросил. И Тибо намеревался сохранять такое положение и дальше. И хотя это означало оказаться в пределах видимости матери, Тибо пристроился рядом с Айданом, вооружившись вежливой сдержанностью и бдительностью, приличествующей оруженосцу.

Герейнта опустили в могилу под часовней Аква Белла, и хотя отходную по нему мог бы прочесть сам епископ, но супруга покойного предпочла обойтись молитвами скромного замкового капеллана. Старый и почти слепой, он тем не менее сохранил прекрасный голос, и еще не совсем лишился разума, хотя один раз все-таки забылся и назвал Герейнта именем отца Маргарет.

Все происходило так, как этого пожелал бы Герейнт.

— Это была благословенная кончина, — сказала Маргарет, когда церемония была окончена. — Он умер без боли, в расцвете жизненных сил. Ему не о чем горевать.

В зале и в покоях было полно людей, которые хотели бы думать, что их присутствие утешит ее. Но здесь, в прохладном полумраке часовни, они позволили ей на некоторое время побыть одной. Тибо не хотел бы быть здесь, но ему больше некуда было пойти. Ему казалось, что сквозь пыль, ладан и древний камень он обоняет запах смерти. Глупости. В могиле его деда, под изображением покойного, теперь лежали только старые кости, высохшие и лишенные плоти. Тело Герейнта было плотно

замуровано в нише, предназначавшейся для Маргарет, набальзамировано и скрыто за слоями свинца и штукатурки, под тяжелой плитой, которую с трудом поднимали четыре сильных человека. Позднее здесь будет установлено его изображение, в полом доспехе, с эмблемой Крестового Похода на груди.

Айдан преклонил колени возле ниши. Если он и молился, это была молитва воина, полная яростной силы. Так мог бы выглядеть святой, собравшийся вступить в схватку с самой смертью.

Тибо задрожал. Это, он уже знал, превосходило силу Айдана.

Маргарет медленно пошла через часовню. Длинная тень, отбрасываемая ею в свете лампы, легла на могилу ее отца. Она остановилась у могилы Герейнта и положила ладони на плиту. Ее бил озноб. Тибо смотрел на нее с чувством, напоминающим ужас. Маргарет была самым сильным человеком в мире. Маргарет никогда не теряла ни выдержки, ни самообладания, ни разума. Маргарет никогда не плакала.

Это было так, словно сам замок вдруг начал рушиться. Тибо застыл, потрясенный и беспомощный. Айдан, словно и не был поглощен молитвой, поднялся и коснулся ее плеча. И она не отшатнулась. Она приникла к нему, словно в поисках спасения. Он склонился над ней, укачивая, успокаивая ее, словно ребенка, не говоря ничего. Его лицо было мертвенно-неподвижным. Щеки его были влажными.

Тибо не знал, что будет делать, до того, как сделал это. Он подошел и прижался к ним. Здесь было его место, здесь с ним делились теплом и силой. Они обнялись на краю смертельного холода. С этого началось его исцеление.

Для Айдана не существовало исцеления, пока убийца Герейнта был жив и оставался безнаказанным. Айдан работал, ел, говорил, даже смеялся, но ни память, ни скорбь не оставляли его. "Всего на час, — плакала его душа. — Всего на час раньше…"

Но под этим крылась бесконечно более мрачная, бесконечно более ужасная мысль: "Я ничего не знал. Я, при всей своей силе, при всей своей гордости, при всей моей уверенности в том, что весь мир принадлежит мне и я могу делать все, что захочу, — я был слеп, как любой смертный червь."

Герейнт умер, а у Айдана не возникло ни малейшего предчувствия. Он был полон счастья, предвидя конец дороги, зная, как Герейнт встретит его: будет пытаться выглядеть мужчиной, помня о своем титуле, но в конце концов плюнет на все это и будет вопить от радости, как мальчишка. Он умер до того, как смог осознать это, он ушел туда, куда уходят смертные, туда, куда Айдан не сможет уйти никогда.

Принц обедал за господским столом в главном зале замка Аква Белла, ел мало, молча и спокойно. Но под маской спокойствия крылись рыдания и ярость.

Ассасины не оставили ни единого следа, осязаемой памяти своего прихода. Хлебец исчез, был выброшен в страхе. Герейнт лежал в могиле.

Но Айдан знал, куда отправляться на охоту. Убийца был послан из Масиафа; и в Масиаф убийца непременно должен был вернуться.

Айдан больше не притворялся, что ест. Его племени не нужно было много еды для поддержания жизни, и даже это количество было больше того, чем он мог бы съесть сейчас. Гости безмолвствовали, как и подобало на похоронах, но выглядели они весьма голодными и жаждущими вкусить вина, привезенного из Вифлеема. За верхним концом стола леди Маргарет ела и пила весьма умеренно и спокойно. Тибо, достаточно юный, чтобы найти утешение в слезах и дружеской поддержке, ел так, словно у него несколько дней во рту не было ни крошки. Возможно, так оно и было. Он изредка поглядывал в сторону Айдана, и прикосновение его сознания было подобно ладони на плече принца.

Так же он чувствовал себе с Герейнтом. Это было не обожание, ничего столь глупого. Это было родство, более глубокое, нежели кровное.

Это был дар. Айдан не желал этого дара; это не в силах было заполнить образовавшуюся пустоту. Но он не мог отвергнуть его, как отстранился от Герейнта.

Воздух был спертым. Так много человеческих тел, так много человеческих мыслей, давящих на него. Он поднялся, слегка неуклюже, пробормотав что-то. Леди Маргарет склонила голову. Ее глаза были устремлены куда-то поверх голов. Она терпела эти церемонии, потому что должна была делать это. Должен был и он, если хотел соблюсти приличия, но это уже было сверх его сил. Он низко поклонился и вышел.

Айдан мог бы укрыться в отведенной ему комнате, но для него там было слишком душно. Он вышел во внутренний двор и принялся расхаживать там, не особо заботясь о том, как это выглядит и кто может увидеть это. От того, чтобы начать бросаться на стены, его отделял только тоненький слой здравого рассудка.

Те, кто наблюдал за ним, не задержались надолго. Возможно, они испугались его. Но один из них остался стоять в тени, настолько же недвижный, насколько беспокоен был Айдан, и постепенно эта неподвижность передалась и принцу. Он решил,

что оставшийся был монахом: бенедиктинец, закутанный в черное. Но под одеянием на нем была кольчуга, а на груди — крест, строгие прямые линии святого символа, снежно-белые на черном.

Госпитальер. Жиль, так его звали. Он не был тем, кем хотел выглядеть перед Айданом. Он был безукоризненно опрятен, тонзуру его обрамляли коротко подстриженные волосы, борода была длинной, но хорошо ухоженной. Она старила его, и возможно, именно для этого предназначалась: вряд ли он мог быть много старше тридцати.

Глаза госпитальера слегка расширились, когда Айдан остановился прямо перед ним. Чары спали, обнажая истинную сущность Айдана. Принц не собирался ни восстанавливать их, ни как-то иначе одурманивать этого человека, был ли он слугой Церкви или нет. Жилю хватало сарацинов, если ему нужно было на кого-то охотиться. Один-единственный чародей для него не был добычей.

— Итак, — сказал госпитальер без приветствий и притворства, — это правда — те истории, которые я слышал.

Айдан обнажил в усмешке зубы, более длинные и острые, чем человеческие.

— И что же это за рассказы, святой брат?

— Я полагаю, вам нет нужды задавать вопросы, мой принц, — ответил госпитальер. Он прислонился к стене и со спокойной полуулыбкой сложил руки на груди. — Эти истории гласят, что вы точная копия вашего брата-короля, что вы походи, как человек и его отражение в зеркале.

— Почему бы и нет? Мы близнецы. Это само по себе сила, как утверждают старухи.

— И вы оба — левши?

Айдан удивленно хмыкнул. Этот монах-воин начал нравиться ему.

— Да, мы оба. Как вы узнали?

Синие глаза блеснули.

— Никакого волшебства, мой господин. Я видел вас в зале. Вы должны приучиться есть правой рукой, если вы намереваетесь отправиться к неверным. Они очень нехорошо принимают людей, которые делают иначе.

— Почему?

— Согласно учению их Пророка. Оно предопределяет малейшее движение. Правая рука, гласит оно, предназначена для того, чтобы ею есть и свершать иные праведные поступки. Левая — для того, чтобы наносить удар и отдавать дьяволу причитающееся ему.

— И что же, они все сражаются левой рукой?

— О нет, — ответил госпитальер. — Война священна, так же, как молитва. Кровь неверных — их Святое Причастие.

— Что заставляет вас думать, будто я собираюсь участвовать в ритуалах неверных? Я намерен убивать их, а не обедать с ними.

Глаза госпитальера остановились на кресте, который носил Айдан: кроваво-красный на черном, символ крестоносца.

— Весьма благочестивые чувства. Из вас выйдет прекрасный тамплиер.

— А примут ли они меня?

— Бедные Рыцари Соломонова Храма примет любого, кто пылает гневом против сарацинских отродий.

Айдан отметил, что тот не сказал "любого человека".

— Вы, госпитальеры, несомненно, более разборчивы.

— Возможно, менее рьяны. Нашей заботой является не только война, но и ее последствия. Мы ухаживаем за больными и ранеными, мы делаем все, что можем, дабы принести неверным свет истинной веры.

Айдан снова принялся расхаживать по двору. Госпитальер пристроился рядом. Он был чуть меньше ростом, но ходил достаточно быстро, хотя и прихрамывая.

— Рана? — осведомился Айдан.

Тот небрежно повел плечом.

— Небольшая, но пришлась в довольно неудачное место. Я уже излечился.

— Что, было сражение?

— Здесь всегда что-то происходит. У Сирии теперь новый султан. Мы заключили с ним перемирие, но…

— Вы заключили перемирие с сарацинским султаном?

Жиль улыбнулся, почти без насмешки.

— Вы потрясены, принц? Вы думаете, это была сплошная священная война без передышки? Сами короли Иерусалима заключали богопротивные договоры со своими врагами; они, как известно, настраивали сарацинов против сарацинов, и принимали сторону сильнейшего.

Айдан действительно был потрясен такой гнусностью, хотя по сравнению с тем, что порою творилось на далеком Западе, она и могла показаться невинной.

— Ну да, короли. Короли делают то, что должны делать. Но

Церковь есть Церковь, а сарацины — неверующие.

— Они тоже люди, и они живут вокруг нас. Мы делаем то, что должны. Мы отстаиваем Гроб Господень. Мы готовы сделать все, что угодно — не впадая, конечно, в смертный грех — дабы продолжать отстаивать его и дальше.

Айдан медленно кивнул. Это он мог понять.

— А вы? — спросил госпитальер. — Вы прибыли сюда ради святости или ради сражений?

— Ради того и другого, — ответил Айдан. — И ради моего родственника, который приехал сюда раньше меня.

— Вы любили его.

Со стороны чужака такие слова были дерзостью.

— Он был моим родственником.

Наступило молчание. Айдан продолжал ходить, но уже медленнее, спокойнее.

— Масиаф примыкает к землям госпитальеров, — сказал Жиль, — а кое-кто утверждает, что он находится на этих землях.

Айдан резко остановился.

Жиль отступил на шаг, но продолжал достаточно спокойно:

— Он находится поблизости от владений нашего замка Крак. Его владыка как-то решил убедиться, что мы знаем границы наших владений.

— Зачем вы говорите мне это?

Госпитальер побледнел настолько, насколько ему позволял загар.

— Шейх аль-Джабал — не вассал нашего Ордена. Он не платит нам дани, хотя тамплиеры пытались принудить его к этому, и таким образом заслужили его враждебное отношение. Но, быть может, мы можем что-либо сделать, дабы взыскать возмещение за это убийство.

— Почему? Разве вы в ответе за это?

— Видит Бог, — сказал Жиль, — что мы тут ни при чем. Наш путь — открытое и честное сражение, против настоящего врага. А лорд Герейнт в любом случае был другом Рыцарей Госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского.

Айдан ослабил хватку воли: не было подвигом направлять ее против того, кто знал его не с самой плохой стороны. Он мог понять проявления доброй воли, даже если они преследовали целью выгоду. Он не мог улыбнуться, но кивнул, учтиво склонив голову.

— Я запомню, — сказал он.

Жиль выглядел, как человек, получивший отсрочку смертной казни. Он знал это, и улыбнулся про себя, хотя слова его были мрачны:

— Да, запомните нас. — Он помолчал. Тон его изменился. — А вы, сэр? Что вы собираетесь делать здесь, в нашей стране, вдали от моря?

Мстить за Герейнта. Айдан не произнес этих слов. Он ответил так, как ответил бы любому любопытному, хотя и более

теплым тоном: — Я прибыл сражаться с неверными. Я собирался съездить в Иерусалим, повидать там короля, и если он захочет принять меня — "*и если я захочу принять его* " — стать его вассалом. Какой господин может быть превыше, нежели властитель, восседающий на троне Давидовом?

— Достойные помыслы, — сказал госпитальер. — Вы никогда не принимали во внимание кого-либо из здешних принцев?

Айдан понял, что его испытывают. Он ответил с небрежным пожатием плеч:

— Разве что Раймона Триполийского: он высокородный лорд и весьма порядочный человек. Но он принц по титулу, а я — королевской крови. Первым делом я должен видеть короля.

— Таков и король, — со вздохом сказал Жиль. В этих словах не было иронии. — Он очень молод, едва ли не дитя, и тем не менее прекрасный воин, одаренный полководец, образованный ученый, образец изящества и учтивости. И за все это… — Голос его пресекся. — И за все это Господь взыскал с него непомерно жестокую плату. Он послал нашему господину проказу.

— Но он все-таки король, — сказал Айдан. — Никто не оспаривает его права на корону.

— Такого глупца не найдется. Он **действительно** король. Для этого титула он был предназначен с рождения. Даже когда он достиг отроческих лет, и о его болезни стало известно, он, как и должно, оставался нашим королем.

— Люди питают необычайную преданность к нему.

Жиль покачал головой и криво улыбнулся:

— Неужели мои чувства так прозрачны? Ну что ж: вы собираетесь в Иерусалим. Я полагаю, наш господин по достоинству оценит вашу службу. Он будет рад вам. Каждый рыцарь бесценен здесь, на лезвии меж христианскими землями и Обителью Ислама. Рыцарю же ваших достоинств будут рады втрое и вчетверо больше.

Айдан пожал плечами. Он не был скромен — не видел в этом никакого прока. Но у него были другие цели, о которых не подозревал этот человек. Они ясно обозначились, пока он находился здесь. Это была горькая ясность.

Их воплощение как раз направлялось к нему через залитый солнцем двор, стройный смуглый мальчик, летящий к нему, как мотылек на пламя свечи. Тибо проявлял почтение к воинам Господа, но принцу Каэр Гвента он принадлежал всем сердцем и душой.

И не в характере Айдана было отказываться от такого дара. Ценою его была боль. Он обнял мальчика за плечи и улыбнулся. Эта улыбка означала, что дар принят.

Часть II. Иерусалим

5

Ни один город не был более свят. Святостью дышали его древние камни; святость была разлита в воздухе; святость ошеломила Айдана, чьи чувства были острее, нежели у обычных людей. Рука Господа пребывала на этом месте, на этих каменных стенах и башнях у горы Сион, на этом Городе Мира.

Не имело значения, что видели глаза. Обнаженная каменистая равнина переходила в холмы Иудеи; суровые серо-коричневые скалы, пыль и тернии, неистовое пустынное солнце. Серые стены на холме, башни, и среди них, словно король среди придворных, высокая угловатая Давидова Башня, смотрящая на запад. Серо-зеленый цвет на западе — там обозначалась Гора Олив. Глубокая зелень с юга: садовые террасы, засаженные смоковницами, как сказал начальник стражи, сопровождающей леди Маргарет. Нигде не видно блеска воды, даже во рву вокруг города — лишь пустая канава, да крутизна отвесных стен. Здесь царили камень, солнце и святость.

Процессия, въезжавшая в город через Врата Давида, отличалась мрачным великолепием: леди под черно-серебряным знаменем, ее женщины в черных одеждах, ее слуги и стража, и ее сын в черном и серебряном подле рыцаря, одетого целиком в траур. Золотые с алым доспехи Айдана остались лежать в оружейной Аква Белла, в ожидании того дня, когда его клятва будет исполнена. на нем была вороненая кольчуга, сбруя его жеребца была черной без малейших украшений, не считая серебряных пряжек, шлем, лежащий у луки седла, был полностью черным. Копье было приторочено к поклаже мула, а на щите не было ни герба, ни девиза, зато был кроваво-красный крест величиной в ладонь, эмблема крестоносца. Лишь в одном отношении он уступил обычаям Востока — надев сюрко поверх кольчуги, длинное и свободное, отделанное черным, но само одеяние из плотного шелка было белого цвета, с крестом на плече.

Айдан старался привыкнуть к этому, приучиться не испытывать постыдной тяги к золоту, лазури и алому цвету. Скорбь по Герейнту требовала и больших жертв.

Он сопротивлялся побуждению почесывать подбородок, где пробивалась новоотращиваемая борода, более густая, нежели он мог предположить, росла она довольно быстро, при этом причиняя сильный зуд. Но Айдана побуждало отращивать ее отнюдь не тщеславие. Если он должен отправиться в сарацинские земли, то было бы неплохо выглядеть похожим на сарацина.

Он никому не говорил, зачем делает это. Все думали, что это дань скорби, и отчасти это было так. Стражи держали пари на то, как скоро он сменит свой алый крест на белый и станет госпитальером; или же алый крест вместо плеча украсит его грудь по обычаю тамплиеров.

Маргарет посмотрела на него и не сказала ничего. Она была достаточно мудра, чтобы не вмешиваться в его дела. Тибо по-прежнему ходил на цыпочках в ее присутствии, но она никак не отреагировала на то, что он держался подле Айдана. Пока принц оставался рядом с нею, она могла видеть и знать, что ее сын невредим.

Чего стоило ей отпускать своего мальчика, Айдан хорошо знал. Он не знал, были ли между ним и леди теплые чувства, но зато определенно было большое взаимное уважение, и осторожное принятие происходящего. Герейнт, а теперь Тибо, связывали их, создавали между ними родственные отношения.

Конь принца ступал рядом с ее серым мерином. Леди без улыбки посмотрела на Айдана, хотя воздух вокруг нее едва ли не светился.

— Он вас не разочаровал? — спросила она, кивком указывая в сторону Иерусалима.

Здесь, поблизости от ворот, дорога была полна народа, и продвижение процессии замедлилось. Другие отряды въезжали в город, верхом, вооруженные, сопровождая лордов, дам, едущих в паланкинах, купца с женой, увешанной украшениями и прячущей лицо под вуалью. Менее важные персоны ехали небольшими компаниями: бедные рыцари только что из Франции, обгоревшие на солнце, в кольчугах, не покрытых сюрко, могущими предохранить от жаркого приморского солнца; оруженосцы, которым не хватало ума или воли завоевать шпоры; предводители конных отрядов со своими людьми. Толпа пешеходов колыхалась и бурлила под копытами лошадей: пилигримы в дерюжных одеяниях, с сумками и посохами, в шляпах, увешанных эмблемами из каждого святого места христианского мира, и ныне взыскующих пальмового листа из Иерихона, самой святой реликвии из всех; работники, вдвое согнутые под своей ношей; рабы и пленники в цепях, бредущие под бдительным оком поигрывающих бичами надсмотрщиков. Калеки, паралитики и больные медленно вползали в Святой Город. Нищие просили милостыню, лаяли собаки-поводыри, прокаженные, в лохмотьях, покрытые отвратительными язвами, напоминали навозные кучи, а те, кто мог передвигаться, расчищали себе дорогу звоном колокольчиков и треском трещоток. Караваны входили в Иерусалим, караваны уходили из города, под аккомпанемент

верблюжьих воплей, криков погонщиков и лязга оружия сопровождающей их охраны.

Над воротами развевалось белое знамя, на нем сверкали золотые кресты, герб Иерусалимского Королевства. Айдан глубоко вдохнул запах солнца, пыли, человеческих тел, навоза, травы, лошадей, нагретой солнцем стали, и покачал головой.

— Разочаровал меня, леди? О нет! Это Иерусалим.

На ее лице появилась улыбка, вызывавшая удивление, ибо она вновь сделала ее молодой. Затем улыбка исчезла. Перед ними высились ворота, темные на фоне раскаленной равнины. В их тени маялись от безделья стражи, почти не обращая внимания на входящих.

Этот город не признавал осторожности. Священный горний Иерусалим принимал всех, кто входил в него. Даже таких, как Айдан; даже его силу, бывшую просто слабым огоньком по сравнению с сияющим пламенем святости. Но это не унижало Айдана. Здесь, где он был столь малым созданием, его огонь горел лишь ярче. Айдан вновь вздохнул, наполовину счастливый, наполовину исполненный священного трепета, и окунулся в этот ореол святости.

С камнем нельзя объясниться. Джоанна могла плакать, злиться, бушевать; Ранульф все равно сидел неподвижно, не замечая ее, не замечая вообще ничего, кроме того, что хотел замечать. В тех редких случаях, когда он расположен был говорить, он отвечал ей одним лишь словом. "Женщина", — говорил он, поднимаясь и оставляя ее наедине с ее бессвязными обвинениями.

Он забрал у нее ее сына. Аймери должен был получить воспитание, целиком соответствующее замыслам его отца, и потому ему было не место у материнской груди. Ранульф не видел причины, по которой она могла бы протестовать. У нее были служанки и пажи, которых она могла воспитывать, и он предполагал, что она произведет на свет нового наследника так скоро, как только это позволяет Бог. Разве это не то, для чего она была рождена? Разве это не то, для чего он взял ее в жены?

Он вернулся к своим обязанностям. Она чувствовала боль во всем теле после долгого пребывания в седле на длинном пути от Акры до Иерусалима, после тяжелой беременности, вынуждавшей ее не покидать дома, после трудных родов. Она чувствовала душевную боль от разлуки с Аймери и от тех вестей, которые получила сразу по приезде в город. Герейнт умер от рук ассасинов, умер и был похоронен: это было достаточным потрясением, чтобы лишиться чувств. Она и лишилась их, хотя осталась в сознании: она не могла даже плакать.

И здесь был Ранульф; он отослал прочь ее служанку и пажа, не позаботившись даже снять дорожную одежду. Он не мылся месяц, и она чувствовала запах его тела через всю комнату. Он сбросил штаны и рубашку, даже не взглянув в ее сторону. Она уже усвоила, как мало пользы в том, чтобы цепляться за покрывало и протестовать.

Когда она выходила замуж, то считала его благородным человеком. Он уже несколько отяжелел, но был хорошо сложен, волосы его уже начали редеть, но вились по-прежнему, и были редкого оттенка настоящего франкского золота. Его тело состояло из сплошных мышц, и было налито силой благодаря охоте и турнирам. Он носил благородное имя, имел значительное состояние, нажитое благодаря отваге в войнах, и у него не было иных наследников кроме тех, которых должна была родить ему она. Он должен был стать ей великолепной парой.

Кровать затрещала под его весом. Он по-прежнему не глядел на нее. Он поступал так уже очень долго, с тех пор, как счел ее непривлекательной. Сейчас, с отвисшим после родов животом и грудями, налитыми молоком после краткого вскармливания младенца, она нравилась ему еще меньше.

Он не был жесток. Это самое большее, что она могла сказать о нем.

— Если на этот раз будет дочь, — сказал он, раздвигая ее ноги, — я позволю тебе оставить ее себе.

Она изо всех сил ударила его тыльной стороной ладони.

— Убирайся из моей постели! — закричала она. — *Убирайся!*

Он даже не стал брать ее силой. Он лишь совершенно безразлично пожал плечами.

— Значит, завтра, — сказал он.

Когда он убрался, она немного поплакала и поколотила подушку, но лучше себя от этого не почувствовала. Ее слуги не возвращались. Она лежала и смотрела в побеленный потолок. Его запах все еще был здесь. Этот запах мешал ей дышать.

Если бы он спорил с ней, ругал бы ее, даже бил бы… но нет. Он оставлял ее наедине с ее дурным расположением духа, и возвращался, когда она успокаивалась, побеждая ее необоримой силой безразличия. Его не волновало, что она делает, лишь бы она не лезла в его дела и произвела на свет его сына.

Которого он потом забрал у нее и отдал в чужие руки, оставив ее опустошенной, опустошенной чревом и сердцем. Она поднялась с постели. Трясущимися руками она схватила первую же попавшуюся одежду и натянула ее. Чтобы полностью привести себя в порядок, ей нужна была помощь. Она сама не смогла бы уложить волосы. Негромким, но уже спокойным голосом она

позвала служанку.

Никто не попытался остановить ее. Она взяла с собой немногое: единственный узелок с одеждой, гнедую кобылу да молчаливую прислужницу Дару, которая никогда не оспаривала волю госпожи. Ранульфа дома не было. Джоанна знала, что у него были женщины в городе. Несомненно, любая из них с удовольствием воспользуется тем, что отвергла Джоанна.

Джоанна желала им в этом счастья.

Но для самой Джоанны счастья не существовало. Но ее ждало убежище, где ее примут с искренней радостью, невзирая на траур. Ее комната оставалась такой же, как она оставила ее, повар приготовил ее любимые лакомства, а домоправитель Годфруа сказал ей именно те слова, на которые она надеялась:

— Они прибудут завтра.

Она не пыталась загадывать дальше текущего мига. Она помолилась за душу Герейнта и оплакала его, лежа на своей узкой кровати. Затем, успокоившись, уснула.

Когда они прибыли, она была готова. Она мало что могла сделать со своими гладкими волосами и глазами, обведенными темными кругами, но сделала все, что могла. Она надела чистое платье, и ее мрачно-синий цвет шел ей. Она обнаружила, что может поесть и выпить немного вина. Она пила его мелкими глотками, сидя на плоской крыше дома, прислонившись к парапету в тени большого лимонного дерева, растущего в кадке в углу стены. Когда Джоанна поднимала глаза, она могла видеть большой серый купол Церкви Гроба Господня.

Они приехали с другой стороны, от Давидовой Башни. Джоанна устремила взгляд на голову процессии, на маленькую фигурку всадницы на серой лошади. Рядом с ней ехал подросток: должно быть, Тибо. Он вырос, но по-прежнему ездил, уперев руку в бедро — он считал это элегантной посадкой.

Здесь были все: слуги, стражи, привратник Брихан в старом чешуйчатом доспехе, который он снял с убитого сарацина. И еще там был…

Там был рыцарь в черном на чистокровном коне, и это был не Герейнт. Это не мог быть он. Высокий и стройный, легко сидит в седле; худое ястребиное лицо, голова повернута в сторону Тибо… Это не мог быть покойный.

А если это был не он, это мог быть только один человек.

Пальцы Джоанны сжали перила. Она с трудом разжала их. Сердце учащенно колотилось.

Вблизи оказалось, что он не так уж похож на своего родственника. Семейное сходство, не более. Он определенно был более красив; и все-таки Джоанна была разочарована. Красив, да.

Но где же та нечеловеческая красота, которая, по слухам, разит словно меч?

Он поднял глаза, и она вздрогнула. О, воистину, словно меч: словно меч, направленный прямо в сердце.

Мать не задавала ей вопросов. Тибо спросил, но только про ее запавшие глаза. Принц Айдан, который не знал ее раньше и не считал нужным задавать вопросы, был безукоризненно вежлив. Взяв ее холодные пальцы своими теплыми, он склонился над ее рукой в учтивом поцелуе. Она надеялась, что никто не заметил, как она вздрогнула.

Его голос был более глубоким, но и более чистым, нежели она предполагала, а западный акцент был даже сильнее, чем у Герейнта. У Маргарет был непроницаемый вид, но Маргарет есть Маргарет. Она приняла вдовство, как делала все, безукоризненно.

Когда церемония приветствия была закончена, Тибо повел гостя показывать ему его комнату. Джоанна осталась с Маргарет, а это значило принять участие в детальной инспекции дома и слуг, разборке багажа и размещении одного-двух гостей. Джоанна почувствовала себя на своем привычном месте, идя в двух шагах позади за матерью, словно молодая овчарка, покорно бредущая следом за маленькой, толстой, но чрезвычайно самоуверенной болонкой.

Но она больше не была ребенком. Она села, почти упала, прямо посреди гостиной.

Маргарет не рассердилась. Она мгновенно оказалась рядом, опустившись на колени рядом с Джоанной. Ее прохладная ладонь легла на лоб Джоанны; рука Маргарет была сильной. Она не обращала внимания на взволнованно забегавших слуг, только махнула им, чтобы они убрались.

— Расскажи мне, — сказала она Джоанне.

Джоанна помотала головой:

— Тебе достаточно своих горестей.

— Позволь мне самой судить об этом, — возразила Маргарет.

Джоанна сжала зубы. Головокружение прошло. Ей почти хотелось бы, чтобы этого не случилось. Потерять сознание — это было бы так же просто, как взять лошадь и сбежать в дом матери. Рассказать матери, почему… это было труднее. Маргарет не сделала бы этого. Она нашла бы способ обойти это.

Джоанна начала рассказ с конца.

— Он забрал Аймери, — сказала она. Ее саму удивило, как спокойно она произнесла эти слова. — Он даже не спросил моего позволения. Ночью, когда я спала, они увезли его. Когда я проснулась, его уже не было. — Пальцы ее сжались в кулаки. Она не смогла заставить их разжаться. Ее сердце напоминало такой же

сжатый кулак с того самого горестного пробуждения. — Когда я спросила, почему, — я пыталась быть спокойной, о Боже, я пыталась! — Ранульф сказал: "А какая разница?" А когда я спросила, почему он не посоветовался со мной, он сказал: "Почему я должен с тобой советоваться? Это мой сын." Как будто не я носила Аймери под сердцем, как будто не я питала его своей грудью. Как будто я была совершенно ни при чем.

— Было бы лучше, — спокойно сказала Маргарет, — если бы ты не выкармливала его сама.

Джоанна вздрогнула, словно от удара.

— Но забрать его без твоего ведома, — продолжила ее мать, — было дурным поступком.

— Это невозможно выразить словами.

Маргарет слегка нахмурилась.

— Возможно, он не хотел причинить тебе боль. Покончить все одним быстрым ударом — так может думать мужчина, если он молод, неотесан и не знает женской души.

— Он не был так чуток, чтобы щадить меня хоть сколько-либо. Я значила для него не больше, чем кобыла в его стойле. Он тоже не спрашивает ее согласия, когда забирает у нее жеребенка.

— Он прибыл из Франции, — сказала Маргарет, — из небогатого дома. Он не знает лучших манер.

— Я ненавижу его, — прошипела Джоанна.

Мать нахмурилась сильнее.

— Что он сделал тебе, помимо этой единственной несправедливости? Он бил тебя? Унижал?

— У него есть женщины.

— Так поступают мужчины, — сказала Маргарет. — В конечном итоге, ислам прав, допуская многоженство: в этом немалая мудрость. Но кроме этого? Он дурно с тобой обращался? Он опозорил тебя перед двором или перед людьми?

— Он почти не замечает моего существования.

— Сомневаюсь, — промолвила Маргарет. Взгляд ее темных глаз встретился со взором Джоанны. — Чего ты хочешь от меня? Я не могу снова сделать тебя ребенком.

Джоанна покраснела. Это было именно то, чего она желала. Стереть все случившееся. Найти убежище в материнском подоле, и забыть, что когда-то была взрослой женщиной.

— Я не вернусь назад, — сказала она. — Я дала ему все, чего он хотел. Я ничего ему не должна.

— Кроме чести.

— Что он дал мне? Он забрал мое дитя.

Маргарет вздохнула.

— Посмотрите только, какие испытания посылает мне

Господь. То дитя мое, кое выглядит настоящим сыном ислама, настолько склонно ко всепрощению, как только может желать христианин. Но это дитя, по виду совершенно порождение земли франков… эта дочь не забывает и не прощает ничего.

Джоанна вздернула подбородок и выпрямилась:

— Ты велишь мне уходить?

— Нет, — ответила Маргарет. Она поднялась, отряхивая юбки. — Я велю тебе отправляться в постель. Ты, как я полагаю, настояла на том, чтобы ехать верхом от самой Акры?

— Ты же знаешь, что бывает со мной от езды в паланкине.

— Я знаю, что делает езда в седле с женщинами, только что поднявшимися после родов. Ну, иди.

Джоанна хотела снова стать ребенком, и забыть о том, что была матерью. Это не было таким блаженством, как она предполагала, как она желала. Но противоречить Маргарет было невозможно. Джоанна пошла туда, куда велела мать, и сделала то, что было сказано. В этом было какое-то особое, мятежное удовольствие. Здесь она была в безопасности. Никто не солжет ей, не предаст ее, не будет к ней безразличен. Она была дома.

— Джоанна всегда на что-нибудь сердится, — сказал Тибо.

Айдан приоткрыл один глаз. Восточный обычай дремать в полуденную жару сперва раздражал его, как признак лени, но потом он понял всю его выгоду. Здесь, в прохладной комнате, где негромко посапывающий слуга махал огромным влажным веером, а сквозь окно из внутреннего дворика вливался запах роз, эта дневная дремота казалась высоким наслаждением. Даже Айдан, который спал очень мало, погрузился в забытье, из которого его вывел голос Тибо.

Мальчуган сидел на краю софы, поджав ноги. Брови его были сосредоточенно сдвинуты.

— Она убежала от Ранульфа, я так и знал. Только удивительно, что она не сделала этого раньше.

— Твоя сестра не показалась мне трусихой, — отозвался Айдан.

— Разве я сказал, что она труслива? Она убежала не потому, что испугалась. Она убежала в гневе. Она могла бы и убить его.

Айдан вскинул бровь.

— Она могла бы это сделать, — подтвердил Тибо. — Ей надо было родиться мужчиной. У нее слишком горячий характер для женщины.

— Или слишком сильный?

Тибо кивнул:

— Мать говорила, что Джоанна — самый ярый норманн в Заморских Землях. Родись она сто лет назад, она пошла бы в

Крестовый Поход и завоевала бы себе королевство.

Айдан мог представить себе это. В Джоанне не было ничего от ее матери и брата. Она была выше Тибо и шире в плечах, и, видимо, сильнее. Пряди каштановых волос выбивались из кос, а глаза были скорее серыми, нежели синими, напоминая цветом грозовые тучи. Или, быть может, это было лишь из-за настроения. Да, гнев и ненависть. Мир отказывался следовать ее желаниям, и она была не из тех, кто прощает такое.

— Что представляет собой ее муж? — спросил Айдан, стряхивая сонливость и поднимаясь с ложа. Он видел, что Тибо посмеивается. Но ответ мальчика был достаточно спокойным:

— Его зовут Ранульф, он приехал из Нормандии. Он младший сын, как все прибывающие сюда, но здесь он повел себя правильно. Он получил во владение землю около Акры и нажил себе богатства в войнах. На вид он отнюдь не уродлив, женщинам он нравится.

— Но не твоей сестре.

— Когда она выходила за него замуж, то была весьма счастлива. Он не то чтобы учтив и изящен, но для него не имела значения примесь сарацинской крови в ее жилах. Он сказал, что она здорова и подарит ему сильных сыновей, а внешность ее вполне удовлетворяет его.

— Вижу, — промолвил Айдан. Это все были доводы рассудка. Он сомневался, что они значили что-то для этой мрачного вида женщины, встретившей их так радостно и с таким вызовом. Женщины, которая была, как почувствовал Айдан, больна душой и телом. Он не был целителем: этот дар достался его брату. Но он мог распознать болезнь тела. Видимо, она подарила своему господину сына, но он оказался не столь сильным, как тот надеялся. Или как предполагала она. Она не простит себе этого.

— Я думаю, — сказал Тибо, неохотно, но так, словно не мог не высказать это, — я думаю, что для нее это оказалось не к добру — то, что было между матерью и Герейнтом. Видеть такое, слушать песни и мечтать о любви… Любовь — это не то, о чем должны думать женщины, когда выходят замуж.

— Возможно, так бывает в первый раз, — согласился Айдан.

— Мать говорила ей это. Она ответила, что верит ее словам. Но Джоанна всегда хотела получить все разом.

Айдан помедлил у окна. Внизу, во внутреннем дворе, играл фонтан, освежая воздух своими брызгами. Он вдохнул запах роз, воды, солнечного света. Если бы Айдан захотел, он мог бы простереть силу большую, чем сила рук, увидеть больше, чем можно увидеть глазами, услышать больше, чем можно услышать ушами.

Они находились здесь, те трое, кого Герейнт называл женой и детьми. Те, кого отметил Повелитель Ассасинов, дабы заполучить их живыми или мертвыми.

И поэтому Айдан находился здесь, а не на дороге в Масиаф. Синан определенно должен был нанести новый удар, и наверняка в скором времени: так скоро, что Айдан боялся оставить дом без своей защиты. Высокий Двор собирался на Праздник Победы, отметить тот великий и священный день, когда Иерусалим пал пред воинством крестоносцев. Маргарет должна была прибыть до этого дня, дабы официально объявить о кончине лорда Аква Белла и испросить милости короля назвать нового лорда. Это, конечно, должен быть Тибо, но ему еще оставалось больше года до совершеннолетия. Она станет править замком от его имени, как делала во времена его раннего детства. "И это, — говорила Маргарет, — может способствовать его безопасности. Если сразу назвать его лордом, Синан наверняка убьет его."

Айдан напряг свои сверхчувства. Город обрушил на него лавину ощущений. Айдан выстроил щит из сверхчувств, и оградил им дом. Они отмечали, кто находится в этом доме, кто болен и кто здоров душою, кто входит и кто выходит.

Вначале было трудно удерживать такую ограду, словно бы ему пришлось сражаться в непривычных доспехах: тяжелых, неуклюжих, натирающих кожу. Но постепенно он приспособился пользоваться этим умением. Теперь оно походило скорее не на доспех, а на вторую кожу, словно пределы его тела простирались на весь дом.

Он оперся на подоконник, борясь со слабостью, всегда наступавшей после обращения к мощи. Слабость постепенно прошла, и Айдан выпрямился.

Тибо ничего не заметил и ничего не понял. Он думал о своих собственных тревожных мыслях. К смущению Айдана, эти мысли были чрезвычайно близки к его собственным.

— Ведь это хорошо, что она пришла сюда, правда? — спросил мальчик. — Если на не нападут, мы будем рядом и сможем защитить ее.

Айдану понравилось это "мы". Он улыбнулся мальчику и потянулся за своей домашней туникой.

— Да, господин оруженосец. Может, пойдем посмотрим, не проснулись ли остальные?

6

Ранульф даже не озаботился тем, чтобы послать слугу за своей сбежавшей женой. И она желала бы, чтобы он этого и не делал. Сейчас, в присутствии матери, Джоанна словно стала в чем-то иной. Ее тело, так долго напряженное, вынужденное сопротивляться, выразило свою волю. *Довольно.*

Она спала так, как ей не доводилось спать с детства, и ела так, как не ела со времени исчезновения Аймери. Ей дозволено было жить и выздоравливать, насколько это было возможно в той скорбной обстановке, что царила в доме. Но даже скорбь была частью ее исцеления. Это позволяло ей забыть то, от чего невозможно было убежать: на ее побег муж не откликнулся ни единым словом. Ни признака поисков. Ни даже гневного ропота.

Она дала ему то, чего он хотел. Кажется, ему больше ничего не было нужно от нее.

Наконец-то, кажется, они были заодно. Она сказала себе, что счастлива. Она выбросила его из мыслей. Он лишил его прав на ее собственного ребенка. Значит, она больше не будет ни женой, ни матерью. Она снова Отекур, и только Отекур. Она должна забыть его имя.

Она твердила это себе, одиноко сидя на бортике фонтана во внутреннем дворике. Было еще рано, едва рассвело; воздух был прохладным, брызги холодили ее лицо. Яркие рыбки вились вокруг ее руки, разыскивая крошки, которые она им бросала.

Странно, но присутствие можно почувствовать, даже не видя тени, отбрасываемой пришедшим в солнечном свете, не слыша шагов по камням двора. Она выпрямилась, но не обернулась. В течение трех дней после его приезда она не видела его. Он успел побывать всюду, выезжал верхом в город; она лежала в постели или медленно передвигалась по дому, обедала в одиночестве или вдвоем с братом. Брат же только и говорил, что об Айдане.

Джоанна хотела, чтоб он ушел. Она не хотела, чтобы он видел ее такой, какой она была сейчас: бледная, с незавитыми волосами, расплывшаяся после деторождения; использованная и выброшенная прочь. Когда она была юной и заслушивалась рассказами Герейнта, она мечтала об ином: она, высокая и гордая, властительная госпожа, как ее мать, и он, царственный, какими почти никогда не бывали пришельцы с Запада, склоняется поцеловать ее руку. Он и склонился при встрече с нею, но она краснела и заикалась, словом, вела себя совершенно идиотски.

Властительная госпожа, право! Она уже давно поняла, что некрасива. И величия в ней тоже не было. Одно упрямство. Уж

им-то она была наделена сверх меры.

Она остановила взгляд на рыбках. Она не обернулась, даже когда его рука, зачерпнув из принесенной ею чаши крошек, бросила их рыбкам, заставив их танцевать по-новому. Для него они высоко подпрыгивали, выскакивая в воздух, словно хотели наполнить его ладони своим живым трепещущим золотом. Даже они знали, кто он такой.

Джоанна по-прежнему не смотрела на него, но видела его отражение в бассейне. Он носил траур по Герейнту. Но он был умен: он сохранил немного алого цвета — крест, нашитый на плече туники. Несомненно, он знал, как смотрится его бледность в сочетании с неподвижностью. Он выглядел не более опасным, нежели кошка, мурлыкавшая и тершаяся о его колени.

Он поднял кошку, встретившись глазами с ее пристальным взглядом хищницы. Глаза их были одинаковы.

— Ваша знакомая? — спросила Джоанна. Спрашивать было легко, если не смотреть на него.

— Дальняя родственница, — беспечно ответил Айдан, не принимая брошенного ею вызова.

— Она хочет, чтобы вы наколдовали ей рыбку, которую она могла бы сцапать.

— Она получит свое, — ответил он. — Но не этих рыб. Я не из тех, кто предает доверие.

Кошка зевнула, выразив свое отношение к законам чести двуногих, но продолжала мурлыкать, поскольку ее держали на руках, гладили и обещали другую, более законную добычу. Джоанна смотрела, как длинные белые пальцы зарываются в густую блестящую шерсть. Она никогда не видела пальцев столь длинных, столь чутких и все же столь сильных. Они выглядели ледяными. Но она помнила их тепло.

— Джоанна!

Она вскинула глаза, вздрогнув; и рассердилась. Это была старая уловка. И она, как дурочка, попалась на нее.

Она знала, что это случится. Однажды посмотрев на него, она уже была не в силах отвести взгляд.

Иногда мужчины бывают столь красивы. Это было глупо, это даже отталкивало. Это превращало глаза в клинки, ищущие изъян в броне красоты.

Ничего этого не было в нем. Он не был привлекательным.

Никакой слабинки, над которой можно было бы посмеяться. Ничего человеческого.

Перед этим он улыбался. Теперь улыбка его пропала.

— Вы не должны делать так, — сказала она, просто и небрежно, поскольку уже проиграла сражение.

Губы его сжались. Ей не нужно было магии, чтобы узнать, о чем он думает. Смертные всегда были легкой добычей для таких, как он. Слишком легкой. Красота, непривычность, и нечто слегка пугающее.

Она посмотрела прямо в его глаза, не боясь утонуть в них. Они были чисто серого цвета, без оттенка синевы; спокойные, слегка пустые, словно у кошки, а в глубине — зеленые искры. Такие, как он, могли бы быть ночными охотниками. Как ассасины.

— Вы не дружите с солнцем, — сказала Джоанна.

Он едва заметно кивнул:

— Мы приспосабливаемся. Это позволяет мне существовать. Я стараюсь соблюдать приличия.

— Здесь у вас не вышло. Вам нужно навести более сильные чары.

Он не был удивлен тем, что она знала. Она спросила себя, удивляется ли он вообще хоть чему-нибудь.

— Я решил не делать этого, — ответил он.

— Почему?

— Потому что я так решил.

Упрямство. Это она могла понять. И тщеславие. Он мог бы навести чары, которые избавили его от оскорблений и подозрений, зачастую смертельно опасных. Но тогда поблекла бы его красота, поседели бы волосы, и обнаружился бы его истинный возраст.

— Вам бы это понравилось? — спросил он, читая ее мысли без малейших усилий.

— А что вы сделаете, если я скажу, что понравилось бы?

Она задохнулась от удивления. На его новом, только что возникшем лице, появилась широкая улыбка. Даже в облике смертного, морщинистый и седой, он не лишился своей насмешливости.

Или своей красоты.

— Ну? — Даже голос его изменился. Он стал более грубым, потерял свою необычайную чистоту. — Должен ли я оставаться таким?

— А вы останетесь?

Он повернул руки тыльной стороной вверх, нахмурился, глядя на них — искривленные, шершавые, покрытые старыми шрамами. Шрам был и на его щеке, под полуседой бородой.

— О богиня, я и забыл об этом. — Казалось, он и не заметил, как богохульно звучали его слова, не сочетаясь с крестом на его плече. Он сжал пальцы, поморщился.

— Это все на самом деле? — спросила Джоанна.

— Чтобы убеждать в этом других, я должен убедить себя.

— Значит, если это будет продолжаться достаточно долго, вы можете… умереть?

Это слово было так же тяжело слышать, как и произносить, но он не шевельнулся, целиком поглощенный мыслями.

— Не знаю. Быть может. Что может случиться, если я выйду за пределы, отпущенные смертным… — Он вздрогнул. — Вы помните легенду о Тифоне?

Джоанна кивнула, тоже вздрогнув:

— Языческая легенда. Он получил бессмертие, но забыл попросить вечной юности. Он старился. Он не переставал стариться. И не мог умереть.

Айдан встал. Магическая личина спала с него, словно пыль или тень. Его руки, протянутые к ней, были сильными, гладкими и юными. Он поднял ее на ноги. Она была достаточно высока, чтобы смотреть ему глаза в глаза. Так они смотрели некоторое время, потом он рассмеялся.

— Вы только посмотрите, до чего мы ленивы! Пойдемте, покажете мне город.

Как будто Тибо уже не провел его по всем закоулкам. Но его напору невозможно было сопротивляться, даже теперь, когда она знала, от чего он спасается. Не от смерти — от недостижимости смерти.

Она посмотрела на свое простое платье, пригладила волосы.

— Прямо так? — Этот вопрос вырвался у нее прежде, чем она успела его обдумать.

Принц был необычным человеком. Он понял.

— Идите, приведите себя в порядок. Но побыстрее.

Она собралась так скоро, как только смогла с помощью Дары.

Она снова надела синее платье, а поверх него легкую накидку, набросила на волосы вуаль. Никаких украшений, только серебряный крест — она соблюдала траур. Суровость не была ей к лицу, но этого требовали приличия.

Она не переставала спрашивать себя, как сможет пойти на прогулку, если так долго была больна. Айдан не тревожился. Уже были оседланы кобыла Джоанны, большой мерин, принадлежавший раньше Герейнту, и мул для Дары. Обычай гласил, что он, рыцарь и принц, не должен ходить пешком там, где может ехать верхом. Он легко поднял ее в седло, его прикосновение было столь же спокойно, как бывало прикосновение Герейнта — братское либо отеческое. Конечно, так и должно быть. Они были родственниками. И она была замужней женщиной.

Джоанна подобрала поводья. Ее кобыла в это время была беспокойна. С его стороны было мудро поехать на мерине, а не на

своем жеребце. Дара отшатнулась от него, взобравшись на мула самостоятельно и настороженно глядя на него. Это был страх, но страх обычный, словно страх перед пустынной бурей: ее можно бояться, пытаться избежать встречи, но нельзя ненавидеть. Ненависть была ниже этого.

Несомненно, он привык к этому, как и к болтовне глупых девчонок. Он вскочил в седло с грацией скорее звериной, нежели человеческой, и поехал по улице впереди их маленькой процессии.

Айдан не собирался звать Джоанну на прогулку, до того, как сделал это. Это было минутное побуждение, и он поддался ему, хотя это было неразумно. Она была больна и еще не совсем оправилась. Но она была довольна, и совсем перестала сердиться. На щеках ее появился румянец. Она была… не красива, нет. По Божьей прихоти вся красота досталась ее брату. Но она была, несомненно, мила, и когда она улыбалась — а это бывало редко — то становилась просто прелестной.

Он любовался сиянием этой прелести, почти не замечая, куда они едут, пока его нос не подсказал ему. Эта улица носила довольно точное название — Улица Плохих Поваров. Здесь пилигримы получали пропитание за ничтожную плату, и одним святым было известно, чем они набивали свои желудки. Его собственный желудок вдруг сжался и затих.

Они оставили лошадей у перекрестка, заплатив какому-то парнишке, чтобы он присмотрел за ними. Так захотела Джоанна. Парнишка не должен был свести лошадей и удрать — об этом позаботился Айдан. Он и без рассказов знал, как это бывает. Храм и тысячу лет спустя оставался воровским логовом.

Джоанна, знавшая этот город так же хорошо, как Айдан знал свой омываемый морем замок Каэр Гвент, вела его вместе с молчащей служанкой через площадь, похожую на пещеру. Все города Востока были таковы: они прятались от солнца, зачастую под сводами, такими, как этот, под которым они проходили. Свет проникал сквозь узкие окна, словно в церквях, и лампами под сводом. Но было здесь удивительно свежо и прохладно. Здесь смрад человеческих обиталищ перебивался запахом сладостей, травы, фруктов и цветов. Шум стоял такой, что Айдан пошатнулся. Он быстро приглушил свои ощущения. Он не знал, как коты, живущие на рынке, выдерживают это.

— Они рождены здесь, — сказала Джоанна. Он говорил вслух, не замечая этого: явный признак смятения. Она смотрела на него. — Вы не бывали здесь раньше.

Он свирепо посмотрел на нее. Она даже не смутилась.

— Мы ездили к воротам и на равнину, — ответил он резко,

потому что она не собиралась отводить взгляд. — За стены. Чтобы скакать вместе с вольным ветром. Я… не очень хорошо чувствую себя в городах. Это… — Лоб его был влажен. Проклятье.

— Вы хотите вернуться домой?

— Нет!

Она чуть вздрогнула. Казалось, его слабость сделала ее сильнее. Она не позволила себе взять его за руку, но сказала:

— Вы должны были счесть Акру ужасающей.

— И Венецию. И Рим. И Марсель. И Париж. — Называя эти имена, он словно изгонял их. — Акры была хуже всего. После моря… И такой большой город. Джаффу я с трудом смог вытерпеть. Здесь просто неуютно. — Если она и поняла, что это ложь, то не сказала этого. — Вы сердитесь?

Он застал ее врасплох. Но она пришла в себя так быстро, что он залюбовался этим. Он решил попробовать восточных фруктов: апельсинов, лимонов, желтых райских яблок. Со всем этим, с сыром, купленным на другом конце рынка, с вином из таверны, стоящей в тени Гроба Господня, они устроили маленький пир. Джоанна уже забыла, или по крайней мере решила не вспоминать, что герой легенд ее детства в стенах города проявлял постыдную трусость.

Многие из знакомых Айдана могли бы пленниться этим городом — святостью, облекающей Иерусалим, словно мантия. Он сам мог бы оказаться достаточно безумен, чтобы поверить в это — и при всем своем упрямстве оказаться в самом сердце этого человеческого муравейника. Он поднял глаза на купол, к которому они подошли. В нем не было такой сияющей красоты, как в другой святыне Храма, Горнем Своде, поднимавшемся, словно солнце, на востоке Иерусалима. Этот носил печать мрачного величия — он был средоточием всех обетов всех людей, осенявших себя святым символом креста. В честь этой святыни получил свой титул Король Иерусалимский, как и любой рыцарь, вставший под его знамя: Защитник Гроба Господня. Здесь.

Сначала здесь был только надгробный камень. Простая могила, не украшенная ни надписью, ни орнаментом, пустая. Только три дня пребывало в ней тело, а затем исчезло.

Набожность выстроила над этим камнем гробницу. Рвение возвело базилику во всем великолепии, а вокруг — другие здания: часовни, дворец Патриарха, монастыри, обиталища монахов, пилигримов и воителей. Оттуда доносилось пение, молитвы и крики торговцев, которые способны были вести дела, невзирая на святость этого места.

Они взошли на крутой холм и прошли в ворота меж византийскими колоннами. Толпа паломников притиснула всех

троих друг к другу. Айдан заново осознал высокий рост Джоанны — она была едва ли на ладонь ниже него — и удивившую его силу ее тела. У нее были длинные ноги и руки, но плечи ее были широкими, как и бедра, а груди — полными и упругими.

Она и не думала о нем, лишь осознавала его присутствие рядом. Нетерпеливо бормоча что-то, она высвободилась из толпы и остановилась во дворе. Вуаль ее соскользнула. Хотя волосы ее были туго стянуты лентами, несколько прядей выскользнуло из прически, отсвечивая на солнце красно-золотыми бликами и отливая благородным глубоким цветом вишневого дерева.

Служанка с похвальной и раздражающей готовностью вновь прикрыла волосы Джоанны. Та едва заметила это.

— Смотрите, — сказала она. — Там.

Там было два портала; третий, справа, вел в храм Кальвари. Слева возвышалась угловатая звонница, молчавшая в этот час. Ее венчал купол, как, видимо, все строения в землях, находившихся под властью ислама либо Византии. За ним виднелись странные очертания Храма Гроба Господня, и новый купол, а чуть поодаль от них — увенчанная небольшим куполом башня церкви Святой Елены. Все это сверкало, и не только от святости. Те, кого почитали здесь, в Сердце Мира, даровали этому месту богатство.

Несмотря на всю толкотню, давящее сияние солнца и святости, болезненный гул города, который не оставлял Айдана с тех пор, как он прошел во Врата Давида, здесь он почувствовал себя спокойнее, чем где бы то ни было — разве что под открытым небом. Ему захотелось сказать вслух: "Смотрите! Есть ли на свете более святое место? Посмотрите, как оно приветствует меня!"

Джоанна не спрашивала, чего он хочет. Она заняла свое место в колонне паломников, и он встал за нею. Джоанна не чувствовала скуки, глядя на знакомые с детства места: она словно бы обрела новые глаза, потому что с нею был Айдан, видевший все это в первый раз. Мостовую под ногами. Опоры, поддерживающие свод. Колонны, окружающие Гроб Господень, и над ними ротонда, открытая небу. И подле этого величия Бога — величие тех, кого изображали мозаичные картины на стенах: Святая Дева; ангел, принесший Благую Весть; апостолы; Император Рима Константин во всей своей славе; святой Михаил с мечом; пророки; святая Елена, несущая Истинный Крест Господень; и в центре всего этого — младенец Иисус, ради которого все это было свершено.

Но сама могила была сокрыта. Среди всего этого величия она лежала под камнем, за низкой дверью, у которой на страже стоял священник, направлявший каждого из паломников к святыне. Все здесь были равны — король и простолюдин, рыцарь и монах, раб

и свободный человек. Человек или не-человек.

Айдану захотелось исчезнуть. Если бы только священник знал, кто проходит под его рукой, не ведающей устали и церемонного обхождения… Мимолетно пронеслась мысль: "Еще полчаса, и Марбод мне в помощь, и, во имя Тела Господня, если он промедлит лишнюю секунду между мною и сокровенным…" Но священник даже не видел его лица, не сокрытого чарами, не видел широко открытых глаз, по-кошачьи отсвечивающих зеленым в свете ламп. Айдан опустил взгляд, перекрестился и сошел в прохладную каменную мглу. Пустая, и потому почитаемая могила. Он коснулся лбом камня. Пустота. Даже молитва здесь была безмолвна. Она просто была.

Он принес безмолвный обет, решившись выполнить его. Защищать это место мечом, словом, жизнью. Но сначала — другое. Одно слово сорвалось с его уст, шепот средь тьмы: "Аламут".

— Идите, — резко сказал священник, разбивая святость и торжественность обета. — Время прошло. Выходите.

А если он поднимется в столпе пламени, что будет делать этот земнорожденный глупец?

Он вышел молча, смиренно склонив голову, как любой пилигрим. Джоанна ждала его, слегка улыбаясь. Она вложила свою ладонь в его, просто, как дитя. Она думала о выпитом вине и о сокровенной святыне.

Она так и не поняла, отчего Айдан рассмеялся. Негромко, но в их сторону повернулись головы. Он встретил взгляды с притворно-смиренным видом и набожно перекрестился.

Тибо был разъярен.

— Вы ушли без меня! Вы пошли в город и не сказали мне! Я чуть не сошел с ума, разыскивая вас!

Айдан не собирался раскаиваться. Джоанна выглядела отвратительно самодовольной.

— Ну что ж, — промолвила она, — в следующий раз не будешь ложиться так поздно. Это твоя вина, что ты так ленив.

Не будь здесь Айдана, Тибо набросился бы на нее с кулаками.

Не то, чтобы он надеялся победить ее в драке — она по-прежнему была сильнее его и руки у нее были длиннее — но он тут сходит с ума, а она смеется! Глупо улыбается. Подначивает его!

И поэтому, во имя Тела Господня, он не полезет в драку. Он скрестил на груди руки, зудевшие от желания подраться, и вскинул голову:

— Может, я и ленив, но *я* готов предстать ко двору. А у тебя не хватит времени даже принять ванну. Ты пахнешь, — фыркнул

он, — как лошадь. На навозной куче. Среди поля чеснока.

Она, не постеснявшись присутствия людей, завизжала и прыгнула к нему.

Айдан разнял их с удивительной легкостью. Он даже не пытался подавить свой смех. Тибо смутился. Но к своему удовлетворению, увидел, что Джоанна считает себя униженной. Она успела нанести один быстрый удар и кипела от злости, пытаясь ударить снова.

На самом деле, время принять ванну у них было, и Айдан именно так этим временем и распорядился. Добрые обитатели Запада провозглашали неслыханной роскошью купаться в горячей воде хотя бы раз в неделю. Айдан почитал за счастье делать это каждый день; и здесь, где такое безумие поощрялось обычаем, он так и поступал. Как и его родственница-кошка, он был чистоплотен.

Придворное платье здесь было так же вычурно, как во Франции, и, кроме того, было пошито по последней моде. Но даже принц на Западе не мог бы похвастаться такими роскошными шелковыми одеждами, как эти. Это был подарок Маргарет, и возражений по этому поводу она не терпела. Айдан мог бы присягнуть, что они будут черными, и они такими и были, но здесь была такая черная парча, которой не постыдился бы и император. Под тунику, короткую, как носят парижские щеголи, надевалась рубашка, тонкая, как паутина, и белая, как его собственная кожа. Штаны были пошиты как раз по его мерке, а обувь была из… оленьей кожи?

— Шкура газели, — пояснил Тибо.

Но лучше всего был плащ — тяжелый шелк, черный и блестящий, как собственные волосы Айдана, но отделка была его любимого алого цвета, а застежка была сделана из золота с рубинами.

— Я не могу… — сказал он, неохотно протягивая его обратно.

— Вы должны, — возразила Маргарет.

Он повернулся к ней. Себе она не позволила того послабления, которое заставляла принять его. Она была воплощенная суровость. Фигура окутана широкими одеяниями, волосы тщательно скрыты, словно у монахини. Она прятала все, что осталось от ее красоты. Но в тот миг, когда она смотрела на Айдана, глаза ее сияли этой красотой.

И он подчинился именно этому взгляду, а не ее тихому приказу. Она испытывала радость, глядя на него: чистую радость, словно при виде великолепной лошади или редкого самоцвета. И все же для нее он был не животным и не редкостью, а просто самим собою.

Он низко поклонился и поцеловал ее руку.

— Как пожелаете, госпожа моя.

После всего случившегося Джоанна не пошла с ними. Она сослалась на усталость после утренней прогулки по городу. Это было и в самом деле так; но Айдан знал, что причина не только в этом. Ее раны были еще так же свежи, как и его, но она, в отличие от него, еще не умела игнорировать их. "Позднее", — сказал он своим думам о ней, едва ли осознавая, что именно он откладывал на потом.

До дворца было довольно близко, но они поехали верхом, ибо положение обязывало. Леди Высокого Двора должна соблюдать все церемонии, даже нося траур. Она ехала в сопровождении отряда стражи, своих дам, сына и гостя, так же, как ехала из Аква Белла. Возле гладкой серой стены, в тени резных ворот, Айдан помог ей спешиться. Она держалась спокойно, не обращая внимания на шум, царящий во внутреннем дворе, где, казалось, каждый господский слуга готов был растолкать всех остальных, лишь бы занять местечко получше. Маргарет шла через двор, опираясь на руку Айдана, Тибо, как полагается, следовал за ними на шаг позади, и толпа перед ними расступалась, шум примолкал. В этом королевстве вдова, полноправная управительница своих земель, была драгоценным товаром. Вдова, опирающаяся на руку красивого молодого чужестранца, притягивала все взгляды и вызывала более чем странные слухи.

В детстве Айдан не воспитывался для придворной жизни: он даже не знал, что такое город до того, как достиг возраста пажа. Однако это все было в его крови, и он немало времени прожил при дворе, как сын короля и брат короля. И когда он вошел в огромный сияющий зал, что был устлан восточными коврами и благоухал мускусом и сандалом, Айдан почувствовал себя так, словно пришел… нет, не домой. Но в мир, который принадлежал ему. Эти прокаленные солнцем люди в шелковых одеяниях, эти темноглазые женщины, эти мужчины, внешний вид которых выдавал смесь томности и жестокости, были придворными; а он знал, что такое придворные. Жалящие взгляды, шепотки, разговоры о власти, которой кто-либо обладал или желал обладать — все это разбудило в нем чувства, почти усыпленные долгими месяцами паломничества. Это было похоже на битву, но тоньше. И хотя его доброе имя могло бы безвозвратно пострадать, допусти он это, но все это развеселило его.

Леди Маргарет была занята своими проблемами, причем настолько, что Айдан даже удивился. Ни по количеству военной силы, ни по обширности владений она не входила в число первых лиц королевства. Но у нее было могущество: могущество ее

присутствия, могущество ее торговой империи. Сам коннетабль Иерусалимского Королевства склонился к ее руке, и Маршал принес свои соболезнования, казавшиеся искренними. И кстати, дамы оказывали ей знаки уважения, не насмехаясь открыто над ее манерами. Другие были не столь удачливы. Они пытались уберечься от насмешек своими путями. Некоторые из них, по сарацинскому обычаю, закрывали лица вуалями. Темные глаза, пухлые пальцы цвета слоновой кости, унизанные драгоценностями…

Тибо был напряжен, как пес, попавший в новую свору, и оттого держался высокомерно. Айдан заметил определенное разделение среди молодежи, как и среди старших придворных: высокие и светловолосые держались вместе с высокими и светловолосыми, а томные темноволосые и низкорослые юноши в шелках — с себе подобными.

Пуллани навряд ли были неверными. Большинство были детьми сирийцев или армян — христиане по обоим линиям. Тибо был иным. *Его* кровь действительно была сарацинской, и все знали об этом. Его мать это не затрагивало. Но в тихих уголках подальше от взрослых, во внутренних двориках меж апельсиновых и мандариновых деревьев, он становился для сверстников легкой жертвой.

Айдан положил руку на его плечо, сказав что-то — неважно, что, — и слегка улыбнулся. Пусть теперь попробуют тронуть его. Какое удовольствие будет поучить их вежливости.

Тибо соображал быстро: он понял, что собирался сделать Айдан. Он нахмурился.

— Нет, мой господин. Не надо. Это нечестно.

— А они поступают честно?

— Они ниже вас. Посмотрите вокруг, вы отыщете себе лучшего противника, вроде тех рыцарей в Акре.

Это было правдой, и мальчик хотел летать на собственных крыльях. Айдан знал, что такое соколиная охота: он быстро притянул его поближе, потом отпустил.

Имена и лица проносились мимо сознания. Позже, когда они понадобятся Айдану, он сможет отчетливо вспомнить их. Сегодня он был тенью леди Маргарет. Так он и был принят. Его имя и титул были провозглашены, когда он входил, громким голосом глашатая; по внешности его было видно, что он был родственником покойному лорду. Для придворных это было разочарованием, ибо исчез повод для скандальных слухов; но хуже всего было то, что он был принцем королевской крови и — как необычно! — принцем без армии. "Он мог бы, по крайней мере, — долетело чье-то бормотание, — прибыть в

сопровождении одного-двух воинов."

Так же, почти дословно, выразился и Тибо. Айдан улыбнулся и огляделся. Мальчик свободно бродил по залу, и уже нашел одного или двух, или трех сверстников, которые отказались от мысли спустить с него его сарацинскую шкуру. Обстановка в зале слегка изменилась. Маргарет, казалось, увлеченно обсуждала рукодельное искусство с компанией дам, все они были уже в годах и не особо интересовались красивой "тенью" леди Маргарет.

Айдан не особо огорчился этим. На то он и защищался чарами.

Он прислонился к стене, завешенной ковром, который сверкал, как луг драгоценных цветов, и стал наблюдать за течением придворной жизни.

Он приметил, что здесь было немало женщин как просто милых, так и более чем милых. Таковы же были и их спутники: большинство из них были юными и следовавшие моде на шелка и томность. А еще, сказал его нос, моде на надушенные локоны. Хна была предметом увлечения темноволосых мужчин благородного сословия; светловолосые, видимо, помогали природе, дабы носить на голове чистое золото.

В Райане Айдан считался щеголем, но духи — это было чересчур для него. Локоны… Он отбросил с глаз вьющуюся и от природы черную прядь, и пригладил свою молодую бородку. Увы, слишком молодую, и ужасно немодную.

Взгляд его встретился с другим — со взглядом черных глаз, в которых явно утонуло немало воздыхателей. Леди эта заслуживала его внимания: она была молода, стройна и высока, и весьма красива. И, суды по выражению прелестных полных губ, очень раздосадована. Что-то в ней заставило его вспомнить Джоанну.

Джоанне не пошло бы это золотое платье, которое так красило эту леди, но такой покрой пошел бы и ей. Айдан улыбнулся, подумав об этом. Леди улыбнулась в ответ.

Это было глупо. Айдан пожал плечами под плащом. Что есть мудрость здесь, при дворе? Он слегка поклонился. Леди повела глазами туда-сюда. Теперь, когда досада ушла с ее лица, она была так красива, что захватывало дух.

И к тому же беззастенчива. Ее губы вытянулись, изображая поцелуй. Палец согнулся в непристойном жесте. Если никто еще не заметил, что и между кем происходит, то скоро заметит.

Айдан отошел от стены, прошелся без видимой цели, следя за жертвой краем глаза. Она понимала, что он делает, и забавлялась этим. Этот променад давал ей возможность разглядеть его.

Элегантный человек в облачении архидиакона подсказал

Айдану ее имя:

— Сибилла. Принцесса Сибилла. Сестра короля. — У этого человека был на удивление острый глаз и проворный язык. — Бедное дитя, у нее была нелегкая жизнь, ведь ее брат так тяжко болен, и у него не может быть наследников, так что все надежды на продолжение династии возлагаются на нее. Она должна выйти замуж, и как можно более удачно, во имя королевства. Но первый мужчина, избранный для нее, оказался глупцом и распутником, и опозорил ее так, что смыть этот позор удастся нескоро. Ныне посланники во Франции и других странах Запада подыскивают другого, достойного, если будет на то соизволение Господа, стать нашим королем.

— Но ваш король жив, — сказал Айдан.

— Надолго ли? — Глаза архидиакона, глубокие и спокойные, затуманились печалью. — Он болен проказой с девяти лет. К юности это только ухудшилось. Если он и доживет до зрелых лет, то вряд ли долго проживет после этого. И нашему королевству нужен король, который смог бы незамедлительно унаследовать ему. Это должен быть сильный властитель, иначе королевство падет.

— Оно хрупко, ваше государство.

Архидиакон кивнул:

— Оно балансирует на лезвии меча. Весь ислам ждет, готовясь к прыжку. Саладин поклялся оттеснить нас к морю, загнать нас в наши логовища на Западе и стереть нас с лица земли. Стоит ему только уладить разногласие со своим собственным племенем, стоит нашей короне ослабнуть — и мы на себе убедимся, как он умеет держать слово.

Айдан глубоко вздохнул. Он был сладок, этот дух опасности, этот острый укол страха. Он улыбнулся.

— Я считаю, что ему придется подождать некоторое время. Клинок, который вы выковали, не так уж слаб.

— По Божией воле, — отозвался архидиакон. — Я прибыл из Тира, который устоял даже перед Александром. Наш король не намного слабее, чем был он. Может быть, он и проживет настолько долго.

— Вы хорошо знаете его, — промолвил Айдан.

Архидиакон пожал плечами.

— Я был его наставником. Я первым узнал, что он болен, и чем. Видите ли, он играл с мальчиками своего возраста… и вы знаете, как они играют. Они устраивали друг другу испытания. Однажды они испытывали на храбрость, щипая друг друга, чтобы посмотреть, кто первым не выдержит и закричит от боли. Наш Балдуин протянул руку, и они щипали ее, пока не показалась

кровь, а он не только не издал ни звука, но и не вздрогнул. Я думал, что это была необыкновенная выдержка, истинно королевская. Но, — вздохнул архидиакон, и глаза его наполнились слезами, хотя он, должно быть, рассказывал эту историю уже тысячи раз за прошедшие годы, — он сказал, что это была вовсе не храбрость. "Я ничего не почувствовал, — сказал он, совершенно ничего не подозревая, — На самом деле, ничего." И он и вправду ничего не чувствовал. Его рука была абсолютно нечувствительна к любым видам боли, которые я осмелился применить… Конечно, я знал. Мы все знали. Мы пытались объявить это неправдой. Мы созвали всех докторов к востоку от моря. Мы подвергали его мучениям, чтобы вернуть ему здоровье. Все было бесполезно. Бог сделал его тем, что он есть; Бог не имел намерения дать ему уйти.

А Сибилла, дующаяся в кругу своих льстецов на то, что ее новый поклонник оставил ее и прогуливается с наставником ее брата, была орудием Господа для продолжения династии.

— Пути Господни неисповедимы, — сказал Айдан. — Я понимаю, что вы нашли кандидата в мужья леди.

Архидиакон отшатнулся, потом успокоился.

— Ах да, конечно. Вы только что прибыли с Запада. Наш посланник был на вашем корабле?

— На том, что пришел сразу после нас: и он выглядел весьма радостным. Не то, чтобы он проболтался, — пояснил Айдан, — но слухи всегда возникают неизвестно откуда. И он их не опровергал.

Архидиакон слегка пожал плечами:

— Что может сделать посланник?

— Солгать, — ответил Айдан.

Собеседник улыбнулся. Неожиданно эта улыбка сделала его моложе.

— Теперь нет сомнений: вы действительно принц.

— А вы не были в этом уверены?

— Есть принцы, — сказал этот словоохотливый служитель церкви, — и есть принцы. Вы хорошо показали себя.

Айдан поклонился с ироническим выражением лица.

— Вы мне льстите.

— Я воздаю вам должное. — Архидиакон помолчал. Его голос слегка изменился. — Поскольку вы знаете так много и обладаете столь ясным разумом, я прошу у вас снисхождения к леди. Она молода; она была воспитана, осмелюсь сказать, без должной мудрости. Она…

— У нее ясный ум и сильная воля, но нет особой склонности к обдумыванию своих поступков. — Айдан улыбнулся

архидиакону, который из чувства приличия не мог ответить иначе, чем принять оскорбленный вид. — У меня была лошадь, похожая на нее. Ей позволяли бегать всюду свободно, кроме того времени, когда она вскармливала жеребят. Ее жеребята были великолепны, но им нужна была сильная рука. Мы всегда были очень внимательны, выбирая для нее жеребца.

Для несчастного священнослужителя было тяжко выслушивать правду в такой форме и не осыпать упреками того, кто высказал ее. Айдан был почти смущен. Ох уж этот его язык: если Айдан позволял ему болтать все, что приходит на ум, то слова язвили не хуже стали. Он заговорил более мягко, стараясь подбирать слова:

— Я, очевидно, переступил дозволенные пределы. Она прекрасна, и я молю Господа, чтобы ее супруг оказался достоин ее. При мудром муже она обретет мудрость сама.

Архидиакон принял это скрытое извинение. Это не просто понравилось Айдану — это привело его в восхищение.

Они понимали друг друга. Айдан медленно пошел по залу, подальше от принцессы Сибиллы. Архидиакон бросил взгляд на человека, с которым ему надо было поговорить. Но еще помедлил, как будто собираясь с мыслями, и сказал:

— Я слышал, как вы пели в Каркасоне, двадцать лет назад. Я видел тогда ваш нрав. Я вижу его и сейчас.

— Ясный ум, сильная воля, и отсутствие склонности к обдумыванию своих поступков.

— Вы хотите, чтобы мы думали так. Будьте помягче с бедной девочкой, принц. Она вам не ровня.

— Могу ли я спеть для нее песню?

— В честь ее венчания, — ответил архидиакон, — с моего благословения.

— Если тогда я буду здесь, то воспользуюсь этой возможностью.

Архидиакон склонил голову и осенил себя крестным знамением. Айдан поклонился. На краткий миг их глаза встретились, потом архидиакон повернулся в другую сторону.

Айдан слегка вздрогнул. Это оказалось не так ужасно — то, что его узнали здесь. Этот человек не испытывал к нему ни ненависти, ни особого страха. А этот последний взгляд был заключением сделки. Безопасность принцессы за молчание архидиакона. От кого угодно, только не от Архидиакона Вильяма Тирского в Заморских Землях могут узнать, что принц был трубадуром в Каркасоне в те годы, когда он, судя по виду, еще не мог бы и внятно говорить.

Эхо мелодии возникло в памяти Айдана. "Domna, pouois ne

me no' us chal…" — "Госпожа моя, вы отослали меня прочь, вы больше не тревожитесь обо мне…" Эту песню сложил он сам. Потом ее пели и другие, и он был только рад этому. Айдан не цеплялся за свои творения, когда они становились достаточно совершенны, чтобы зажить своей жизнью.

Леди Сибилла выглядела несчастной, казалось, что он совсем позабыл ее. Верный поклонник поспешил бы рассеять ее печаль. Но Айдан заключил сделку. Он позволил себе найти спасительное укрытие в кругу молодых рыцарей. Один из них был при Акре, а два других только что прибыли в Заморские Земли. Выглядели они грубо, неопрятно, успели уже обгореть на солнце, и были несколько ошеломлены роскошью окружающей обстановки.

— Ого, — приветствовал Айдана один из них, — как вы этого добились? Вы выглядите так, словно родились пуллани.

Это был выпад, который Айдан не намерен был игнорировать.

— Во-первых, — отозвался он, — надо принимать ванну. — Вид у новоприбывших стал еще более изумленным. — Вы знаете, что здесь есть? Мыло! Ароматное, как грудь Владычицы Небесной, и мягкое, словно ее поцелуй. Смуглая дева поможет вам свершить омовение, еще одна подержит губку, а еще…

— Его Величество Балдуин, четвертый носитель сего прославленного имени, Король Иерусалимский, Наследник Трона Давидова, Защитник Гроба Господня!

Герольд сорвал голос, выкрикивая имя всех лордов, леди и их отпрысков при Высоком Дворе. Но теперь, в наступившем молчании, этот голос зазвучал с новой силой.

Айдан, который был выше большинства присутствующих, и к ому же находился ближе ко входу, смог отчетливо разглядеть того, кто появился в дверях. Вошедшему не нравилось такое внимание к его персоне: для чувств Айдана это было так же ясно, словно это недовольство было выражено вслух. Для человеческих же чувств…

При всем своем величии, вошедший был ненамного старше Тибо. Он был довольно высок, но строен, хрупок, словно тростинка, в богатых шелковых одеяниях, скорее сарацинских, нежели франкских. По старой моде, он был одет в длинную тунику и расшитые самоцветами перчатки, которые, в общем-то вполне пристало носить королю. Но головной убор придавал ему чужеземный вид. Айдан видел такой на одном кочевнике из пустынного племени к востоку от Джаффы: *куфия*, покрывающая голову и удерживаемая обручем на челе, и к тому же скрывающая нижнюю часть лица, оставляя на виду только блестящие глаза. Эта куфия была сделана из шелка, цвета королевского пурпура, а обруч был золотым. Глаза, смотрящие из-под куфии, были

темными, но ясными, хотя и хранившими печать утомления и долгого страдания.

Лишь самые неотесанные новоприбывшие глазели на вошедшего. Остальные склонились в почтительном поклоне.

Король ответил на эти приветствия жестом, не произнося ни слова. Они выпрямились и постепенно вернулись к своему сложному танцу власти и любезности. Король помедлил, изучая их лица. Айдан почувствовал прикосновение его взгляда, словно жар пламени, слишком мимолетный, чтобы обжечь.

Король медленно двинулся по залу. Он шел медленно, не то чтобы прихрамывая, но осторожно, словно не доверяя своим ногам. Болезнь уже поразила и их, как его руки: левую, казавшуюся более сильной, но все же скрытую перчаткой, и правую, бессильно висевшую, словно не в силах оторваться от бока. Как и лицо, скрытое краем куфии, лицо, которое никто не видел уже больше года. Некогда оно было красиво, как гласили слухи, похоже на лицо отца короля, с красивым тонким носом и сильными чистыми очертаниями лба, щек и подбородка. Каким оно стало теперь, не знал никто.

И все таки он не вызывал жалости. Он держался прямо, по-королевски гордо вскинув голову. Голос его был глубоким и мягким, с легкой запинкой. Король не вмешивался ни в чьи разговоры, обходя зал, но выслушивал тех, кто обращался к нему, внимательно всматриваясь в их лица. Айдан заметил, что многие из них находят способы уклониться и не поцеловать руку короля. Большинство весьма преуспело в этом. Король осознавал это: Айдан видел это по блеску его глаз. Это была старая боль. Король уже научился находить в этом забавные стороны, восхищаться наиболее хитрыми уловками, оценивая их, словно рыцарские приемы на турнире.

Маргарет не устрашилась и не попыталась ускользнуть. Глаза короля выразили улыбку, но тут же омрачились и наполнились слезами.

— Я… соболезную… — сказал он, его заикание стало чуть заметнее, хотя он пытался скрыть его. — Мне жаль. Он был хорошим человеком.

— Да, ваше величество, — спокойно ответила Маргарет. — Благодарю вас.

Король качнул головой — быстрое, почти резкое движение.

— Если что-нибудь… если вам понадобится помощь, убежище…

— Я буду помнить ваши слова, ваше величество.

— Да, помните это, — промолвил король. — Я приказываю не забывать. Теперь или позднее, когда двор соберется для

обсуждения — только скажите, и вы получите все, что вам нужно.

Она низко поклонилась.

Наступило молчание. Маргарет не собиралась нарушать его. Король медлил, не желая отойти, хотя остальные ждали его, скрывая нетерпение: и в этом проявлялось то, что он был старше своих лет. Взгляд его упал на Айдана, который подошел, пока они говорили, подошел неслышной кошачьей походкой, как мог ходить, когда хотел этого. Король вскинул брови под покровом куфии:

— Что… что это, сэр? Вы так похожи на него!

Айдан склонился над затянутой в перчатку рукой: тонкая кожа была окрашена пурпуром, самоцветы пришиты золотой нитью, и под этим — сладковато-отвратительный запах болезни. Поступок Айдана был высоко расценен, ибо он коснулся перчатки губами, не выказывая дрожи и не излучая святого неведения. Но это был вовсе не повод для гордости. Он не был смертным. Он не мог заразиться болезнями смертных.

— Родственник моего супруга, — представила его Маргарет. — Айдан, принц королевской крови Райаны, недавно прибывший с Запада.

Балдуин знал о нем, как знал Тибо, как знал Герейнт: испытывая почтение и высокое восхищение. Глаза его засверкали.

— Милорд! Это добрая встреча. О, воистину добрая!

— Даже при отсутствии у меня армии? — с усмешкой спросил Айдан.

— А, — пренебрежительно сказал Балдуин. — С вами отправились воины, но потом оставили вас одного, так? Они чрезвычайно глупы. Но довольно будет и того, что вы сами здесь. — Он поднял руку. На ней сверкнуло кольцо, золотой перстень с большим изумрудом. — Я получил дары от вашего короля на свою коронацию — удивительно, что он знал об этом, находясь так далеко на Западе, не так ли? Видите, я ношу это кольцо, и читаю книгу, когда могу — она успокаивает мою душу. Он не родственник ли вам, тот великий ученый, который написал ее и назвал "Gloria Dei"[4]?

— Насколько я знаю, нет, сир, — сказал Айдан, заметив, что юноша, втянувшись в беседу, говорил уже легко, без запинки. — Скорее всего, нет. Он принял в Англии монашество, и, как говорят, ведет праведную жизнь в уединении от мира. Но это замечательная книга, не так ли?

— Великолепная, — ответил Балдуин. — Возможно, в скором времени вы сможете прочесть ее вместе со мною. — Он помедлил. — Для чего вы прибыли сюда? Вы хотите стать одним из моих рыцарей?

Только король мог испытывать такую уверенность, и только юноша мог показать это. Айдан улыбнулся в ответ на взгляд больших карих глаз:

— Чтобы служить вам, мой господин, настолько хорошо, насколько смогу. Только…

— Только? — переспросил Балдуин, видя, что Айдан не решается продолжить.

Айдан опустился на одно колено и взял руку короля. Под шелковым рукавом запястье было тонко, словно кость.

— Господин мой, я принесу вам присягу, но прежде я должен сделать одну вещь. Когда это будет свершено, я вернусь, и если вы примете меня, я буду служить вам, пока смерть не разлучит нас.

Слушатели внимали — они испытывали благоговение, были зачарованы и потрясены его безрассудством. Король встретился с Айданом глазами и кивнул. Да, король уже не ребенок, сколь бы юн он ни был.

— Что вы собираетесь свершить, принц?

— Сын моей сестры убит, — ответил Айдан. — Я намерен отомстить тому, кто приказал сделать это.

Балдуин вновь кивнул: медленно склонил голову, потом поднял:

— Я… понимаю.

Он действительно понимал. И поэтому Айдан не жалел о том, что сказал, о том импульсе, который побудил его сделать это.

— Я вернусь, господин мой. Даже если плоть моя умрет. Я буду служить вам всей своей силой.

Рука Балдуина дрогнула. Это было не просто обещание и не обычный дар. Но Айдан не чувствовал в его душе страха, ужаса перед тем, кто явился служить ему.

— Возвращайтесь целым, — сказал он, — и возвращайтесь во всей своей силе. Вы нужны нам здесь, в Иерусалиме.

7

Джоанна приняла твердокаменное решение никого ни о чем не расспрашивать. И, очевидно намереваясь свести ее с ума, никто не собирался ей ничего рассказывать. Мысли всех занимало то, что король сказал принцу и то, что принц сказал королю. Весь этот разговор уже перерос в легенду.

— И ведь он *всего-навсего* принес вассальную клятву!

Тибо моргнул, удивляясь ее горячности.

— Но ведь речь идет не о том, *что* случилось, а о том, *как* это было. Все было как в песне. Они смотрели друг на друга, и все мы видели: это связывает их воедино.

— Ты говоришь так, словно они — парочка любовников.

Голос ее дрогнул при этих словах. Тибо не заметил этого.

— Конечно же, нет. Они — король и человек, которому Богом предназначено быть подле короля.

— Почему бы и нет? Колдуны не болеют.

Тибо передернулся от отвращения и ушел, а больше Джоанна никого не могла расспросить. И, конечно же, не хотела. Ей было все равно, был ли при дворе Ранульф и расспрашивал ли он о своей жене.

— Его там не было.

Она подскочила. Айдан сидел на крыше подле нее. В руке он держал запотевшую чашку, которую сразу же передал Джоанне. Она неосознанно взяла ее, отпила глоток. Шербет.

Айдан устроился поудобнее, вытянул ноги.

— Его там не было, — повторил он. — Никто не выглядел обеспокоенным. Просто, как обычно, собрался двор.

Щеки Джоанны вспыхнули. Она глотнула кисло-сладкого напитка — лимон и сахар, охлажденные снегом с горы Гермон.

Когда она закашлялась, он похлопал ее по спине, с трудом удерживаясь, чтобы не улыбнуться. Она чертыхнулась в его адрес, но без слов — косым взглядом из-под нахмуренных бровей. Он вновь принял позу отдыхающей пантеры. Он был не в своих пышных придворных одеждах, а в простой рубашке, какую мог бы носить любой человек среднего достатка, без вышивки, с широкими рукавами. Рубашка была незашнурована. Джоанна отвернулась.

— Я не думаю, что он собирается обвинять вас, — произнес этот проклятый певучий голос, — или позорить вас перед всеми. Насколько всем известно, вы присоединились к своей матери, чтобы разделить ее скорбь, и он отпустил вас.

— Как великодушно с его стороны!

— Не так ли?

Она испепеляла его взглядом. Он улыбался, лениво позевывая, как кот на солнышке.

— Ваше лицо, — сказал он, — являет чудесный оттенок багрянца.

Она ударила его.

В том месте, куда направлялся удар, его не было; затем, когда опасность миновала, она появился. Запястье Джоанны оказалось в его ладони. Она едва чувствовала его хватку, но вырваться не могла, даже приложив всю свою силу.

Она замахнулась левой рукой. И снова удар пришелся по воздуху. И снова он перехватил ее руку, удерживая ее без малейшего напряжения. Она с силой пнула его. Глаза его расширились. Он продолжал улыбаться, но она знала, что попала. Она снова занесла ногу, угрожая.

— Отпустите меня!

Айдан подчинился. Он даже не отодвинулся на безопасное расстояние, не попытался защититься.

Пламя гнева Джоанны угасло. Она опустилась на корточки, уткнувшись лицом в свою юбку. И вдруг заплакала.

Он протянул к ней руки, обнял ее. Сначала она сжалась от его прикосновения. Но он продолжал хранить молчание и неподвижность. Мало-помалу она расслабилась. Руки ее обвили его шею. Она ткнулась лицом в его плечо и зарыдала.

Она прижималась к нему, и слезы помаленьку иссякали. Это длилось долго, и он, успокаивая ее, стал медленно гладить ее волосы. Теперь его рука двигалась по ее спине, нащупывая напряженные, стянутые в узлы мышцы, гладя их, расслабляя по одной. Сердце его билось медленно и ровно — медленнее, чем у человека. Это было… она вновь напряглась. Это было неправильно. Пальцы его снимали напряжение, гнали его прочь, размягчали мускулы.

Это было ничем не хуже, чем все остальное в нем. Например, его запах, или, вернее, отсутствие такового. Даже самый чистый мужчина ахнет мужчиной. Он не пах ничем, кроме соли ее собственных слез, льна рубашки и слабого аромата розовой воды. Но тело, к которому она прижималось, было настоящим, живым и теплым. Под пальцами ее переливались мускулы, а волосы были удивительно мягкими. Даже его борода — она почти не кололась, была густой и мягкой под ее ладонью.

Джоанна отшатнулась с неожиданной силой. Айдан не пытался удержать ее. Глаза его приняли темный оттенок осеннего дождя. Он годился ей в дедушки. Он был ей родственником в достаточной степени, чтобы между ними лег запрет. Он даже не

был человеком.

Она знала, что умрет, если он посмеется над нею.

Он коснулся ее щеки едва ощутимым прикосновением, и провел по ней ладонью.

Она отскочила. Ладонь его опустилась. Он повернулся, слегка пожал плечами. Этим пожатием он возвращал ей свободу. Она ненавидела его за это.

Джоанна выпрямилась.

— Мне надо идти, — сказала она.

Если он и услышал ее, то не подал виду.

"Вот так, — сказала она мысленно. — Будь таким. Смотри, как

я осторожна…"

Он не услышал и этого. Она повернулась на пятках и пробежала мимо него.

Айдан обхватил свои колени, положил на них голову и глубоко вздохнул. "О, мой Бог, — подумал он. — Мой безжалостный Бог."

Первая женщина за двадцать лет, которую ему просто хотелось видеть, и конечно это должна была быть она. Совсем дитя. Вспыльчивая. Замужняя. Преследуемая ассасинами.

Она хотела его. Они всегда хотели его. Иногда сами почти не осознавая этого. Она осознавала; но все же не призналась. Она не видела в его глазах отклика.

Воля Божия, но ей этого не надо. Ей хватит своей боли. Ее глупец муж, отнятое у нее дитя, тень смерти на этом доме… Она была мудра, когда ее молодость и пылкий нрав допускали это. Она должна думать, что всего лишь попала под его проклятые, нечеловеческие чары соблазна, и должна сопротивляться этому. Он должен быть так холоден, как только может, не обращать на нее внимания, не быть ни человеком, ни просто смертным, чтобы эта смертная женщина продолжала томиться по нему.

Он рассмеялся, хрипло и горько. Он вообразил, что она — принцесса Сибилла. За той он мог бы приударить просто ради удовольствия, если бы не заключил соглашение с наставником ее брата — который на самом деле был канцлером и представлял собой власть в королевстве. Для него Сибилла была бы ничем. Добычей.

Его мать наставляла его много лет назад:

— Никогда не позволяй ни одному человеку затронуть твое сердце. На этом пути ты найдешь только скорбь.

Это была правда. Даже Герейнт, который приходился ему кровным родственником… Герейнт умер, нанеся этим неизлечимую рану. Таковы были все они. Такова была их

природа.

А какова была его природа? Ему надлежало быть холодным и бездушным. Ему полагалось быть котом, зверем, гуляющим в одиночку, ночным охотником. Но он был наполовину человеком, и хотя, быть может, у него не было души, у него было сердце; и он никак не мог ожесточить его.

Айдан поднял голову. Солнце уже было низко. Иерусалим был весь словно из золота, купаясь в потоках закатного света.

Он наблюдал, как закат озаряет небо, потом медленно угасает, как одна за другой зажигаются звезды. Остальные тоже поднялись на крышу, в сумеречную прохладу. вслед за ними явились слуги, принесшие все для ужина. Айдан чувствовал излучаемую ими озабоченность. Джоанна села так далеко от него, как могла. Казалось, она избрала лучшую защиту — сделать вид, что он не существует. Он обладал не меньшей силой воли, но глаза разума не так просто отвести, как очи телесные.

Она быстро поела, и исчезла. Он тоже не стал задерживаться.

Тибо проводил Айдана в его комнату. Это, конечно же, были обязанности пажа — заботиться о господине, помогать ему разоблачиться, приготовить для него постель. Айдан не хотел, чтобы его провожали. Или ждали его. Или, во имя Господне, касались его. Прикосновение разрушало любую защиту, оставляя мысли открытыми в их бессмысленности, бесформенности, в их безумной принадлежности человеку.

Ничего хорошего не вышло бы, если бы он поддался этим чувствам. Мальчик следовал за ним с неотступной преданностью. У Тибо даже гнев Айдана вызывал восхищение: пламя гордой души рыцаря с Запада. Когда Айдан огрызался на него, он даже не обижался. Тибо мог бы сказать всем оруженосцам при Высоком Дворе, что его господин — человек крутого нрава, но зато смелый, великодушный и щедрый. Словом, истинный принц.

Айдан оттолкнул Тибо:

— Ты прекратишь это? Ты собираешься перестать?

Тибо удивленно уставился на него. До такого еще никогда не доходило.

"Прекрати думать обо мне!"

Мальчик застыл там, куда Айдан толкнул его, прислонившись к стене, изумленно глядя во все глаза. Айдан издал странный звук — наполовину рычание, наполовину стон. Потом бросился на кровать. Все его защитные силы поднялись волною и сжались в непроницаемый кокон.

Безмолвие. Блаженный покой. Наконец-то он один.

Он чувствовал кожей, как Тибо неслышно передвигается по комнате, исполняя свои обязанности, не пропуская ни единой.

Последней его заботой было погасить светильник, оставив только один огонек. Затем мальчик улегся на свой матрац у двери. Судя по всему, он сразу же уснул.

Айдан расслаблял мышцу за мышцей. Он ощутил укол стыда. Этот ребенок приносил ему в дар одну только преданность, а он отплатил за это резкими словами и ударом.

Тибо свернулся под простыней калачиком, черные волосы взъерошены, дыхание ровное. Ни единого всхлипа; значит, причиненная обида не останется с ним долее этой ночи.

Ничто не проникнет за эти стены. Они высоки и неприступны. Айдан успокоил настороженные сверхчувства. Эту единственную ночь, во имя крови Господней, он должен провести спокойно.

Безмолвие; покой. Все они спят, даже собака спит в своей конуре. Леди свернулась, словно кошка, на своей половинке широкой двуспальной кровати, рядом с ней, на месте ее мужа, теперь посапывает носом служанка. Дочь спит одна, сначала она беспокойно металась во сне, теперь затихла, на щеках соленые дорожки — следы слез. Сын…

Нет, это не сын хозяйки спал в комнате с багряными панелями, не он разметался там поверх покрывала. Мальчик был смуглокож, тонок и невысок. Этот же — высок и бледен, и это взрослый человек, да, несомненно. Тело без единого порока, хотя один, пожалуй, глаза мусульманина отыскали бы — над этим мужчиной не был свершен обряд обрезания.

Марджана, соткавшись из воздуха, остановилась над ним, зачарованная. Нынче ночью не было луны, и все же его тело светилось собственным бледным светом. Не бывает на свете кожи белее. За исключением — она задержала дыхание — ее собственной. Лицо его скрывала тень. Тень от упавших на лицо волос, черных, как ночь, длинных и густых.

Он слегка пошевелился во сне. Она слегка отступила во тьму, готовая исчезнуть, но остановилась. Волосы его откинулись с лица.

О, только не франк, не этот. Орлиный профиль, острый, словно лезвие кинжала, без мягкости, без изъяна. Он даже не стал уродовать это лицо по ужасной франкской моде — не стал сбривать бороду, гордость и украшение мужчины.

Рука его по своей воле потянулась к нему, но не коснулась, не посмела. На Марджану нахлынуло счастье и, неожиданно, пронзительный ужас. Он был подобен ей. Теперь, когда она знала, на что смотреть, она видела свет, сияние магии, мощь, что была воздухом и огнем.

Но превыше счастья, превыше ужаса был долг — уничтожение. Ранее этот дом был закрыт для нее, окружен

стенами и стражей нечеловеческой природы. Но этой ночью стены пали. Он убрал их. Он, по причинам, которых она не знала, снял чары. Он был врагом. Он был демоном, служившим хозяйке, а она повелевала им.

— Нет, — прошептала Марджана сквозь стиснутые зубы. Он был ифритом, духом воздуха. Он принадлежал ее племени. Он принадлежал ей.

Если кто-то из ифритов может принять ислам, почему бы другому не исповедовать иную веру?

Она улыбнулась, почти испытывая боль. Она пришла убивать. И она нашла… нет, не брата. Нет. Несомненно, не брата, если Аллах воистину милостив.

Взгляды их встретились. Глаза его моргали, все еще полные сонных видений. Серые, как дождь, глаза, с зелеными отблесками от света лампы. Он слегка нахмурился, и в то же время удивленно улыбнулся. Слово, которое он произнес, было ей незнакомо, и все же она знала его.

— Прекрасная, — сказал он. — Такая прекрасная…

Ужас, поднявшийся волной, захлестнул Марджану. И вместе с ужасом пришла мощь. И эта мощь обрушилась на него, погрузив его в глубокий сон.

Марджана пришла убивать. Там, у двери, загораживая ее, — как будто смертное дитя могло противостоять тому ужасу, которым была она! — спал тот, за кем она была послана. Маленький, стройный, смуглый.

Дитя, но почти мужчина.

Рука ее по своей собственной воле нанесла удар, быстрый и чистый. Сердце трепыхнулось под клинком, борясь, протестуя. Она вонзила кинжал до конца.

Мальчик умер прежде, чем смог осознать, что умирает. Последнее его сонное видение проскользнуло мимо Марджаны. Легкое, точно обрывок песни: острый орлиный профиль, любовь на грани преклонения, счастье и гордость. "Я принадлежу ему. Он мой господин." Легкая тень. "Даже если он думает, что не желает принимать мою верность."

Марджана упала на колени. "Прочь отсюда! — кричал ее рассудок. — Прочь, уходи!"

Всегда, до этой ночи она, неумолимая, словно Ангел Смерти, приходила, убивала и исчезала. Раскаяние приходило позже, как и черные думы, как и ужас перед собственными окровавленными руками. Не теперь. Не в доме врага. Позади ее мощь, свободная от уз; перед нею смерть, медленно остывающее тело, словно охваченное сном. Мальчик. Дитя. Невинный. И она убила его.

Из глубин ее души поднимался отчаянный плач, заполоняя

ее, грозя разорвать на части. Он увлек ее прочь, швырнул в ночь.

Айдан просыпался. Вокруг еще теснились сны. Словно бы вой ветра на пустошах; страшная, замораживающая сердце скорбь, скорбь на грани безумия, увлекшая его во тьму.

Не было слышно ни звука. Память пробивалась сквозь мрак. Другое, то, что было прежде сна. Слабая, неопределимая сладость. Мерцание света. Лицо. Белое, прекрасное дикой красотой; волосы, какие могут только присниться — текучие, винно-красные. Глаза…

Глаза такие же, как у него, жадно глядящие на него.

Его мужское естество было напряжено до боли. Мудрый глупец, усмехнулся он над собой. В страхе убежал от смертной женщины, и во сне грезил о женщине своего племени. И даже не о той, кого знает, не о стройной королеве с кожей цвета слоновой кости, супруге своего брата. О нет. Он, конечно, должен грезить о той, кого даже не существует, о неистовой женщине-кошке неземной белизны, чья красота разит, как отточенный клинок.

Боль его не успокаивалась, но просто стихала. Он сел и запустил пальцы в волосы, ероша их. Сознание его расширялось, охватывая стены. Все еще не рассуждая, гоня прочь сны, видения, обрывки тьмы, он прислушивался к магическим сверхчувствам.

Безмолвие. Полное спокойствие. Ни звука, ни дыхания, ни запаха чужого присутствия. Тибо неподвижно лежит на своей подстилке. Сознание его…

Безмолвие.

— Тибо, — позвал Айдан. Потом громче: — Тибо!

Ничего.

Айдан понял. Но отказывался понимать. Этого не могло быть.

Когда Айдан потряс мальчика за плечо, голова его безжизненно мотнулась. Глаза были широко открыты, и в них не было даже удивления. Тибо ушел. Был опустошен.

Мертв.

На фоне гладкой смуглой кожи напротив сердца мерцал серебристый блеск — рукоять сарацинского кинжала. А сбоку от тела мальчика, все еще теплый от печного жара, лежал хлебец, каких не выпекали ни в одной пекарне, кроме…

Айдан запрокинул голову, и не то застонал, не то завыл.

Он не сошел с ума от всего этого. Бог не был столь милостив. Он был взволнован из-за женщины. И в этом волнении снял свою незримую охрану. И ассасин явился в самую его комнату, пока Айдан спал, метался во сне и испытывал вожделение к пригрезившейся незнакомке. А убийца забрал жизнь Тибо и исчез.

Совсем. Не оставив следа. Кинжал был просто безжизненным

предметом, холодная сталь без запаха либо ощущения прикосновений владельца. Хлебец состоял из муки, воды и меда, в нем не было ничего от пекаря, словно бы он испекся сам по себе.

На хлебце было пятно крови Тибо. Слишком мало крови, чтобы принести столь великую потерю. Айдан откусил кусочек. Он не знал, зачем это делает, знал только то, что должен так поступить. Хлебец был сладким.

Он поднял взгляд и увидел расплывчатые пятна лиц. Все они молчали, ошеломленные и испуганные. Его широко распростертое сознание находило скорбь, скорбь и только скорбь, отдающуюся в каждом уголке души. И страх. Их напугал ночной охотник. Белый хищник с кошачьими глазами, скорчившийся над телом Тибо, с губами, вымазанными медом и кровью.

Кое-кто из них наткнулся на казавшуюся неоспоримой мысль, заставившую вздрогнуть: чужак в доме, чья история была наполовину открыта свету, наполовину таилась в тени. Он с песней явился на крыльях смерти. И сейчас кровь на его руках. Он сделал это, и никто другой.

— Нет, сказала Маргарет, воздев руку. Голос ее был пугающе спокоен.

Айдан молча вытащил кинжал из тела. Она почти не вздрогнула при виде крови.

— Дамасская работа, — сказала она негромко и холодно. — Это видно по орнаменту на рукояти и лезвии. Но сталь слишком хорошая для западных рудников — это лучшая индийская сталь. Этот кинжал выглядит новым.

— Для каждого нового убийства, — обронил Айдан, — новый клинок. — Он поднял Тибо на руки. Голова мальчика перекатилась к плечу. Тело было легким, словно древесный лист, и тяжелым, словно целый мир.

Окружающие смотрели на него. Впереди всех стояла Джоанна, онемевшая от ужаса: она не могла оторвать глаз от лица брата.

— Может быть, он не мертв? — сказала она. — Может, просто без сознания? Может быть, он очнется? Может быть…

— Он мертв. — Голос Айдана был ровным.

Рука Джоанны метнулась ко рту, останавливая поток слов. Одна из служанок вдруг начала причитать. Джоанна резко обернулась:

— Прочь, все вы! *Прочь!*

Они заволновались. Маргарет не обращала на окружающих никакого внимания. Она вертела в пальцах кинжал, рассматривая его, словно зачарованная. Джоанна сделала шаг вперед. Слуги

отшатнулись и сочли за лучшее исчезнуть.

Молодая женщина так же резко обернулась. Маргарет не двигалась. Айдан застыл, как изваяние. Слуги могли поднять плач и разбудить им весь квартал. Они трое могли только молчать. Смерть Герейнта была горем. Эта смерть — горем среди горя. Это было вне любых слов и почти вне пределов горя. Души их, казалось, онемели.

— Бог велик, — сказала по-арабски Маргарет низким завороженным голосом.

Остальные смотрели на нее, не говоря ни слова.

Она не была сломлена. Еще не была.

— Так гласит эта надпись, — пояснила Маргарет, — здесь, на клинке. Он весьма набожен, этот ассасин, и предан своему Богу. Он жиреет на крови невинных.

Ненависть ее была чистой и твердой, словно алмаз.

— Джоанна, — сказала она, — Найди Годфруа, если он уже закончил рыдать и скрежетать зубами. Вели ему принести мой письменный прибор.

Джоанна не стала даже возражать и вышла.

Айдан и Маргарет остались наедине. Так мягко, как только мог, Айдан опустил Тибо на богато застеленную кровать, закрыл широко распахнутые глаза, прикрыл безжизненное тело покрывалом, медленно выпрямился, повернулся. Маргарет созерцала его с интересом и даже с некоторой долей восхищения.

Это горькое спокойствие было ее защитой. И с таким же спокойствием он сказал:

— Это моя вина. Я утратил бдительность. Его кровь падет на мою голову.

Маргарет чуть заметно качнула головой.

— Я знала, что он должен быть следующим, но продолжала упорствовать. Мы оба виновны. Но я в большей степени. Его кровь падет на мою голову.

Сердце Айдана сжалось. Тибо, кроткий Тибо, который никому не сказал ни единого дурного слова!

— Не снимайте с меня моей вины, — выговорил он низким и хриплым голосом.

— Ее хватит на всех нас.

На миг ему захотелось закричать на нее, схватить ее, встряхнуть, ударить, лишь бы заставить ее вести себя так, как должна вести себя мать, потерявшая сына. Маргарет продолжала стоять там же, где стояла с тех пор, как вошла, низенькая полная женщина в широком черном одеянии. Лицо ее было серым и старым. Она выронила кинжал, потом наступила на ассасинский хлебец, раздавив его.

— Я родила пятерых человек, — промолвила Маргарет. — И только один выжил после рождения. У меня не было дочерей, кроме Джоанны. Если она умрет, мне незачем станет жить.

— Значит, вы сдаетесь?

Она вскинула на него глаза, большие и черные. потом улыбнулась. Айдан никогда не видел столь ужасного лица.

— Сдамся? Только тогда, когда я буду уверена, что в ту ночь, когда он возляжет со мной, он умрет от вот этого кинжала.

Так она и написала, когда Годфруа принес письменные принадлежности, на арабском языке, но строя фразы по-франкски открыто и прямо.

— Пусть сам увидит, — сказала Маргарет, — что, лишив меня мужа и сына, он не оставил средств, чтобы склонить меня к покорности.

— Она сложила и запечатала письмо, потом подала его сенешалю. — На крыше, несомненно, уже сидит птица с меткой Масиафа на лапе. Пусть получат то, чего ожидают.

Глаза Годфруа были красны от слез, но держался он спокойно и прямо. Он поклонился и отправился выполнять приказание.

Маргарет же не могла сейчас ни плакать, ни спать. Она опустилась на кровать.

— Присмотрите за моей дочерью, — сказала она Айдану. И все. Глаза и помыслы ее обратились от Айдана на ее сына.

Айдан повиновался, не думая, накинул на себя первое, что попалось под руку — свой плащ. Джоанна уже собралась идти к себе. он пошел следом.

Уже в дверях своей комнаты она остановилась и обернулась. Айдан тоже остановился. Она резко сказала:

— Я сама могу присмотреть за собой.

— Я не сомневаюсь, — ответил Айдан.

Джоанна скривила губы:

— Тогда не будете ли вы так добры держаться подальше?

Это была боль, только и всего. Ей надо было выплеснуть ее на кого-то. Он просто оказался самой удобной и близкой мишенью. Он должен вынести это. Это было то, чего он заслуживает.

Она с силой мотнула головой, стряхивая слезы.

— Что вы смогли бы сделать? Тот человек был самим дьяволом.

А вы — даже не ангел.

Айдан кивнул. Это вышло как бы помимо его воли.

Выражение его лица рассмешило Джоанну, невзирая на слезы.

— О да, как я только осмелилась усомниться в вашей непобедимости. Я всего лишь грязная смертная, недостойная

лизать ваши ноги.

— Не… грязная, — с трудом выговорил Айдан. Горе поднималось в нем волной, захлестывало его. — О Господи! Ведь это я позволил ему умереть.

— Тише, — сказала Джоанна. — Тише.

Это было нарушением приличий. Чтобы он стоял в ее комнате на коленях и плакал, а она обнимала его, укачивала, бормотала успокаивающие слова. Она была ребенком, рабыней своего характера, своевольной и замкнутой.

Ее груди все еще были полными, разбухшими от молока, хотя из-за ее упрямства оно должно было давно иссякнуть. Она была матерью. Она не была ни ребенком, ни тупицей, ни дурочкой.

Тогда как он…

— Прекратите, — сказала Джоанна резко, словно плеснув холодной водой в лицо. Но рука ее мягко перебирала его волосы, гладила его спину.

Она знала, что делает. Она видела, что знает и он. Она слегка покраснела и отодвинулась — неспешно, но настойчиво.

— Я думаю, — сказала она, — что мы должны попытаться уснуть, пока есть время. Когда настанет утро, мы оба понадобимся матери.

Айдан вскинул брови. Его постель была занята. Ее…

Она проследила его мысли с легкостью, пугающей у женщины, не владеющей магией. Щеки ее зарделись алым.

— Не здесь! — Это было слишком громко. — На крыше… если кто-нибудь из слуг… Дара!

Айдан поднялся и шагнул к двери. Служанка появилась Бог весть откуда, с красными глазами и негнущейся спиной, как, кажется, у всех в эту ночь.

— Постели матрац для милорда, — приказала Джоанна, — на крыше, там, где мы спали, когда были детьми.

Женщина склонила голову и проскользнула в дверь позади Айдана. Запах мускуса, натянутая струнка страха, тяжелый туман горя.

Айдан помедлил еще, не в силах заставить себя уйти.

— И вы тоже, — сказал он. — Спите. В эту ночь мы в безопасности. Они не нанесут новый удар, пока не получат послание вашей матери.

Джоанна поняла. От лица ее отлила кровь, но она не вздрогнула. Она быстро и весьма целомудренно поцеловала его в лоб. Он едва удержался, чтобы не обнять ее: он знал, что если сделает это, то она не позволит ему уйти.

Руки его бессильно повисли. Не сказав ни слова, он ушел.

8

Масиаф был крепостью, укрепленным замком. Деревня, поставлявшая Масиафу все необходимое, притулилась у подножия горы, лелея каждый драгоценный клочок зелени, трясясь над каждой каплей воды. Но в сердце замка, как в Аламуте, что был Масиафу родителем и господином, таился подобный радужному самоцвету сад. Он был намного меньше, нежели Сад Аллаха в Орлином Гнезде, но являл собой совершенное его подобие и полностью выполнял свое назначение. Этот сад был столь хитро обустроен, что из центра его невозможно было узреть его границы.

Там, среди летнего тепла, Повелитель Ассасинов установил свою палатку. Не огромный шелковый шатер, а простое жилище обитателя пустыни, сотканное из козьей шерсти, черное и ничем не украшенное. Внутри палатки не было ничего, кроме потрепанного молитвенного коврика и единственного одеяла, и обычно туда заходил только раб, служивший Синану.

Хозяин палатки погружался в недолгий сон после ночной молитвы, и вновь просыпался, чтобы помолиться, кланяясь на юг, в сторону трижды священной Мекки. Его молитва всегда гласила лишь одно: да сбудется то, что угодно Аллаху. И если это же угодно Рашиду аль-Дину Синану, то хвала Всевышнему!

Синан выпрямился и поднял взгляд к звездам. Вокруг него волнами плыл сладкий запах: розы, жасмин, цветы апельсиновых и лимонных деревьев. В своем укрытии среди ветвей пел соловей.

Сердце Синана запело вместе с соловьем, и песня эта была исполнена невыразимой радости.

— Хвала Господу, — произнес он, — за то, что Он послал меня в этот мир!

— Хвала Господу, — ответил голос в ночи, — за то, что ты можешь радоваться этому.

Радость поблекла и исчезла. Синан был уверен, что именно таково было намерение говорившей. Он не позволял себе испытывать страх перед этой самой странной рабыней Аламута, самой древней и самой сильной, непонятным образом попавшей в это рабство. Но он знал, что любому человеку следовало опасаться создания, подобного тому, что сейчас вступило в круг света, отбрасываемый его лампой. Телесный образ, который она ныне носила, был тем же самым, в котором она пребывала еще до времен первого из Повелителей Ассасинов, самого Хасана-и-Саббаха, да пребудет мир на имени его; а было это около сотни лет назад. Она выглядела женщиной, девой в поре своей

семнадцатой весны, слишком стройной и хищноликой, чтобы соответствовать персидскому канону красоты, но при этом все же прекрасной, красотой неистовой и странной. Любой мужчина неизменно пожелал бы ее, но мало кто осмелился бы взять ее. Гурии сада Синана, как и в Аламуте, были созданы по более нежному образу.

Сейчас она была более прекрасной, чем обычно, более дикой и какой-то более нездешней. Иногда она носила тюрбан; менее часто, как сейчас, оставляла свои волосы распущенными, и они стекали по ее белым одеждам, как темная кровь.

Как обычно, она склонилась, поцеловав землю между своих рук.

— Исполнено, — промолвила она.

Синан выдохнул — до этих слов он сдерживал дыхание.

— Так. Исполнено хорошо?

Она подняла глаза. Он встретил этот взгляд, зная, что силен, что она не сможет соперничать с его волей. Эти глаза, зеленые, как изумруд, и прозрачные, как стекло, затягивали его все глубже, глубже и глубже. На дне их был свет, и из света складывалась картина: лицо, тело, на редкость красивый мальчик. Но для этих глаз мальчик был целью, и ничем более. Биение сердца. Жизнь, которую надо забрать. И Синан забрал эту жизнь, ибо в этой эфирной среде он был той, кто это свершила; и он почувствовал сладость этого деяния и его невыносимую горечь.

— Ему было, — сказала Марджана бесплотным голосом, чистым, как вода, и таким же холодным и спокойным, — тринадцать лет. Вчера он поведал своему духовнику ужасный грех: он поругался со своей сестрой и наговорил ей грубостей. Этакий нежный агнец; мне было почти жаль лишать мир его существования.

Синан пошатнулся. Он был свободен, он был самим собою, в своем саду, где не было иного господина. Его рабыня стояла перед ним на коленях, глаза ее были вновь опущены долу, и мощь их сокрыта, как будто ее не было вовсе.

Возможно, это и грезилось ему. Она была ифритой и не ведала смерти, была духом воздуха и огня, но при этом она принадлежала ему. Его рабыня, в полной его власти, не имеющая иной воли, кроме его воли, не имеющая иного "я", кроме того, что он даровал ей.

Или так должно быть. Не так давно она восстала, и это было таким потрясением, словно сам Масиаф зашевелился, поднялся и заговорил. Она заявила, что больше не будет проливать мусульманскую кровь. В ответ на вопрос о причинах этого отказа

она молчала. Синан, ошеломленный, послал ее убивать христиан, и она, казалось, удовольствовалась этим.

Но теперь он был близок к мысли, что душа ее полна горя, что глаза ее блестели от слез. Может ли ифрита плакать?

Она вновь подняла взгляд. Синан отшатнулся; но в этом взгляде не было силы. Глаза были усталыми и безжизненными, в них мерцали зеленые блики, словно в зрачках кошки.

— Это было последнее убийство, совершенное мной, — сказала Марджана. — Ныне ты дашь мне свободу.

На какой-то миг Синан разучился понимать арабский язык.

— Дам? Я? Свободу тебе?

— Освободи меня от клятвы. Отпусти меня.

Да. Она сказала так.

— Но это еще не последний из их семьи, — возразил Синан. — Остались еще дочь и сама мать.

— Это была последняя жизнь, которую я забрала. Я пресытилась убийством. Освободи меня.

Синан безмолвно застыл перед лицом такой дерзости. Она даже не склонила голову, обращаясь к нему без обычной глубокой и смиренной почтительности. Она изъяснялась по-мужски прямо, чистым негромким голосом выражая в простых словах свои требования.

Он владел ее именем, а его собственное имя было начертано на печати на ее шее, на Соломоновой Печати, что связывает все племена джиннов. Он не боялся ее. Так он сказал самому себе, бесстрашно встретив ее взгляд и промолвив:

— Нет. Ты еще не выполнила всего.

Она побледнела — Синан никогда не думал, что может существовать такая бледность. Он напрягся. Печать или не Печать, но она всегда была смертоносна, и сейчас — как никогда. Но она не шевельнулась. Она была невероятно недвижна.

— Когда завершится эта игра, — сказал он, — я обдумаю твою просьбу. Ты долго трудилась на наше благо, и я не забуду это.

— Память еще не освободила ни одного раба.

Синан поднялся. Он был в гневе.

— Ступай, именем Сулеймана, да пребудет с ним мир, кем было связано твое племя. Не возвращайся до тех пор, пока я не призову тебя.

Даже в этой недвижности скрывалась покорность его приказам. Она не поклонилась, но повиновалась.

Синан вздрогнул. Смерть не была ему незнакома, и во имя своей Веры он был безжалостен; как бы то ни было, это была его Вера. Но это было больше, чем то, к чему он стремился. Ифрита

исчезла. Но не исчезло лицо, которое она запечатлела в душе Синана. Мальчик, которого она убила — смерти которого пожелал Синан.

Синан спокойно разглядывал его, отбросив страх, отбросив жалость, собрав всю силу воли. Мальчик был моложе, нежели думал Синан. В донесениях говорилось, что это вполне взрослый юноша, хотя и низкорослый для франка, что он подавал надежды на поприще военных искусств. В его годы прокаженный король принял корону и правил при минимальном вмешательстве регента, которое вскоре было отменено. Маргарет де Отекур, видимо, готовила сына к тому же.

Сильная женщина, хотя ее красота, к несчастью, давно ушла. Если бы только она узрела здравый смысл в предложении Синана… но нет. Она должна сопротивляться. Отход ее матери от ислама в ее душе претворился в христианское рвение.

Какой бы из нее вышел ассасин, если уж она ради своей веры принесла в жертву своего единственного сына! Молю Аллаха, чтобы теперь она вняла рассудку, пока у нее для утешения осталась хотя бы дочь. И, как говорили, внук. Первый внук должен быть драгоценностью для вдовы, потерявшей сына.

Мертвое лицо смотрело прямо в лицо Синана, называя верность одержимостью, казнь — убийством, а веру — просто жадностью. Синан противопоставил этому истину. Вера требовала того, чтобы любой противостоящий ей получал за это смерть. Цель не будет достигнута, пока мать этого ребенка хранит свое упорство.

"Что я сделал, кроме того, что я существовал и был сыном своей матери?"

Его слова, но произнесенные голосом ифриты, чистым и усталым.

"Ты не сделал ничего для Цели. Ты желал женщину, а она отвергла тебя. И за это ты мстишь, насколько позволяет твоя власть. В этом нет святости. Только алчность."

Синан вскинул руку, дав волю белому свирепому пламени гнева.

— Замолчи, во имя Печати, что сковывает тебя!

Она смолкла, вовне и внутри. Лицо мальчика исчезло. Синан дрожал от предрассветного горного холода; но сердце его было еще холоднее. Холоднее и неумолимее. Он делает то, что делает. И никакие отродья демонов не смогут заставить его раскаиваться в содеянном.

* * *

Марджана удивлялась сама себе. В замке у нее была комната, размещенная высоко и отдельно от других женскими покоями, но сама комната была отмечена печатью человеческой мужественности. Но даже эта комната сейчас не была Марджане убежищем. Стена давили на нее. Узкое окно дразнило ее призраком свободы.

Марджана сорвала свои одежды, пропитанные смрадом смерти. Кое-что она изорвала так, что зашить уже было невозможно, но это не заботило ее. Избавиться от кровавой печати на душе было не так легко. Она в припадке отвращения вонзила ногти в собственную плоть.

Последний проблеск здравого ума высветил в ее сознании образ бань в Алеппо, где обслуживали безупречно и молча, и где банщики были воплощенная услужливость. Именно они всегда очищали ее от крови казненных; они знали ее и знали, кто она такая.

И они боялись ее и молча ненавидели, как все они, как все смертные, с кем связала ее клятва. Только Хасан, Хасан-и-Саббах, мудрый в своем белоснежном сиянии веры — только он не испытывал страха перед нею. Он по-своему любил ее. Он не просил клятвы или залога — только преданности Цели, которую Бог столь ясно обрисовал в душе его. Она сама, слепая безумица, настаивала на клятве; она, охваченная пламенным рвением, уговорила его сделать ее своей служанкой. Рабские оковы появились позже, когда он умер, и она была подавлена горем. Она положила свою свободу на его могилу, свой последний дар ему, и позволила сковать себя телом и духом. В этом была неимоверная чистота помысла, абсолютная самоотдача, благословенное совершенство. Она была ничем, не существом, не созданием, вольным над собою, — лишь Рабыней Аламута.

Она стояла на голом каменном полу в келье, которая служила ей приютом на недолгие часы сна, и разглядывала окружающую обстановку, как мог бы разглядывать чужак. Голый камень, простой сундук для ее вещей, свернутый спальный коврик в углу, Эта келья лишена была даже самой незамысловатой прелести. Она была пуста, как душа Марджаны.

Она явилась сюда тем путем, который ведом был ей одной: жуткий водоворот сознания и силы, пронзающий мир, как игла пронзает шелк, шаг от вдоха в Масиафе до выдоха в ином месте. Здесь, в ее собственном уголке, в ее сокровенном покое.

Когда-то, давным-давно, это была келья отшельника. Когда Марджана отыскала это место, кости его были здесь, нагие, чистые и какие-то благорасположенные. Хотя он был христианином и уже поэтому врагом, она похоронила их с честью

на вершине холма подле пещеры, подле источника, подле древней скрюченной смоковницы. Отсюда его пустые глазницы могли озирать угрюмые бесплодные пространства, пустыню, лишенную воды и жизни, сохранившихся только здесь. Должно быть, он здесь питался миражами: кроме смоковницы и полоски-другой травы здесь не росло ничего; а ящерицами и случайно пойманными песчаными мышами не прокормишься.

Но узкий зев его пещеры таил очарование. Ход внутрь был темен и негостеприимен, просто расщелина в скале, но за ним открывалось высокое сводчатое пространство, похожее на королевский зал. К нему примыкала меньшая пещера, а за ней таилась как бы комната со стенами из разноцветного камня, и посреди нее, подобно алмазу, лежал бассейн с теплой и вечно переливающейся водой.

Марджана, которой достаточно было ступить шаг, чтобы из пещеры перенестись в центр любого базара, сделала из этой пещеры приют для себя. Каменный пол устлали ковры, ковры скрыли грубые стены. Сундуки, богато украшенные резьбой и отделанные серебром, хранили сокровища, принесенные ею из странствий. У стены стоял диван со множеством шелковых подушек, возле него стоял стол, на столе — медная горелка и все необходимое для того, чтобы приготовить и подать кофе. Украшенная орнаментом шкатулка хранила самое большое сокровище Марджаны — список священного Корана.

Она вошла осторожно, словно зверь, словно чужак в жилище, что принадлежало ей самой. С тех пор, как она последний раз была здесь, прошли годы. Около ее ноги прошмыгнула ящерица. В подушках свила гнездо мышь. Но остальное сохранилось, как было, покрываясь вуалью пыли, пропитываясь воздухом пустоты.

Это место подходило к состоянию души Марджаны. Она отвергла тепло скрытого бассейна и предпочла вымыться в источнике, приветствуя боль, протесты кожи, привыкшей к теплой воде и ароматическим маслам. Она обсушилась на ветру, на холодном рассветном ветру. Какое имеет значение, насколько он холоден? Она рождена демоном. Она не может заболеть и умереть.

Так она молилась, склоняясь перед своим Богом. Ее молитвы были бессмысленны. Она где-то потеряла свою веру. И даже не могла вспомнить, где, чтобы найти ее и вернуть.

Когда молитва была сотворена, Марджана осталась стоять на коленях у источника. Взгляд ее, блуждая, упал на ее собственное тело. Она забыла прикрыть наготу. Ужасно; противно всему учению Пророка.

Он был мужчиной. Святым, осененным Богом. Но все-таки

мужчиной. Мужчины считали ее красивой. Ее это не касалось. Она была собой, не женщиной, не из тех, кто ищет мужских объятий.

Она провела ладонями по бедрам, обхватила груди. Нет, она не принадлежит к мужскому роду. Она достаточно высока, чтобы в широких одеждах и тюрбане сойти за мужчину, достаточно стройна, достаточно быстро ходит; и сильна она более чем достаточно, сильнее любого мужчины. И все же она, несомненно, принадлежала к женскому роду.

А он, тот, был мужчиной. Марджана вздрогнула, но не от холода, а от воспоминания о том, как он лежал на своей кровати, такой беззащитный во сне. Он был молод, она точно знала это. Его мощь все еще возрастала, но уже сейчас, в столь молодом возрасте, была велика и хорошо отточена, хотя и умерялась беспечностью и высокомерием.

Марджана предполагала, что он не использовал ее там, где считал достаточными свои телесные чувства. Так же как, живя среди смертных, пытался быть похожим на них.

Это был странный вид смирения. И он был так прекрасен, весь из лунного света и тьмы, пробудившийся, чтобы узреть ее лицо. Она подняла руку, чтобы заслониться. Он улыбнулся ей. Тело его от ее присутствия излучало почти зримый жар, как тела обычных мужчин. Он не испытывал от этого ни стыда, ни смущения, одно лишь желание.

— Я получу его, — сказала Марджана ветру, камням и орлу, кружащему высоко в утреннем небе. — Он мой. Он явился на землю для меня.

Враг. Христианин.

— Ифрит для ифриты. Он увидит. Он полюбит меня. А я… — голос ее прервался. — А я полюблю его.

9

Церемония похорон Герейнта была обставлена тихо, и усопший упокоился в сердце своих владений. Тибо умер в Иерусалиме, в ночь накануне собрания Высокого Двора, когда король должен был разослать arriere-ban[5], дабы призвать своих вассалов на войну против неверных. Убийство одного из них, да еще в самом центре города, было не тем предметом, который можно было замолчать или безропотно стерпеть.

Но под громкими фразами и призывами к мести проскальзывал шепоток страха. С простым убийством человек мог встретиться лицом к лицу. Ассасины были сверхъестественны. Это все отдавало колдовством.

Тибо должен был быть похоронен в Аква Белла, в гробнице под часовней, подле Герейнта, который был единственным отцом, которого когда-либо знал мальчик. День уже перевалил за полдень и близился вечер, когда длинная процессия выехала за ворота. Здесь были все, кто мог оставить двор на сутки — довольно много людей, цвет королевства. Похоронные дроги сопровождал почетный караул из рыцарей Господа.

— Ему понравилось бы это, сказала Джоанна.

Они скакали позади дрог, мать и дочь, и Айдан рядом с ними. К несчастью, они находились с подветренной стороны от тамплиеров. Но Айдану уже было все равно, будут ли его порицать за пролитые им слезы — у него уже не осталось гордости, которую надо было бы успокаивать.

Глаза Джоанны были сухими. Айдану не нравилось, как они сверкали. Она держалась слишком спокойно, слишком сдержанно, слишком бесстрастно.

Джоанна махнула рукой в сторону процессии — она была численностью в целую армию, и даже везла с собой обоз: иначе в Аква Белла не смогли бы ни накормить, ни разместить их всех. В знак почтения к смерти процессия двигалась в небывалой тишине, монотонно и негромко пели псалмы монахи, и кроме этого слышались лишь перестук копыт, перезвон сбруи, ржание боевых коней, и негромкие перешептывания тут и там.

— Видите, — сказала Джоанна, — королевский эскорт, словно в песне. Он был бы горд, если бы знал, что все это для него.

— Он знает, — отозвалась Маргарет.

Возможно, так и было. Айдан не знал. Он никогда не беседовал со смертью накоротке.

Айдан пришпорил коня. Тот был очень рад возможности

перейти с тихого чинного шага на более быстрый аллюр и поскакать вдоль колонны. Позади оставались лица тамплиеров — обожженные солнцем, огрубевшие от долгих лет войны, с длинными бородами. Никто не сорвался следом. Айдан миновал авангард королевских рыцарей. Один из них устремился было за ним, но его удерживал на месте долг. И страх. И не только перед ассасинами или разбойниками. Страх перед белым безумным лицом Айдана.

Освободившись от навязанной тесноты процессии, Айдан предоставил волю жеребцу. Тот был из породы боевых коней, созданной ради силы и выносливости, а не для быстроты. Но когда он хотел, то мог передвигаться довольно быстро, и мог скакать без устали целый день. После нескольких минут безумного галопа он выбрал наилучший для себя аллюр. Перед ним тянулась вдаль дорога. Процессия осталась позади.

Завтра они похоронят Тибо, по уже привычному ритуалу, по которому так недавно погребли Герейнта. И днем позже они должны вернуться в Иерусалим, ибо обязанности их не могут ждать долее. И после этого Айдан должен решить, что он будет делать. Он был уверен, что ассасины вернутся снова, за Джоанной. Он мог устроить для них ловушку, но шансов, что она сработает, мало, как это было до этого. Или же он мог проследить убийцу до его логова, зная, что прежде чем он сделает это, Джоанна, возможно, будет мертва. Он не смог бы охранять ее на таком далеком расстоянии, из Масиафа.

Он не смог охранить Тибо, находясь от него на другом конце комнаты.

Айдан вскинул голову и проклял и свои слезы, и жалость к самому себе. Конь споткнулся. Айдан успокоил его с помощью колен, поудобнее уселся в седле и покрепче перехватил поводья. Обоняния его коснулся зеленый запах, пробившийся сквозь пыль и лошадиный пот — предвестье рощ Аква Белла. Замок ожидал их, спокойный и угрюмый. Смерть вошла в его камни и поселилась там. Никакая сила, кроме времени, не смогла бы очистить их от нее.

У Айдана была своя комната: привилегия по рангу, одна из тех, от которых он не пытался отказаться. Это была маленькая келья на верхнем этаже башни, ненамного большая, нежели шкаф. Чтобы попасть в нее, надо было, как он вдруг отчетливо осознал, миновать двери комнат, где обитали Джоанна с ее служанкой, и еще две придворных дамы. Он проходил мимо, поднимаясь к себе, и еще раз, направляясь в гардероб. Дамы уже готовились ко сну, до Айдана доносились разнообразные ароматы и высокие негромкие голоса. Он не слышал голоса Джоанны.

Какие-то остатки рассудка удержали его от того, чтобы поискать ее с помощью своей силы. Она была под охраной. А ему нужно узнавать, действовать, и многое другое.

Если свалить вещи на кровать, в комнате оставалось достаточно места для ходьбы. Окно было высоким, но шире, чем обычная бойница, в него можно было высунуться и вдохнуть ночной воздух. Айдан положил руки на подоконник, уронил подбородок на них, и позволил векам опуститься на глаза под их собственным весом. Он мог подремать. Он был уверен, просто кожей чувствовал, что расположение звезд изменилось. Мысли о Тибо, о Джоанне, о скорби, пустоте и внезапном, невероятном сиянии, проносились в его сознании. Немного подремать до того, как он должен будет спуститься, чтобы вместе с несколькими преданными людьми бодрствовать над телом Тибо.

Айдан не знал, что заставило его повернуться. Не было ни звука. Ни ощущения мыслей или тела, человеческого или нечеловеческого, ощущения, вызванного присутствием. Однако она была здесь. Она пригрезилась ему в ночь смерти Тибо, и вот она была здесь, стройная женщина с кошачьими глазами, в белом сиянии, ее волосы цвета темного вина струились за ее плечами. Она смотрела на него с неистовой силой, почти с жаждой.

С жаждой, подобной его собственной. *Такая же, как я. Моя.*

Видение.

Она покачала головой — легчайшее движение, скорее ощутимое, нежели видимое. Красота ее пронзила его сердце.

— О Боже, — прошептал он. — Так ты настоящая, ты не призрак моего воображения.

Глаза ее горели. Полшага, и он сможет коснуться ее. Еще полшага, и она окажется в его объятиях.

Он чуть сдвинулся с места, начал поднимать руку. Она ждала, вскинув голову. Она была ниже его, но хорошо сложена, тонка и сильна, как индийский клинок. Обоняние его уловило ее запах, исчезающе слабый, словно запах редких пряностей. Он знал, какой должна быть ее кожа. Сливочной, шелковистой и обжигающе-горячей.

Дыхание ее сбилось, вздох был мягким, но отчетливо слышным.

Она вскинула руку. Протестуя. И страстно желая. А потом она исчезла.

Не осталось ни следа, ни даже запаха ее духов. Он снова грезил ею, этим дивным образом. Мечтал о ней потому, что это была не Джоанна.

Быстрым, почти сердитым движением он натянул тунику поверх рубашки и штанов, и отправился в часовню чтобы

бодрствовать там над гробом. Он не помедлил, не разрешил себе помедлить у двери Джоанны.

У гроба Тибо собралось множество плакальщиков. Среди них Маргарет казалась каменным изваянием — темный, безмолвный, недвижный силуэт. Тамплиеры и госпитальеры, белые и черные плащи, красные и белые кресты, стояли на страже тела и души усопшего.

Айдан сотворил недолгую молитву, молитву без слов. На него глазели — он чувствовал это спиной. У себя на родине эти любопытные думали о демоне-графине Анжуйской, о Мелюзине Лузиньянской, о дьяволах в монашеских рясах, искушавших святых, дабы увлечь их на вечные муки. Здесь же они чаще слушали сказания неверных: о джиннах и ифритах, духах земли и воздуха, о демонах пустыни, и о других, еще более темных и древних созданиях, богах и демонах, давно забытых благодаря Писанию.

Кто-то сказал им. Вчера на него не глазели; он был всего лишь чужеземным рыцарем, одним из многих, пусть даже и стоящим ближе к королю, нежели большинство. Теперь все они знали. Знали, что он старше, нежели выглядит. Знали, что он брат короля Райаны, которого люди уже называли Король-эльф.

Приступ тоски по дому поднялся в душе Айдана; чувство одиночества было столь острым, что он пошатнулся. Гвидион пребывал в глубинах души Айдана, в самом сердце покоя, и лишить Айдана этого присутствия не могли никакие силы ада или небес. Но во плоти его брат, тот, с кем они некогда пребывали в едином чреве, находился неизмеримо далеко. Айдану до боли хотелось вновь увидеть это лицо, бывшее словно бы отражением его собственного, ощутить тепло и силу, это спокойствие, которое не в силах была поколебать никакая буря.

Айдан выпрямился. Он должен быть независимым. Он должен быть самостоятельным, должен научиться хранить спокойствие, подобное спокойствию Гвидиона. Истинное спокойствие, а не ту маску, которую он надевал, когда они с братом менялись местами и именами, и Айдан некоторое время играл роль короля, а брат его тешил душу теми или иными рыцарскими подвигами. Трубадуром в Каркассоне был Айдан, верно. А вот трувером в Пуату был его царственный брат.

И часто среди грандиозных рыцарских подвигов у Айдана не оставалось ни времени, ни места для Гвидиона. Им обоим было нелегко перенести это. Айдан мог бы задержаться еще на десять лет, если бы Гвидион решительно не отослал его прочь. Из них двоих Гвидион был более предусмотрителен и с большим мужеством шел навстречу боли.

Вот *он* никогда не утратил бы бдительности, не стал бы мучиться из-за женщины; если и не по другим соображениям, то хотя бы потому, что у него была своя королева: Маура из племени белых волков. Она любила их обоих, и они оба любили ее, но она предпочла выбрать воду, а не огонь. Это был мудрый выбор, Айдан осознал это теперь, когда все осталось далеко в прошлом. Ей нужен был свой дом и муж, который не стремился бы вечно улететь неведомо куда.

Айдан перекрестился и встал. Отблески свечей играли на покрове гроба. Иллюзия сна спала с лица Тибо. Теперь оно было застывшей маской смерти, кости словно бы резче обозначились под восковой кожей. Никогда он не выглядел более смертным, и никогда это не казалось столь ужасным. При всей своей красоте, магии и неувядающей юности, никто из племени Айдана не был властен над одной-единственной человеческой душой.

Айдан запечатлел на холодном лбу поцелуй, и повернулся, ничего не видя перед собой. Ночь манила его. Он поспешил укрыться в ее тьме.

В тени за дверью часовни Айдан натолкнулся на кого-то, кто скрывался там и явно был слишком робок, чтобы присоединиться к собравшимся у гроба. Судя по одежде, это была женщина, одна из тех леди, прячущих лица под вуалью, который прибыли сюда с мужьями; она была необычайно высокой и стройной, и необычайной была та сила, с которой она вырвалась, когда Айдан хотел поддержать ее.

Извинения замерли на устах Айдана. Он открыл свои чувства. Вуаль и широкое одеяние сирийской женщины, верно, и довольно темные глаза под вуалью; но в глазах этих сверкал вызов и — несомненно — озорные искорки.

Айдан покрепче ухватил тонкую сильную руку и с силой повлек свою "добычу" к ближайшему укромному месту: по случаю, это оказалась его собственная комната. И конечно же, Госпожа Удача должна была выбрать именно этот момент, чтобы послать одну из прислужниц Джоанны в гардеробную. Она, понятное дело, увидела только, что принц тащит к себе в постель какую-то женщину, и со сдавленным криком отшатнулась, роняя засов.

Айдан захлопнул дверь с большей силой, нежели было необходимо, и повернулся к своему пленнику.

— И что же, по вашему мнению, — спросил он, — вы делаете, ваше величество?

В начале его речи Балдуин смотрел сердито, но потом его гнев внезапно улетучился. Он сел на кровать в своем нелепом маскарадном платье и дал волю смеху.

— Вы видели, какое у нее было лицо? Смертельное возмущение и зависть — во имя Госпожи Небесной, чего бы она только не дала, чтобы оказаться на моем месте!

Айдан стоял над ним, с трудом удерживаясь, чтобы не задать юнцу хорошую трепку.

— Мой господин, — произнес Айдан с величайшим почтением.

— Вы говорите точно так же, как мастер Уильям, — заметил Балдуин, — когда он думает, что меня надо бы выпороть. — Он поднялся на ноги. Несомненно, под вуалью таилась усмешка. Взгляд его скользил от одного предмета к другому. — Не волнуйтесь, сэр. Верные люди знают, где я нахожусь. А всем прочим знать об этом не надо. Согласитесь, это верное средство от пустых волнений.

Это действительно было так. Айдан глубоко вздохнул. Это слегка успокоило его.

— Вы прибыли сюда не в одиночестве.

— Конечно. У меня охрана, приличествующая леди. Увы, ни одной служанки. Нет ни одной, которой я мог бы доверять в столь важном вопросе, а Сибилла не умеет играть должным образом.

— Кроме как в игры мужчин и женщин.

— Да, — сказал Балдуин. — Она была воспитана для этого.

— Вы завидуете ей?

Тонкие плечи приподнялись под платьем:

— Если бы я завидовал ей, было бы мне от этого хорошо?

— Нет, — ответил Айдан.

— Это еще не зашло столь далеко, — промолвил Балдуин. — Но это произойдет. Я полагаю, скоро. — Голос его был холоден. Он не испытывал жалости к себе. — Иногда я хожу в госпиталь Святого Лазаря, чтобы увидеть, с чем мне предстоит встретиться. Вот так я и ускользнул от своих нянек: вышел, как будто бы иду туда, попетлял по городу и присоединился к вашему отряду, когда вы проходили Врата Давида.

— В женском платье?

— В этот раз да. Иногда я одеваюсь, как мне положено. Саван прокаженного и колокольчик прекрасно помогают проложить дорогу в толпе. Лучше, нежели королевский сан. — Балдуин склонил голову, словно в раздумье; глаза его сузились. — Братство Святого Лазаря — примечательное место. Вы знаете, что некоторые братья там — рыцари? Когда-то они были тамплиерами и госпитальерами. Теперь у них свой орден. Когда они скачут на битву, им даже не нужно оружие. Они открывают лица, и враги удирают.

— Это так страшно?

Балдуин задержал дыхание. Айдан почувствовал себя так, словно ступил на лезвие меча; но он все же спокойно выдержал взгляд темных глаз короля.

— Вы безжалостны, не так ли? — проронил Балдуин. Но потом добавил: — Убедитесь сами.

Это и впрямь едва началось. Черты лица еще оставались различимы: тонкий нос с горбинкой, твердый подбородок, рот, равно способный выражать радость и суровость. Этот юноша мог бы стать красивым мужчиной.

Губы Балдуина слегка подергивались. Он сдернул вуаль и с волос, все еще остававшихся густыми, хотя болезнь добралась уже и до них, а потом вытянул перед собой скрытые перчатками руки. Он пристально разглядывал их несколько мгновений, потом уронил.

— Нет, вы не хотите видеть это. — Он вскинул голову. — Ну и как?

— Вы еще не способны обратить в бегство армии неверных.

— Что ж, — сказал Балдуин. — Но у меня и не тот вид, чтобы быть дамским угодником. Вы же знаете, что это такое. Пусть лучше они видят вуаль и воображают под нею безликий ужас. Таким я и буду довольно скоро.

— Но не для меня, мой господин, — возразил Айдан.

Долгий миг Балдуин молча смотрел на него.

— Это так, — сказал он наконец. — Для вас это ничего не значит, верно? Эта болезнь не может затронуть вас. Ни ваше тело, ни дух.

— Как не смогла она затронуть ваш дух.

Балдуин пожал плечами:

— Я не святой. Я послал достаточно проклятий небесам. Я мог предаваться неразумной жалости к себе, когда вокруг не было никого, чтобы вернуть меня к здравому смыслу. Но это ничего не дало, вы же видите. Я должен подниматься и идти. Дела королевства требуют моего участия. Войны не прекратятся, если я буду поступать глупо. — Он коснулся своего лба. — Корона здесь, что бы я ни делал.

Айдан склонил голову, наполовину соглашаясь, наполовину почтительно. Балдуин зевнул, совсем по-детски, словно не в силах сдержаться. Он выглядел отчасти смущенным, отчасти сердитым, как всякий юноша, которому напомнили, что он еще не взрослый.

— Вам надо поспать, — сказал ему Айдан. — Ложитесь здесь.

— У меня есть место в лагере, — начал было Балдуин.

— Есть. И еще есть место здесь. Я буду охранять вас лучше, чем охранял последнего из тех, кто был вверен моей охране.

Балдуин не протянул Айдану руки: он был приучен к этому с детства, научен горьким опытом. Но взгляд его был подобен дружеской руке, теплой и сильной.

— Это в прошлом, принц. Оплакивайте его, клянитесь отомстить за него, но позвольте ему уйти.

Айдан остановился, глядя королю в глаза:

— Как сделали вы?

— Как должны сделать мы все.

— Нет, — сказал Айдан. — Нет. Этот бой не может стать вашим. Вы противостоите всему исламскому миру. А это оставьте свершить мне.

— В одиночку?

— Бог поможет мне.

— Принц, — промолвил Балдуин. — У меня есть рыцари, воины, слуги любого рода. Если вам нужно…

— Мне нужно только ваше обещание, что в вашей армии найдется место для меня, когда я сделаю то, что должен.

— Оно ваше всегда. Но, принц…

Айдан покачал головой:

— Нет. При всей моей к вам признательности, при всем почтении, при всем уважении и при всей, видит Бог, любви, — нет. Вы поможете мне лучше всего, оставаясь там, где вы есть — вы и ваша армия, заслон против неверных.

— Вы собираетесь совершить что-то опрометчивое, — сказал Балдуин.

Айдан улыбнулся, широко и озорно:

— Не сегодня. Думаю, еще не сегодня. Хотя если говорить об опрометчивости, мой король…

— Я сейчас в безопасности, не так ли? Госпоже в довершение ко всему не хватало еще королевского визита. Если хотите, я открою свое инкогнито завтра. Сейчас слишком поздно, чтобы беспокоить людей. — Он помолчал. — Тибо не обиделся бы, я думаю. Он всегда был не прочь поозоровать.

— Я знаю, кто приучил его к этому, — сказал Айдан слегка сварливо.

Балдуин рассмеялся, зевнул так, что хрустнули челюсти, и улегся на кровать.

Король присутствовал на церемонии погребения Тибо, одетый в простые темные одежды, с лицом, скрытым вуалью. Никто не осмелился спросить, как и когда он прибыл. Краткий ночной сон и раннее пробуждение заставило угомониться большинство сплетников; присутствие короля если и не утихомирило остальных, то, по крайней мере заставило их хранить молчание.

При виде Айдана, стоящего за спиной короля, глаза сплетников разгорелись. Слухи росли, как на дрожжах. И большинство их питал страх и ложные измышления. Два человека умерли; в их доме появился чужестранец. Колдовство, колдуны и ассасины.

Айдана не задевало ничто, кроме тревоги за женщин. Он докажет, что он не ассасин. А все остальное быстро превратится в ничто, как только им понадобится его меч.

Женщинам же предстояло столкнуться с этими сплетнями: бремя поверх бремени скорби. И он ничего не мог сделать, чтобы облегчить их ношу. Он не мог отрицать истину. Он не мог стать иным, чем он есть.

Они стоически перенесли это. Но когда присутствовавшие на похоронах покинули замок, когда придворные уехали вслед за безмолвным и безликим юным королем, казалось, сами стены вздохнули с облегчением.

Маргарет не оплакивала сына, как оплакивала мужа. У нее не осталось слез. В ночь после похорон она сидела в своих покоях, слепо глядя на рукоделие, лежащее на ее коленях. Джоанна отчаялась уговорить ее лечь поспать и задремала, привалившись к ее ногам.

Айдан расхаживал по комнате, еще более беспокойно, чем обычно. Когда он в третий раз поднял одну и ту же шкатулку, открыл ее, и обнаружил, что она все так же полна сладостей, как и оба предыдущих раза, Маргарет сказала:

— Если вам взбрело в голову полетать вокруг замка, то сегодня как раз полнолуние.

Он остановился, покраснев. М ее улыбка отнюдь не уменьшила его смущение. Он хотел было извиниться и откланяться.

— Не уходите, — сказала Маргарет. — Останьтесь. Я не собиралась отсылать вас.

Айдан сел туда же, где сидел до того, как поддался беспокойству, и заставил себя сидеть спокойно. Маргарет осознала это; взгляд ее выразил благодарность с долей насмешки. Она еще может шутить, отметил Айдан. По своему обыкновению.

Когда ему уже стало казаться, что он сейчас взорвется или взлетит в воздух, как и предсказывала Маргарет, она сказала:

— Завтра мы возвращаемся в Иерусалим. Послезавтра или еще через день один из наших караванов отправляется в Дамаск, а потом в Алеппо. Джоанна поедет с этим караваном.

Айдан подскочил на месте:

— Алеппо! Во имя Господа, почему…

Джоанна спала, слегка хмурясь во сне. Маргарет легонько

погладила ее по волосам. Чело Джоанны разгладилось, она вздохнула.

— Сердце Дома Ибрагима, — сказала Маргарет, — находится в Алеппо. Я посылала туда письма так часто, как могла, сообщая обо всем, что происходит в королевстве, все новости, какие я могла собрать.

— Это предательство.

Она не оскорбилась.

— Разве? Я не выдала никаких секретов, могущих повредить моему королю или его королевству. А кое-что, попав в руки нужных людей, могло даже оказать помощь и королю, и королевству.

— Но прежде всех и всего — Дому Ибрагима.

— Это мой дом. Его люди — мои родичи.

Айдан запустил пальцы в бороду.

— Но послать Джоанну… послать ее сейчас…

— Теперь нужнее, чем когда-либо. Ей нужно спастись от своих горестей. Нашему Дому нужно узнать о том, что случилось здесь. И еще, — сказала Маргарет, — ассасины — мужчины. Даже они могут не решиться вторгнуться в гарем Дома, где правит моя бабка.

— Они вершили убийства даже перед самой Каабой, в святая святых Мекки. Их не волнует, будет ли ваша дочь находиться в гареме или же в Храме Тела Господня в святой полдень.

— Что ж, пусть так. Если она не будет в безопасности, где бы ни находилась, какое имеет значение, куда она поедет?

— Это имеет значение для вас! — Эхо заглохло среди молчания, Джоанна не проснулась, Маргарет не пошевелилась. Айдан заставил себя говорить тихо и рассудительно: — Но, госпожа моя, Алеппо, из всех городов… он кишит ассасинами, этот город более всех верен им. Его взял в осаду новый султан Дамаска, которого они зовут Саладин. Это прибежище мятежников и заговорщиков. Ей придется пройти через земли неверных по пути туда, и она окажется в руках неверных, прибыв туда. Почему бы тогда просто не послать ее к Синану, да и дело с концом?

Маргарет перестала гладить волосы дочери и сложила руки на коленях. Теперь Айдан различил в ее облике черты Джоанны: та же плавность и точность движений, та же манера опускать глаза — без смирения, с одним лишь упрямством.

— Думаете ли вы, — мягко спросила она, — что я собираюсь молча претерпевать лишения? Что если я выдержу все, он отступится и оставит меня в покое? Нет, милорд. Он узнает цену каждой минуте этого страдания, в которое он вверг меня. Он

надеялся основать империю; он увидит, как его надежда обращается в прах, ибо во имя ее он свершил убийство.

— А Джоанна — ваша приманка?

— Джоанна — мой сокол. — Маргарет помолчала. — Я не имею права или власти приказать ей; но я могу попросить. Поедете ли вы с ней? Будете ли охранять ее?

Айдан не мог найти слов для ответа. Он собирался потребовать этого, настаивать, угрожать, если нужно. А она просила. Она так доверяла ему.

— А если… я совершу ошибку?

— Не совершайте ошибок.

Айдан моргал, как дурак. Она всегда поступала не так, как предполагал он, и он не знал, почему это так удивило его.

— Охраняйте ее, — сказала Маргарет. — Присматривайте за ней. Довезите ее живой. Начните мстить Синану, показав ему, что он не непобедим.

Айдан обдумал это. Этого было недостаточно; недостаточно для мести. Но для начала…

Он резко кивнул, быстро и невозвратно приняв решение.

— Я сделаю это. Клянусь вам, госпожа.

Часть III. Дамаск

10

Караван был особым миром — движущимся, покачивающимся, многоногим городом, словно гигантский дракон переползающим от оазиса к оазису. Даже в городах он сохранял свое единство. Он уменьшался и увеличивался по мере того, как продавались старые вещи и покупались новые, но центром всего этого был трактир или караван-сарай, где останавливались охранники каравана, купцы и караван-баши, ехавший впереди всех на белом верблюде.

Здесь Джоанна была принцессой, наследницей Дома Ибрагима и тайной его королевы, в то время как Айдан был не более чем ее телохранителем. Джоанна думала, что для такого гордого человека, каким он являлся, он принял этот факт довольно хорошо. Вначале — легкое удивление от того, что эти купцы знают его титул, осведомлены о целях его путешествия с ними и тем не менее не считают нужным оказывать ему уважение. Затем — гнев, но Айдан, к восторгу Джоанны, сумел сдержаться, и наконец стал просто посмеиваться сквозь зубы.

В конце концов, он не спорил с ней, когда она отказалась ехать в носилках, как настоящая принцесса. Она, как обычно, поехала верхом, конечно же, в арабском одеянии и под вуалью, но в условиях пустыни это было и к лучшему. Ей было интересно, как скоро Айдан сменит франкский наряд на более подходящий к той местности, по которой они путешествовали. Под вечер второго дня пути, уже по другую сторону святого Иордана, на границах исламских земель, он вышел во двор караван-сарая в просторном одеянии бедуина. Казалось, он чувствовал себя в нем совершенно непринужденно; несмотря на белизну кожи, его узкое ястребиное лицо, обрамленное короткой еще бородой, выглядело скорее лицом араба, нежели франка.

Но, конечно же, только франк мог шарахнуться прочь от верблюдов и пойти седлать коня, подаренного Маргарет: большого серого мерина наполовину франкских, наполовину арабских кровей, принадлежавшего некогда Герейнту. Франки и верблюды никогда не понимали друг друга.

Джоанна, ехавшая на своей рыжей кобыле, не склонна была проповедовать преимущества путешествия на верблюдах. Когда она заняла свое место в караване, Айдан пристроился рядом с нею. Его приветствие было учтивым, но кратким. Она решила, что он, видимо, не выспался. Его все еще грызла вина за то, что он не уберег Тибо. Джоанна никому не собиралась говорить о том, что каждую ночь Айдан покидает свое место среди мужчин и

перетаскивает свой матрац под дверь комнаты, в которой ночует она со своей служанкой. Джоанна слышала его легкие шаги, и знала, когда он ложится. Его присутствие было словно прикосновение незримой руки.

Это ощущение исчезло с рассветом. Джоанна почти сожалела об этом. Вчера и позавчера она так радовалась тому, что едет прочь из Иерусалима, радовалась жаре, пыли и даже мухам. Она смотрела, как Айдан присоединился к толпе паломников, охваченный благочестием, как обычный смертный на дороге к Иерихону. Вместе с ними он шел, пел псалмы и толкался в толпе, и размахивал пальмовой ветвью, входя в реку. Караван не остановился, да Айдан и не просил об этом. Он просто отделился от каравана, и Джоанна последовала за ним, сама не понимая, зачем. Возможно, какое-то смутное чувство приказывало ей приглядывать за ним. Но он не нуждался в присмотре. У него была пальмовая ветвь, символ величайшего паломничества; и когда он держал эту ветвь, лицо его было почти умиротворенным. Умиротворение могущества. Через час, когда Айдан снова присоединился к каравану, ветвь была бережно упакована в его вьюке, и сам он был таким же спокойным, как обычно — не более и не менее.

А теперь он спрятал даже крестик, и выглядел совершенно как неверный; а Джоанна чувствовала себя усталой. Тело ее болело от двух проведенных в седле дней; груди, в которых наконец-то перегорело молоко, дрябло качались под грудной повязкой; по спине тек пот, отчего спина ужасно чесалась как раз там, где Джоанна не могла достать. Но хуже всего были воспоминания.

Они выехали из Иерусалима с опозданием. Чей-то там братец загулял по тавернам; брат этого гуляки был одним из самых богатых купцов в караване, и караван-баши терпеливо ждал, пока разыскивали пьяницу. Он нашелся час спустя, и был наполовину пьян и очень смущен ругательствами, доставшимися на его долю со стороны "охотников".

Джоанна пожелала ему за это опоздание месяц-другой протомиться в чистилище. Потому что если бы он не опоздал, караван выехал бы с рассветом, и она не встретилась бы с Ранульфом.

К ее удивлению, перед визитом он принял ванну. Волосы его были подстрижены, а лицо свежевыбрито, что доказывали порезы. Он не ворвался в комнату, как ожидала Джоанна, а спросил позволения войти у привратника и позволил препроводить себя в переднюю, где уселся ждать Джоанну.

Когда Годфруа доложил ей, кто пришел, она сказала:

— Я не хочу видеть его. Скажи, чтобы он уходил.

Но когда сенешаль начал кланяться с абсолютно безучастным выражением на лице, Джоанна остановила его со словами:

— Нет. Подожди. — Она задрожала. Идиотка. Чего бояться? Ранульф не ассасин. — Скажи ему, что я сейчас выйду.

Годфруа вышел из комнаты. Джоанна оглянулась. Комната была пуста, багаж уже отправлен к каравану. Сама она уже была облачена в дорожную одежду. Дара заплела ее волосы в косы и уложила их вокруг головы. Озноб снова накатил на Джоанну, потом унялся. Холодный комок давил на желудок.

Она сглотнула. "С этим надо встретиться лицом к лице, — сказала она сама себе. — Встретиться и прогнать это." Она вытерла вспотевшие ладони об одежду и вышла.

Она оказалась в прихожей до того, как успела понять, кто находится там. Ранульф даже не посмотрел на нее. Он был увлечен разговором с Айданом, и выглядело это так, словно они успели быстренько подружиться.

— …да, Клюни, — говорил Айдан. — Вы охотились в шварцвальдских пущах, в Аллемании? Я однажды завалил там кабана — во имя тела Господня, я никогда до тех пор не видел такого. Скажу вам прямо, он был…

Он прервал разговор почти сразу, осознав ее присутствие, поднялся, поклонился и отступил в сторону так, что Ранульф смог видеть Джоанну. Но Ранульф даже не встал. Он не был обучен хорошим манерам, и гордился этим. Да, он просто грубый вояка из Нормандии. Рядом с райанским принцем он выглядел еще более грубым и неотесанным, глядя на Джоанну из-под насупленных бровей. Какая-то маленькая часть ее души затрепетала, мечтая поддаться. И этот трепет заново укрепил ее решимость.

Ранульф даже не поздоровался с ней. Он сказал:

— Я пришел забрать тебя домой.

— Мой дом здесь, — ответила она.

Он покачал головой, упрямо, как бык, и столь же тупо.

— Ты пойдешь со мной.

Она устремила взгляд на Айдана. "Скажи что-нибудь, — приказывала она ему. — Сделай что-нибудь."

Приподнял ли он слегка брови или это ей показалось? Он снова поклонился. Надежда ее расцвела пышным цветом.

И тут же увяла. Он повернулся. И вышел. Бросил ее.

Она ненавидела его. Она послала ему вслед ненавидящий взгляд. Он даже не помедлил.

Ранульф не видел ничего этого.

— Ты моя жена, — сказал он. — Ты пойдешь со мной.

Джоанна с трудом подыскивала слова. Они были ничем, пустым звуком. Она была одна по ту сторону ненависти.

— Где ты был, — спросила она совершенно спокойно, — когда умер мой брат?

Лицо Ранульфа было обожжено солнцем до цвета римского кирпича. Возможно, сейчас оно и покраснело. Челюсть го выдвинулась вперед.

— Далеко, — ответил он, словно выплюнув это слово.

— И ты думаешь, что я вернусь к тебе. — Губы Джоанны растянулись, открывая зубы. И это не была улыбка. — Я не вернусь.

Ранульф смотрел на свои кулаки, лежащие на коленях. Грубые кулаки, покрытые волосами и следами старых ссадин. Мысли Джоанны помимо ее воли обратились к длинным белым рукам, прикосновение которых было легким и мягким, как ветер, и жарким, как пламя. Она едва расслышала слова Ранульфа:

— Я был далеко. — Он произнес это грубо, словно бы в гневе. — Нарушая договор. Если ты вернешься, тебе отдадут ребенка.

Она застыла, не в силах шевельнуться.

— Аймери?

— Аймери. — Его ответ едва не лишил ее сознания.

Джоанна расхохоталась, громко и дико:

— Торг! И как долго он будет со мной на этот раз? День? Неделю? Две недели? А затем, когда я успокоюсь, его снова заберут, чтобы удовлетворить тягу его отца к власти.

Ранульф не ответил ничего. Плечи его поникли; теперь он больше, чем обычно, напоминал быка: большого, медлительного, косматого зверя, слепого и глухого к человеческой боли.

— Нет, — сказала Джоанна. — Нет, милорд. Я не вернусь.

Он внезапно встал; так внезапно, что его стул опрокинулся. Она отпрыгнула, как заяц. Но он не попытался схватить ее. Лицо его не выражало ничего, даже гнева. С неуклюжей осторожностью он поднял стул. Установив стул попрочнее, Ранульф положил руки на его спинку, его широкие пальцы, покрытые шрамами, сжимались и разжимались, сжимались и разжимались. Ногти были обкусаны под корень. Были ли они всегда такими?

— Ты не хочешь получить назад своего ребенка?

Сердце ее остановилась. Часть ее души рвалась наружу с криком. Другая часть, холодная и спокойная, сказала:

— Не за такую цену.

— Что же ты хочешь тогда?

— Ничего из того, что ты можешь дать.

Ранульф стиснул челюсти.

— Вижу. У меня нет эльфийского золота.

Смысл этих слов, произнесенных Ранульфом, с трудом дошел до нее.

— Ты думаешь… ты…

— Они, это племя, обольстительны. Они, по большей части, не хотят этого. Такова просто их природа. Но потом они уходят своей дорогой, и что остается?

— Больше, чем ты оставил мне.

Ранульф выпрямился, поведя широкими плечами. На миг Джоанне показалось, что он сейчас схватит ее. Но он и не собирался этого делать. Он просто стоял и смотрел на нее. Глаза его были глазами быка, полными животного бесчувствия. Если в них и был гнев или какое-либо другое выражение, то оно исчезло прежде, чем Джоанна смогла увидеть это. Ранульф открыл рот. Джоанна презрительно скривила губы. Его голова качнулась, словно под тяжестью ярма.

— Что же мне делать, если ты умрешь?

На какой-то миг она лишилась дара речи.

— Делать? А что ты всегда делал?

Он стоял неподвижно. Казалось, он обдумывал ее слова. Или, быть может, ждал, что она разразится яростью или слезами, или же подчинится ему.

Она не собиралась доставлять ему такого удовольствия.

— Прошу прощения, — сказала она с ледяной любезностью, — но мне пора идти. Годфруа проводит тебя.

Глаза Ранульфа пылали. Сейчас он должен был бы поступить, как мужчина: схватить ее за руку, заставить ее подчиниться. Она почти — почти — хотела этого. "Аймери, — рыдало ее сердце. — Аймери."

Ранульф содрогнулся. Зубы его неожиданно громко лязгнули.

— Возвращайся живой, — сказал он. И все.

— Вы знаете, он любит вас.

Джоанна вздрогнула; ее лошадь шарахнулась. Айдан смотрел, как Джоанна подбирает поводья и возвращает на лицо выражение достоинства. В этих одеяниях он воистину был больше арабом, нежели франком, и казался более чужим, чем всегда.

— Вы подслушивали, — сказала она зло и тихо.

— Чтобы не услышать ваш разговор, надо было быть глухим.

Джоанна фыркнула.

— Вы слышите только то, что хотите слышать.

— Или то, что имеет для меня значение.

Щеки ее горели, и не только от солнца. Он сводил ее с ума, но не так, как это делал Ранульф. Он отдавал ровно столько добра, сколько получал. Он будет спорить с нею, если она захочет

этого, и с превеликим удовольствием.

— Он любит вас, — сказал Айдан. — И ему очень больно оттого, что он никак не может показать этого.

— Любовь? Это любовь — забрать ребенка от материнской груди?

— Любовь, и ревность, и огромная необходимость завоевать себе место в этом мире. Вы знаете, у него есть брат-близнец, как и у меня. Но если мой брат, родившийся на несколько минут раньше, был достаточно добр и богат, чтобы одарить меня наследственным владением, то у него… Ранульф — выходец из дома, богатство которого заключается только в титуле, а еще он — норман, и живет по норманнским законам. Его брат унаследовал все. А Ранульфу не оставалось ничего, только уехать. Он даже не был бы рыцарем, если бы не завоевал на войне богатства.

Джоанна все это знала. Она не желала знать значения всего этого.

— Он добрее к своей собаке, чем ко мне.

— Конечно. Его собака не сомневается, что он любит ее. Она просто знает это, — ответил Айдан. — И любит его тоже.

— Он сказал, что я уродлива.

— Он сказал один раз, будучи вызван на это, что вы некрасивы. Это и в самом деле так. Но временами вы очень хороши собою.

— И когда же?

— Не тогда, когда даете волю гневу.

Она плюнула в него и промахнулась. И быстро пожалела о своем поступке. Горячий воздух сушил рот; и она не могла освежиться глотком воды, пока Айдан смотрел на нее с таким вызывающим злость выражением.

— Зато *вы*, — сказала она с отвращением, — невыносимо хороши собой.

— Увы моей мужественности.

— Чем это ей повредит?

— Ничем, — ответил он.

Неожиданно Джоанна почувствовала, что устала. Устала вспоминать, раскаиваться, думать, что могла бы получить своего сына, если бы не ее ядовитый характер; устала ссориться; устала быть самой собой. Она хотела, чтобы Тибо был жив, и Герейнт тоже, и чтобы на руках ее была теплая тяжесть — Аймери, и чтобы Ранульф…

Нет, не вспоминать об этом. Изумление, когда он увидел своего новорожденного сына; легкое недоумение при лицезрении красного, похожего на обезьянку существа на руках матери; и

неожиданная, удивительная мягкость, с которой эти большие грубые руки покачивали маленькое изгибающееся тельце, а в холодных глазах теплилось что-то похожее на нежность. И он смотрел на нее и улыбался, и да, это была нежность; нежность к ней и к сыну, которого она подарила ему.

Та минута прошла. Он снова был Ранульфом, грубым, как старый камень, словно бы она никогда не была для него Джоанной, а не кобылой в его стойле.

— Это страх, — сказал Айдан, бесстыдно влезший не в свое дело. — Страх показать истинные чувства. Страх перед болью.

Она выставила его прочь. Это было невероятно тяжело сделать — выкинуть его из ее сокровенного нутра, но она сделала это. В конце концов ей помогла его собственная натура, когда он помчался, крича, как безумный, вслед газелью, выскочившей из ложбины. Джоанна даже не подозревала, что у него есть лук, пока с тетивы не сорвалась стрела, с невероятной точностью поразившая цель.

Эту газель они съели той же ночью, остановившись в караван-сарае и приготовив мясо во дворе, под открытым небом. Костерок Джоанны был разложен несколько в стороне от остальных, отчасти из-за ее положения, отчасти из-за того, что она была женщиной. Она была весьма рада этому. В тарелке Дары оказались лакомые кусочки; Джоанна обнаружила, что может съесть кусочек, потом другой. И прежде, чем она опомнилась, она уже опустошила половину тарелки.

Айдан сидел на корточках рядом с нею. Зубы его сверкали белизной, когда он улыбался. Он был в чудесном веселом настроении: он успел потолкаться среди охранников каравана и попрактиковаться в боевом искусстве с одним из мечников. Джоанна наблюдала за ним, тщательно скрывая это. Охранник учил Айдана сарацинским приемам с более легким и гибким оружием, чем то, каким владел Айдан.

Теперь у него в руках было это оружие, и он легко вертел его, подставляя клинок под свет костра. Волнообразные узоры переливались на лезвии.

— Они продали вам его? — спросил Джоанна.

— Одолжили, — ответил он. — Это великая честь. Я хотел бы…

— Вы хотели бы иметь такое.

Сабля в его руках казалась живой. С любовным сожалением он вложил ее в ножны.

— Я должен отдать ее.

Но не двинулся с места. Глаза его смотрели на огонь и были полны огня.

Джоанна придвинулась к нему так близко, что смогла бы коснуться его, но не коснулась. Она боялась Дары, скрывающейся в тени, и самой тени, темноглазой и безмолвной. Вокруг слышались голоса, смех, негромкое протяжное пение.

Джоанна моргнула.

— Вы, — сказала она, — с ними… Вы говорили по-арабски.

Айдан взглянул на нее.

— Да?

— Вы даже не знали этого?

Он пожал плечами:

— Таков мой дар. Я не задумываюсь об этом.

Так просто!

— Любой язык? — спросила она. — Любой из всех?

— Любой, на котором люди говорят в моем присутствии.

Джоанна негромко присвистнула.

— Герейнт никогда не говорил об этом.

— Я сомневаюсь, что он знал. Этот вопрос никогда не всплывал. До того, как я прибыл сюда.

Он едва ли понимал все значение этого, этот дар не был для него источником гордости: странный и удивительный дар, свобода от вавилонского проклятия.

— Это ничто, — сказал он. — Фокус.

Скромность. Действительно. Джоанна засмеялась, удивленная. Он не мог бы быть менее человеком, нежели сейчас. Или более.

Она сделала это прежде, чем успела подумать. Она склонилась к нему и приложила ладонь к его щеке.

Он чуть пошевелился.

Она отдернула руку и ухватила ее другой рукой, ненавидя ее себя, все, кроме него. Его она не могла ненавидеть. Его она…

Его она… почти… любила.

Это было то, против чего наставляли священники. Похоть. Грешное вожделение. Эта боль в ее теле. Этот огонь, вспыхивающий, когда она смотрела на него, думала о нем или просто была поблизости. Она хотела касаться его снова. И снова.

Она обхватила себя руками и стала раскачиваться из стороны в сторону. Ну почему он сидит там? Как он может не знать? И жалеть ее, и презирать ее. *Ему* неведома такая слабость. Он мужчина, он королевской крови; он может получить любую женщину, которую захочет. Люди говорили, что принцесса Сибилла положила на него глаз. Он никогда не захочет иметь дело с таким несчастным созданием, как Джоанна, с женщиной, выданной замуж за мужчину… который…

Который считал ее способной только рожать ему сыновей.

Джоанна резко поднялась на ноги. Айдан что-то сказал. Она даже не пыталась понять.

Она плакала, пока не уснула. Плакала по всем. По Аймери, Герейнту, Тибо. Даже по Ранульфу. Но больше всего по себе самой. Она должна была забрать ребенка, что бы ни творилось. Если уж она родила его, она должна была сохранить его. Но гнев предал ее. Гнев оттолкнул Ранульфа. И привел ее сюда.

На смертный грех, если правы были священники. Греховно было даже просто желать того, кто не был ее мужем; и не иметь сил и даже желания прекратить думать о нем. Может быть, она слегка сошла с ума.

Джоанна проснулась посреди ночи, зная, что он здесь, у ее двери, охраняет ее. Боль, оставленная рыданиями, тяжесть во всем теле не значили ничего. Она могла бы подняться, если бы посмела. Выйти. Коснуться его.

И быть отосланной на место. Справедливо, пристойно, даже мягко. Это было в его характере — проявлять мягкость, когда он того желал, хотя он скорее умер бы, чем допустил такую мысль.

Джоанна лежала лицом вниз, хотя грудь болела. Она была рада этой боли. Боже милостивый, чего же она хочет? Горячее дыхание, сильные руки, тяжесть чужого тела поверх ее; старый языческий танец, огромное удовольствие для мужчины, но для женщины только томительное испытание. И все-таки она желает этого. Ее тело желает этого. И она готова подчиниться безумию этого желания.

Она забылась беспокойным зыбким сном. Она знала, что видела сны, но после не могла вспомнить, что ей снилось. Утро было благословением и освобождением.

И все же ночь, даже такая отвратительная, странным образом очистила ее. Джоанна встала со спокойствием на душе и ясным рассудком. Яснее, чем была до рождения Аймери. Она снова осознавала себя. Ни горе, ни вина, ни стыд, ни даже гнев не стали меньше, но она снова была Джоанна; она могла перенести все это.

Даже Айдан в своих бедуинских одеяниях, которые были словно нарочно скроены для его дикой красоты, — даже это она могла перенести. Она не смогла скрыть краску на лице, но все-таки улыбнулась ему. Он подарил в ответ куда более щедрую улыбку.

— Для меня счастье видеть вашу радость, — сказал он.

Его слова нашли отклик в душе Джоанны. Она попыталась играть роль его госпожи, вся милостивое снисхождение, и это заставило Айдана рассмеяться. Он смеялся великолепно, от всей души. И это заразило ее, наполнило ее безумным счастьем.

— Что?! — крикнула она. — Смеяться надо мной? Это ваш

рыцарский подвиг?

— Нет, госпожа моя, — ответил он.

— Ну что ж. Вы заплатите за это. Вы назвали меня вашей госпожой. Будьте моим рыцарем. Служите мне со всем смирением.

Его глаза заблестели, выдавая очень мало смирения.

— Могу ли я и петь для вас тоже, быть вашим трубадуром?

Джоанна всплеснула руками, забыв о роли госпожи:

— О, а вы будете петь?

Но Айдан не на миг не переставал быть рыцарем:

— *Ma dama*, каждое ваше желание — приказ для меня.

На секунду она задержала дыхание. Это было опасно. Он знал ее, она видела это. И в этом он преуспел. А она?

Было утро; на душе у Джоанны было легко, и взгляд Айдана был обращен на нее. Она подала ему руку истинно королевским движением, не выдав себя даже легчайшей дрожью. Он принял руку, как истинный рыцарь, запечатлел на ней поцелуй, а потом еще и галантно прижал к губам ее пальцы. Он, казалось, сам удивлялся тому, что делает. На миг, когда он встретился взглядом с Джоанной, ей почудилось, что он почти… испуган?

Нет, только не он. Он был трубадуром еще в ту пору, когда мир был моложе. Она прижала руку к сердцу и вскинула голову.

— Ну что ж, мой рыцарь. Едемте.

Айдан знал, куда они направляются, и ни делал ни малейшей попытки остановить это. Она думает, что повелевает она. Отважное дитя. Были дамы красивее ее, но не было никого отважнее.

Он мог принять это, в том мраке, что царил в его сердце. Он был влюблен в нее.

Никакого значения не имели ее многочисленные несовершенства. Она была некрасива на человеческий взгляд. Она была слишком молода, слишком мало обучена манерам, слишком смертна. У нее был муж, которого Айдан, даже ради спасения своей жизни, не хотел бы оскорбить; муж, на котором лежало проклятие быть непроходимо глупым в величайшей любви. У нее была мать, перед которой даже Айдан испытывал почтительный трепет. И к тому же Джоанна была приемной дочерью Герейнту, по отношению к которому даже эти немые мысли были предательством.

Не имеет значения. Айдан смотрел на это лицо — ширококостное, с упрямым подбородком, невыразимо франкское лицо — и терял всю волю и разум.

— Это все ее дух, — говорил он своему коню, расседлывая и чистя его вечером. — Ее высокое сердце. Ее алмазно-твердое

сопротивление всем ударам и препятствиям судьбы. Скорбь только делает ее сильнее. И все же, — задумчиво добавил он, — это еще не все. Ее мать тоже такова; но леди Маргарет хватает самой себя. Можно уважать ее, преклоняться перед ней, служить ей. Но любить ее… нет. Не я. Ее круг замкнулся. В нем нет места для меня.

Мерин мягко уклонился от всех этих глупостей. Он ухватил последние вкусные зернышки ячменя и оттопырил ухо. А не дадут ли еще корма?

— Чревоугодие есть смертный грех, — наставительно сказал Айдан. Он прислонился к теплому плечу мерина, расчесывая пальцами спутавшиеся пряди светлой гривы. — Да, друг мой, я глупец, и отлично это знаю. Она видит это проклятое лицо, слышит все эти проклятые сплетни обо мне, и конечно же, полагает, что любит меня. Я втрое старше нее, мои года, мое положение и мое могущество могли бы дать мне мудрости в девять раз больше… мне следовало бы знать это лучше! Бог мой, я несу тяжесть множества клятв, я должен свершить месть, я должен возвратиться, чтобы служить королю, иначе я стану клятвопреступником, и при этом я изнываю по ее прекрасному юному телу. Как ты думаешь, не признак ли это старости? Не впадаю ли я в старческое слабоумие?

Вряд ли мерин мог дать ответ на это. Он потерся о руку Айдана зудящей щекой и вздохнул. Айдан прижался лицом к теплой атласной шее животного и тоже вздохнул. В эту ночь караван остановился на ночлег на каменистом плато, поскольку караван-сарай был полон народу, а о разбойниках в округе слыхом не слыхивали. Ни один грабитель не бродил близ дороги, словно все они удалились в пустыню и там пожрали сами себя. И он сейчас занимается примерно тем же самым.

Айдан почувствовал, что на него смотрят. Он знал, чьи глаза уставились ему в спину. Ясные зеленые кошачьи глаза, воплощение образа, рожденного в его душе. Он выдержал этот взгляд так долго, как только мог, а потом ему оставалось только обернуться или бежать прочь, не разбирая дороги. В какой-то момент ему казалось, что бегство — лучший выход.

Он обернулся.

Она была прекрасна в сумеречном свете, более реальная, чем сама реальность, более настоящая, чем конь рядом с ним. Она была ростом до подбородка Айдана.

Она заметила, что он был одет иначе. Он почувствовал, что это удивило и обрадовало ее. Почему бы и нет? Она была его мечтою.

Ее губы дрогнули, словно собираясь расцвести улыбкой.

Должно быть, ей нечасто приходилось улыбаться; она медлила, вспоминая, как это делается. Улыбались ее глаза, они просто искрились улыбкой.

Эти чувства ударили Айдана с такой силой, что он пошатнулся.

— Ты есть, — промолвил он. — Ты есть.

Он стремительно шагнул к ней. Руки его ощутили ее плоть, ее гибкость, ее нечеловеческую силу.

Она попробовала высвободиться и тут же прекратила сопротивляться. Застыла, напряглась, глаза ее были огромными и безумными. Айдан коснулся рукой ее щеки и ощутил подавленную дрожь. На него потоком хлынул запах ее тела. Сладкий, невыразимо сладкий: запах женщины его народа, не имеющий подобия в подлунном мире.

Ее руки сомкнулись вокруг его шеи. О, она была сильна; удивительная, великолепная сила. Голова Айдана склонялась все ниже и ниже. Глаза женщины заслонили весь мир. Еще миг, и он будет втянут ими.

Но они закрылись, не впустив его. Она отпустила его, даже оттолкнула.

— Боже, — произнесла она. Голос ее был сладок, но в нем звучало отчаяние. — Боже, Боже, Боже…

Аллах, Аллах, Аллах.

Арабский язык.

Айдан настроил мысли и речь на этот язык, как никогда остро сознавая свой дар.

— Скажи мне, госпожа. Кто ты?

Шаг за шагом она отступала прочь. Он схватил ее за руки. Она напряглась, но не стала сопротивляться.

— Госпожа… — Теперь слова приходили на язык быстрее. — Госпожа, постой. Скажи мне свое имя. Как ты пришла сюда? Куда уходишь? Как ты нашла меня?

Ее губы сжались. Она покачала головой, рванулась.

— Прошу тебя, госпожа моя. Твое имя. Только это.

Она вырвалась из его хватки, повернулась. Потом бросила через плечо одно-единственное слово:

— Марджана.

Воздух был пуст. Сердце Айдана кричало, не в силах вынести эту пустоту.

Марджана.

Она была живым созданием. Она не была мечтой, не была даже полночным призраком. И все же, эта ее возможность, быть здесь, а потом исчезать…

Айдан повторил ее имя среди ночного безмолвия:

— Марджана.

Сарацинское имя, сарацинские черты лица, проступающие сквозь облик его расы. Его тянуло к ней, но в глубине души он боялся ее. В ней было что-то неистовое, великая древняя сила. Он был наполовину смертным человеком. В ней не было ничего от человеческого рода.

Быть может, его мать была безумной, но даже она не была столь безумной, как эта женщина. Это ли истинная древняя кровь? Наполовину безумица, наполовину демон: дух воздуха и огня.

Как ни напрягал Айдан свои силы, он не мог найти даже следа ее. Она исчезла, словно ее никогда не было. Это могущество, и более великое, чем его собственное.

Он дрожал на своей лежанке подле шатра Джоанны, и не только от холода пустынной ночи. Раньше он думал, что достиг в чародействе предела возможного. Но перед этой женщиной он был не более чем ребенком, слабым недоучкой, играющим в могущество.

И она тоже играла с ним, изображая робость, притворяясь призраком. И теперь она, конечно же, смеялась над ним. Народ афаритов был холоден и вероломен. Их честь была честью демонов.

Но как же она была прекрасна!

Айдан вздрогнул. Кто-то стоял возле него. Какое-то мгновение он надеялся, боялся…

Нет. Запах был человеческим запахом, резким и острым. И в нем всегда присутствовал намек на увядание, привкус смертности, хотя этот привкус редко был достаточно сильным, чтобы безошибочно выделить его. Но сегодня от него першило в горле.

Джоанна присела возле него на корточки, ее лицо было смутным пятном, лишенным всякой красоты, волосы выбились из-под капюшона. Она была абсолютно человеком, абсолютно смертной.

— Я не могу уснуть, — сказала она. Грубый, немузыкальный, чертовски человеческий голос. — Я разбудила вас?

— Нет.

— Хорошо. — Она опустилась на пятки. Суставы ее хрустнули; она засмеялась — смех был похож на кашель — и пристроилась на краешке его матраца. — Наверное, я кажусь вам ужасно неуклюжей?

— Нет, — ответил он. Это была правда. Она не была неуклюжей, она внушала нежность. Словно жеребенок или щенок волкодава.

— Я не изящная дама. Я жирная франкская корова.

Айдан приподнялся на локте.

— Кто так говорит?

— Я говорю. — Она отбросила волосы с лица. — Это действительно так. Тибо унаследовал всю красоту. Я же родилась похожей на норманнских пиратов. Я должна была родиться мужчиной.

— Я все же рад, что вы не мужчина.

— Сегодня ночью вам не нужно быть вежливым. Я могу выдержать правду.

— Это правда. — Он помолчал. — Меня не тянет к мужчинам. И даже к красивым мальчикам.

— Я надеюсь, что нет.

Джоанна не могла видеть в темноте выражение его лица, но для него темнота была преградой не большей, нежели легкие сумерки. И то, что он видел, заставило его притянуть ее к себе. Он сделал это словно бы помимо своей воли.

И так же, помимо своей воли, она подчинилась ему, словно ища прибежища. Она была теплой и большой, почти столь же высокой, как он, и никак не меньше него в обхвате. В Райане сказали бы, что у этой женщины чудесная фигура.

Они лежали обнявшись, словно дети, наслаждаясь просто ощущением присутствия, теплом тела другого. Джоанна гладила бороду Айдана, играла с ней, испытывая удовольствие от прикосновения волос к ладони. В душе Айдана это удовольствие порождало трепет, даже больший, чем дрожь от прикосновения ее руки к его щеке.

Она засмеялась, пряча лицо у него на плече:

— Ты мурлычешь!

— Да. — Он был удивлен. — Я не знал, что умею это.

Он считал, что не умеет. Она устроилась поудобнее, мягкие округлости ее тела словно заполняли предназначавшиеся для них места на его теле. Это было изумительно, насколько совершенно мужчина и женщина были созданы друг для друга.

Но не он для нее. Айдан прекрасно знал это. В глазах Бога и человека она принадлежала Ранульфу.

Сейчас, под покровом ночи, было так трудно удержаться. Джоанна изумилась бы, узнав, как близок он был к полной невинности; как редко он желал женщину настолько, чтобы сделать то, что делают мужчины и женщины. Принадлежавшие к его народу воспламенялись медленно. Но стоило им зажечься…

— Мы должны… — попытался он возразить. — Мы не должны…

Ее глаза, большие серо-голубые глаза смертной женщины,

впитали его слова, опустошив его мысли. Айдан и Джоанна уже не лежали, а стояли, обнявшись. Он не помнил, как они встали.

Джоанна поцеловала его в щеку, туда, где прежде лежала ее ладонь, и поцелуй был целомудренным, словно сестринский. Он безмолвно смотрел на нее, а она повернулась и вошла в шатер. Мудрая женщина.

Более мудрая, чем он. Он не смог бы стоять в ее шатре во весь рост. Она могла, но едва-едва.

Ее служанки в шатре не было. Случайность? Заранее продуманный план? Айдан сомневался, что Джоанна знает ответ.

— Это безумие, — прошептал он.

Она кивнула. Плащ ее упал с плеч, она осталась в одной сорочке.

Чудесная женская фигура. Не девичья, уже не девичья. Зрелое тело; оно потеряло твердость, взамен обретя привлекательность. Ни одна женщина из его расы не могла быть такой — в полном расцвете преходящего лета, хранящего свежесть весны и омраченного тенью от тени грядущей зимы.

Она дрожала. Айдан привлек ее к себе, чтобы согреть. Сердце ее неистово колотилось. Она отшатнулась; она прижалась к нему.

— Здесь, — прошептала она, — здесь, проклятье… Мы должны… прекрати… Обними меня!

Он был ее рыцарем. Он не мог сделать ничего — только повиноваться ей.

— Мне все равно, — шептала она, словно в горячке. — Мне все равно. — Она откинула голову и посмотрела в лицо Айдану. — Ты презираешь меня?

— Я… — Он с трудом сглотнул комок в горле. — Я думаю, что люблю тебя.

Она застыла. Но не ее язык.

— Не смейся надо мной. Пощади меня хотя бы в этом.

— Я не лгу. Никогда. И не шучу. По крайней мере, когда люблю.

— Но ты не можешь… Я даже не привлекательна!

— Это имеет значение?

— Ты, — сказала она, подавляя дрожь в голосе, — ты красив так, как не бывают красивы смертные. А я…

— Я просто таков, каким меня сотворили. А ты есть ты и никто более, и я полюбил тебя в тот же миг, как впервые увидел тебя, сердитую и взъерошенную, словно раненая орлица. Госпожа моя, твоя душа — это белое сияние, и моя перед нею — тусклый колеблющийся огонек.

— Ты мог бы приманить птицу с дерева. — Голос ее дразнил и ласкал его. Ее пальцы нащупали узел его пояса. Она хотела

видеть. Просто видеть. На самом деле.

И было на что посмотреть. Он знал это; и никогда не стыдился этого. Стыдливость — удел монахов. Он был рожден в королевской семье, и он не был смертным.

Теперь, когда она могла видеть все его тело, он был еще более чужим. И более красивым. В свете лампы его бледность была подобна сиянию, казалось, такая белизна не может принадлежать плоти живого существа, а лишь камню, оживленному чарами: лунному камню, алебастру, мрамору. Грубая человеческая кожа не бывает столь белой и столь гладкой. Эта плоть — словно атлас поверх стали, более гладкая, чем у любого мужчины, но отнюдь не детская. О, нет. Это не ребенок.

Он не был мужчиной из смертного племени, но был достаточно мужественен. И это не ужасало, вопреки всем легендам об ифритах. Он был скроен по человеческим меркам; и возбуждение делало его более похожим на человека. Джоанна смотрела, словно зачарованная. Ранульф никогда не давал ей времени посмотреть. Посмотреть, увидеть, попытаться понять эту загадку, эту вторую половину рода человеческого.

Она зажмурилась. Щеки ее пылали. Господи, что же она делает?

И он ей позволяет.

— Не просто позволяю, — возразил Айдан мягким, восхитительно глубоким голосом. — Желаю.

Горечь наполнила сердце Джоанны.

— Желаете. Какую-нибудь женщину, да? Любую самку человеческого рода.

— Нет.

Она открыла глаза.

— Нет, — повторил Айдан. — Я не желал женщину дольше, чем ты живешь на свете.

Джоанна скривила губы.

Он не был Ранульфом. Он не отступил перед ее презрением.

— Верь мне или не верь. Это ничего не меняет.

Джоанна склонила голову. Половина ее существа была болью. Другая половина — холодным белым гневом.

— О, не надо. Я не нуждаюсь в сладкой лжи. Кто она была, той ночью в Аква Белла? Скрывалась ли под вуалью красота? Доставила ли она вам удовольствие?

Айдан рассмеялся, повергнув ее в немое изумление. Он смеялся долго, а когда смог говорить, то выдохнул:

— Ты… она… Джоанна, любимая, это была не она, а он.

Сердце ее сжалось, словно от мороза. Он видел это. Проклятье, он видел, о чем она думала. Он взял ее за плечи и с

силой встряхнул.

— Джоанна! Ты думаешь, это был любовник?

— Откуда мне знать, что это не так?

— Твое сердце знает. — Он приподнял ее подбородок пальцем. — Моя милая Джоанна, то, что видела твоя доверенная подруга — это маленький детский розыгрыш. Тот, кого она видела — не любовник ни мне, ни кому-либо из смертных. Это был король.

Джоанна приоткрыла рот от изумления, щеки ее вспыхнули. Руки Айдана легко лежали на ее плечах, но она не могла вырваться, как будто они были железными оковами.

Он поцеловал ее, легко и быстро. И, вопреки всем его уверениям, очень умело.

Она смотрела на него с чувством, близким к отчаянию. В этом она была не более искусна, чем во всем остальном. Она желала его, всего его; но его было так много! Она была словно дитя. Словно маленькая девочка, которая хочет съесть все конфеты в вазе, и объедается ими, и болеет от этого, и плачет, потому что конфет так много, а она такая маленькая!

Умереннее, подумала она. Сдержанней. Он здесь. Бог ведает, почему, Бог ведает, как, но он избрал ее. Или был избран ею. Он не выглядел древним, величественным или мудрым. На вид он был просто молодым мужчиной, который… о святые, который думает, что любит ее.

Сердце ее было холодным комком, кусочком льда. И теперь, пока она стояла и смотрела на Айдана, этот лед таял, холод уходил, сердце раскрывалось. Переполнялось чувствами, цвело и пело. Джоанна не могла дышать. Она едва могла смотреть.

Счастье. Это было счастье. Она засмеялась — словно зажурчала вода, словно в пустыне открылся родник.

Айдан понимал это. И в этом была прелесть. Он всегда мог понять ее душу.

Они упали на ее постель. Он смеялся вместе с нею, так же безудержно, как она, и так же восхитительно безумно. Это была величайшая шутка во всем мире. Он и она, и грех, и святость, и здравый рассудок, и как мало, как ничтожно мало все это значило.

11

Джоанна не впала в смертный грех. Она окунулась в него с открытыми глазами, приветствуя его всем сердцем. И она не могла вызвать в себе раскаяние. Когда она пыталась это сделать, демонический голосок в ней вещал: "Мужчины никогда не раскаиваются в этом. Ранульф никогда не раскаивался." И еще: "Как это может быть злом? Это сплошное счастье."

Мир уничтожил бы ее, если бы узнал об этом. Она была осторожна; или же осторожным был Айдан. При свете дня она была госпожой, а он — ее рыцарем; принцесса и ее телохранитель. По вечерам, в лагере или караван-сарае, она ужинала в царственном уединении, а он — вместе с охранниками. Но в ночные часы между наступлением полной темноты и рассветом маски спадали. И ни она, ни он, не в силах были прекратить то, что было между ними.

Дара не могла помочь, но она знала. Она была немой, но не глухой и отнюдь не слепой. Но она не подавала виду. Ее отношение к Джоанне не претерпело особых изменений, как и ее страх перед Айданом. Иногда Джоанна пыталась догадаться, что думает Дара. Был способ узнать это, но Джоанна не прибегла к нему. Это было бы слишком похоже на предательство. По отношению к Даре; по отношению к Айдану, который мог проникнуть в ее мысли.

Никто больше и не догадывался ни о чем. Джоанна была уверена в этом. Она знала, что при дворе такие вещи открывают по взглядам, улыбкам, касаниям рук. Это все им двоим не было нужно. Джоанна могла просто думать о своей любви к нему и знать, что он знает. Хотя порою она улыбалась под вуалью, просто от счастья; просто потому, что она была смертельно больна, а он исцелил ее.

— Я никогда не верила, что так может быть, — сказала она Айдану в ночь перед прибытием в Дамаск.

Было уже поздно, и на сон оставалось мало времени, но Джоанна не хотела спать. Вечером Айдан пел в кругу мужчин, и они долго не отпускали его. Он выучил восточные песни, высокие и протяжные, слишком непривычные для западных ушей. И секретом, известным только ему и ей, было то, что он пел для нее.

Айдан улыбнулся и провел пальцем по локону, обвившемуся вокруг ее груди. Иногда она забывала, как несовершенно ее тело, каким дряблым и тяжелым оно стало; хотя, если говорить честно, от долгой верховой езды оно вновь сделалось стройнее и сильнее.

Но Айдан заставлял ее почувствовать себя прекрасной. Когда он смотрел на нее, она понимала, что так и должно быть: она есть то, что она есть, и она любима.

— Почему? — спросила Джоанна. — Почему я?

— Почему кто-либо в мире? Быть может… — Айдан подбирал слова или притворялся, что подбирает их. — Быть может, это то, как ты сидишь на лошади. Или как ты оглядываешься в тревоге, легко и быстро, словно чистокровная кобылка. Или твой характер. Да, я думаю, что причиной всего твой характер. Он пленяет меня. Ты можешь быть кроткой, а через миг — словно налетел пустынный шторм — впасть в неистовый гнев. Мы можем понять это, я и мой характер. Нам хочется укротить твой темперамент. Или, — добавил он, — состязаться с ним на равных.

— Я не думаю, что для тебя это трудно.

Айдан засмеялся, дыхание его щекотало ей шею.

— Смотрите-ка, собираются тучи!

Она вскинулась, высвобождаясь из его объятий:

— Так вот, кто я для тебя? Домашнее животное? Кобыла, которую надо объезжать, пока она не покорится?

— Ты знаешь, что это не так. — Голос Айдана был совершенно спокоен, но шутливость его тона исчезла.

Демон потянул ее за язык:

— Я никогда не буду равной тебе, ведь так? Я только человек. Я только развлечение, пригодное, чтобы скоротать время до появления ассасина. Как удобно, не правда ли? Ты можешь получать удовольствие и в то же время охранять меня.

— Да, удобно, — ответил Айдан. Он сел, откинув волосы назад. Его движения всегда напоминали кошачьи, но сейчас это было заметно несколько более — знак того, что ей удалось задеть его. Поднявшись, он стал охорашиваться, словно кот: расчесывать волосы пальцами, приглаживать бороду.

В душе Джоанны вспыхнула искорка смеха, заставившая демона бежать прочь. Она упала на Айдана, опрокинув его навзничь и прижав его своим телом. Его взгляд скользнул вниз — от ее лица до тяжело колышущихся грудей.

— Ох, проклятье! — промолвила Джоанна. — Я никогда не могу долго сердиться на тебя. Это чары?

— Если и чары, то не мои.

Она склонилась, чтобы поцеловать его. Он принял поцелуй более чем охотно. Поцелуй длился восхитительно долго. Айдан выгнулся, столь же возбужденный пребыванием внизу, как и сверху. Но Джоанна остановила его.

— Скажи мне правду. Что я для тебя? Только смертная?

Для мужчины было тяжело говорить разумно, обнимая

женщину, но Айдан был кем-то большим, нежели просто мужчина. Он покачал головой.

— Ты Джоанна. Ни одна смертная женщина никогда не была для меня тем, что ты есть для меня.

Эти слова успокоили ее. Когда он дал ей все, что мог дать, она уснула, сплетя свои длинные ноги с его ногами.

Вскоре Айдану следовало встать и вернуться на свое место, прежде чем рассвет развеет чары, призрачный образ человека, спящего на матраце. Но Айдан все никак не мог собраться с духом и подняться.

Он говорил ей правду. Он и не предполагал, что случившееся между ними могло произойти. Она была смертной женщиной. Но у нее был дар: она умела раскрыть свою душу, как умеют немногие смертные, и отдать всю себя, не скупясь. И чем больше она отдавала, тем больше у нее оставалось. Ее счастье пело в его душе, словно струна арфы.

И все же она сомневалась. Она задавала вопросы. Она не могла забыть, как не мог забыть и он, что они не принадлежали к одному и тому же роду.

То, что было у его матери и отца… это было иным. Их никогда не волновало, что он смертен, а она — нет. До самого конца он сохранял свою гордость, свою уверенность в том, что они — не госпожа и слуга, а равная и равный.

Но Айдан и Джоанна — были ли они равными? Он чаще всего думал о ней, как о ребенке. И она знала это. Она видела, как он прощает ей ее выходки.

Ну что ж. Она была женщиной.

Айдан поморщился. Он отлично знал, что сказала бы на это его мать. Она не отличалась здравым рассудком, но она была сильной и твердо отстаивала свои принципы.

Джоанна — из рода человеческого. Слабее, чем он. Она находится под его защитой и, к несчастью, эта защита ей нужна. Но, во имя господа, он любит ее. То, что толкнуло его к ней в ночи и почти лишило его благоразумной осторожности, было не просто плотским вожделением. Айдан проверял себя. Он рассматривал женщин у колодца в селении, которое они проезжали день или два назад. Одежда и вуали не были преградой для его глаз. Он пытался заставить себя почувствовать желание к телам, открывавшимися под одеждой; и одна-две женщины были очень красивы. С тем же успехом он мог попробовать испытать желание к кобылам. Они не принадлежали к его роду. И ни одна из них не была Джоанной.

Джоанна заворочалась в его объятиях и пробормотала что-то.

Ее сон царапнул душу Айдана. В этом сне был Аймери, теплое младенческое тельце у ее груди. И Ранульф. Ранульф, собрав отвагу, словно перед лицом армии неверных, говорил: "Я люблю тебя. Бог мне свидетель, я люблю тебя."

С величайшей осторожностью Айдан высвободился из ее объятий. Она повела рукой, ища его, но не проснулась. Он быстро, но бесшумно оделся. Потом помедлил, склонившись над ней, словно желая поцеловать ее, но потом отшатнулся и покачал головой. Это было бы слишком по-человечески.

Его двойник, лежащий на матраце у ее дверей, уже потускнел, хотя еще не начало светать. Двойник развеялся, когда Айдан сел на матрац. Айдан обхватил колени руками и нахмурился, вглядываясь во тьму. Ему надо было успокоиться, но что-то удерживало его от этого, какое-то ощущение, краешком задевшее его защитный круг.

При виде Марджаны он всего лишь чуть шире открыл глаза. До этого он не сознавал, что прочно опирается спиной на двери шатра. Чувство, шевельнувшееся в его душе, не было чувством вины. Нет, только не вина. Хотя он знал, глядя на Марджану, что если он даст себе волю, тело его будет охвачено горячим желанием к ней.

— Доброе утро, — сказал он. — Уже достаточно светло для твоей молитвы?

Марджана покачала головой. Она, как обычно, была в белом: Айдан видел, что она была одета по-мужски. Теперь на ней был даже тюрбан. Волосы под тюрбаном были заплетены в три длинных косы. Вряд ли это можно было назвать маскировкой. Она выглядела не менее женственной, и не менее смертоносной. Айдан не мог не заметить, что на ее поясе висел кинжал в дамасских ножнах.

— Не желаешь ли присесть? — учтиво спросил он. — Прошу прощения, но не могу предложить тебе ни яств, ни напитков.

В ее глазах плясало пламя, но она приняла приглашение и села, так далеко от него, как только позволяла ширина ложа.

— Мое имя Айдан, — представился он.

— Айдан. — Имя странно перекатилось по ее языку. — Ты так легко отдаешь свое имя в мою власть?

— Ты отдала мне свое.

Она приподняла плечо в легком полупожатии:

— Мне так захотелось.

— Я прибыл из Райаны, страны, лежащей далеко на западе, между Францией и морем. А ты?

Глаза ее были полуприкрыты длинными ресницами, но Айдан чувствовал, что она смотрит на него.

— Пустыня, — произнесла она, — пустынные места. Когда-то там был Персеполис. Сикандар сжег его.

— Сикандар? Александр?

— Сикандар.

Айдан смутно осознавал, что сидит, приоткрыв рот, и с усилием закрыл его.

— Ты помнишь Александра?

— Я думаю… — Марджана нахмурилась, сплетя пальцы; в этом она так была похожа на Джоанну! — Я думаю… нет. Я не так стара. Нет. Помнит земля. Помнят руины, торчащие из земли, словно древние кости.

— Персеполис, — промолвил Айдан. — Персия.

Проступал ли в ее лице из-под облика женщины племени чародеев лик персиянки? Да, острые черты лица, узкий подбородок, нечеловечески большие глаза под разлетающимися бровями; но все же более плавные очертания, более мягкий овал лица, и оттенок кожи ближе к слоновой кости, чем к алебастру. Хотя, возможно, эту разницу человеческий глаз уловит с трудом.

Марджана подняла взгляд и стала рассматривать его так же откровенно, как он рассматривал ее. В ее глазах блеснуло удивление, и Айдан поневоле отметил это.

— Ты почти можешь сойти за араба, — сказала она.

— Так я и говорю. — Он погладил орлиную горбинку на своем носу и опустил руку. Марджана слегка улыбнулась. Сама она тоже отнюдь не была курносой милашкой; в изящных очертаниях ее носа нашла отражение вся утонченность Персии.

— Почему ты одета, как турок? — спросил Айдан.

— Я не… — Она посмотрела на него горящим взглядом. — А как я должна одеваться?

— Так, как тебе нравится.

Эти слова польстили ей.

— Мне нравится, когда ты одет в джеллабу. Она хорошо сидит на тебе. Несмотря на то, что ты франк.

— Райанин.

— Франк. — Это было окончательное утверждение. — Аль-Халид, — добавила она, — чужеземец, что ты делаешь в нашей стране? Ты шпион?

— А что ты сделаешь, если это так?

— Убью тебя. — Сказано это было без малейшей заминки. Айдан слегка вздрогнул. Древняя, холодная и дикая: о, да, она была опасна.

Айдан покрепче прижался к двери, сложил руки на груди и улыбнулся своей белозубой улыбкой.

— Я не шпион. Я охранник каравана. Могу ли я спросить, что

ты делала в Иерусалиме?

— Любовалась твоим прекрасным белым телом.

Более бесстыдных слов он не слышал никогда, и она, казалось, знала об этом. Легкий румянец коснулся ее щек. Невзирая ни на что, это было очаровательно.

Айдан покраснел гораздо сильнее, чем она. Он собрал все свои силы, чтобы не наброситься на нее, а холодно сказать:

— Уверен, что оно тебе понравилось.

Ее зубы, столь же белые и острые, как его, сверкнули в сумраке.

— Оно выполняет свое назначение. Как вышло, что ты отрастил бороду? Франки, столь же… красивые, как ты… чаще всего не делают этого.

Рука Айдана дернулась к бороде.

— Она тебе не нравится?

Марджана рассмеялась.

— О Аллах! Эти франки! Мы, жители цивилизованных стран, считаем, что мужская красота становится только совершеннее, когда ей позволяют проявиться в полном ее выражении.

Айдан этого не знал. Он почесал подбородок. Почему-то в этот момент борода совсем не казалась ему неопрятной.

— Для наемника ты довольно тщеславен, — с удивлением произнесла сарацинка.

Айдан выпрямился.

— Мадам, в моей стране я сын короля.

— Я в этом не сомневаюсь. — Она говорила так, словно ей было все равно. — Но здесь ты — чужестранец, который неловко пытается скопировать манеры мусульманина. Хочешь совет, аль-Халид? Говори правду всюду, где можешь. Если не можешь, поступай так, как поступают мусульмане. И никогда, — подчеркнула она, — никогда не позволяй им увидеть то, что находится между твоим пупком и твоими коленями.

Айдан непонимающе уставился на нее.

Марджана зашипела от нетерпения, словно рассерженная кошка.

— Благопристойность, — фыркнула она, а когда он не отреагировал, добавила: — Ты не обрезан!

Это он понял. Щеки его запылали. Она увидела слишком многое. Хотя она могла и просто догадываться. Должна была. Она ведь слышала рассказы. Сарацины именовали франков "необрезанными".

Кошачьи глаза Марджаны злобно сверкали.

— И если я могу дать тебе еще один совет — постарайся сделать что-либо со своим акцентом. Выглядишь ты, как

повелитель пустыни, а говоришь по-арабски, словно погонщик верблюдов из Алеппо.

Он произнес так, как говорила демоница из Персеполиса:

— Быть может, так будет лучше, госпожа моя?

Она рассмеялась, ничуть не удивившись:

— Да, лучше, — и вдруг вскинула голову. Айдан слышал это так же ясно, как и она. Протяжный крик муэдзина, призывающий верующих к молитве. Но гораздо ближе — сонное бормотание разбуженных людей. Даже не одарив Айдана прощальным взглядом, Марджана исчезла.

Он почувствовал это. Вероятно. Вспышка силы. Но как или почему или куда эта вспышка перенесла ее, он не мог сказать.

Это сводило его с ума, словно имя, которое он не мог припомнить. Как он ни пытался, результатом была только головная боль.

И растущая уверенность. В следующий раз он сможет последовать за нею. Он узнает, кто она такая, куда она уходит и зачем приходит. Хотя, возможно, последнее не так уж трудно понять. Она приходит к нему. Потому что она знает, кто он такой.

И если однажды он увлечет ее на ложе, то что тогда? Она была опасна, словно львица с детенышами. Были ли у нее на самом деле детеныши? А может быть, и супруг?

Он не хотел думать об этом. Ни в малейшей степени.

Позади него открылась дверь, и Айдан едва не ввалился в шатер. Джоанна нахмурилась, глядя на него сверху вниз, но под хмурым видом крылась улыбка, и сквозь строгость в голосе пробивалась теплота:

— Что такое? Ты с кем-то говорил?

— Нет, — ответил за него его язык. — Нет. Никого тут не было.

Он начал понимать достоинства мусульманской любовной философии; и ощутил острый укол иронии. Столько лет не испытывать даже мимолетного желания, и вот его тело неожиданно тянется не к одной женщине, но сразу к двум.

Нет, не совсем так. Джоанну он любил за все, чем она была. С Марджаной все было проще. Это была попросту тяга зверя к зверю своей породы. Не любовь. Зов природы.

И все-таки именно тело Джоанны он знал в мельчайших подробностях, это с ее постели он встал и, если будет Господня воля, в ее постель вернется. Она так и не поняла, почему он вдруг обнял ее здесь и сейчас, когда кто-либо мог увидеть их, порывисто поцеловал и отпустил ее — задохнувшуюся, взъерошенную, начавшую в изумлении смеяться.

12

Дамаск, словно мираж, вырастал на северном горизонте. Окруженный горами, осаждаемый пустыней, он тем не менее выглядел подобно мусульманскому раю. Казалось, караван скитался по голой унылой пустыне целые века, находя убежище на редких островках скупой растительности, мучимый ветром, солнцем и тучами жалящих мух. А здесь был покой. Город садов и цветников, оживляемых поющей водой; стены и минареты, купола и башни из золотистого камня, полускрытые зеленью, казалось, сами собой росли из земли. В мире не было более древнего города, более блаженного места. Здесь сходились шелковые пути, золотые пути, пути пряностей; короли избирали этот город местом своего обитания, и принцы отдыхали в садах Дамаска. Здесь, ослепленный светом Каукаба, глядящего на город сверху вниз, начал свои проповеди Павел; здесь умер от рук своего брата Авель; здесь, если верить легенде, находился когда-то Сад Эдема.

По мере приближения из города все явственнее доносился шум множества голосов и зловоние. Но все же город оставался прекрасным; и к запахам, распространяемым живыми существами, примешивался аромат зелени. Этот запах был абсолютно чуждым. И все же на какой-то миг он отчетливо напомнил Айдану глухие уголки Броселиандского леса.

В Дамаске у Дома Ибрагима был свой караван-сарай, больше напоминающий дворец. Половина его была выстроена с внешней стороны огораживающей стены, половина — с внутренней, так что сама стена была как бы частью здания. При доме имелись свои колодцы, свои сады, даже собственная протока, отведенная от реки. Даже король удовольствовался бы меньшим; на Западе зачастую так и было.

Айдан твердо решил ничем не уронить свою гордость, но ему трудно было не разинуть рот, подобно деревенскому мужику, при виде великолепия внутренних покоев. У самого Короля Иерусалимского не было и вполовину столь прекрасных ковров или украшений столь утонченно-изысканных.

Ему казалось, что здесь он, наконец, обрел свой подлинный титул. До него чертовски медленно доходило, что все это означает. Молчаливые, безукоризненно вышколенные слуги, долгое роскошное купание, изысканные яства, предложенные ему для утоления голода, и все это затем, чтобы заставить его забыть о том, что было ему запретно, о том, что с того момента, как он переступил порог, он не видел Джоанну.

Это воистину был исламский мир. Он был мужчина, и здесь

было его место. Она была женщиной и к тому же важной госпожой. Ее ждал гарем. И туда его не пустили — вежливо, но твердо. Он не был ее близким родственником, ее господином или — в глазах Бога и всего мира — ее мужем, и потому лишен был чести созерцать ее лицо. Не имело значения, что он видел его каждый день со времени прибытия в Иерусалим. Здесь были иные обычаи, и даже принц не мог противостоять им.

Хозяин караван-сарая не был слугой; он сам был принцем — принцем купцов, братом матери Маргарет. Он многословно, по-восточному, извинялся, соглашался, что это неизмеримо тяжко, но тем не менее не мог отменить запрет.

— О да, — сказал он за обедом, к которому раздраженный Айдан едва притронулся. — О да, принц, я воистину понимаю. Но я смиренно молю тебя осознать, где мы находимся и какие слухи могут пойти из-за твоей настойчивости. Ты молод, и она тоже, а ее муж далеко отсюда, а среди нашего народа честь — более тонкое понятие, нежели в землях франков. Неужели ты хочешь без особой на то причины причинить ей бесчестие?

— Какая ей польза от чести, если она умрет?

Хаджи Мустафа протестующе вскинул пухлые руки, унизанные кольцами.

— Аллах не допустит! — воскликнул он. — И мы, по воле Его, тоже. Будь спокоен, о принц. Она здесь в безопасности. Ее стерегут лучшие стражи; мои жены и наложницы с радостью примут ее и присмотрят за нею. Все мы ее родичи. И если понадобится, мы защитим ее ценою наших жизней.

И это вполне может произойти. Айдан не сказал этого вслух. Этот человек, казавшийся столь мягким, имел стальное сердце, подобно Маргарет; и как он вежливо напомнил, этот мир был чужим для Айдана. Здесь у него не было своего места, только то, что было предоставлено ему Домом, и было бы глупо испытывать пределы терпения этих людей.

Джоанна не печалилась. Она даже не думала о нем; она обменивалась сплетнями со старшей женой своего дяди.

Хаджи Мустафа был превосходной компанией, даже для сердито ворчащего принца. Когда это в достаточной степени дошло до Айдана, он прекратил ворчать и выдавил улыбку, стиснув зубы. Это была просто вежливость, запоздало проснувшийся придворный инстинкт. Он сослужит плохую службу Джоанне, если заставит ее дядю задуматься — а почему это ее охранник сходит с ума, будучи разлучен с нею?

Айдан распрощался так скоро, как это было возможно, со всей вежливостью, на какую был способен. Кажется, ее оказалось достаточно. Он сослался на усталость и непривычность новых

мест для чувств, приученных к западной жизни. Айдан осознавал, что на него глазеют. Кое-кто из слуг выглядел разочарованным оттого, что гость выглядел заурядно, разве что отличался ростом. Они надеялись увидеть рыжие или, по крайней мере, светлые волосы и бритый подбородок.

Они удивились бы, увидев, что он расхаживает по своей комнате, словно леопард в клетке, взвешивая свои шансы проникнуть в гарем. При его возможностях это было не особо трудно. Но если за Джоанной пристально присматривают, как то должно быть, одно только проникновение туда не даст ничего.

Кто-то поскребся в дверь. Айдан хотел было крикнуть незваному посетителю, чтобы тот убирался, но тут же захлопнул рот. Потом подскочил к двери и откинул засов.

За дверь стояла Дара — лицо скрыто вуалью, страх и безъязыкое молчание, глаза как у кролика, над которым кружит ястреб. Ее недовольство было столь же отчетливым, как крик, но к нему примешивалось странное, извращенное одобрение. Она любила свою госпожу и в некотором роде гордилась сделанным госпожой выбором любовника. Демон-принц был предпочтительнее норманнского барона.

Дара указала на плащ Айдана, висящий у двери, и махнула рукой. В ее сознании был образ воды и зелени, места, укрытого от нежелательных глаз: грота в саду, явно устроенного для таких свиданий.

Джоанна сидела в гроте на траве при свете лампы. Это была не та Джоанна, которую он знал. Не франкская леди в черном платье, придающем ей столь больной вид; не всадница в мужской одежде, сидящая на лошади со свободной мальчишеской грацией. Это была принцесса Дома Ибрагима: волосы вымыты с хной, уложены в локоны и надушены розовой водой, глаза подведены краской, шелковые одеяния подчеркивают красоту тела.

Но это была Джоанна — ослепительная улыбка, руки, обнимающие его, быстрые порывистые поцелуи. И так же быстро она оттолкнула его, разглядывая его с головы до ног. Она рассмеялась легким чистым смехом, всегда изумлявшим Айдана, и чуть хрипловатым голосом сказала:

— Они сделали из тебя арабского принца!

Он даже не заметил, во что его одели, помнил только, что одеяния были пышными и многочисленными. От объятий Джоанны с его головы слетела расшитая самоцветами шапочка. Он не сделал ни малейшего движения поднять ее.

— А ты, — промолвил он, — ты стала одалиской.

Она умолкла, опомнившись.

— Ты не…

Айдан привлек ее к себе.

— Ты выглядишь великолепно. Ты благоухаешь, как небеса. Ты…

— Его руки утонули в складках ее шелков. — Ты словно аравийская королева.

— Я *и есть* аравийская королева.

Они сделали что-то с ее кожей. Благовонные притирания; пудра невероятной стоимости. Что-то в его душе желало ненавидеть все это; руки его наслаждались всем этим.

Джоанна показала ему, как снять одежды, его и ее. Она лежала, обнаженная, с разметавшимися волосами, в гнездышке из одежд, и была прекрасна, как сама эта земля.

— Ты гладкая, — в изумлении пробормотал Айдан. — Все тело.

Он не знал, что у женщин может проступить румянец в таких местах.

— Здесь такой обычай. Ради чистоты. Когда они начали, я… я и не подумала возражать. — Она выглядела сердитой. — Тебе это не нравится. Я могу сказать.

— Это другое. Я никогда не представлял… — Он знал, как могут покраснеть мужчины. Он покраснел. Ему предлагали это во время омовения. Он с возмущением отказался. Они, должно быть, сочли его волосатым варваром.

Видимо, он произнес это вслух. Джоанна покачала головой:

— Только не ты. У тебя кожа чистая, как у младенца. Только… — Пальцы ее перебирали волосы, дразня его и доставляя наслаждение. — Не позволяй им обрить тебе голову, любовь моя. У тебя чудесные волосы.

Но ерошила она волоски в другом месте.

— Как странно. Сбривать все, кроме бороды. В то время как франки…

— Не бреют ничего, кроме бороды. — Она дернула его за бороду свободной рукой. — Не сбривай и ее. Кажется, она мне нравится. Она придает твоему лицу некую привлекательность.

— Возраст.

— И это тоже. Ты выглядишь на все двадцать три года.

— Я надеялся на двадцать пять.

— Быть может, для этого надо еще дюйм или четыре, — утешила Джоанна. Некоторые ее движения были необузданы и могли показаться даже распутными. Это было так же ново для него, как и краска на ее веках; и смущало гораздо сильнее.

— Ты научилась всему этому за день?

Джоанна была пресыщена и обессилена, но все же смогла усмехнуться:

— Тебе так хочется знать?

Его расположение духа запоздало коснулось ее. Она всмотрелась в его лицо, как обычно почти ничего не видя в полумраке. Ее пальцы нащупали сведенные брови Айдана. Он не перестал хмуриться от этого.

— Что-то не так? — спросила Джоанна. — Я что-то не так сделала?

— Нет, — ответил он. — Не ты.

Она поняла его слова настораживающе быстро. Он напомнил себе, что именно потому он и любит ее.

— Айдан, — промолвила Джоанна, наполовину смеясь, наполовину с нежностью. — Айдан, любовь моя, я должна была тебя предупредить. Но я думала, ты знаешь. Это было очевидно еще в караване.

— Не для меня. — Его тело опасно напряглось. Он с усилием расслабился. Нет, здесь не место ярости. Честь Джоанны — слишком высокая цена за это. Хотя она осмелилась — она осмелилась — говорить с ним таким тоном. Мягким. Всепрощающим. Как будто он ребенок.

Она попыталась успокоить его поцелуем. Но он сжал губы.

— Ты думаешь, это нравится мне? — требовательно спросила она.

— Все это досадно. Но ты же видишь, как легко это преодолеть. Легче, чем в караване. Здесь никто не побеспокоит нас и никто даже не заподозрит, что мы не спим в предоставленных нам постелях.

— Как ты можешь быть в этом уверенной?

— Могу. Моя дверь закрыта на засов, а возле нее сторожит Дара. И в этом гареме нет интриг. По крайней мере, таких.

— Значит, здесь, — сказал Айдан. — А когда мы прибудем в Алеппо? Там это будет легко? Или я уеду оттуда с яйцами, повешенными на шею?

Джоанна задержала дыхание. Она пыталась не рассмеяться.

— Поверь мне, милый принц, что бы из этого не вышло, такую цену тебе не придется платить.

— Ты не ответила на остальные вопросы.

Она долго молчала.

— Я… не знаю. Разве мы не можем отложить это до поры до времени? Мы пробудем здесь две недели или больше, в зависимости от того, как пойдут дела у каравана. А потом снова в дорогу. Быть может, к тому времени мы будем сыты друг другом по горло.

— Не я.

Она погладила его по щеке.

— Не я, — мягко призналась она. — Пожалуйста, любимый. Мне было так плохо, и вдруг я так счастлива. Это не может длиться долго, я знаю. Но пока это длится, я хочу наслаждаться этим. Ты позволишь мне? Я никогда ничего у тебя не попросила. И никогда не попрошу ничего другого.

Ей была дана мудрость. Удивительная, невероятная мудрость. Айдан положил руку ей на грудь. Биение ее сердца по сравнению со стуком его собственного напоминало трепет птичьего сердечка — так по-смертному быстро, по-смертному сильно.

— Я говорил тебе, что люблю тебя?

Он никогда не говорил этого. Она знала это и без слов. Но слова обладали силой; в них была заключена власть. С криком, в котором звучала почти боль, она прижалась к нему. горячие слезы обожгли его плечо. Это были не слезы горя. не совсем.

— Ради этого я буду весел, — пообещал Айдан, обнимая ее. — Ради тебя.

Она подняла залитое слезами лицо.

— Со мной?

— С тобой.

Она улыбнулась сквозь слезы — светлой и безмерно счастливой улыбкой.

Бедный принц, размышляла Джоанна. Он сходит с ума не только от страха за нее. Он ревнует; и он вырван из привычного ему окружения. Он привыкнет к этому. Для мужчины столь высокого положения и отваги этот мир был широко открыт и полон чудес.

Для женщины это было иначе. Странно, более тайно. Однако вместе с тем это не было клеткой, как мог бы подумать непосвященный. Замки были позолочены, и ключ от них находился в женских руках, если она знала, как мудро распорядиться им.

У мужчин был мир под солнцем, блистающие мечи, войны и подвиги. Большинство из них не знало, или предпочло забыть, что существовал и другой мир, внутренний мир, мир вуалей, решеток и занавешенных носилок. Там не блистали мечи; свет солнца был затенен или пойман в ловушку стен. Но королевство могло расцвести или пасть из-за слов, произнесенных в этих укромных местах.

Джоанна не была госпожой внутреннего королевства. Для этого надо было родиться и вырасти здесь, к тому же она имела огорчительную склонность к мятежным порывам. Но все же ее мать научила ее всему, чему могла, и она провела два года в гареме в Алеппо. Она знала, как идет эта игра, хотя и не знала все

ее правила.

Франкская кровь и воспитание могли послужить оправданием некоторым ее промахам, а все остальное должно было довершить ее пребывание в Доме Ибрагима. По крайней мере, она понимала кое-что в торговле и знала правила вежества.

Джоанна всегда ходила к колодцу вместе с женами дядюшки Мустафы, в частности, с Умм Джафар, которая была старше своего мужа и ощутимо выше его по положению. Она сделала так же много, как и он, для процветания Дома Ибрагима в Дамаске.

Именно она представила Джоанну женщинам своего круга. Не все из них были купеческими женами. И не все были арабками или сирийками. Женщины сельджуков, в отличие от франкских леди, не были заносчивы в вопросе различия войны и торговли. В последнее время в их компанию вошла одна или две курдских *хатун* — новый султан происходил из этого народа, и как всякий другой, стремился поставить на высокие посты своих сородичей.

Это было разумно. Кому еще можно доверять, как не своей семье?

У всех возбуждала интерес франкская женщина, говорящая по-арабски, словно благородная жительница Алеппо. Однако обитательницы Дамаска были учтивы. Они прилагали все усилия, чтобы она не чувствовала себя здесь неловкой чужеземкой. Они не задавали ей неделикатного вопроса, почему она путешествует без мужа. Они желали, даже жаждали, услышать о ее сопровождающем, франкском рыцаре, о котором их мужья толковали с неменьшим интересом.

Ей надо было подготовиться получше. Она краснела и заикалась: эти глаза, искушенные в интригах, наверняка подмечали каждый промах, каждую запинку и точно знали, о чем эти промахи говорят.

И что, если так? Что они могут доказать? И для чего им это? Джоанна могла бы поспорить, что она не единственная женщина в Дамаске, ищущая удовлетворения не на супружеском ложе.

Она по-прежнему краснела, но голос ее стал тверже.

— Красивый? — переспросила она. — Если вам по вкусу персидская красота, все округлое и нежное — нет, совсем некрасив. Но если вам нравятся мужчины высокие и худые, как охотничьи коты — о да, он красивый мужчина. Как молодой месяц в Рамадан. Как пустынный сокол. — Она улыбнулась, озорно сверкнув белыми зубами. — Нет, он совсем не похож на франка. Он действительно выглядит цивилизованным человеком.

И все они засмеялись, и сласти снова пошли по кругу, и Джоанна порой вступала в разговор и рассказала одну-две наименее вызывающих истории, услышанных от Герейнта. Но по

большей части женщины сами рассказывали истории о красивых мужчинах, которых они видели, или о которых слышали или мечтали. Кое-какие из этих историй, дойди они до мужских ушей, заставили бы эти уши запылать. Женщины гаремов хранили стыдливость для того, чтобы демонстрировать ее мужчинам.

В это утро Умм Джафар особенно настаивала на том, чтобы Джоанна уделила самое тщательное внимание своему туалету. Джоанна по утрам никогда не была в хорошем состоянии, даже если ей разрешали валяться в постели, пока солнце не встанет совсем высоко. К тому же прошлая ночь была более обессиливающей, чем обычно. Ей хотелось полежать в саду и подремать, а не играть в политику под видом гаремных сплетен.

Она неохотно подверглась умыванию, причесыванию и накрашиванию. Для нее были приготовлены новые одежды, от нижнего белья до накидки, еще более великолепные, чем те, которые были на ней. Расшитые золотом края, верхнее платье и накидка того же грозового синего цвета, что и ее глаза. Алия настояла, чтобы Джоанна — Джахана, как произносили здесь — надела ожерелье из ляписа, и конечно, серьги в тон ему, и обруч, удерживающий вуаль. Когда все было завершено, Джоанна была увешана самоцветами, как султанша, и ее настроение, несмотря ни на что, стало улучшаться.

Если бы он мог видеть ее сейчас…

Сегодня ночью.

Умм Джафар ждала ее. Ездить в носилках было тяжелым испытанием, они тряслись и раскачивались в зыбком ритме, и женщины делали все, чтобы не повалиться друг на друга. Умм Джафар, даже в ее возрасте, сохраняла равновесие, как танцовщица, Она ни разу не потеряла его.

Джоанна научилась относиться к езде в носилках, как к путешествию на лошади или на верблюде. Отвлекая себя болтовней. Неистово сопротивляясь желанию раздвинуть занавеси и спрыгнуть на улицу.

— Куда мы направляемся сегодня? — спросила она, когда они отъехали от дома, носильщики шагали своей привычной тряской поступью, а евнух расчищал путь впереди, крича: "Дорогу!" — голосом, подобным звуку боевой трубы.

Умм Джафар была плотной уютной женщиной, фигура давно оплыла

— она выносила немало сыновей, — но дух ее был силен. Он сверкал в ее черных глазах.

— Во дворец, — ответила она.

Джоанна выдержала положенную паузу.

— У тебя там друзья?

— Родня, — сказала Умм Джафар без особой гордыни. — Ты не знаешь мою двоюродную сестру Рашиду, которая вышла замуж за эмира из Баальбека. Ее дочь вышла замуж за эмира из Дамаска, которому посчастливилось быть родственником Муина аль-Дина, который правил городом до того, как его захватил старый султан. Муин аль-Дин — это, конечно, отец эмира Масуда и Исмат аль-Дин-хатун.

Джоанна пыталась не потерять нить рассуждения в этой куче имен. Это было легче, чем неделю назад: она быстро училась.

— Исмат аль-Дин? Вдова старого султана?

— И жена нового султана. Они поженились незадолго до твоего приезда.

Джоанна отодвинулась чуть назад. Это действительно была удача.

Умм Джафар улыбнулась выражению ее лица.

— Мужчины могут годами ждать личной аудиенции султана. Мы — зачем же, мы ищем хода через семейные связи, делимся сплетнями, рассказываем историю-другую, пока не перевалит за полдень. Что может быть проще?

Джоанна засмеялась, аплодируя ей.

— Просто, как восход солнца. Тебе следовало стать императрицей.

— Да, и оставить Мустафу управляться самому? Он распродаст золото по цене ячменя, и что тогда будет с Домом?

При навыке можно было рассмотреть город через занавески и посредством уха, и посредством спины. Джоанна знала, что ей это не по силам. Скорее всего, она не увидела бы ничего, кроме потных плеч носильщика впереди. Но она осознавала, что шум города изменился, стал глуше, стало возможно различить кое-что. должно быть, миновав базарную толкотню, они подошли к воротам цитадели. Где-то орал верблюд. Стучали копыта: это лошадь, у осла никогда не получится такой быстрый высокомерный перестук. Они не вошли во внутренние ворота, предназначенные для мужчин. Женщины входили сквозь другие, меньшие и тайные, и стражи у этих ворот переговаривались высокими голосами евнухов.

Неожиданно стало тихо. Носилки опустились на землю. Джоанна прищурилась от блеска двора, удивленно вдыхая запах солнца и струящейся воды, и тяжелый, сладкий аромат роз. Их уже ожидал слуга, черный евнух, который с безупречным достоинством поприветствовал их и пригласил к ритуальному бассейну — омыть лица и руки. Джоанна видела, что Умм Джафар довольна. Это был слуга для лиц определенного положения; его присутствие означало, что гостей здесь считают

важными персонами.

Джоанна двигалась осторожно под бдительным оком Умм Джафар. Гарем султана отличался даже от гарема великого эмира. Неизмеримо богаче, больше, хотя, казалось, предметом гордости здесь было скорее количество свободного места, нежели обитательниц. В этом дворце Саладин жил недавно; он был султаном Египта до того, как взял Сирию. Большая часть его семьи жила в Каире; здешнее же обиталище было предназначено всего лишь для удовлетворения гордости его жены-сирийки.

С точки зрения этой дамы, это была не столь уж плохая сделка. Она была военной добычей, но она была королевой. Она имела положение; муж принадлежал ей, без вмешательства остальных жен.

Джоанна слегка вздрогнула от холодка в галерее. Когда она жалела себя, ей следовало подумать, что она могла бы родиться в исламском мире.

Строгость, о которой так радел султан Нур аль-Дин, и которой Саладин велел подражать, была здесь незаметна. Жилища мусульман глазу франка всегда казались пустыми из-за скудости обстановки: подушка или две, стол, иногда диван — но эта скудость искупалась великолепием отделки стен и пола. При виде ковров даже привычная к виду торговых рядов Джоанна расширила глаза; золото, зелень, белизна и чистая, пронзительная синева Исфагана; и повсюду изречения из Корана, превращенные в искусные узоры.

Королева приняла гостей в комнате, похожей на павильон, открывающейся в сад и на журчащие фонтаны, которыми славился Дамаск. Сегодня здесь были еще одна или две приглашенных, знакомых Умм Джафар, которая была принята с выражением всяческого восхищения. Она почтительно поклонилась, Джоанна последовала ее примеру; Исмат аль-Дин приняла это как должное, но дальнейшие знаки почтения отклонила взмахом маленькой руки, окрашенной хной.

Исмат была маленькой, даже для сирийки: немногим выше ребенка. Джоанна не могла решить, была ли жена султана красива. Чрезвычайно искусна, пожалуй, в умении одеваться и в подчеркивании того, что даровал ей Аллах, она полностью соответствовала образу, столь излюбленному поэтами: полные груди, тонкая талия, широкие бедра, изящные ступни. Франк счел бы ее облик гротескным. Мусульманин загорелся бы вожделением к ее телу, но счел бы, что у нее, быть может, немножко чересчур острый подбородок, слишком большой рот, глаза достаточно велики и черны, но отнюдь не томные газельи глаза, которые положено иметь совершенной красавице. У нее был прямой

смелый взгляд, в нем читался приводящий многих в замешательство ум, и сияние этих глаз отнюдь не свидетельствовало о смиренной покорности.

Кажется, она не собиралась держать неловкую франкскую гостью в сторонке.

— Сюда, — приказала она. Голос у нее был чистый, даже, пожалуй, пронзительный. — Садись рядом со мной. Я уже несколько лет не видела нового лица.

— И даже вашего мужа?

Джоанна спохватилась, пожалев, что не откусила себе половину языка. Исмат рассмеялась, весело и свободно.

— Не считая него! Но он не новый знакомый. Его сестра вышла замуж за моего брата много лет назад, и он навещал ее, когда ему позволяли его войны.

По кругу прошелестел вздох. О да, говорили взгляды. Долгий роман, любовь, трагически оборванная ее государственным браком со старым султаном.

— Он был сумасбродным юнцом, — сказала Исмат.

— Я надеюсь, что он вырос, — промолвила Джоанна.

Королева улыбнулась. У нее были прекрасные зубы: нелегкое достижение среди сахарного безделья гарема.

— Он вырос, — подтвердила она, — воистину вырос. — На миг ее взгляд стал мягче. — У девушки нет выбора. У вдовы он есть. Даже у вдовы, которая является военной добычей. Я приняла его ради моей семьи. Я осталась с ним для себя самой.

Это была исключительная прямота — ведь Исмат говорила с чужеземкой, но, казалось, таков был ее обычай: никто не показал хоть сколько-либо заметного потрясения. Джоанна напомнила себе, что она говорит не с франками.

— Таково же было и второе замужество моей матери. Первый муж для семьи, сказала она. Второй — для себя.

— И она довольна.

У Джоанны встал комок в горле.

— Она была довольна.

Умм Джафар обеспокоенно зашевелилась. Кто-то из женщин склонился к Исмат аль-Дин. Джоанна опередила их обеих.

— Он умер. Он был убит. Ассасинами.

Неожиданно павильон затопило безмолвие. Даже здесь это слово не произносили так легко. Мусульманки не крестились. Они бормотали слова охранительной молитвы.

— Расскажи мне, — повелела Исмат аль-Дин.

Если бы она была мужчиной, она стала бы грозным воителем. Рассказывая, Джоанна не переставала удивляться, как быстро они коснулись главного. Для жителей Востока было более естественно

ходить вокруг да около целый день, прежде чем подойти к сути дела с мучительной неторопливостью.

Исмат аль-Дин решила говорить напрямоту. Как франк. Быть может, это доставляло ей удовольствие — так потворствовать варварке.

Нет, думала Джоанна, глядя в лицо Исмат по мере повествования. Ничего столь мелочного. Это была вежливость; учтивость — в том смысле, в каком понимают ее люди Запада. И — да — капелька удовольствия от игры в западные обычаи. Для сирийки это, должно быть, похоже на скачку неистовым галопом вниз по склону горы, когда одному Аллаху ведомо, что поджидает всадника внизу.

Остальные, даже Умм Джафар, казалось, испытывали головокружение от такой быстроты. Но Исмат была настойчива. Вопросы, которые она задавала, были точными.

Рассказывать было не так тяжело, как ожидала Джоанна. Она могла отстраниться от этого, рассказывать это, как историю, произошедшую давным-давно в дальних краях. Ей пришлось включить в рассказ Айдана и Ранульфа, и, из-за Ранульфа, Аймери.

— Это варварство, — сказала одна из женщин. Джоанна пообещала себе, что позже не поленится узнать ее имя. — Они забирают у нас наших деток, да, так предписано. Но не от груди. Йа Аллах! Этот мужчина безумен.

Исмат долгим пристальным взглядом заставила ее умолкнуть. И обратилась к Джоанне:

— Ты храбро поступила, оставив его. Это правда, что у христиан не существует развода?

— Не для женщины. Мужчина может отослать ее прочь, если она не родит ему сыновей и если он сможет купить себе разрешение на развод. Но если она родит ему сыновей, то закон не позволяет развестись. Хотя, если мужчина достаточно могуществен, чтобы упрятать епископа в карман и заморочить голову Риму…

Исмат покачала головой. На ее головном обруче заискрились камни, яркие, словно брызги фонтана в солнечном свете.

— Этого может быть достаточно, чтобы подвигнуть женщину принять ислам.

— Или мужчину, — отозвалась Джоанна. — Одна жена — это прискорбно тяжко.

— Даже для жены?

— По крайней мере, твой муж не будет лгать и скрывать, когда получает удовольствие у другой. Он приходит, получает удовлетворение, и если ты хорошо сделала свое дело, приходит к

тебе снова.

— А если не приходит, то значит, того пожелал Бог, и пусть Бог рассудит, — заключила Исмат, блеснув глазами. — Я сочувствую тебе, Джахана. Я дивлюсь твоей смелости. Мой муж не обойден вниманием смерти, приходящей из Масиафа. Дважды на него нападали посреди его армии; последний раз чуть больше месяца назад, когда он взял в осаду саму крепость. Увы, по воле Божией он потерпел неудачу. Горный Старец — нелегкий противник.

— Я тоже, — ответила Джоанна. — Как и принц, который едет со мною. Мы поклялись отомстить Синану. И видит Бог, мы это сделаем.

Должно быть, она выглядела более грозной, чем осознавала сама. Женщины, казалось, были потрясены и даже испуганы. Исмат посмотрела на Джоанну с некоторым уважением.

— Я желаю тебе удачи, — произнесла она.

— Вы делаете мне честь, — ответила Джоанна.

И снова Исмат отмела церемонии взмахом руки.

— Мы друзья. Я просто воздаю тебе должное. Не желаешь ли пройти и посмотреть мой сад?

13

Пока Джоанна гостила в гаремах Дамаска, Айдан упрочивал свое присутствие в иных покоях. Он, как и она, был любопытен; но в отличие от нее Айдан, по совету Мустафы, наносил визиты под своим собственным именем — как франк, рыцарь и, когда это имело значение, принц.

Он не единожды побывал во дворце. Он не был удостоен аудиенции, да он и не испрашивал ее. Он лишь хотел посмотреть, что за человек этот султан Сирии, каких людей он приближает к себе, как намерен править своими владениями.

В глазах принца Райаны Салах аль-Дин Юсуф ибн Айюб был выскочкой, авантюристом, наемным солдатом, поднятым из ничтожества до высот трона. Саладин не был ни арабом, ни сельджуком королевской крови, он был всего лишь курдом, сыном наемника, воспитанником вспыльчивого старого вояки, своего дяди. Племянник волей-неволей последовал за стариком, когда тот отправился в Египет, чтобы завоевать его для сельджукского султана; и завоевал, и проделал это весьма хорошо. Слишком хорошо. Нур аль-Дин плохо сделал, доверив это предприятие наемнику, в то время как сам ожидал результата в Дамаске. Он собирался стать повелителем Египта, словно ему мало было Сирии, а увидел, как юный родственник наемника стал султаном в Каире: слуга, неожиданно для всех, стал господином и равным. А когда старый султан умер, Саладин пришел из Египта, чтобы спасти Сирию, как он с обезоруживающей сердечностью заявил наследнику старого султана. Ныне юный наследник томился в заключении в Алеппо, а Саладин сидел на троне в Дамаске и повелевал военными силами как Сирии, так и Египта.

Для такого высокого положения он был довольно молод — на два года моложе сорока лет. Он следовал примеру Нур аль-Дина в вопросе скромности, не терпел никаких проявлений пышности ни в одежде, ни в чем-либо еще, кроме тех, которые были неизбежны при его положении. Он любил черный цвет, возможно, зная, что в черном он выглядит хорошо: стройный мужчина среднего роста, с оливкового цвета кожей, обветренной в военных походах, черная борода коротко подстрижена, узкую нижнюю челюсть пересекает, прячась в бороде, шрам — след скользящего удара мечом или кинжалом. Когда Айдан впервые увидел султана, тот сидел на возвышении в палате, где собирался диван. Было время публичной аудиенции, но Саладин не пытался привлечь к себе внимание, кроме того, что уделяли ему собравшиеся, признавая

его центром происходящего. Когда началась дискуссия, султан ушел в тень.

Затем, казалось, он решил, что с него довольно. Он не пошевелился, даже когда говорил, но внезапно он оказался на подобающем ему месте. Он не повысил голоса, но все кругом внимали в молчании. То, что он сказал, имело мало значения. Он правил своим диваном.

Это была царственность. Быть может, не врожденная, и уж точно не переданная с кровью, но приобретенная долгим обучением и отлично усвоенная.

Айдан обнаружил, что ему нравятся эти сарацины. У него никогда не будет достаточно терпения для постижения их искусства любезной уклончивости, но оно было приемлемо в качества игры, и всегда сопровождалось атмосферой безукоризненной вежливости. Хотя это не свидетельствовало о мягкости характеров этих людей. Они были жестоки, как окты, хищники среди людей, но хищники любезные. Пламя духа было у них в большом почете, особенно если оно шло рука об руку с мягкостью речи; их языки, как и их кинжалы, были тонкими и невероятно острыми.

Он, враг и неверный, был встречен весьма гостеприимно. Гостеприимство было столь же свято, как и война, и пока он не участвовал в последней, он вправе был испрашивать первого. У эмиров было в моде соперничать друг с другом в гостеприимстве; ходила история о человеке, который разорился, подавая милостыню и принимая гостей. Часто этот человек получал все назад, принимая милостыню и ходя в гости туда, где он прежде проявлял щедрость.

— Я думаю, вы могли бы научить христиан паре вещей, — сказал Айдан.

Он снова пришел во дворец, сопровождая Мустафу на прием к министру Палаты Правосудия: вопрос торговли, который Айдана совершенно не интересовал. Как это часто случалось, в одном из дворов занимался воинскими упражнениями отряд, и толпа придворных лизоблюдов собралась поглазеть и побиться об заклад. Кое-кто из них счел чужестранца более интересным, нежели упражнения с мечом и копьем, и подошел свести с ним знакомство.

В своей стране Айдан считался всего лишь мужчиной хорошего роста — несколько выше среднего. Здесь он башней возвышался над всеми, кроме самых высоких. Рост, франкские одежды и крест на груди выделяли его из толпы.

В этом что-то было — на него глазели как на франка, а не как на колдуна. Ни до кого здесь еще не докатились слухи о его

происхождении. Он решил быть тем, кем они считали его — молодым рыцарем-неверным, любящим путешествовать и находящимся в родственных связях с Домом Ибрагима.

Случилось так, что разговор пошел на любимую молодыми людьми тему — не о гостеприимстве, а о войне. До приезда в Заморские Земли Айдан гордился своим прекрасным длинным мечом; это был хороший клинок, самое лучшее, что могли сделать на Западе, но здесь этот клинок считался средненьким.

— Ваши доспехи, — говори один из его новых знакомых, — так же хороши, как и здешние. У вас медлительные лошади, но они своим весом опрокидывают наших длинноногих красавцев. Но когда дело доходит до клинков то вам, воистину, стоит поучиться у ислама.

Остальные закивали, соглашаясь. Говоривший был самым молодым из них, юнец с яркими глазами, едва отпустивший первую бородку, и пыжился он, как и полагается юнцу; но остальные, кажется, считали, что он имеет на это право. Он поднял палец, словно наставник в медресе, и продолжил свои поучения:

— Лучшие клинки приходят из Индии или из Кх'итая. У них там есть особые ремесла, секреты которых в течение долгих веков передавались от мастера к подмастерью. Некоторые говорят, что они применяют магию. Наверняка существует некая сила, при помощи которой выплавляют чудесную сталь, и потом эта сила поселяется в самой стали, наделяя клинок собственной жизнью.

— Они действительно пользуются магией при работе? — спросил Айдан.

Маска торжественности соскользнула с лица мальчишки; он усмехнулся.

— Разве я не сказал, что это секрет?

— Я слышал рассказы, — промолвил другой парень, чуть постарше, — что частью таинства является закалка меча в крови. В свежей крови, как говорят. Дескать, первое, что должен свершить клинок в этом мире — это пронзить сердце жертвы.

— Может, и так, — хмыкнул юнец. — А может, и нет. Может быть, это делают только с самыми лучшими клинками.

— Итак, — сказал Айдан, — магия. Великий клинок подобен живому созданию. У него своя гордость и свой характер; он становится частью руки, сжимающей его.

Юнец посмотрел на него с зарождающимся уважением:

— Ты понимаешь сталь.

— Я неплохо знаком с нею. Я сам сделал один или два клинка: достаточно, чтобы понять, как проявляется в них таинство.

Уважение в глазах юнца возросло, но вместе с тем появился легкий скептицизм:

— Я никогда не слышал, чтобы норманнские бароны пачкали руки ремеслом.

— Искусством, — ответил Айдан, — может заниматься даже принц.

— Ты сделал этот клинок? — спросил юнец, указывая на меч Айдана.

Айдан рассмеялся и покачал головой:

— Ты льстишь моим скудным умениям. Меч — это больше, чем все, на что я когда-либо замахивался. Даже кинжал — это почти непосильная работа для меня. — Он вынул из ножен свой кинжал и протянул его юноше. — Посмотри сам.

Юноша изучил кинжал опытным глазом истинного специалиста, от прекрасно отточенного острия до серебряной рукояти.

— Неплохое оружие. Хорошо сбалансировано; острая кромка. Никаких изъянов в нем нет.

Айдан взял из его рук кинжал и спрятал в ножны. Оценка его мастерства была ему приятна.

— Ты понимаешь сталь, — сказал он, повторив юноше его собственные слова.

Тот пожал плечами:

— Я знаю то, чему меня научили.

Кто-то объяснил:

— Исхак обучался в самой лучшей школе. Он сын оружейника.

Исхак снова пожал плечами:

— В этом нет ничего особенного. Я никогда не стану кузнецом. Аллах подшутил над нашей семьей. У меня нет дара к умению обрабатывать сталь, но я проявляю некоторый талант к ее применению в бою. Я могу оценить оружие, но не как оружейник, а как воин.

Его друзья зафыркали:

— Не слушай его. Он лучший оружейник в отряде и лучше всех может оценить клинок. Его отец — лучший кузнец в Дамаске.

С последним, по крайней мере, Исхак был согласен:

— Он унаследовал искусство от своего отца и отца своего отца, и так до первого из нашего рода, пришедшего из Индии. Его клинки — одни из самых лучших в мире.

Айдан насторожился, словно пес, напавший на горячий след. Но голос его оставался спокойным, а лицо выражало всего лишь вежливый интерес.

— Должно быть, его работы достойны только королей.

Хотя Исхак и выглядел, как элегантный юный придворный, но тем не менее питал презрение ремесленника к дивным фантазиям:

— Какой в этом смысл? Короли не валяются под ногами. Это стоит немало, верно, но если человек способен заплатить, мой отец продаст ему то, за что тот заплатит.

— Видимо, на его работу большой спрос.

— Он работает столько, сколько хочет.

Айдан кивнул и улыбнулся.

— Я хочу как-нибудь посмотреть клинки, вышедшие из его кузни.

— Это легко, — ответил Исхак. — Приходи и увидишь.

— Ах, — возразил Айдан. — Конечно… его драгоценное время… его секреты…

— Он всегда рад поговорить с человеком, который понимает сталь. Даже… — Исхак осекся.

Даже с франком. Улыбка Айдана не дрогнула.

— Быть может, я как-нибудь приду, — согласился он. — Поговорить о стали.

Исхак был в восторге.

— Тогда приходи скорее! Приходи… — Он сделал паузу, чтобы подумать. — Приходи завтра. У меня завтра свободный день. Я служу у эмира Масуда; все знают его дом. Встретимся после утренней молитвы.

Вот так легко и просто. Айдан пришел в условленное место в условленное время и обнаружил, что его уже ждут. Сегодня он решил не выглядеть франком; Исхак усмехнулся при виде благородного араба, направляющегося к нему, и обнял его, словно брата.

— Сэр франк! Из тебя получился отличный воин Веры!

Кажется, Исхак приберегал высокомерие для чужеземцев. Он схватил Айдана за руку и потащил его прочь от дома эмира, на ходу прощаясь со своими бедными товарищами, обреченными нести службу.

Исхак был старше, чем Тибо, и в нем не было ни грана застенчивости. Но все же этот смуглый, стройный и гибкий юнец, радующийся тому, что сумел сделать Айдану такой подарок, до боли напоминал погибшего мальчика. И даже занимал примерно такое же положение в мире. Нечто вроде оруженосца, юноша, упражняющийся в рыцарском деле под командованием эмира Масуда, друга и полководца султана. Он сказал, что это был дар, честь, оказанная родичу, и эмир, очевидно, не пожалел об этой сделке.

— Мой господин получил меч, а мой отец освободился от ненужного бремени. Девять поколений кузнецов, не имевших равных в мире, и вот я недостоин даже ковать лошадей.

— Ты единственный сын?

— Так захотел Аллах, — ответил Исхак без особого сожаления. — Но по воле Бога, да будет Он благословен, мой отец нашел подмастерье, обладающего талантом, которого я лишен, и он был подходящего возраста, чтобы жениться на моей младшей сестре и подарить ей сына. Дом и искусство оказались в сохранности, а я получил свободу и мог заняться тем, что назначил мне Бог. Бог, — сказал он с видом знатока, — очень велик.

— Аминь, — отозвался Айдан, в последний момент удержавшись от крестного знамения.

Исхак обскакал по кругу нищего и сверкнул зубами в сторону шлюхи, которая не то чрезвычайно поздно собиралась отправиться спать, не то слишком рано поднялась.

— Дома меня не ждут раньше полуденной проповеди. Здесь есть места, куда может пойти мужчина, если он мусульманин… — Мальчишка зыркнул глазами в сторону. — Ты любишь озорные проделки, сэр франк?

Айдан улыбнулся:

— С колыбели.

Исхак захлопал в ладоши:

— Чудесно! — Он склонил голову. — тебе нужно имя. Знаешь, на случай… если я не смогу называть тебя "сэр франк" или "Айдан". — Он произнес это имя так же странно, как выговаривала его Марджана. — Так вот, как мы будем называть тебя?

— Халид, — быстро ответил Айдан, едва ли осознав это даже после того, как уже произнес это имя.

— Халид, — повторил Исхак, примеряясь. — Друг мой Халид, я верю, что я тебе понравился.

По другому и невозможно было отнестись к этому юному чертенку, лишенному таланта к кузнечному делу. Айдан шел ради отца. Но теперь он был в восторге от сына. Даже если он не получит меча, он уже получил друга.

Была пятница, мусульманский саббат. И посему каждый истинный верующий наслаждался омовением в банях, *хаммамах*, бывших одним из чудес восточного мира.

Помимо имени, данного Айдану Марджаной, он получил еще одно напоминание о ней, раздеваясь перед омовением. Мусульмане блюли благопристойность: они всегда прикрывали тело от пупка до колен. И это сослужило добрую службу

скрывающему свое происхождение необрезанному франку.

Исхак исчез, дабы исполнить какие-то тайные банные обычаи. Айдан не отважился последовать его примеру. Он сидел во внешнем помещении, рассматривая входящих и выходящих мужчин и прислушиваясь к их разговорам. На него почти не смотрели. Сюда ходили просто люди — ни нищие, ни принцы, а солидные зажиточные горожане, их сыновья, порою их слуги. Здесь он мог услышать чисто дамасскую учтивую речь — жеманную, как говорили в Алеппо, приводя пословицу: "У жителей Алеппо языки мужчин, у жителей Дамаска — женские." На что обитатели Дамаска твердили о грубости жителей Алеппо.

В углу сидели лютнист, барабанщик и слепой певец, в голосе которого сочетались сила и чистота, какие могут быть только у евнуха. Казалось, в его песне нет слов, только поток чистых звуков.

— Ты культурный человек, — произнес Исхак, возникая рядом с Айданом. Он был гладок, как облупленное яйцо, если не считать бровей, длинных ресниц и едва заметного пушка на подбородке. Айдан с трудом отвел взгляд. По счастью, он не был единственным длинноволосым мужчиной в *хаммаме*. Тут и там попадались турки с падающими на спину косами, кудрявые юноши, и даже один араб, со взглядом волка, попавшего в клетку.

Айдан хорошо понимал настроение этого араба. Он вслед за Исхаком прошел через все стадии банного церемониала, совершенно непривычного, но чудесно влияющего на кожу. Он очень быстро понял, как такая роскошь становится необходимой.

— А у тебя дома такого нет? — ужаснулся Исхак. — Что же вам остается?

— Достаточно немногое, — признал Айдан. — Летом — река или море. Зимой — вода в бадье, если очень этого захотеть; хотя при дворе говорили, что один человек умер после этого от холода. В моем городе остались римские бани, но мы давным-давно утратили полный ритуал омовения. Мы плаваем в бассейнах. А иногда разжигаем печи и устраиваем праздник.

Исхак недоверчиво покачал головой:

— Жить без *хаммама* … не могу в это поверить.

Он все еще качал головой, когда они вышли наружу, вымытые до кончиков пальцев. Айдан решил, что он сделает по возвращении домой: возродит римский ритуал омовения или по крайней мере, будет проводить нечто близкое к нему. Священники взвоют. Он уже предвкушал, как будет слушать этот вой.

Они взвыли бы еще громче, если бы могли увидеть его сейчас. С животом, набитым сарацинским мясом и хлебом, рядом

с сарацинским щенком, в сарацинской мечети. Не в Мечети Умайядов, величайшей в мире, в которой произносил проповеди сам султан; у Исхака были более скромные претензии. В Дамаске было пять сотен более мелких мечетей: многие, как и эта, — благочестивый дар богатых людей. Дворик, фонтан, у которого верующие умываются перед молитвой, минарет, с которого призывает их муэдзин, а внутри — огромное пустое пространство, устеленное ковриками, освещенное висячими лампами, резная кафедра и *михраб*, молитвенная ниша, глядящая на юг, в сторону Мекки. Ни изображений, ни икон, ни единого образа живого существа, запечатленного в красках, стекле или в камне; нет даже алтаря. Молитву вел старейшина, но он не был священником в понимании христиан; он просто указывал путь, по которому мог идти любой.

По спине Айдана пробежал холодок. Что он делает здесь? Что это за безумие, этот танец — стоять, падать на колени, простираться перед чужим богом?

И он еще ужасался тому, что Рыцари Госпитальеры могли заключить перемирие с сарацинским султаном! Они по крайней пере хранили свою веру незапятнанной. Они не склонялись перед Аллахом, даже для виду.

"Чтобы принять ислам, — говорил ему Исхак, — надо с чистым сердцем произнести слова веры."

Нет бога кроме Аллаха, и Магомет — пророк Его.

Нет. Айдан делал все то же самое, что и мусульмане, в этом доме молитвы, куда нет входа неверным, но молитвы, которые он шептал, не были исламскими молитвами. Его Церковь не питала любви к созданиям, подобным ему, но это была его Церковь. Он не мог предать ее ради проповедей аравийского безумца.

Во всяком случае, это была занятная игра. Юность Исхака была заразительна. Айдан осознавал, что Исхак, видимо, на несколько месяцев старше Джоанны; но при этом он казался моложе на несколько лет. Он оставался ребенком, с детской живой любовью к озорным проделкам.

И он не знал, кем был Айдан. Достаточно того, что он — франк; Исхак был доволен этим и полон озорного желания поставить отца перед этим фактом. Айдан надеялся, что отец Исхака переживет это потрясение.

14

— Не желаешь ли сыграть маленькую шутку?

Сайида едва не уронила кувшин с маслом, который несла из кладовой. Хасан, который полз за нею на четвереньках, шлепнулся на толстенькую попку и радостно завопил. Марджана подхватила его на руки, к огромному его удовольствию, но взгляд ее по-прежнему был устремлен на Сайиду.

— Ну что?

Это было так похоже на нее. Исчезнуть, не сказав ни слова о том, когда вернется, а потом появиться без единого приветствия и предложить какую-нибудь новую проделку. Сайида, для которой прошедший месяц был не лучшим временем, почувствовала тягу поддаться искушению. Но…

— Я не могу, — ответила она. — Что я буду делать с Хасаном?

— Возьмем его с собой.

— Куда?

Этот вопрос сорвался у нее с языка помимо ее воли и вопреки произнесенному ранее отказу. Глаза Марджаны блеснули.

— Наружу. На базар. В мечеть. Когда ты в последний раз слышала пятничную проповедь?

Марджана позволила Сайиде отнести масло Фахиме и обнаружить, что ее услуги Фахиме на некоторое время уже не нужны.

— Иди, — сказала жена ее отца, которая всегда баловала Сайиду, когда Матушка и Лейла отсутствовали и не мешали ей. — Возьми ребенка и пойди отдохни в саду.

Сайида выскочила из кухни с горящими глазами и натолкнулась на широкую озорную улыбку Марджаны.

— Ты ее заколдовала!

— И не собиралась, — ответила Марджана. — Иди возьми свою накидку и укутай младенца.

Не было сомнений в том, что выбрал бы Хасан, если бы кто-нибудь спросил у него. Сайида сделала последнюю отчаянную попытку соблюсти долг и благопристойность:

— Исхак придет, а меня не будет.

— Исхака не стоит ждать раньше полуденной проповеди. Мы вернемся задолго до его прихода.

— Ты отродье Шайтана! — вздохнула Сайида. Марджана только засмеялась. Сайида пошла за своей накидкой.

Чинно и благопристойно закутанные в шали и вуали, две женщины отправились на базар. Одна несла корзину, другая —

закутанного ребенка я блестящими глазками.

Матушка и Сайида были очень заняты: Матушка готовилась к приходу своего сына, а Лейла собиралась позвать подругу или двух. Отец, в отличие от Маймуна, не запрещал своим женам проходить через передние ворота, если они вели себя осмотрительно и не совершали ничего скандального.

Сайида решительно выкинула эти мысли из головы. Она не проходила через ворота с тех пор, как вышла замуж за Маймуна. До этого она вместе со служанками ходила на базар. Но замужней женщине из хорошей семьи, матери наследника, которой достаточно было кликнуть служанок, не нужно было делать ни шагу за дверь своих покоев. Ее честь и ее долг велели ей блюсти уединение. Маймун сделал ей весьма многословный выговор, когда она однажды просила разрешения выйти наружу. "Всего лишь подышать воздухом", — сказала она.

"В нашем саду достаточно воздуха, — возразил он, — и он гораздо лучше, чем зловоние улиц."

Маймун, несмотря на свое сиротство, был образованным человеком, и он весьма пекся о чести дома, в который был принят. Он обуздал Лейлу, которая была бы рада по-прежнему видеть Сайиду немногим более важной персоной, нежели девка-служанка. Матушка приняла его сторону, и это решило вопрос. Сайида не должна была выходить из дому. Шахин и Рафик могли сделать все, что ей нужно, и нечего было бродить по городу.

Скрываясь под своими широкими одеяниями, Сайида слегка пританцовывала по мостовой. Хасан улыбался ей поверх плеча Марджаны. Сайида улыбнулась в ответ и потрепала его по волосам.

Сайиде было почти безразлично, куда они шли. Стены вокруг не были стенами ее дома. Солнце чаще всего было скрыто, его косые лучи проникали сквозь щели жалюзи на крышах, нависавших над улицей, или робко пробивались в просветы между высокими стенами, но эти лучи падали под иным углом, нежели дома. Темные, извилистые, петляющие улицы были чудесны и восхитительны, базар был головокружительным чудом. Сайида сейчас была похожа на Хасана, открывая все это заново, как будто видя в первый раз.

Они купили ребенку сахарную соску и искупались в *хаммаме*, открытом в этот час для женщин — по счастью, не увидев никого из знакомых Сайиды — и неспешным шагом пошли по улице торговцев одеждой. Можно лишь долго и с наслаждением грезить о таком великолепии: шелк, сандал, парча, дамаст, хлопок, тонкий, как паутина, прозрачные ткани из Мосула; об этих переливах цвета: золотой, зеленый, бирюзовый, аквамариновый,

алый, киноварный, розовый, шафрановый, синий, фиолетовый и королевский пурпур. Здесь был шелк в точности такого же цвета, как глаза Марджаны и дамьетская парча, белая, как снега горы Гермон, расшитая золотом, и шерсть, мягкая и нежная, как дрема. Марджана долго и оживленно торговалась за отрез шелка с купцом, утверждавшим, что этот шелк привезен из Кх'итая — ткань цвета пламени была заткана драконами. Когда наконец они сошлись в цене, Марджана расплатилась золотом. Сайида смеялась, видя, как торговец явно разрывается между двумя стремлениями: взвыть, что эта сделка разорила его или вознести хвалу за полновесные монеты.

Сайида сложила шелк в свою корзинку и прикрыла его тряпкой. Хасан, за которым в *хаммаме* присматривала нянюшка, спал за спиной у Марджаны.

— Он ни с кем не ведет себя так тихо, — сказала Сайида.

— Волшебство, — отозвалась Марджана, забирая у Сайиды корзинку, несмотря на ее возражения и слова насчет "груженой ослицы".

Одним из величайших достоинств созерцания Дамаска сквозь вуаль был тот факт, что можно было разглядывать мужчин, в то время как они не могли видеть твое лицо. Раб, склонивший бритую голову, с довольно приятным на вид лицом; носильщик, согнувшийся под тяжестью тюка; состоятельный муж, шествующий куда-то по своим делам. Зачастую один мужчина приветствовал другого, быть может, своего брата, дородного от хорошей еды и довольного собой и своим миром.

— Да пребудет с тобой мир, — говорил один.

— И с тобою также, — отвечал другой.

— И да отметит твои дни процветание, — продолжал первый.

— И твои, благословение и процветание.

А потом, завершив ритуал, они шли своей дорогой.

Они были забавны, но молодые мужчины были просто очаровательны. Сыновья ремесленников с трудовым потом на высоких гладких лбах. Солдаты, вышагивающие с таким видом, словно весь город принадлежит им. Наследники купцов, облаченные в лучшее, что было в лавках их отцов. Высокородные мужи, верхом или пешие, с мечами на боку и в сияющих кольчугах, в тюрбанах, намотанных поверх островерхих шлемов, гордые и высокомерные, словно орлы. Смуглые стройные сирийцы, арабы с ястребиными профилями, пухлые круглолицые персы, турки с миндалевидными глазами и с волосами, заплетенными в косы; даже евреи с курчавыми бородами, красивые черкесы и золотоволосый гигант, приехавший, как сказала Марджана, из далекой земли, именуемой Рус. И ни

одного франка. Сайида однажды видела франка. Он был таким же большим, как рус, но гладко выбритым, и его волосы были цвета нового медного кувшина. Мальчишки и нищие бежали за ним, вслух дивясь его странному виду.

Женщины остановились у фонтана на перекрестке двух улиц, дабы утолить жажду. Сайида присела на бортик фонтана, чтобы дать отдых натруженным ногам. Она с грустью подумала, что почти разучилась ходить, хотя дышать было по-прежнему легко. Она украдкой посмотрела на Марджану, которая тащила весь их груз, не проявляя ни малейшего признака усталости.

Ифрита стояла, застыв в неподвижности. Сайида проследила направление ее взгляда. Сначала она не заметила ничего достойного столь пристального внимания. Чинной походкой шествовал кади в своей мантии, направляясь, несомненно, по важным делам, скорее всего — спешил к обеду. Следом за ним шли, держась за руки, два юноши, свежие и сияющие, словно только что после бани. Один из них был необычайно высок. Вторым был Исхак.

Сайида едва не бросилась бежать, повинуясь первому порыву. Но потрясение, равно как и рассудок, удержали ее от этого. Она была безликой тенью в черном, парой глаз, сокрытых в тени, невидимкой.

Но вместе с ужасом она испытывала и озорное удовольствие от того, что сидит здесь, на виду у всех, и никто ее не видит. Они тоже остановились напиться, держась по другую сторону фонтана, что было единственным признанием присутствия здесь женщин. Исхак был в отличном расположении духа. Его друг…

Это было словно удар. Его рост; его походка, легкая и гордая; его лунно-бледная кожа. Глаза у него были серыми. Сайида не знала, что глаза могут быть такого цвета, словно добрая сталь.

Марджана была словно каменное изваяние.

Чужестранец нагнулся попить, зачерпнув воду длинной узкой ладонью. Исхак плеснул в него пригоршней воды; тот рассмеялся и сторицей воздал озорнику. Все еще смеясь, обмениваясь шутливыми ударами, словно молодые львы, они пошли дальше своим путем.

— Мне кажется, — после долгого молчания промолвила Сайида, — что у нас сегодня будет гость.

Марджана, казалось, не слышала ее. Сайида никогда не видела ее такой. Внезапно она пошевельнулась, обмякла, вздрогнула.

— Да? Ты что-то сказала?

Сайида подавила вздох.

— Ничего. — Глаза ее прищурились. — Марджана, ты

влюбилась?

Ифрита развернулась к ней так стремительно, что Сайида отшатнулась.

— *Нет*!

Сайида подождала, пока утихнет эхо. Потом осторожно сказала:

— Мне кажется, нам пора домой.

Марджана не стала даже спорить.

Это очень красивый мужчина, признала Сайида.

Все в доме были уверены, что Марджана пришла незадолго до полудня в своем одеянии богатой горожанки и составила Сайиде компанию в саду. Они вместе молились там, и больше Марджана не произнесла ни слова до того, как явились остальные женщины. Они обменялись приветствиями и затеяли нехитрый разговор. Известие о приходе гостей было долгожданным освобождением от этой тягомотины.

Когда в гости приходил один Исхак, он приветствовал отца и Маймуна, а потом шел прямо во внутренние комнаты, чтобы оказать уважение Матушке, подразнить Фахиму и вежливо побеседовать с Лейлой, и только потом, если у него оставалось время, поболтать с Сайидой. Но когда приходили другие гости, женщины ждали в своих покоях, кроме Сайиды, которая, закрыв лицо вуалью, подносила мужчинам обед. Но так было до тех пор, пока Маймун не прекратил это. Теперь этим занимались Шахин и Рафик.

Матушка и тетушки терпеливо томились в ожидании. Сайида была не столь благовоспитанна. Позади комнаты, где обедали мужчины, был ход для слуг, и дверь его была перекошена и закрывалась неплотно. Рафик находился в комнате, прислуживая за столом или делая вид, что прислуживает; по большей части он подпирал стену. Шахин, принеся чашки и блюда с кухни, должна была вернуться только затем, чтобы забрать их, когда они опустеют. Никто не пройдет здесь до конца обеда. С легкостью, полученной долгим опытом, Сайида приникла глазом к дверной щели. Она скорее почувствовала, чем увидела, что Марджана присела рядом с нею и тоже прильнула к щели.

Оружейник Фарук обнаружил немалое сходство со своим сыном — только старше, полнее и суровее. Солидность, в которую Исхак всего лишь играл, для Фарука, казалось, была частью его натуры. Если в его душе и крылась хотя капля легкомыслия, он не собирался проявлять ее перед незнакомцем.

Его подмастерье Маймун, видимо, пытался следовать примеру своего мастера: солидный молодой человек, всегда несколько хмурый, полный чувства собственного достоинства. Но,

скорее всего, это тоже была маска, надетая ради визита незнакомца. Она с пугающей быстротой соскочила, когда Исхак, уже введя Айдана в дом со всеми приличествующими формальностями и удостоверившись, что ему предложены лучшие яства, потом и только потом как бы случайно обронил:

— Халид — франк. он прибыл из Иерусалима в поисках доброй индийской стали.

Маймун выглядел так, словно открыл флакон с розовой водой, вдохнул запах полной грудью… а там оказался нашатырь. Фарук чуть заметно нахмурился:

— Я полагаю, что дома ты зовешься не Халидом.

Айдан поклонился:

— Айдан, владетель Каэр Гвент.

— Значит, Халид, — заключил Фарук, — если не возражаешь. Ты превосходно говоришь по-арабски.

Айдан улыбнулся, пожав плечами:

— Прилагаю все свои скромные усилия. У меня есть родня в Доме Ибрагима.

Это могло показаться логичным следствием сказанного. А могло и не показаться таковым. Выражение лица Маймуна не изменилось, разве что стало еще более кислым. Он перестал есть. Его явно ужасало то, что он разделял трапезу с франкским псом. Пусть даже с псом, претендующим на респектабельность.

— Значит, вот откуда у тебя этот акцент, — сказал он. — Так говорят в Алеппо.

— Несомненно, — ответил Айдан. — Мне уже делали замечание, что я говорю, словно погонщик верблюдов.

Исхак подавился куском баранины со специями. Фарук хлопнул его по спине без малейшего признака эмоций. Айдан сощурил глаза. Он знал, как назвать это. Невозмутимость.

Фарука, как начал подозревать Айдан, еще никому не удавалось одурачить.

Айдан медленно позволил себе расслабиться. Еда была проще, чем в доме у Мустафы, но изобильная и отменно приготовленная. И сам дом был менее богатым, чем у купца, но все же куда более богатым, чем у большинства западных лордов: чистый и хорошо ухоженный, красивые ковры, серебряная посуда, довольно красивая на вид. Слуга — несомненно, раб — не утруждал себя сверх положенной меры, но был достаточно услужлив. Кажется, этот раб и еще женщина были единственными слугами в доме, разве что еще кто-то ухаживал за садом или скрывался в гареме.

К этому Айдан никак не мог привыкнуть — к полному отсутствию женщин. Они видел их на улицах, прячущих лица под

вуалями, или — если это были рабыни — не носящих вуали, но и не поднимающих глаз. Он и не знал, насколько ценно для него присутствие женщин, их голоса на приеме или за столом, пока не лишился всего этого.

Об этом не говорили. Светский мужчина мог, после должных предисловий, в общих поэтических словах рассуждать о женской красоте, но никогда не подразумевал при этом своих жен, разве что косвенно. Женщина, о которой говорили, была женщиной, лишенной чести. Благородная госпожа была тайной, хранимой среди родственников.

Тайна Айдана была глубже и слаще всех прочих. Он пил воду, со вкусом лимона и этой эссенции сладости, именуемой сахаром, и пытался не тосковать о вине так же, как о женщинах. Добрый мусульманин не пьет вина; вот еще одна причина сохранять приверженность христианской вере.

Когда Исхак обронил фразу, что его друг — франк, Сайиде потребовалась вся ее воля, чтобы не ахнуть. Франк. Здесь. В их доме. Вкушает их еду, за их столом, вместе с ее отцом. Выглядит, говорит и движется совсем как человек.

Она сглотнула комок в горле. Почему она должна бояться? Их семья водит знакомство с ифритой. Они должны, кажется, знать все о том, как принимать в гостях дьяволов.

Марджана не шевелилась и почти не дышала, пока франк не сказал о погонщиках верблюдов. Тогда ее плечо, прижатое к боку Сайиды, затряслось. Она смеялась. Он говорил не как погонщик верблюдов. Или, по крайней мере, не совсем.

Маймун не мог есть и едва мог сидеть спокойно, узнав, с кем он делит трапезу. Отец, кажется, примирился с неизбежным; Сайида гадала, не сдерет ли он потом с Исхака шкуру в наказание за столь явное оскорбление закона, обычая и священной чистоты трапезы.

У франка были прекрасные манеры, хотя порою он забывался и брал чашу левой рукой. Кажется, он вообще предпочитал эту руку: его кинжал висел на левом боку. Сайида подмечала такие вещи. Она все-таки была дочерью оружейника.

Франк он или нет, но этот человек заинтересовал ее отца. Когда разговор зашел о стали, тучи в воздухе стали рассеиваться. Даже Маймун вылез из своей скорлупы, отвечая на какой-то вопрос, и при этом забыл даже о небрежном тоне.

Исхак выглядел весьма довольным собою.

Когда обсуждение переместилось в кузницу, Исхак попросил разрешения засвидетельствовать почтение гарему. Остальные даже не заметили его исчезновения.

Сайида оглянулась и вздрогнула. Марджана исчезла. И

Сайида даже не почувствовала этого.

— Ну, сестренка? Что ты о нем думаешь?

С тех пор, как он перерос ее, Исхак называл ее так. Она показала ему язык.

— Что я думаю — о ком? О Маймуне?

Исхак закатил глаза.

— Не притворяйся тупицей. Я знаю, что ты подсматривала. Ты всегда подсматриваешь. — Он пощекотал пальцем животик Хасана, и ребенок засмеялся, глядя на Исхака блестящими глазами. — Ну?

Он бессознательно гордился своим другом. Сайиде даже захотелось солгать и притвориться, что на нее он не произвел впечатления, просто затем, чтобы посмотреть, как будет злиться Исхак. Но в этом Халиде было что-то, заставившее ее отказаться от этого намерения.

— Он… другой. Где ты нашел его?

— В Палате Правосудия, пока смотрел за упражнениями мамлюков. Он гостит в Доме Ибрагима. Он понимает сталь.

— Я это осознала, — сухо сказала она.

— Я думаю, он понравится отцу.

— Или ужаснет его.

— Скорее, Маймуна. — Исхак состроил гримасу. — Иногда этот мальчишка может быть невероятно глуп.

Этот "мальчишка" был на добрых четыре года старше Исхака. Сайида подняла брови и выразительно глянула на брата.

Исхак залился краской, заметной сквозь редкие волоски на подбородке — предмет его гордости. У него была еще девичьи-нежная кожа, и румянец на ней проступал очень ярко.

— Ну да, так и есть. В кузнечном деле он блистает, но в обращении с людьми он безнадежно глуп.

— Не совсем, — возразила Сайида. — Если твой друг знает сталь, то они найдут общий язык.

— Он знает. — Исхак вертел перед Хасаном игрушку, улыбаясь в ответ на улыбки младенца. — Я предполагал, что это будет потрясающе. Сидеть за обедом со столь представительной персоной, и вдруг обнаружить, что это не просто христианин, а франк. Ты знаешь, франки не едят детей.

— Это сказал тебе твой франк?

— Ему и не надо было это говорить. Он замечательный, ведь правда? Я не встречал никого подобного ему.

— И сколько же франков ты видел в жизни?

— Одного, — ответил Исхак. — Он не говорил ни слова по-арабски, и по его виду было понятно, что он и не хочет знать

нашего языка. Он хватал еду с блюда обеими руками. Он вонял, как козел. — Исхак развел руками. — Я думаю, что наш сегодняшний гость так же необычен для франков, как и для нас.

— Я думаю, что ты несешь чепуху. — Сайида взяла Хасана на колени. — Сегодня утром здесь была Марджана.

Она не знала, почему сказала это. Исхак не любил Марджану. Он знал, кем она была: как наследник дома, он принял эту тайну как должное. Он сплюнул.

— А, эта. Чего ей было нужно?

— Компании. Мы выходили в город.

Исхак поднял брови. Он знал о запрете Маймуна. И считал его нелепым.

— Мы видели вас на базаре. Я думаю… — Сайида немного помедлила. — Я думаю, ей понравился твой франк.

— Йа Аллах! — Исхак побледнел. — Где она сейчас?

— Исчезла. Ты же знаешь, как она это делает.

— Знаю… — Исхак глотнул воздуха. — Понравился, говоришь? Понравился запах его крови. Она съест его живьем!

Сайида отстранилась от него, чтобы он не тряс ее за плечи.

— Она не убивает ради удовольствия. Ты знаешь это. Я думаю, она влюбилась.

— Вы, женщины, всегда об этом думаете.

— Ты ее не видел, — возразила Сайида. — Почему бы ей не влюбиться в него? Ты же влюбился.

— Я не ем человеческую печень на завтрак.

— Она всегда была добра ко мне.

— Н-ну, — протянул Исхак. — Ты это ты.

Сайида поблагодарила его за комплимент, и Исхак сразу нахмурился.

— Хасан любит ее больше всех на свете. Даже больше, чем меня. Кто сказал, что она не может быть столь же нежной с возлюбленным?

— Меня пугает не это. А что, если возлюбленный надоест ей?

Сайида невольно вздрогнула.

— Если он таков, как ты говоришь, он в состоянии о себе позаботиться. Быть может, она никогда не подойдет к нему близко. Она застенчива.

— Ну да, — пробормотал Исхак. — Застенчива, как тигрица.

— Если ты проболтаешься, ты нарушишь свое слово.

— Будь оно проклято, это слово.

Но после этого Исхак присмирел. Несколько минут спустя он поцеловал Сайиду, одарил Хасана прощальной веселой улыбкой и ушел.

Айдан был на вершине блаженства. Он увидел кузницу. Он

рассматривал клинки столь превосходные, что они не могли даже пригрезиться кузнецам Запада. Даже игрушечное оружие было столь же смертоносно, сколь прекрасно: маленькие кинжальчики, украшенные камнями, несущие на себе отпечаток мастерства Маймуна и заставляющие покупателя расстаться с золотом. Они были красивы, но это были настоящие клинки, острые настолько, что могли до крови ранить самый воздух.

Но гордостью мастера и вершиной его мастерства были мечи. Фарук разрешил Айдану дотронуться только до трех, и все три уже были предназначены будущим владельцам: один для калифа багдадского, другой для повелителя Мосула, а третий для дамасского эмира. Рукоять и прочие детали каждого были выкованы в соответствиями с особенностями человека, который должен был владеть этим мечом; на каждом, с неимоверной искусностью, был выгравирован стих из Корана.

— Чтобы освятить его, — пояснил оружейник, — и помочь росту его души.

— А если меч предназначен для неверного? — спросил Айдан.

Глаза Фарука блеснули, как если бы он ожидал этого вопроса.

— Тогда неверный должен будет смириться с мусульманской душой меча. Мне не дано власти заключить в клинок иную.

— Может ли мусульманская душа проливать мусульманскую кровь?

— Это случалось довольно часто.

— Ага, — сказал Айдан, проверяя баланс меча эмира. — Должно быть, это высокий человек, по понятиям ваших земель, но худощавый, не так ли? Вроде меня. И не слишком богатый, хотя и пожелал ножны с золотой инкрустацией.

— Да. — Фарук оглядел Айдана с головы до ног. — Тебе понадобилось бы более длинное лезвие. Более тяжелое, чтобы соответствовать вашим доспехам и вашей манере боя, но с таким балансом, чтобы можно было орудовать мечом, словно перышком. Я думаю, с серебряной рукоятью и с рубином в навершии, если ты захочешь осквернить добрый мусульманский клинок и вырезать крест. А на лезвии узоры, словно языки пламени; пламенная душа.

Айдан почувствовал укол в области шеи. Это была сила, в этом негромком размеренном голосе, назвавшим его истинную суть.

— Что ты потребуешь за такой меч, мастер оружейник?

— Разве я сказал, что сделаю его?

— Я говорю, что ты можешь это сделать.

— Захочешь ли ты принять меч с мусульманской душой?

— Если меч примирится с христианской рукой на рукояти.

— Принадлежит ли эта рука воину-мечнику?

— Ты желаешь испытать ее?

Фарук кивнул. Айдан чувствовал, что эта игра доставляет кузнецу удовольствие. Он тоже наслаждался ею, словно вином.

Во дворе стоял столб для упражнений, три очищенных от веток ствола высотой в рост мужчины — невысокого мужчины, как оценивал это Айдан. Меч, который дал ему Фарук, был мечом для упражнений — затупленным, тяжелым, как дубина, но в ладони он казался до странного живым. Острый запах железа щекотал ноздри Айдана. Сказки лгали, будто его племя не выносит прикосновения холодного железа, но он ощущал это железо, как ни один другой металл, даже сталь: его пламя, темное и сильное, полыхало глубоко внутри, но от этого становилось только горячее.

Айдан поднял меч, проверяя его баланс. Меч был угрюмой тварью. Айдан постепенно осваивался с ним, повторяя движения, усвоенные им во время обучения военному искусству в Райане, и эти движения в его исполнении напоминали танец. Быстрее, теперь ритм действительно принадлежал танцу, не хватало только пения волынок, чтобы завершить картину. Клинок обрел свое равновесие. Ему никогда не испытать счастья, но он знает, что такое послушание. Он с силой врезается в сухое неподвижное дерево, не причиняя вреда, который мог бы нанести плоти и костям.

— Более длинное лезвие, — сказал Фарук спокойно и сухо, — да, верно. Но не настолько тяжелое, как я думал. Будет ли тебе прок от меча, которым можно и рубить, и колоть?

— Сможет ли он выстоять против франкского широкого меча?

— И устоит, и пронзит человека насквозь.

Айдан поклонился, все еще держа железный меч.

— Я доверяю суждению мастера. — Он помолчал секунду или две.

— Ты сделаешь меч для меня?

— Я сделаю для тебя меч, — ответил Фарук.

15

Послание было коротким и точным. Принц из Райаны, если это доставит его высочеству удовольствие, мог присоединиться к повелителю Сирии в охотничьих забавах.

— Мне нравится, как это написано, — хмыкнул Айдан. — Из Райаны. Неужели по-арабски нельзя сказать "Принц Каэр-Гвентский"?

— Затруднительно. — Джоанна запустила пальцы в его волосы. Она все никак не могла насладиться их густотой, красотой и вороным отливом. — По крайней мере, его посланники знают кое-что о твоем истинном титуле. Они пытаются быть учтивыми.

Положив голову ей на колени, он посмотрел вверх, ответив на ее улыбку пристальным взглядом.

— Ты приложила к этому руку.

— У тебя есть возражения?

Айдан нахмурил брови.

— Нет. — Но произнес он это так, словно сам не вполне в это верил. — Мустафа вне себя. Неожиданное приглашение от султана, и при этом не надо давать взятку или подкупать камергера. Куда катится мир?

— К женскому правлению. — Джоанна провела пальцем по его щеке от брови до подбородка. — Я всего лишь свела дружбу с госпожой Исмат.

— И рассказала ей обо мне.

— Мне можно было и не рассказывать. О тебе знают все женщины. Если бы ты был женщиной, а мы — мужчинами, ты был бы первой красавицей, покорительницей сердец.

Румянец на лице Айдана в свете лампы был ярок, словно знамя. Пальцы Джоанны продолжили свой рассеянный путь. Айдан поймал их.

— Почему вы позволяете нам хотя бы делать вид, что мы правим вами?

— Надо же вам чем-то заняться, пока мы обсуждаем важные вопросы.

Он невольно рассмеялся.

— Настоящий мужчина посмеялся бы над вами, и я тоже желал бы это сделать. Знаешь, это какое-то проклятье — осознавать истину.

— Бедненький. — Она скользнула в его объятия. Это движение ничего не требовало от него, хотя он был готов к тому, что она захочет чего-то большего. Но она не хотела. Ей было

достаточно его тепла. — Я хотела бы поехать на охоту, — сказала она мечтательно.

— Ты можешь переодеться мальчиком.

— Кого это обманет? — риторически вопросила она. — Нет, сейчас не время шокировать поклонников ислама. Я буду послушной, надену вуаль и присоединюсь к госпоже Исмат. Ты знаешь, она слышит все, что говорят в совете. Для этого за залой совета устроены специальные помещения, отгороженные решетками.

— И султан знает об этом?

— Конечно. И он спрашивает совета у свей жены. Она родилась в Сирии и жила во дворце с самого детства. Она знает об управлении королевством почти все.

Айдан медленно склонил голову:

— Логично. Но странно. Так странно…

Он не сразу понял, чем он так рассмешил Джоанну.

Это было странно, твердил себе Айдан, присоединившись к собравшимся у западных ворот Дамаска. Не имело значения, что он даже не человек. Он был наполовину франк, и полностью чужеземец, и потому в это ясное утро оделся в костюм, подобающий рыцарю, едущему на охоту в Заморских Землях. Сокол, присланный вместе с приглашением султана, спокойно сидел под колпачком у него на руке, не обращая внимания на шум вокруг. Благодарение Богу и султану, сокольничий был добродушным человеком: он решил оказать уважение странностям чужестранца и не стал беспокоить своим присутствием ни птицу, ни принца.

— Сэр франк!

Не узнать голос Исхака было невозможно. Потом из мгновенно возникшей толкотни явился и сам Исхак, пристроившись на своем пустынном пони рядом с большим серым конем Айдана. мальчишка улыбался, глядя на принца.

Айдан не смог удержаться от ответной улыбки. С тех пор, как Фарук пообещал сделать Айдану меч, сын Фарука старался проводить рядом с принцем все время, свободное от обязанностей. Если не больше, подумал Айдан, сгоняя с лица улыбку и хмуря брови.

— Разве ты не должен сопровождать своего господина?

— Я сопровождал, — ответил Исхак. — Он послал меня присмотреть за тобой. Тебе не следует ездить без сопровождения.

В горле Айдана встал комок. Серый мерин затанцевал на месте; сокол дико забился, пытаясь освободиться от клобучка и пут. Айдан с мрачным лицом постарался успокоиться, чтобы не внушать тревогу животным. Он почти забыл об этом так надолго;

и теперь словно шип вонзился в его сердце. Герейнт. Тибо. Его собственная, жестоко наказанная глупость.

Юноша тоже начал тревожиться. Айдан успокоил его, хотя и не мог улыбнуться.

— Я полагаю, что сопровождать меня выпало совсем не тебе, — промолвил он с хорошо сыгранной небрежностью.

— Ну да, — согласился Исхак, — это должен был быть Али. Но я поменялся с ним. — Он помолчал. — Ты никогда не говорил мне, что ты принц.

— А ты никогда и не спрашивал.

— Мне кажется, я должен был оказывать тебе большее почтение.

— Почему?

— Твой отец был королем, а мой…

— Твой отец — король оружейников.

— Я знаю правила вежества, — осторожно сказал Исхак. — И как я должен себя вести. Я хочу, чтобы ты понял. Если бы я знал раньше…

— Я рад, что ты этого не знал. — Айдан наконец-то смог опять улыбнуться. Он слегка потрепал Исхака по плечу, а потом опять принял серьезный вид. — Итак, ты знаешь. Будем ли мы держаться на равных?

Было интересно наблюдать, как отражается на лице юноши ход его мыслей. Сын ремесленника и сын короля. Истинно верующий и неверный франк.

— На равных, — согласился Исхак не без тайной радости.

Исхак был не единственным юнцом в охотничьей компании, и кое-кто из них кланялся Айдану так, что было ясно: они знают, кто он такой. Айдан отметил, что таких знатоков было довольно много. Кажется, никого особо не задевало его присутствие и его явно франкское происхождение. Он был гостем: кем он был до этого и кем он будет потом, в данный момент не играло роли.

Сарацины не ездят в организованном порядке. Высокопоставленные лица толпились вокруг эмиров, эти круги перемещались и смешивались, как хотели. При появлении султана поднялась суматоха. Его сопровождение было меньше, чем у любого из предводителей отрядов: два-три родственника, егеря и сокольничьи, готовые к выполнению своих обязанностей, да горсточка стражей в одеждах солнечного цвета. Сам султан был одет в черное без каких-либо знаков его положения. Но уздечка его кобылы — королевы королев арабской породы — была отделана золотом.

Его появление вызвало взрыв приветственных криков; султан сверкнул улыбкой и махнул рукой, и вся кавалькада под гром

копыт выехала из ворот.

Животворной кровью Дамаска была река Барада, прохладный поток, струящийся с гор и питающий посредством проложенных труб мириады колодцев и водяных цистерн города. Охота ехала вдоль реки, мимо фруктовых деревьев, клонящих ветви под тяжестью плодов, мимо прекрасных загородных домов знати, мимо круглых цветников, утопающих в благоухании роз. Лошади, свежие и бодрые в это раннее утро, словно танцевали по дороге. Один из всадников запел, песню подхватили остальные. Даже Айдан, уловив мелодию, присоединился к поющим. Он был горд тем, как освоился в городе, тем, что провел в нем много времени и ни разу ни сорвался и не бросился на поиски открытого неба; но теперь, вырвавшись на простор, он был опьянен. Он едва сдерживался, чтобы не пришпорить мерина и не вырваться вперед всех.

Его удерживало присутствие Исхака. Исхак, каждое движение которого вызвало воспоминание о Тибо. Исхак, который не был и даже — по воле Божией — не будет мишенью для кинжала ассасина.

И так, сдерживая себя, Айдан ехал вместе с остальными, иногда, если мог, подпевая песни, и с приличествующим принцу достоинством беседуя с теми, кто заговаривал с ним. Он знал многих эмиров. Курда из того же племени, из какого происходил султан; турка, старающегося держаться подальше; двоих-троих сирийцев. Двое из них были почти принцами: Масуд, брат госпожи Исмат, мало похожий на свою сестру, как описывала ее Джоанна, тяжелый и неуклюжий на ногу, но полный дивной грации в седле; и Мураф Шайзарский, сотрапезник султана, почти такой же высокий и худощавый, как Айдан. Мураф ехал рядом с глубоким старцем, оказывая ему почтение необычайное для столь высокомерного человека. Старец ехал верхом с легкостью человека, который всю жизнь провел в седле; спина его была прямой, а рука уверенно держала поводья его кобылы. Не только Мураф относился к нему уважительно: даже султан, чуть придержав свою лошадь, обратился к старцу "шейх" и "отец", и тот принял это как должное.

Здесь охотились несколько иначе, чем на Западе: тоже с собаками и соколами, но еще и с котами, с тощими пятнистыми гепардами, которых везли к месту охоты на спинах невозмутимо-спокойных лошадей. Впереди охотников ехали барабанщики, которые должны были вспугнуть дичь, какой бы она ни была — птиц, кроликов, мелких зверьков, стало газелей, которые вынеслись из зарослей, словно на крыльях. Айдан, засмотревшийся на гепардов, едва вспомнил о том, чтобы пустить

в полет своего сокола. Вальяжные, сонные почти до безразличия, они, будучи спущены на землю, превращались в самых быстрых и самых смертоносных охотников. Они всегда настигали добычу, за которой гнались. Иногда на помощь им приходили соколы-указчики, которые налетали на жертву, забившуюся в убежище. Соколы падали на дичь, спрятавшуюся в глухих зарослях, дичь выскакивала наружу, гепарды настигали ее. Или же гепарды загоняли ее на открытых местах, дичь спасалась бегством, и соколы преследовали ее в тростниках. Затем соколы возвращались к вабилу, гепарды — на свои мягкие сидения; соколы терпеливо ждали, пока их спустят вновь, а гепарды погружались в дрему, казавшуюся их обычным состоянием.

Сокол Айдана, уже без клобучка, закричал и забил крыльями, вцепившись в рукавицу. "К охоте! — кричал сокол Айдану. — К охоте!"

Айдан рассмеялся и подбросил птицу в воздух.

Превратности охоты разделили компанию, одни охотники направились к реке, к ее высоким зарослям, а другие углубились в холмы. Айдан обнаружил, что они с Исхаком едут вместе с Мурафом и старцем — возможно, отцом Мурафа, — с их свитой, сокольничьими следом за парой собак. Все барабанщики спустились к реке, как и гепарды. Без них дело двигалось быстрее. Собаки вели их прочь от Барады, вверх по ручью, впадавшему в нее: он едва струился по каменистому дну, но заросли по его берегам были полны птиц.

Ягдташ Айдана быстро наполнился дичью. Его сокол почти не устал; успокоившись, но не насытившись кусочком своей последней добычи, птица лениво описывала круги — не охотясь, а всего лишь ради удовольствия. Сокол понимал Айдана, но не так, как понимал он обычного человека, а так, как осознавал присутствие силы — ветра, солнца, радости охоты, силы, которая несет и захватывает тебя.

Человеческая речь была непонятной и странной. Слова об остановке на отдых, о воде, яблоках из придорожного сада, куске хлеба.

Айдан спешился немного в стороне от остальных, пустив лошадь пастись. Он напился из ручья и утолил свой собственный голод, но продолжал ощущать острый голод сокола. Глаза его были полны солнца и неба, а сознание — свободой полета.

Сокол устал. Его хищная природа требовала своего. Он думал о том, как широк мир и как тесно в неволе, и вспомнил, что ничто не связывает и не может связать его, кроме воли того, кто послал его в полет.

Из укрытия, гонимый страхом, выпорхнул голубь. Сокол

погнался за ним, с наслаждением впитывая его ужас, метания из стороны в сторону в последней отчаянной попытке спастись. Глупая птица снова слетела в чащу деревьев, спугнув всю стаю. Сокол с царственной неторопливостью выбрал среди них жертву, поднялся повыше и ударил, словно молния.

Айдан позволил соколу наесться, по-прежнему поддерживая слабую связь, но ничего не требуя. По мере насыщения сокол успокаивался; он поддался прежде, чем понял это, и, заслышав приближение Айдана, поднял голову и взлетел ему на руку. Айдан дал соколу почувствовать наслаждение, быстрое и яростное.

Остальные, поев и запив завтрак водой, расположились на отдых. Все прекрасно знали, что делается это ради старца, и сам старец знал это не хуже других. Но, как заметил Айдан, ничем не выдал этого. Это было проявление мудрости. А также доброты: Мураф, сам далеко не юноша, страдал от едва залеченной тяжелой раны и был едва ли в лучшем состоянии, чем его отец.

Они приветствовали Айдана, каждый по-своему, а Исхак с виноватым видом предложил ему хлеба. Айдан отказался. Он сел на свободное место между Исхаком и старцем. Сокол злыми глазами оглядел людей. Их птицы молча сидели в путах и под клобучками возле лошадей, под присмотром сокольничьих. Айдан погладил своего сокола по спинке, успокаивая. Птица нахохлилась, прикрыв глаза. Айдан мягко пересадил ее на шест, поднесенный сокольничьим. На лапки сокола надели легкие путы, но клобучок надевать не стали, и сокол, удовлетворенный охотой, сытым брюшком и присутствием Айдана, задремал.

— Ты настоящий сокольничий, — сказал старец.

Айдан склонил голову. Мураф, несколько раздраженный раной и своим промахом, запоздало представил их друг другу. Старец действительно был его отцом: Усама из дома Мункид в Шаизаре. Усама не испытывал трепета перед сыном короля страны, о которой никогда не слышал, хотя в его манерах проявлялась доля уважения. Для него куда больше значения имело то, что Айдан знает соколиную охоту.

— Значит, в вашей стране известно это искусство.

Если судить по его тону, то эта страна находилась так же далеко, как луна. Айдан подавил улыбку.

— Да, кое-какие скромные познания у нас есть.

— Ты охотился с орлами?

Это была проверка. Айдан не смог удержаться от улыбки.

— Один раз. Когда я был молод и глуп. Теперь я предпочитаю ястребов или пустельг. Они лучше охотятся, и их легче нести на руке.

— Я охотился со львами, — заявил Усама.

Остальные переглянулись. Несомненно, у старика уже мутилось в голове. Айдан, который был осведомлен лучше, сказал:

— Однажды я пошел на кабана с голыми руками.

— И как долго ты после этого выздоравливал?

— Всю зиму. А кабан дожил до преклонного возраста.

Усама засмеялся. Голос его был слегка подточен старостью, но все еще оставался глубоким и звучным.

— Несомненно, ты отыгрался на его потомстве.

— Я пытался, — согласился Айдан. — Иногда я побеждал.

— Ах, — вздохнул Усама, — в молодости мы все безрассудны. Однажды я напал на змею, которая свила гнездо в нашем доме. Во внутреннем дворе, среди резьбы портика; для тех, кому приходилось там проходить, в этом было мало радости. Она спала, свесив голову с арки, как будто часть резного украшения. Когда мне это надоело, я принес лестницу и поставил ее под гнездом, а змея видела каждое мое движение — она спала, но глаза ее были открыты, как всегда у змей. И пока мой отец смотрел на все это и сдерживался, чтобы не накричать на меня за глупость и этим не спугнуть змею, я добрался до ее головы с маленьким кинжалом. Понимаете, там не было места для удара мечом, а о том, чтобы застрелить ее из лука, я не подумал. Ее морда была на расстоянии локтя от моего лица, и была так отвратительна, как только можно вообразить. Я ударил ее в шею. Ее туловище выскользнуло из гнезда и обвилось вокруг моей руки. И так мы шатались на лестнице, я пытался сохранить свою жизнь, а она боролась за свою, и когда я уже был уверен, что сейчас свалюсь вниз и разобьюсь, вниз рухнула змея. Но в отместку мне вместе с нею свалилась лестница, и я остался висеть, цепляясь за резьбу, пока камень не выпал, мои пальцы разжались, и я упал. Но Аллах был милостив. Мой отец бросился и подхватил меня, чтобы я не сломал себе шею.

— Быть может, он предпочел бы не видеть твоего подвига? — спросил Айдан.

Глаза Усамы блеснули.

— Я думаю, он жалел, что не додумался до этого первым. Я был диким юнцом, но мой отец порою мог быть еще более бешеным.

— Мой отец приучился сдерживаться прежде, чем я смог узнать его, потому что он должен был стать королем; но многие помнили, каким он был до того, как принял корону. Когда я доводил своих наставников до отчаяния, они утешали себя воспоминаниями. "Латан был хуже", — говорили они. Но потом

они научились не упоминать об этом в моем присутствии. Я никогда не терпел соперничества в выходках, даже со стороны своего отца.

— Я должен проявить суровость, — промолвил старец, — и потребовать уважения к старшим.

— Да, — кивнул Айдан, — и я должен со смирением подвергнуться каре.

— Твои речи хороши, — отметил Усама.

— Для франка, — добавил Айдан.

— Для франка, — согласился старец, — и для многих мусульман. У меня есть друзья среди твоего народа. Лучшие из вас хороши, как только может живой человек. Худшие не хуже, чем мы, и порою менее испорчены. Когда я был в Иерусалиме по поручению своих повелителей, я вынужден был возносить молитвы в маленькой мечети — Мечети Отца, лежащей в тени Каменного Купола. Франк, только что приехавший с Запада, увидел, что я молюсь лицом на юг, в сторону Мекки, и не потерпел этого: он грубо поднял меня и швырнул на землю лицом на восток. " Вот так надо молиться", — сказал он, и не от доброты сердечной, а так, словно желал указать мне на ошибочность моей религии. Ему никто не возразил, пока не пришли мои друзья-тамплиеры и не вывели его вон. Они очень извинялись и были крайне учтивы.

— Тамплиеры? — изумился Айдан.

— Тамплиеры, — ответил Усама, столь же удивленный.

Айдан покачал головой.

— Никто в моей стране не поверит этому. Там все очень просто. Чистая вражда, без малейших уловок. И даже без учтивости.

— Часто так бывает и здесь. У меня был случай убедиться в обратном. Люди есть люди, какова бы ни была их вера.

— Ты сожалеешь о том, что участвовал в битвах?

Глаза Усамы были затуманены годами, но за этим туманом полыхало неистовое пламя, словно у юноши.

— Не сожалею. Война — это величайшая проверка для мужчины. Без нее он всего лишь женщина или женская игрушка. А ты, сын короля? Разве ты дитя мира?

Айдан рассмеялся, открыто и свободно. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы подобрать слова.

— Прошу прощения, господин. Просто… знающие меня говорят, что мое имя слишком хорошо подходит мне. Я пламя сухого дерева, я ястреб битвы. Не находя больше войны дома, я пришел искать ее сюда.

— Ты нашел ее?

Айдан прикрыл глаза, не давая упасть завесе чар, не давая вырваться наружу неистовому зеленому свету.

— Я нашел ее.

— Пусть Бог дарует тебе добрую удачу, — промолвил Усама.

Во время разговора Айдан слышал стук копыт по камням русла, слышал, как звенят удила. Неспешно приближалась маленькая группа всадников. Айдан без удивления увидел двух едущих бок о бок всадников в золотых куртках, а за ними — верхового в черной одежде, вместе с одним-единственным сокольничьим. Собаки с лаем рвались вперед, и егерь придерживал их за поводки.

Султан легко спрыгнул на землю, отвечая на спокойное приветствие Усамы. Мураф согнулся в поклоне. Исхак весь обратился в зрение и трепет. Айдан сидел неподвижно, предоставив властелину Сирии решать, как ему приветствовать франкского принца. Он отлично видел, что все это запланировано заранее. Такова уж была искусность этого народа.

Саладин смотрел на него взглядом чистым, словно у ребенка, удивлялся его необычному росту и наслаждался этим удивлением.

— На Западе некогда жил король, — сказал Айдан, — который не садился за праздничный обед, пока не увидит что-нибудь чудесное. Мой господин уже обедал сегодня?

Султан рассмеялся:

— Думаю, теперь я могу и пообедать. Добрая встреча, принц. Хорошо ли ты поохотился?

— Хорошо, господин мой, и в хорошей компании.

— Я знал, что эта компания доставит тебе удовольствие. — Саладин сел рядом с Айданом с легкостью истинного обитателя востока, для которого кресло — бесполезный предмет. Он был меньше ростом, чем ожидал Айдан, и был гибок даже в кольчуге, и хотя солнце, война и недавний шрам добавляли ему возраста, он все равно казался моложе своих лет. Таковы же были и его манеры. Он не был высокомерен; казалось, это ему не нужно.

Слегка вздрогнув, словно от холода, Айдан понял, что султан принадлежит к редкому типу людей: к людям, на которых не оказывают воздействия чары. Он видел Айдана таким, каким он был. Всю его странность, все, кроме глаз, которые Айдан прятал от него. И более того. Саладин видел перед собой не юношу с гладким лицом. Он вообще не видел возраста.

Это было самым странным: не выглядеть зеленым юнцом; получать почтение в первую очередь за число прожитых тобою лет. На миг Айдан ощутил какую-то пустоту в душе, и даже вспышку обиды. Разве это удовольствие — прощать глупость

смертных?

Джоанна сказала бы по этому поводу слово-другое. Айдан прислонился к стволу дерева, потому что должен же он был хоть немного пошевелиться, и было бы невежливо вскакивать и убегать от короля. Даже Исхак был необычайно тих; присутствие султана словно приморозило его к месту.

Саладин кивнул ближайшему стражу. Тот — юный, синеглазый и рыжеволосый, что странно смотрелось в сочетании с мусульманским тюрбаном — сорвался с места и принес фляжку и два серебряных кубка, которые наполнил напитком из фляжки. Султан взял один из кубков и с почти церемонной простотой подал его Айдану.

— Пей, — сказал он.

Это было больше, куда больше, чем вежливость. Мусульмане не должны были разделять трапезу с неверным, чтобы не осквернить свою чистоту. Исхак совершил грех, усадив Айдана за стол в доме своего отца, и этот грех едва искупался юностью и безрассудностью Исхака и магическим очарованием Айдана. Но султан, король и защитник, поборник Веры, никогда не должен был столь легко совершать то, что позволительно сыну оружейника.

Но некий ритуал все же был соблюден. Саладин подождал, пока Айдан не осушит свой кубок с лимонной водой, и только потом поднес к губам свой. Он кивнул Айдану, чтобы тот оставил свой кубок себе. Ну конечно, теперь ни один мусульманин не мог испить из этого кубка; но сам кубок был прекрасен, и это был щедрый дар.

Этому народу всегда требовалось много времени, чтобы добраться до сути разговора, а Саладин, хотя и родился курдом, вырос в Дамаске. Казалось, он часами мог рассуждать о погоде, о достоинствах и недостатках соколов, об охоте, но только не о том, что франкский принц делал в Дамаске. Казалось, его это совсем не волнует. Для него это был отдых — долгий дремотный полдень вдали от государственных забот. Усама действительно уснул, Мураф свесил бороду на грудь и дремал вполглаза. Стражи и слуги погрузились в безмолвное созерцание. Даже Исхак клевал носом.

Султан сделал паузу. Айдан уже забыл, о чем они говорили. Он бродил между спящими, едва сознавая, что движется. Саладин смотрел на него, как люди обычно смотрят на леопарда, мечущегося в клетке. И он ответил султану взглядом леопарда.

Он слишком поздно вспомнил, что этот человек видит больше, чем другие люди. Глаза Саладина расширились словно по собственной воле, хотя он едва ли осознал, что видит нечто

необычное. Он всмотрелся — но Айдан уже прикрыл глаза и вернулся на прежнее место, не поднимая взгляда. Миг спустя Саладин вздохнул и покачал головой, решив, что виденное им было всего лишь игрой света.

— Что ты думаешь о нашем городе? — спросил он.

— Он прекрасен, — ответил Айдан. — Словно город из легенды: неизмеримо старый и невероятно богатый. В нем есть сильная магия.

— Ты так думаешь? — Султан был польщен, но взгляд его оставался пристальным. — Ты явился сюда ради магии?

Айдан улыбнулся острой, словно меч, улыбкой. Но по-прежнему не поднимая глаз.

— Я явился потому, что сюда меня привела дорога. Я остаюсь здесь, пока здесь остается мой караван. Но красота и великолепие этого города стали для меня приятной неожиданностью. Я хотел бы прийти сюда в более счастливое время, чтобы я мог вернее судить о городе.

— Если кто-либо из моего народа причинил тебе обиду, я должен знать об этом и предложить тебе возмещение.

— Ваш народ — это сама безукоризненная вежливость.

— Однако это не успокоило твое сердце.

— Мой господин, только один человек может сделать это, и только ценой собственной крови.

Некоторое время султан сидел в молчании, поглаживая бороду у самого подбородка.

Нет, не бороду: шрам, прячущийся в ней, тонкий недавний порез.

— Я слышал, — произнес он наконец, — что это один из тех, кого я знаю. — И когда Айдан ничего не ответил, Саладин добавил: — Вы должны простить, что я не называю его имени. Ужас, внушаемый им, нелегко забыть.

— Но твои войска осадили замок.

Султан чуть заметно и печально улыбнулся:

— Вы знаете, что такое паника. Одних она заставляет бежать прочь. Других — бросаться прямо навстречу своему страху.

— И первые именуются трусами, а вторые считаются храбрецами.

— Или безумцами. — Под загаром на лице султана проступила легкая бледность. Он тронул кольчужный воротник у себя на шее. — Я никогда не снимаю это, даже в бане, от Рамадана до Рамадана. Ибо я протянул руки к Алеппо, твердыне шиитов, а они все шииты, эти любители кинжалов с Горы, и их повелитель хорошо заплатил, чтобы убрать меня. Сначала на виду у всей моей армии, когда мы собирались приступить к трапезе в

лагере, и прислужники обратились против меня и убили бы меня, если бы один из моих эмиров не узнал их и не поднял тревогу. За это он умер. Они умерли, двенадцать и один из них, но я остался жить, и жить в страхе. Каждая тень могла быть убийцей; каждый человек подле меня мог быть предан Повелителю Ножей. Меня охраняли днем и ночью. Я не верил никому. Я едва не умер от одного только страха. И так я жил год и еще полгода, и почти вспомнил вкус мира, но он ударил снова. — Пальцы султана, гладящие шрам, дрожали. — Один из его рабов подарил мне это. Другой пробил кольчугу, но не ранил. Они умерли, все четверо, но один из моих людей был мертв, и они сказали мне, что я сошел с ума. Я выстроил стену вокруг моего шатра. Я удалил от себя всех, я не говорил ни с кем, кого не знал с самой моей юности. И когда я не смог больше выносить этого, когда я должен был перейти к действию или сломиться, я осадил Масиаф.

Айдан подался вперед. Султан сидел, положив на колени сжатые кулаки, на лбу его блестел пот, глаза расширились от воспоминаний.

— Я осадил Масиаф. Мои люди боялись каждой тени, но следовали за мною. Быть может, они любили меня. Быть может, они боялись меня чуть больше, чем моего врага. Но когда я разбил лагерь, выстроил укрепления и приготовился к долгой игре выжидания и испытания, ко мне пришел человек. Он прошел мимо всех моих стражей и караульных, кроме тех, что охраняли мой шатер, а у них он попросил разрешения войти. Они позволили ему. Он был один, он был немолод, и они удостоверились, что у него нет оружия; а я был в шатре вместе с полководцами, слугами и самыми доверенными рабами. Он предстал перед нами и назвал себя со спокойствием, которое не было даже наигранным, он назвал себя тем самым врагом, которого мы собирались уничтожить. Мои стражи придвинулись к нему, но я не позволил им схватить его. Он улыбнулся мне и сказал: "Я думаю, нам есть что сказать друг другу. Быть может, ты позволишь нам поговорить наедине?" Я ответил ему: "Тебе нечего сказать ничего такого, чего не могли бы услышать мои военачальники." Его улыбка не дрогнула. "Быть может, ты боишься?" Если бы он насмехался, я вызвал бы его на поединок. Но он был вежлив; он был полон сочувствия. Он сводил меня с ума. Я отослал своих эмиров, хотя они были этим недовольны. Но своих слуг я оставил. "Наедине", — сказал Горный Старец, вежливо и непреклонно. Я отослал всех моих слуг, кроме двоих мамлюков. "Это моя правая рука и моя левая рука, — сказал я. — Они были рядом со мной с самого их детства. Они часть меня; они не оставят меня. Мой враг вскинул голову. Он обратился к

моим мамлюкам, как всегда вежливо, без гнева, без угрозы: "Иса, Бури. Убьете ли вы его по моему слову?" У них в руках были кинжалы, один у моего сердца, другой у моего горла; и лица их не выражали ничего. Мои руки не принадлежали мне; все предали меня. "Отпустите его", — сказал мой враг, мягко, мягко. И они повиновались ему; но он больше не обращал на них внимания. "О султан, твоя мощь велика и растет день ото дня. Я сознаю, что сделал ошибку, пытаясь положить ей конец. Я не буду служить тебе, поднявшему знамя суннитской ереси выше Лошади Ислама, но пока ты сохраняешь наш мир единым, пока ты ведешь Священную Войну так, как предписано тебе вести ее, пусть между нами будет перемирие. Я не буду больше посылать своих верных против тебя, если ты соизволишь убраться из моих земель и восстановить все, что разорила и сожгла твоя армия." Я стоял, разинув рот, словно идиот. Одно лишь слово пришло мне на ум: "Почему?" Он ответил: "Я прочел то, что начертано Аллахом. Я видел, что ты сделаешь в нашей стране. Ты сделаешь это лучше, чем кто-либо другой из тех, кто может занять твое место." Это были довольно резкие слова, но я уловил в них истину; или ту истину, которую он избрал для себя. Я не скоро согласился, но в конце концов я принял то, что он предлагал. Он ушел, и забрал с собой моих мамлюков. Утром я свернул лагерь. С тех пор я оставил его в покое, и он не предпринимает ничего против меня. Я начинаю верить, что он держит свое слово.

— Синан человек слова, — подтвердил Айдан. — Как и я. Я поклялся отомстить за два убийства; и он заплатит мне лично.

Саладин покачал головой:

— Ты так же безумен, каким был я.

— Он убил сына моей сестры. Он зарезал ребенка, единственным преступлением которого было то, что он рожден женщиной, которую возжелал Синан. Он преследует ее дочь, которую я охраняю, насколько могу охранять здесь, где мужчины и женщины живут совершенно отдельно.

— Он преследовал и тебя?

— Зачем это ему? Он враждует только с этой женщиной и с ее кровью. Но один из ее семьи был связан со мной кровными узами, священными среди моего народа; другой же связал со мной свою судьбу. Поэтому Синан — мой враг.

— Я думаю, — сказал Саладин, — что ты не тот человек, с кем стоит враждовать. — Он произнес это без улыбки. — Неужели та женщина не желает уступить ему ради своей семьи?

— Она сопротивляется ради своего Дома. Ведь ты не хочешь увидеть Синана во главе Дома Ибрагима?

Несмотря на полуденную жару, Саладина пробрала дрожь.

— Да смилуется над нами Аллах! Теперь я почти не удивляюсь, что он убрал руки от повелителя Сирии и Египта. Он избрал себе лучшую жертву.

— Франк никогда бы так не сделал, — сказал Айдан. — Никогда не отказался бы от королевства ради торговой империи.

— Но ведь и тайное убийство — не франкское оружие. Когда вы убиваете своих королей, вы предпочитаете делать это открыто, по возможности в битве. Иногда я завидую вам.

— Не стоит, — возразил Айдан. — Ты никогда не жил в франкском замке.

— Я… слышал об этом, — поморщился Саладин. — У вас нет бань.

— Нет. И можно иметь только одну жену. Даже вино по большей части отвратительно. Что же до климата…

— Ах, — согласился султан, — все время холодно. И мокро. Но зелено. Разве ты не тоскуешь по зелени здесь, где она столь же редка, как изумруды?

— Не совсем здесь, — ответил Айдан под шепот листьев и журчание воды; но над всем этим плыл солнечный жар. Он снова встал на ноги, вытянувшись так, что казалось, мог бы достать солнце с небес. Он посмотрел на султана. — Я понял, что ты хотел мне сказать. Я никогда не ожидал и не просил твоей помощи против моего врага. Я не просил ее и у моего короля в Иерусалиме. Он позволил мне делать то, что я должен делать. Позволишь ли ты, господин мой, то же самое?

— Что ты собираешься делать? — спросил Саладин, придвигаясь ближе к нему и щурясь, потому что солнце светило ему в глаза.

— То, что должен. Ничего такого, что принесет вред тебе или твоему королевству, если только меня не вынудят к этому.

— Разреши мне увидеть твое лицо, — сказал Саладин.

Айдан медленно начал двигаться. Наконец он опустился на одно колено, оказавшись лицом к лицу с султаном. Тот задержал дыхание:

— Ты… не…

Айдан улыбнулся с ужасающей мягкостью:

— Мой отец правил страной на западе мира. Моя мать была… есть… дочь моря и камня. Мой брат — море. Я — кремень, что, столкнувшись со сталью, порождает огонь. Ты боишься меня?

Султан выпрямился, собрав гордость:

— Я не дитя и не дурак, чтобы совсем не испытывать страха. Ты… я не ждал тебя. Кто ты?

Неожиданно Айдан почувствовал страшную усталость.

— Наполовину человек, — ответил он. — И полный глупец.

Но я поклялся, и я выполню свою клятву. Насколько смогу. Насколько должен.

Теперь султан стоял в рост, а Айдан смотрел на него снизу вверх, и во взгляде его не было ни гордости, ни вызова. Его даже не волновало то, что его маскирующие чары развеялись.

— Я должен это обдумать, — сказал Саладин. — И ты. — Он протянул руку. Айдан не уклонился, даже когда эта рука больно сжала его плечо. — Я вызову тебя, — пообещал султан.

16

Айдан, знавший королей, не ждал, что его призовут скоро или призовут вообще. И похоже, это было оправдано: казалось, Саладин забыл, или предпочел забыть, о своем обещании. Если караван покинет город прежде, чем он вспомнит, Айдан уйдет с караваном.

До отъезда оставалось немного. Мустафа сказал, что не более трех дней. Казалось, он искренне сожалел об этом.

Айдан не знал, что он чувствует. Облегчение от того, что дело наконец-то сдвинется с мертвой точки. Сожаление, что придется оставить город столь прекрасный и людей, которые стали ему друзьями. И конечно же, страх, смешанный с нетерпением. Синан ничего не предпринимал против Джоанны в городе Саладина. Дорога — это другое дело. И Алеппо. по большей части принадлежавший Синану.

Как он и ожидал, весть принес ему Исхак, излучавший нетерпение и гордость.

— Твой меч готов, — крикнул он.

Так быстро; так чудесно. Айдан был уже на полпути к воротам, когда Исхак догнал его.

На этот раз Айдану не привелось испробовать гостеприимства за столом Фарука. Его это не волновало. Еда и напитка были просто обычаем, приятным времяпрепровождением. А он пришел сюда за мечом.

Даже ритуал омовения стоп, рук и лица, взаимных приветствий и вежливых заверений, едва не исчерпал его терпение. Он был мерой того, насколько его принимал этот мир, и приходилось терпеть.

Он чувствовал почтительное понимание со стороны Исхака, кислое отвращение Маймуна и нетерпение Фарука, едва ли меньшее, чем его собственное, но неизмеримо лучше скрываемое. Они были словно монахи-либертинцы, выстаивающие мессу, а мыслями обращенные к элю, который ждет их в трапезной.

Наконец дань вежливости была отдана. Айдана провели через внешний дворик в комнату, которую он едва заметил ранее, хотя она почти примыкала к кузнице. Ему велено было ждать. Исхак остался с ним, он молчал как рыба, и был чрезвычайно доволен собой с виду. Айдану хотелось как следует стукнуть его. Он и сделал бы это, если бы не боялся, что свернет мальчишке шею.

Безмолвие длилось. У Айдана затекла спина. Сколько это еще продлится, знают только Бог и кузнец. Пальцы его тосковали по рукояти меча.

После целой вечности ожидания Фарук вернулся. Его подмастерье, суровый и молчаливый, шел следом. Мастер-кузнец нес что-то, завернутое в ткань. Маймун расстелил ковер, бывший чуть шире его тела и чуть длиннее меча, с вытканным простым темным узором, незатейливым, словно зимние холмы. Фарук, преклонив колени, положил на ковер свою ношу. С любовной осторожностью он развернул ткань.

Айдан не шелохнулся, не осмеливаясь коснуться меча. Ножны были великолепны — на черном фоне были золотом выложены бесконечные волнистые узоры, столь любимые сарацинами. Рукоять была проще, это была рукоять боевого оружия, она была серебряной, без узора, но гарда была инкрустирована золотом, а в навершие был вставлен рубин, как и обещал Фарук. Рубин, словно огромный мерцающий глаз, подмигивал из темного гнезда ткани и ковра.

Айдан бросил взгляд на Фарука. Кузнец склонил голову. Осторожно, без алчности, Айдан поднял вложенный в ножны меч. Он весил столько, сколько и должен весить меч, хотя и был несколько легче и длиннее того клинка, который Айдан привез из Райаны. Он взялся правой рукой за ножны, а левой — за рукоять. Серебро под его пальцами было прохладным и спокойным. Он медленно извлек меч.

Клинок мерцал, словно впитывая свет. Узоры на нем были тонкими, волнистыми, пламенными, они переливались от рукояти до алмазно-острого кончика лезвия. Когда Айдан повернул меч, они почти исчезли, а потом вновь заблистали ярко. И вместе с ними появились слова.

Воистину мы создали человека, слепив его небрежно из черной грязи,

А джинна мы создали прежде из чистой сущности пламени.

Пальцы Айдана судорожно сжали рукоять. Меч трепетал в его руке, словно живое существо. Меч знал его. Меч чувствовал его сущность. Меч был им.

Айдан дал ему каплю своей крови, чтобы утолить его голод, пока меч вел для него свой танец. Маймун незаметно принес два предмета для проверки: деревянный чурбан и шелковую подушку. Айдан скривил губы при виде деревяшки. Легким ударом он рассек подушку надвое. Пух почти не высыпался наружу. Одно перышко взлетело, наткнулось на меч, и распалось на части.

Воздух вскрикнул, когда Айдан повел мечом. Если бы Айдан противостоял всаднику, то тот не понял бы, что обезглавлен, пока голова не покатилась бы наземь.

Айдан неохотно вложил меч в ножны. "Позже, — сказал он мечу. — Подожди."

Остальные молча смотрели на него с полным пониманием. Айдан низко поклонился кузнецу.

— Ты превзошел себя.

Фарук кивнул, соглашаясь.

— Я никогда не делал лучшего клинка. Бог был со мной; Он вел мою руку.

— А… твой выбор стиха для клинка?

— Выбрала сталь, — ответил Фарук. — В этом ее душа.

Он говорил истину так, как видел ее. Айдан безмолвствовал.

Это была сила, магия более глубокая и сильная, чем та, которой владел он. Ковать сталь; пробуждать в ней душу; связывать их воедино. Земля и огонь. Смертное и бессмертное. Каков носитель, таков и клинок.

Айдан склонился вновь, еще ниже, чем прежде.

— Мастер, — промолвил он.

Привесив меч на пояс и воздав мастеру должное золотом и уважением, Айдан почувствовал легкость в теле и на душе. Казалось, что город, по которому он шел, был нов и чист. Айдан словно плыл по реке. Он перестал напрягать все свои необычные чувства, хотя и не отключил их вовсе, чтобы не быть слепым и глухим. В таком равновесном состоянии он находил в себе силы не только выдерживать пресс человечества, но и казаться частью его.

Это было в некотором роде свободой. Не столь простой и сладкой, как молчание лесов, но острой, словно завершающие минуты охоты, когда кабан уже ждет, и собаки оттянуты назад, и охотник знает, что он победит или погибнет.

Айдан обнаружил, что шагает легко, и ему почти не мешает ни узость улиц, ни людская толкотня. Вновь и вновь он касался холодной гладкой рукояти меча, чтобы просто почувствовать радость его присутствия.

Он задержался, чтобы купить кулек чего-то безумно сладкого, потом — чтобы глотнуть холодной воды Барады. Он слушал уличного певца с голосом мартовского кота; он едва не ввязался в перепалку непонятного происхождения и впечатляющих размеров, в центре которой ругались турок и курд.

Он слегка удивился, выйдя из шумного угара базарной площади и обнаружив, что солнце стоит высоко в небе. Он подошел к восточным воротам Великой Мечети почти в тот же миг, когда ученый сокол пролетел сквозь двенадцать узких арок и уронил шар, отмечающий час, в бассейн, и арка второго часа после полудня скрылась за занавесом. Айдан стоял, глядя на это, хотя его ругали за то, что он загородил дорогу, и хотя он видел это и раньше. Даже ночью это было чудом: соколы продолжали

свое бессонное кружение, и фонари отмечали каждый проходящий час, светя сквозь кроваво-красное стекло. Это заставляло время казаться чем-то реальным, подвластным человеку. Но человек мог только измерять время; он не мог остановить его, не мог повернуть вспять.

— Твои звезды, господин мой… могу ли я прочесть твои звезды?

Айдан посмотрел вниз. Человек придвинулся ближе, на одну ступеньку, стуча табличками, стилами и абаками — принадлежностями астролога. Айдан полагал, что астролог был несколько предпочтительнее торговцев святынями, наводнявших христианские церкви. Хотя и здесь они должны быть, но они низко держали головы в страхе перед дланью суннитов, хотя и предлагали отчаянно смелым паломникам-шиитам блеск в шкатулке, который выдавали за прядь волос Пророка, а рядом — коробочку с куском кости величайшего шиитского мученика Хусаина. Сунниты не поклонялись реликвиям, он считали это — как и кое-кто еще — разновидностью идолопоклонства.

Они не верили и астрологам; но тем не менее астрологи толпились на ступенях Часовых Ворот.

Айдан молчал, и астролог вздохнул:

— Дела идут плохо, хотя я все же наскребаю денег на то, чтобы удержать плоть на этих ничтожных костях. Не желает ли мой господин узнать, какой день будет благоприятен для его начинаний?

— И это все, что ты можешь сказать мне? — спросил Айдан.

— Я вряд ли могу претендовать на предсказание будущего, — ответил астролог. — Я просто я помощью моей науки угадываю наиболее вероятный ход событий.

Айдан встал на одну ступеньку с ним, почти против своей воли.

— О честный предсказатель! Неудивительно, что твои дела идут плохо. Ты должен был обещать чудеса пророчества.

Астролог выпрямил свое костлявое тело, излучая достоинство.

— Я не шарлатан, господин мой. Я изучаю звезды.

И очень молод под встрепанной бородой, и мучительно серьезен. Астролог прижал свои таблички к груди и твердым взглядом ответил на улыбку Айдана.

— Ты можешь насмехаться надо мной, повелитель, но моя наука есть моя наука.

— Верно, — ответил Айдан. — Я просто удивлялся. Что делает истинный философ, продавая гороскопы на ступенях Великой Мечети?

— Воля Аллаха, — отозвался астролог со смирением столь же трогательным, как и все остальное в нем, — и необходимость. Моя семья бедна; мой отец недавно умер, да дарует ему Бог покой; на завершение моего образования не было денег. Поэтому я приношу столько пользы, сколько могу, хотя могу немногое. Очень немногое, но это лучше, чем ничего. И я не хочу — и не буду — просить милостыню.

— У человека есть своя гордость, — согласился Айдан. Он сделал паузу. — Я не знаю, когда родился согласно вашему календарю.

— А, — произнес астролог, обращаясь во внимание, словно пес, почуявший запах. — По греческому?

— По франкскому, — ответил Айдан.

— А, — вновь сказал астролог без малейшего испуга. Он стал рыться в своих табличках. — Я думаю… да… достаточно близко, если прибавить сюда и вычесть… — Он взял стило. — День?

— Майская Ночь, — ответил Айдан. — Почти полночь.

Для мусульманина это не значило ничего, кроме цифры на табличках, но первым, что увидел Айдан, были костры Белтейна.

— Год?

Айдан назвал год.

Астролог зацарапал стилом. Остановился. Поднял глаза.

— Господин простит меня, но я думаю, что господин ошибся десятилетия на четыре.

— Я думаю, нет, — с улыбкой сказал Айдан.

Астролог моргнул:

— Мой господин, ты не можешь…

— Могу.

Астролог дрожал. Видимо, это число было слишком важным.

С кошачьей плавностью Айдан положил на ступени у ног астролога монету. Она сверкала золотым блеском.

— Числа, — сказал астролог умирающим голосом, — есть числа. Даже для… для…

Еще один блестящий безант появился рядом с первым. Чтобы положить его, Айдан не шевельнул ни единым мускулом.

Астролог уставился на монету. Он был замечательно спокоен. Ошибка в математике поражала его в самое сердце. Магия… это было другое дело. Он склонил голову, и в его достоинстве не было ничего смешного.

— Мой господин, — сказал он, и снова спокойно принялся за свои вычисления.

Айдан ждал, проявляя терпения, которого никто не заподозрил бы у него. Люди приходили и уходили. Другие астрологи были заняты делом, их коллеги-нотариусы у ворот

бойко предлагали свои услуги. Некоторые переходили от одних к другим. Сначала звезды, потом договоры; и если звезды оказывались плохими, клиенты, минуя нотариусов, входили в мечеть, возможно, чтобы помолиться о более благоприятном дне.

Второй сокол уронил шарик, металл зазвенел о металл, словно ударил колокол. Астролог оторвался от своих табличек, подергал себя за бороду и вновь просмотрел все свои вычисления. Он поднял голову, взъерошенный и почти сердитый.

— Я никогда, — стал объяснять он, — не составлял гороскоп для принца джиннов. Ты принц. Я ясно прочел это. Так?

— Так, — признал Айдан.

Астролог был слишком занят, чтобы кланяться.

— Это все очень интересно. Я сказал бы, невероятно, но ты есть то, что ты есть. Между Венерой и Марсом; но Меркурий имеет власть в твоем доме. Ты любим так же, как и ненавидим, и то, что завладеет тобой, будет владеть тобой нераздельно. Смерть скачет рядом с тобой, но не имеет над тобой власти. — Его палец, выпачканный чернилами, пробежал по строке на табличке. — Смотри, опасность здесь и здесь. И огромное счастье, но и огромная потеря. Путешествие… путешествия. Присматривай за своими женами. Одна из них ревнива и может нанести вред другой, если ты не будешь осторожен.

— Но у меня нет… — начал было Айдан.

Астролог не слышал его.

— Ты был рожден под исключительно блистательной звездой. Ты общаешься с королями, короли взыскуют тебя — не ради власти. Ради силы. И ради твоего огня. Там, где ты, редко бывает покой. Ты движешься вместе с силой, ты и сам сила, но ты сдерживаешь ее, ты подрезаешь ей крылья. Это не мудро, перед лицом того, чему ты противостоишь. Научись высвобождать то, что ты несешь, принц, иначе падешь. Как низко, моя наука не в силах предсказать. И поднимешься ли ты вновь… — Он подчеркнул фигуру, посмотрел на нее. — Венера в Деве. Огонь в холодном сердце. Смерть. Даже джинны могут умирать, принц. Помни это.

— Я никогда не забывал, — откликнулся Айдан.

Астролог почесал бороду.

— Плохо. Я не собираюсь отрицать это. Но есть надежда. Всегда есть надежда. То, что может убить тебя, может и спасти. Это вопрос пропорции.

— Значит, вокруг меня полный мрак?

— Я этого не сказал. — Астролог с трудом сохранял терпение. — Ты всегда был осенен царственным отблеском доброй удачи. Теперь пришла пора расплачиваться за это. Если

ты мудр и будешь действовать осторожно, не будешь искушать небеса, то будешь еще более благословен, чем ранее. Смотри сюда, и увидишь сам. Все тропы сойдутся вместе; они кажутся темными из-за их плотности. Или они завершатся здесь, на безысходной точке, либо расплетутся вновь под счастливыми звездами. Ты сам должен сделать свой выбор.

— Который сочетает, — подхватил Айдан, — повеления судьбы со свободной волей.

— Именно так, — согласился астролог, игнорируя иронию. Он выглядел, словно едва оперившийся птенец, блестя глазами из гнезда своих табличек. — Я никогда не составлял более интересного гороскопа. Так много выборов… убери из них смертность, и коснешься бесконечности. Это изумительный способ сойти с ума.

— Да не случится этого с тобой, милостью Божьей.

Астролог слегка покраснел.

— Я признаю, что ограничиваю себя узкими рамками. Я использовал самые быстрые расчеты, какие мог. Это не самый лучший гороскоп, господин мой. Он даже едва адекватен. Есть несколько путей… если бы я проследил их, вместо того, чтобы…

— Довольно! — воскликнул Айдан, — или ты действительно сойдешь с ума, и вина за это падет на мою голову.

— Ты должен был подумать об этом, — спокойно возразил астролог, — прежде чем позволить мне составлять гороскоп.

Его нелогичность была высока; она затрагивала краешек совершенной логики. Но даже его темные пророчества не могли повергнуть Айдана в уныние. У него не было соперничающих жен, обещанных звездами, зато была любовница, и вскоре он увидится с нею; а день или два спустя они покинут город. Как и сказал астролог, у него хватало поводов для скорби, но была и радость. Он высыпал в ладони астролога все золото, которое было у него в кошельке, — быть может, все, которое у него было вообще, но ему было все равно. Было слишком весело видеть, как становятся круглыми глаза на узком лице, а тонкогубый рот открывается в удивлении, протесте, виноватой радости.

— Но… — сказал астролог, — но сегодня неудачный день для меня.

— Конечно, — согласился Айдан, — для твоей карьеры уличного астролога. Ты, мой чудесный философ, вернешься у своей учебе и преуспеешь в ней, и в конце концов станешь главным наставником в своей школе. Обещай мне это.

— Но… — выдавил астролог. — Но…

— Обещай!

— Я обещаю. Я… — астролог громко сглотнул. — Господин

мой, я же предсказал бедствие!

— Ты честно предостерег меня. И я это запомню. — Айдан с улыбкой поднялся. — Да дарует тебе Бог процветание!

Айдан пошел прочь, а астролог все еще продолжал что-то бормотать, вознося неуверенным тоном хвалу Богу и своему благодетелю. И тут Айдан едва не столкнулся с человеком в алом плаще. Судя по длинным косам, ожерельям и тяжелым кольцам в ушах, юноша был турком. Лицо его выражало наполовину триумф, наполовину подошедшее к концу терпение. Когда Айдан остановился, начав было извиняться, это лицо разгладилось, приняв бесстрастное выражение, хотя узкие черные глаза по-прежнему сверкали.

— Сэр франк, — произнес турок, — султан приглашает тебя навестить его.

И ради этого пришлось бегать за тобой почти весь день, звучало в голосе посланца. Айдан не ощутил укоров совести, но быстро пошел туда, куда вел его турок. Там маленький паж держал за узду лошадь, а рядом стоял пони, который, увидев турка, поднял свою массивную голову и заржал. Кобыла, слишком высокая для араба и великолепно сознающая свою красоту, встретила Айдана с настороженным уважением. Животные всегда знали, кто он; животные с характером не очень-то спешили довериться ему, потому что видели его могущество и знали, что оно может сотворить с ними.

Эта лошадь была смелой. Она только чуть вздрогнула, почувствовав руку Айдана на шее. Ее большие ноздри раздувались; острые уши подрагивали.

— С твоего позволения, — сказал ей Айдан, поставив ногу в стремя. Она затанцевала, потом успокоилась. Он потрепал ее по лоснящейся гнедой шее. Лошадь гордо изогнула шею и ударила копытом оземь. Паж живо вскарабкался на ее круп за спиной Айдана, проворный, как мартышка, и не более мартышки склонный испрашивать позволения. Едва мальчик уселся, посланник султана пустил своего пони рысью. Лошадь, оскорбленная, пошла пляшущим галопом.

Айдану было жаль расставаться с лошадью, в движениях подобной огню и шелку. Но султан ждал, и посланец не собирался задерживаться. Они оставили лошадей и пажа во внешнем дворе цитадели и прошли внутрь, зайдя дальше комнат, где ранее бывал Айдан: за пределы открытых публике покоев в места, менее блистающие показной роскошью. Конечно, и эти помещения были богатыми, но времени было позволено хозяйничать здесь. Краски и позолота потускнели и осыпались, изразцы потрескались, ступеньки были истерты множеством ног.

Но сад, в который они вели, был хорошо ухожен, полон ароматом роз и пением текущей воды, как все сады Дамаска.

Подле фонтана находился павильон, почти столь же большой, как королевский зал. Колонны его были увиты розами, а все двери выходили в сад, так что трудно было сказать, где кончается внешнее пространство и начинается внутреннее. В павильоне витал прохладный сквознячок; вода, текущая по каналу из Барады, наполняла бассейн в центре и стекала по плиткам пола.

У бассейна в кругу приближенных сидел султан. Он был занят работой: два секретаря писали что-то, то и дело разыскивая нужные документы в груде табличек, записей и посланий. Человек, сидевший ближе всех к султану, казался слишком молодым для столь высокого сана, которым он был облечен. Был он одет в одежду кади, судьи, и что-то писал, так же быстро, как и секретари. Эмиры, сидевшие за ним, по контрасту выглядели столь же неуместно-свирепо, как соколы в голубятне. Айдан знал Мурафа ибн Усаму и Масуда, господина Исхака; третий был ему незнаком. Он был надменен и, если не считать ослепительно пышных одеяний, очень похож на самого султана. Казалось, скрип перьев и шорох страниц вызывают у него головную боль, и даже тишина сада не доставляет ему радости. Дай ему волю, и он выгнал бы нудных писак и позвал бы танцовщиц.

Зато Саладин, тонкий и смуглый, похожий на клерка, несмотря на меч на боку, казался здесь на своем месте. Он поймал Айдана посреди низкого и учтивого поклона, обнял его и поцеловал в обе щеки.

— Господин мой принц! Добрая и желанная встреча! Я уже начал опасаться, что ты покинул город.

— Еще нет, государь, — сказал Айдан, довольно быстро опомнившись и вспомнив восточную склонность у душевным излияниям. — Я боюсь, что задал твоему человеку нелегкую работу. Я бродил по городу, почти не замечая, куда иду. Это чудо, что он нашел меня.

— Арслан лучший охотник, чем большинство прочих, — с улыбкой промолвил Саладин. Юный турок, прикрыв глаза, отвесил низкий поклон и удалился.

Улыбка султана стала еще шире, когда он перевел взгляд на Айдана.

— Садись и чувствуй себя свободно. Ты пришел в добрый час; я уже почти завершил свои дела. Еще минуту, с твоего соизволения…

Айдан склонил голову. Появился слуга, несущий поднос со шербетом, фруктами и тарелкой подсоленного хлеба. Айдан понимал значение этого; и если он и не был голоден, то

испытывал жажду. Он откусил кусочек плоской пресной лепешки и нашел ее вкусной, потом отпил большой глоток шербета, охлажденного снегом с Горы Гермон. Султан повернулся к кади, настаивая на какой-то фразе в письме. Эмиры ждали, выражая различную степень нетерпения. Мураф склонил голову, губы его шевелились: он читал наизусть Коран, как христианин перебирал бы свои четки. Масуд рассматривал узоры из розовых листьев на повторяющих друг друга арабесках изразцов. Третий эмир — Тюран-Шах, брат Саладина — разглядывал Айдана.

Не из любопытства, понял Айдан. Или не совсем из любопытства. Тюран-Шах примерялся. Взвешивал, насколько полезным может оказаться чужеземец.

В этом человеке не было той простоты, которая была в его брате. Саладин был тем, кем он был — не более и не менее. Тюран-Шах был старше, по праву рождения он должен был править среди сыновей Айюба, но удача предала его, оставив позади, в то время как его брат воцарился в Египте. Тюран-Шаху суждено было увидеть, как младший и, с его точки зрения, ничтожный брат дважды получил высочайший титул, а самому остаться всего лишь слугой короля. Он, жаждавший величия, видел, как его брат стряхивает с себя это величие, словно пыль; он, который мог бы править, как истинный император, должен был кланяться человеку, который не может даже навести порядок в своем совете. Который — глаза его блеснули — принимает франка, как принимал бы верного мусульманина, и даже не думает о подобающих при дворе приличиях.

Айдан с усилием освободился от этого холодного мелкого сознания, вцепившись в свой кубок, словно в якорь, и подавляя легкую дрожь. Господи, кем же был этот Айюб, что его сыновья так близко подошли к обладанию могуществом? Саладин, который может видеть сквозь любую завесу чар. Тюран-Шах, сознание которого более чем открыто; он высасывает силу и никак не может ею насытиться.

Они все же были смертными. В бороде Тюран-Шаха блестела седина; на лице его оставили след время, войны и привычка потакать своим желаниям. Запах его был запахом смертного мужчины, тяжелым от восточных благовоний. Айдан глубоко вдохнул этот запах, немного успокоившись. Он провел пальцами по перекрестью рукояти своего кинжала — чтобы собраться с силами и напомнить себе. О том, кем он был; о том, в чем он поклялся.

Кади наконец удалился, забрав с собой секретарей. Саладин вздохнул, потянулся и потер глаза.

— Аллах мне свидетель, я никогда не смог бы стать ученым!

Он ухватил яблоко из вазы, к которой Айдан так и не притронулся, и откусил кусок с выражением величайшего наслаждения. Глаза его, устремленные на Айдана, были яркими и удивительно ясными, но сознание его не таило ловушек для доверчивой мощи.

— Значит, ты скоро уезжаешь из города, принц?

Айдан кивнул:

— Через два дня, государь.

— Так скоро. — Казалось, Саладин сожалеет об этом. — Ты по-прежнему намереваешься сделать то, что поклялся сделать?

— Я должен.

Султан кивнул. Пальцы его скользнули по шраму от кинжала ассасина, словно он все еще причинял боль.

— Честь не позволила бы тебе поступить иначе. Так же, как мое слово не позволяет мне оказать тебе помощь.

— Ты знаешь, что я ни о чем не просил.

— Я знаю, — ответил Саладин. — Но то, что я знаю, и то, что я хочу… — Он вздохнул и махнул рукой, словно отбрасывая прочь эти мысли. — Ты принадлежишь к роду королей и знаешь, какие узы накладывает на нас королевский сан. Ты… ты более, чем это… ты знаешь, почему я делаю то, что делаю. Я нашел цену тебе, принц, и всему, о чем мы говорили. И вот что я должен сделать. — Он хлопнул в ладони.

Вошла пара слуг, неся нечто, казавшееся свертком шелка. Они развернули его. Это был плащ, почетное одеяние, сплошь черное, кроме каймы рукавов: *тираз*, дивная арабская вязь, написанная буквами цвета крови. Имя Айдана, и имя султана, и великое имя Бога, вытканное через слово в знак оказанной чести.

И это был не просто плащ. Вес его был весом стали, весом кольчуги — сирийский обычай, скрывать наготу доспехов под красотой и легкостью шелка. Сталь была вороненой, как ножны меча Айдана. Сквозь черноту поблескивало золото.

Остальные из приличия смотрели в сторону, пока слуги облачали Айдана в подаренный доспех. Он был легче и гибче, чем франкская кольчуга, но Айдан подозревал, что при этом подарок султана окажется еще и крепче. Айдан затянул шелковый пояс и повесил меч на расшитую золотом перевязь. Он выглядел по-варварски пышно; с точки зрения тех, кто смотрел на него сейчас — как истинно цивилизованный человек.

Султан улыбнулся и снова хлопнул в ладоши. Послышались быстрые шаги. Быстро, почти галопом, вбежал отряд мамлюков. Все они были одеты в алые плащи, скрывавшие, как был уверен Айдан, сталь доспехов. Одним из мамлюков был турок, приведший Айдана сюда. Они распростерлись на полу в

мусульманском приветствии, но не перед Саладином. Они поцеловали пол у ног Айдана.

— Они твои, — сказал султан с неприкрытой озорной улыбкой. — Делай с ними все, что пожелаешь. Они хорошо обучены, — добавил султан. — И у них есть причины питать нелюбовь к нашему общему врагу.

Айдан не мог сказать, что когда-либо в своей жизни был воистину ошеломлен. Ему всегда было что сказать.

Он задумчиво оглядел ряд алых спин и склоненных тюрбанов. Каждый плащ украшал такой же *тираз*, какой был выткан на его собственном плаще. Тела, скрывавшиеся под этими плащами, не носили печати прославленной восточной полноты. Все они были юны — старшему из них было не больше двадцати лет — худы и неуклюже-грациозны, словно молодые волкодавы. Один или двое были, по видимому, столь же высоки, как сам Айдан. Некоторые были определенно шире в кости. Одна длинная борода, видневшаяся под тюрбаном, была цвета пшеницы на солнце.

— Но что, — сказал наконец Айдан, — что мне делать с этим отрядом мамлюков?

— Все, что хочешь, — ответил Саладин.

— Тогда я возвращаю их тебе. — Айдан вскинул ладони, не давая никому прервать себя. — Государь, это дар, достойный короля, и я высоко ценю эту честь. Но они — воины Аллаха. Как можешь ты губить их души, даря их мне?

— Я верю, — возразил Саладин, — что ты ничем не воспрепятствуешь спасению их душ.

Айдан вскинул голову. Глаза его полыхнули неистовым огнем.

— Ты знаешь, кто я такой!

Султан коротко кивнул.

Даже будучи наполовину безумным, Айдан не мог схватить короля и трясти его, пока не придет в себя. И ничего хорошего не вышло бы, если бы он испепелил павильон на месте. Обуздав свой темперамент, Айдан заставил себя говорить спокойно:

— Мой повелитель. Если я скажу им — если я скажу им правду — позволишь ли ты им сделать выбор?

— Это не мое дело — позволять или не позволять. Они твои.

Айдан прикусил язык. Хлопнул в ладоши. Посыпались искры. Айдан вздрогнул и выругался. Кажется, искры заметил только султан, и его это, по-видимому, даже позабавило.

— Встать! — приказал Айдан этой армии, которую ему навязали буквально силой.

Они повиновались с похвальной живостью. Да, мальчишки. У

некоторых даже не было еще бороды, или в лучшем случае — нежный, чуть заметный пушок. Айдан изучал их лица. От самого высокого до самого маленького. Ясные синие глаза на лице, какие можно увидеть среди снегов севера. Серые глаза; зеленые под рыжими бровями. Снова синие, словно лед, но лицо — оливково-гладкое, как у любого сирийца. Карие, и снова карие, определенно восточные, турецкие косы, турецкие украшения, круглые турецкие лица. И в конце — словно пара поводьев одной уздечки — два широкоскулых, желтокожих и узкоглазых чертенка из преисподней, нахально гордящихся своей непохожестью на остальных, своей удивительностью.

Помимо своей воли Айдан улыбнулся.

— У меня тоже есть брат-близнец, — сказал он. — И держу пари, что я удивительнее, чем вы.

— На что ставим? — быстро и требовательно спросил один. Он, видимо, был близнец-огонь. Кажется, он был чуточку коренастее, на волосок ниже.

— Ваша свобода, — ответил ему Айдан. — Вы теряете право выбора: следовать за мной или отправляться своей дорогой.

— Это *уже* удивительно, — произнес с интересом другой, близнец-вода.

— Где твой брат? — спросил первый; именно он всегда думал о необходимом.

— Дома, на западе, правит королевством, несчастный.

— Все интереснее и интереснее, — заметил близнец-вода.

Остальные не шевелились, но воздух вокруг них звенел от нетерпения. Айдан обратился к ним ко всем:

— Ваш султан сказал мне, что вы — подарок. Теперь вы знаете, что подарены христианину и франку. Вы должны уже догадаться, для чего вас подарили. Вы боитесь ассасинов?

Они побледнели. Но надо отдать им должное — ни один из них не пошевельнулся и не издал ни звука.

Айдан улыбнулся холодной белозубой улыбкой.

— Хорошо. Я вижу, вы все в здравом уме. Я также вижу, что все вы отважны. Достаточно ли вы отважны, чтобы служить мне?

Он показал им все, без всякой пощады. Свое истинное лицо. Свое истинное могущество, проникнув в их сознания, прочтя их души. Никто из них не был тайным рабом Масиафа. Никто из них не был настолько глуп, чтобы не испытывать страха перед тем, кого они узрели лицом к лицу. "Ифрит", — вот что думали все они. В головах близнецов было другое слово, но означало оно то же самое.

Но никто из них и не подумал отвернуться или убежать. Юный северянин улыбнулся, словно берсерк.

— Это лучше, чем в песне, — произнес он голосом звонким и до дрожи красивым — голосом певца.

Чертенята — кипчаки, как они именовали себя — усмехались, словно безумные.

— Мне это нравится, — сказал близнец-огонь с озорством в голосе.

Айдан знал теперь все их имена. Он по очереди указал пальцем на каждого.

— Конрад. — Синеглазый певец, во всех отношениях самый юный.

— Андроникос. — Сероглазый македонец с византийской улыбкой.

— Янек. — Черкес, рыжий, словно франк.

— Райхан. — Наполовину франк, наполовину сириец.

Турки:

— Шадхи, Туман, Занги, Бахрам, Дилдирим, Арслан.

И наконец чертенята, близнец-вода и близнец-огонь, старший и младший:

— Ильхан. Тимур.

Они опускались на пол один за другим, по мере того, как он называл их имена, и простирались у его ног. Но лишь телом, не мыслями; о, нет. Головы их кружились от счастья, таящегося в самом сердце ужаса.

Чем сильнее он пытался отпугнуть их от себя, тем сильнее они привязывались к нему.

Он резко повернулся от них к султану:

— Они все безумны!

— Но хорошо обучены, — ответил Саладин, — и необыкновенно преданы. Они будут хорошо служить тебе.

Черт бы побрал этого султана! Он знал, что делает. Он выбрал лучших вояк и худших непосед, тех, кто вряд ли откажется пойти на службу к демону. Все они были язычниками, даже те, кто был рожден христианином. Даже под игом ислама.

Они, вынужден был признать Айдан, великолепно подходили своему новому господину. Совершенно не желавшему этого, приведенному в замешательство господину.

И он был их господином вне зависимости от того, оставит ли он их рабами или подарит им свободу. Они принадлежали ему раз и навсегда. Он был связан с ними, как и они с ним, до кона их жизней.

Это чертовски походило на королевское положение.

— И что мне с ними делать?

— Используй нас, — осмелился подать голос Арслан. Он был старше всех, кроме одного, и, кажется, занимал должность их

капитана. — Мы все ненавидим того, кого ненавидишь ты. Наш прежний господин — это он погиб тогда же, когда султан был ранен. У него не было сына; мы перешли в руки нашего султана. Мы просили его о праве на отмщение. Он обещал. Неужели ты нарушишь его обещание за него?

— Вы можете погибнуть из-за этого.

— Тогда мы попадем в рай, и Аллах вознаградит нас.

Айдан в отчаянии стиснул руки.

— Вы знаете, кто будет рад видеть это? Половина королевского двора в Иерусалиме. Они хотели видеть меня с армией за моей спиной. И теперь, во имя Божие, у меня есть армия. Но я не командую армией рабов, даже если ваш закон позволяет христианину быть господином над мусульманскими душами. Вы будете свободны, или вы не пойдете за мной.

— Засвидетельствовано, — промолвил султан.

Он был необычайно доволен собой. Его эмиры были в немалом замешательстве. Его брат считал, что в данной ситуации и понимать нечего — вот только франк был удостоен настолько высокого дара, как если бы пес был впущен прямо в рай.

Саладин поднялся; он одной только силой воли мог стоять глаза в глаза с высоким райанином. Он сказал:

— Теперь у тебя такая надежная охрана, какая только может быть у человека. Я молю Бога, чтобы Он даровал тебе добрую удачу и часть Своего провидения. Иди осторожно, друг мой. Всегда смотри, что у тебя за спиной. Ты лучше меня знаешь, какое магическое оружие может применить твой враг, но ты можешь быть уверен, что оно у него есть. Может быть — об этом ходят слухи — что кое-кто из его слуг может быть не просто человеком.

По спине Айдана пробежал холодок. Но он вскинул голову и улыбнулся.

— Кто бы ему ни служил, он сам, вне всякого сомнения, смертный. Я иду на него хорошо предупрежденный и еще более хорошо вооруженный.

Улыбка Саладина была столь же вымученной, как и у Айдана. Он обнял принца, как будто одной силой этого объятия мог заставить события окончиться так, как ему этого хотелось.

— Аллах да защитит тебя.

Айдан низко поклонился в ответ. Мамлюки — его мамлюки — следовали за ним во плоти. Это заставило его рассмеяться. Все еще смеясь — и султан тоже неожиданно широко улыбнулся — Айдан повел свой отряд прочь.

17

Айдан наполовину боялся, что Джоанна отреагирует на его новую армию с ужасом. Но этого не произошло. Она даже не удивилась.

— Исмат говорила мне, — сказала она. — Это отчасти была ее идея. Она считала, что тебе следует иметь слуг, которым ты можешь доверять.

Айдан чуть приподнял брови. Он начал понимать, как эти женщины правят, при этом позволяя своим мужчинам думать, что мир находится в мужских руках. Несомненно, Джоанна предавала свой пол, позволяя Айдану узнать то, что знала она; или она предавала бы женщин, если бы Айдан был смертным мужчиной. Иногда он с легкой горечью пытался понять, не поэтому ли она столь легко приняла то, что произошло между ними. Он был словно любовник из грез, не человек, и потому грех не был столь уж смертным.

Затем он посмотрел на нее и укорил себя за глупость. Это сначала она была очарована существом из историй, рассказываемых Герейнтом. Она видела его целиком и — теперь — просто как его самого; как не видел его никто из тех, кто не принадлежал к его роду, даже его отец.

В этот последний день в Дамаске Джоанна послала к черту приличия и ушла из женских покоев. Она хотела хотя бы раз увидеть город, прежде чем покинуть его. Она рассматривала город с лошадиной спины, лицо ее закрывала от взглядов вуаль, но она была франкской женщиной, и этого нельзя было не заметить. У Айдана были сомнения касательно мудрости этой прогулки, но в кругу его мамлюков — его, Господи помилуй! он еще не привык к этому — и рядом с ним она была в такой же безопасности, как всегда. Хотя его сорвиголовы испытывали неуверенность. Они выросли в мире ислама, они были опьянены своей молодостью, и им не нравилась мысль, что женщина может ехать верхом, как мужчина. Пусть даже она по-мужски высока и рождена среди франков.

Она была в достаточной мере сарацинкой и в достаточной мере благородной норманнкой, и ее не волновало, что думает о ней кучка освобожденных рабов. Ей было куда более интересно рассматривать Дамаск, эту жемчужину земных городов. Иногда ей было еще интереснее проверить, насколько близко она может ехать к Айдану, при этом не вызывая ни косых взглядов окружающих, ни недовольства своей кобылы, которой не нравилась близость самца, пусть даже и мерина.

Айдан, который мерином отнюдь не был, заставил своего коня помотать головой и отстраниться. Иначе ему — не коню, конечно — трудно было бы удержаться и не схватить Джоанну в объятия, ошеломляя поцелуями, а это вряд ли было бы мудрым поступком.

Астролог исчез от Часовых Ворот. Айдан улыбнулся сам себе.

Джоанна хотела войти внутрь. Женщинам это было не воспрещено, но франкскую женщину едва ли встретили бы гостеприимно. Но Джоанна была упряма. Она смотрела прямо в глаза Айдану, не отводя взгляд.

— Почему кто-либо должен знать? Разве все они знают, кто ты такой?

Айдан с шипением выдохнул воздух сквозь зубы. Это была невероятная дерзость. Никто из смертных никогда не спрашивал… никогда не осмеливался…

Джоанна не сказала ничего из того, что могла бы сказать, на что ей давало право то, что было между ними.

— Я хочу посмотреть, — просто сказала она.

Долгий миг спустя Айдан ответил:

— Хорошо. Мы — эмиры, которые пришли помолиться за успех своего предприятия. Лучше будет, если ты будешь вести себя соответственно.

Ее улыбка была слишком озорной, чтобы он мог по-прежнему сердиться на нее, а важная походка Джоанны была точь-в-точь как у какого-нибудь сельджукского князька, исполненного чувства собственного достоинства. Один из мамлюков Айдана — не турок — хихикнул. Айдан оставил его и еще пятерых охранять лошадей. Остальные последовали за двумя высокими фигурами, которые вполне могли быть добрыми мусульманскими воинами, пришедшими помолиться в святом месте. По крайней мере, Айдану не нужно было притворяться человеком больше, чем обычно. Он все еще помнил реакцию Джоанны на его вид в великолепном новом плаще.

Мечеть для дома молитвы была столь же велика, как город. На галереях было полно торговцев: продавцы благовоний и хлеба устроили настоящую войну запахов, а книготорговцы, ювелиры и стекольщики рассыпали, подобно самоцветам, радужное сияние, вознося молитвы о ниспослании им покупателя. Западный минарет был полон святых людей, и чем выше они находились, тем святее считались, так что самый верхний, казалось, восседал прямо под небесами. Внизу читали суры из Корана мальчики, окружившие своих учителей, а вокруг первого в мире Корана стояла стража, и занавесь скрывала келью, где Айша, возлюбленная Пророка, хранила его живое слово, когда сам он

был уже мертв. И над всем этим сама мечеть была подобна каменному саду: многоцветный мрамор на высоту в два человеческих роста, а выше — драгоценное сияние прекраснейшей в мире мозаики, на которой запечатлелся каждый город, где воссияла заря ислама, и было сказано, что не разрушится эта красота до конца мира.

Центр мечети был средоточием тишины и изысканной простоты, составлявшей сущность ислама. Зал молитвы был обширен и пуст, лампы были погашены, но чуть поблескивали в сумраке, меж колоннами сияли яркими красками толстые ковры, и золотые виноградные лозы обвивали *михраб*. Там было достаточно много людей, но все же они терялись в этом огромном пространстве, отданном во власть тишины. Кто-то где-то читал песнь из Корана.

Казалось более разумным, более естественным, сидеть на ковре подле колонны, лицом к молитвенной нише, и просто быть. Джоанна села рядом. Их не видел никто, кроме мамлюков, которым Айдан верил, и он сплел свои пальцы с ее. Она улыбнулась ему, быстрой улыбкой, мс обещанием оставить это на потом.

— Это святое место, — мягко произнесла она, — пусть даже это не наша святость.

Айдан кивнул. Это было так похоже на нее — понимать без слов. Они нуждались в том, чтобы прийти сюда. У Айдана не было дара предвидения, но поскольку он был тем, кем он был, он знал, что им не испытать вновь такого покоя.

Он едва не схватил ее в объятия, чтобы удержать ее, и этот час, и все, что им предстояло потерять. Она отвернулась от него; она была захвачена святостью этого места. Когда-то оно принадлежало римлянам; потом христианам, и в ту пору оно было полно молитв и греческих ритуалов. Теперь оно принадлежало Аллаху.

Айдан поцеловал ее пальцы, один за другим. Джоанна улыбнулась, хотя и не взглянула на него. Ее пальцы погладили его щеку.

Исхак увидел их через всю мечеть. Сначала он подумал, что глаза обманывают его. Мамлюки в своих алых плащах были хорошо видны, но двое в середине колыхались и плыли, словно миражи в горячем пустынном мареве.

Но это было только потому, что они были одеты в черное, а в зале царил полумрак, и Исхак решил проследить за ними. Сосредоточившись на этом, он ясно рассмотрел, что одним из них был Айдан. Мимолетно Исхак подумал, кто же был другой. Быть может, еще один франк; или кто-нибудь из Дома Ибрагима.

Исхак не мог сдержать вздох облегчения. Он старался, так старался, позабыть то, что знал, и до сих пор это ему удавалось. Он никогда и не думал выдавать франку свой семейный секрет.

Но завтра франк уезжает. Возможно, он никогда не вернется обратно. Исхак не собирался — разве что как дитя, желающее того, что не может получить, и знающее об этом — просить франка взять его с собой в караван. Надо было думать о семье, о Масуде и о султане.

Но франк был гостем Исхака, и Исхак считал, что они были друзьями. Франк был необычен, великолепен и способен на озорные проделки более, чем любой другой из всех, кого знал Исхак. Исхаку было жаль расставаться с ним.

А если он погибнет потому, что Исхак не предупредит его…

Нет, рядом с франком был не мужчина. Хотя она была столь же высока, как мужчина, и уродлива на безошибочно франкский манер. И бесстыдна. Держать мужчину за руку здесь, в самом доме Бога…

Франки вообще не знают приличий.

Исхак вздрогнул. Его желудок сжался плотнее, чем его кулаки. Люди говорят, что франки слишком бледны для каких-либо сильных чувств, что их нрав холоден и тускл из-за сырого климата и питания мясом нечистых животных. Но не у этих двоих, понял Исхак. Они были непристойно-чувственны.

Но удивительно прекрасны, словно животные. Они не знали лучшего.

Айдан знал сталь. Отец Исхака сказал, что этого достаточно.

Исхак вновь вернулся к тому, о чем думал прежде. Пожалуй, ему надо бежать, сейчас, пока они заняты, пока они не видят его.

Он с трудом сглотнул. Не для того он зашел так далеко, чтобы сейчас трусливо повернуться и ускользнуть.

Он заставил себя выпрямиться, привел свой плащ в порядок и пригладил то, что у него считалось бородой. Придав лицу приличное выражение, он пошел нарушать данное слово.

Вблизи женщина была не такой уж уродливой. Просто некрасивой. Она была достаточно скромной, чтобы схватиться за вуаль, завидев приближающегося Исхака, и достаточно по-франкски воспитанной, чтобы пожать плечами и отпустить вуаль, потому что он и так видел все, что только мог увидеть. У нее был бесстрашный взгляд. Под этим взглядом Исхак покраснел и не стал даже притворяться, что оказался здесь случайно.

По крайней мере, он мог притвориться, что не замечает ее. Он приветствовал Айдана без обычной небрежности, войдя в круг мамлюков, которые знали его и не стали останавливать. Но уже будучи здесь, Исхак никак не мог сказать то, ради чего пришел.

Он даже не мог поднять взгляда. Он уставился на пол у себя под ногами, и предоставил им думать о его манерах все, что им хочется.

Айдан легко коснулся его плеча, словно пытаясь ободрить его.

— Пойдем. Я знаю, что должен уйти отсюда немедленно.

Исхак кивнул и сглотнул.

— Я не это… я… — Он подобрался под взглядом этих глаз, напоминающих сталь работы его отца, столь же острых, ослепляющих его, и сказал так твердо, как позволяла сотрясающая тело дрожь: — Сэр франк, я не хотел сказать, что ты должен убираться отсюда. Я понимаю; это нехорошо, но я могу понять это. Но я хочу сказать о том, к чему стремишься. Я думаю, ты не понимаешь, кто такие сыны ножей.

— Я думаю, что могу понять, — ответил Айдан, не выказывая ни малейшей обиды. — Они очень коварны и смертоносны. Они почти никогда не терпят неудачи, убивая тех, кого им приказано убить. За исключением вашего султана.

— Рука Аллаха была на нем, — отозвался Исхак.

— И она не может быть на мне, потому что я христианин?

Исхак так замотал головой, что тюрбан сполз набок:

— Нет, нет, нет! Аллах защитил его: не дал Старцу применить против него самое сильное оружие. Против султана были посланы человеческие силы, и не более того.

К удивлению Исхака, Айдан, кажется, прислушивался к его словам и верил тому, что слышит.

— Он говорил мне что-то об этом. Что не все *гашишины* — смертные люди.

— Йа Аллах! Не называй их имени! — Исхак умерил голос прежде, чем сорвался на истерический визг. — Что… что ты знаешь об их магии?

— Мало, — ответило Айдан. — Они мастера убийства. Они безумны — кое-кто говорит, что зачарованы; другие говорят — опоены зельем. Они живут, чтобы умереть и попасть в рай.

— И ничего более?

— А есть и еще что-то?

Эти глаза были слишком острыми. Исхак опять уставился на свои ноги.

— У них есть магия, принц, Дьявольская магия. И они безумны. Какой закон, разум или здравый смысл может подчинить человека, который желает только убить, а потом умереть?

— Значит, — сказал Айдан так небрежно, что Исхак застонал от отчаяния, — я должен буду стать безумнее, чем они.

— А можешь ли ты стать еще и сильнее? Смертоноснее?

— Я могу попытаться.

— Ты умрешь, — сказал Исхак. — Если ты тоже не владеешь магией.

Айдан улыбнулся.

— Я владею магией.

Исхак вздернул подбородок:

— Ты что, родной племянник Иблиса?

— Меня обвиняли и в этом, — ответил франк.

Исхак стиснул зубы от ярости. Он хотел выложить все, все разом, прямо. И не мог. Его глотка сжималась, когда он пытался заговорить; назвать ее имя. Предостеречь этого невинного от дьявольской суки Старца.

Магия. Что могут франки знать об истинной, высокой и смертоносной магии? Они ведь почти дикари.

И даже этот, который выглядит, как восточный повелитель. Он улыбается Исхаку, несомненно, считая, что развеял детские страхи. Но он сам — ребенок. Какое у него было могущество, чтобы противостоять тому, что затаилось на Горе?

Исхак не мог — просто не мог — говорить о ней. Заклинание было так же жестко и неодолимо, как узда, как оковы на языке. Он проклинал ее именем чернейшего ада, но молчал.

Он неуклюже поднялся, по щекам его катились слезы — как от ярости, так и от горя за друга.

— Принц, — произнес Исхак. — Принц, если ты не можешь быть мудрым, будь хотя бы осторожным. Не верь никому. Никому, ты понимаешь?

— Даже самому себе?

Исхак вскинул голову.

— О Аллах! Ты можешь заставить святого совершить убийство. –

Он выталкивал слова из горла одно за другим, всей силой воли и разума. — За тобой охотятся. Твоя жизнь значит не больше, чем песчинка в пустыне. Молись своему Богу, чтобы он присмотрел за тобой. Никакая меньшая сила не сможет защитить тебя.

— Я понимаю, — отозвался Айдан. Наконец-то безумная озорная небрежность покинула его. — Я так и сделаю, Исхак. Ты сильно рисковал, чтобы сказать мне это.

Кровь Исхака вскипела, потом застыла. Плечи его поникли.

— Это неважно. Мой отец… делает ножи… для… — Голос его прервался. Горло пересохло и горело. Он чувствовал слабость и тошноту.

Франк подхватил его прежде, чем он упал. Исхак ничего не

мог поделать с этой слабостью, но она быстро отступила. Он заставил себя выпрямиться.

— Мне надо идти, — сказал он. — Иди — с Богом. Пусть Бог защитит тебя.

Юноша поплелся прочь, повесив голову, спотыкаясь, словно слепой. Айдан шагнул было за ним, но остановился. Это была сила. Разрушить ее или пробить в ней брешь — это могло сокрушить его мозг.

Холод, который возник, когда султан заговорил о магии, проник до костей. Это было реальностью; это было истиной. И Айдан не видел этого. Он касался лезвия кинжала работы Фарука, кинжала, обагренного кровью Тибо, и не понял, не вспомнил.

В Масиафе крылась сила. Быть может, более сильная, чем он; более старая; менее человеческая, чем он когда-либо мог стать.

Он никогда не сталкивался с таким противником. Все его прежние враги были людьми. Его род был его родом. Они не обращались друг против друга. Это было смертельное безумие.

Память вернулась к иному. Сарацинка, красавица с кошачьими глазами, Марджана. Если он может найти ее… если она знает, что таится в Масиафе… возможно…

Будет ли она помогать франку? Другие помогали, и не только Исхак; но Айдан никогда не стал бы взывать к милосердию сарацинки. Быть может, она даже не знает, какой демон отвечает на вызов Повелителя Ассасинов.

Но если он увидит ее снова, он может спросить.

Айдан повернулся к Джоанне. Она сдерживала свой страх, но он рос, стирая румянец с ее лица, гася свет в глазах. Он привлек ее к себе и поцеловал.

— Я защищу тебя, — пообещал он.

Она позволила себе воспользоваться его поддержкой на столь же краткий миг, как и Исхак. Но она знала об Айдане больше, чем было позволено узнать мальчику-воину. Она заставила себя поверить в это обещание.

Часть IV. Алеппо

18

Алеппо был белым. Белым, как мел, белым, как кость, белым, как слепящая белизна снега под солнцем. Скала, на которой возвышалась его цитадель, вонзалась в небеса, затмевая полдневное сияние; зелень тополей и кипарисов на ее фоне казались неясной тенью.

Эта красота была совершеннее, нежели красота Дамаска. Его люди были менее томно-изящны, его сады были менее манящими. И речь здесь была глубже, жестче, больше похожа на камень, служивший основанием городу.

Даже правление здесь было иным. Ребенок аль-Салих Исмаил, отец которого был султаном в Дамаске до того, как захватчик из Египта принес его смерть, правил через своего регента, Гумуштекина. То, что правил он с соизволения Саладина, мало значило для города, который годами выстаивал против осады. Который, помимо всего прочего, подсылал к султану ассасинов, пока тот не заключил с ними перемирие.

Дом Ибрагима был городом в городе. Здесь наконец даже высокородный пришелец с Запада мог узреть всю мощь королевства торговли: Дом держал в руках караван-сараи, городские дома, Дом правил по своему разумению, не испрашивая соизволения того, кто владел цитаделью. Где бы караван ни проходил, никто не собирался чинить ему препятствий.

Но сам дом, хотя и довольно большой, отнюдь не был дворцом. Он начинал свое существование просто как жилище, дом с единственным двором и садом позади. Годы, необходимость и рост числа обитателей расширяли его пределы, пока его стены не объяли добрую полудюжину меньших домов и их сады. Но сердцем его оставался дом продавца пряностей Ибрагима, еврея Авраама, которым он был, прежде чем принял ислам.

Для Джоанны это был просто другой лик родного дома.

Привратник Хаким был на своем посту, как всегда; быть может, он немного поседел, стал чуть суше и жилистей, но все равно оставался стражем ворот. Выбоина над аркой, появившаяся, когда один из кузенов доказывал свое умение обращаться с пращей, видимо, никогда так и не будет заделана. Дуплистое гранатовое дерево, по-прежнему затенявшее первый дворик, было увешано плодами, и мальчишка отгонял прочь птиц. Как всегда, у фонтана сидел кот, и двое-трое слуг, лениво переходивших с солнца в тень, и сборище родственников, оторвавшихся от своих

дел, чтобы посмотреть, кто приехал.

И было на что посмотреть: двенадцать мамлюков в алом, держащих руки на оружии, и франкский принц в одеянии дамасского эмира, и Джоанна со своей служанкой, выглядящие среди них невзрачными, словно павы в окружении павлинов.

Джоанна знала, не спрашивая, что на этот раз Айдан будет вести себя иначе. По дороге он выглядел не более беспокойным, чем всегда; казалось, что он так же, как она, ехать свободно рядом весь день и лежать в объятиях друг друга всю ночь. Но едва Алеппо показался в виду, Айдан напружинился, словно кот.

Даже за короткое время — от момента, когда он передал своего коня груму и до того, как встретить дядюшку, подошедшего с общепринятым приветствием, Айдан не смог устоять спокойно. Он подошел к гранатовому дереву и вернулся, задержался, чтобы обменяться взглядами с самым младшим кузеном, подхватил кота, который подошел, чтобы потереться о его колени. Коты всегда тянулись к нему. Он подошел и встал за спиной Джоанны, когда родичи расступились и старший приблизился, словно корабль под всеми парусами: дядя Карим, не менее. Это было почетно.

Хотя Айдан мог не думать так? Джоанна велела ему молчать, стоять спокойно и дать говорить ей. Для франкских глаза дядя Карим был неординарным зрелищем: благородно-округлый, одетый по самой последней моде, с бородой, выкрашенной в черный цвет, чернее, чем может быть любая борода от природы, к тому же экстравагантно завитой. И дополнял все тюрбан поистине устрашающих размеров. Первым побуждением любого при этом зрелище было вытаращить глаза, а потом — расхохотаться вслух.

Люди, которые смеялись над дядей Каримом, жалели об этом всю жизнь. Разум его был подобен дамасскому клинку, и за пренебрежение люди расплачивались звонкой золотой монетой.

Насколько Джоанна слышала, Айдан не смеялся. приличия не позволяли ей обернуться и посмотреть, не улыбается ли он. Те из его мамлюков, которых она могла видеть, застыли, выкатив глаза. К несчастью, она не видела тех, за кого больше всего опасалась. Двое кипчаков стояли позади своего господина, и один Бог ведал, что они делали.

По крайней мере, она свободно могла принять приветствия своего дядюшки, как всегда сложные и цветистые. Но они шли от сердца; и его объятие выдавало его дрожь; и пока слова текли с его языка, глаза его ощупывали каждый дюйм ее дорожной одежды. И ее сопровождающих. И ее принца.

Потом она наконец могла обернуться. Айдан не улыбался.

Лицо его было мраморно-спокойным, а когда он представлялся хозяину, голос его был мягок и спокоен. Кот сидел на плече Айдана и громко мурлыкал. И все же от этого он не выглядел менее опасным.

Джоанна едва слышала, что Айдан и Карим говорили друг другу. Воля встретилась с сильной волей и признала ее равной. Серые глаза встретились с темными — словно клинки скрестились с лязгом, а затем разошлись.

Дядя Карим улыбнулся. Легкий наклон его головы содержал больше уважения, чем все поклоны и расшаркивания до этого.

— Если желаешь, — сказал он, — входи, отдохни и освежись. Все, что здесь есть — твое. Да будет твое пребывание у нас долгим и благословенным.

Айдан не хотел идти туда, куда приглашала его пухлая рука. Джоанна не могла коснуться его под взглядом всех этих глаз, но она сказала:

— Иди. Это безопасно. Я обещаю.

Он покачал головой, стиснув губы. Ее сердце сжалось. Только не битва; святый Боже, только не здесь!

Казалось, Айдан уловил ее мысли. Он направился туда, куда его вели — нехотя, но без возражений.

Джоанна выдохнула воздух. Она любила его; она до боли желала его. Но он был спутником не из легких. Если ему придет в голову удрать, словно дикому зверю, ничто в мире не остановит его.

И он был близок к этому состоянию. Джоанна едва не отшатнулась от женщин, которые вели ее в гарем, в баню, едва не побежала к Айдану. Но она взяла себя в руки. Этим она сделала бы только хуже.

Несмотря на все ее тревоги, баня была райским наслаждением. Тетушки и кузины собрались здесь, чтобы обласкать Джоанну, попарить ее, уверить ее, что здесь она окружена любовью, нежностью и защитой. У них для нее были наготове все сплетни: кто за кого вышел замуж, кто ждал ребенка, кто с кем был в ссоре, как в гареме, так и за его пределами. И все это было так знакомо, тепло и успокаивающе, словно льющаяся вода, мыло с ароматом роз и притирания, умягчающие кожу.

Расслабленная, успокоенная, отогнав страхи в дальние уголки сознания, Джоанна оглядела себя и увидела, что вновь приобрела стройность. Ее талия никогда уже не станет такой тонкой, как в девичестве, но теперь она была и не намного толще. Груди по-прежнему были полными, но молоко в них уже перегорело; хотя они больше не были высокими и твердыми, но теперешняя мягкая полнота отнюдь не была отталкивающей.

Волосы Джоанны потемнели, из темно-золотистых стали бронзовыми, но вновь приобрели былой блеск; они вились вокруг ее лица, смягчая длинные твердые очертания щек и подбородка, глаза от этого казались больше, а их грозовой синий цвет превращался в глубокий туманный фиолетовый. Джоанна с изумлением и легким испугом смотрела на себя в серебряное зеркало. Она выглядела как женщина, у которой есть любовник.

Она спрятала румянец под массой волос, набросившись на них со щеткой прежде, чем кто-либо мог вмешаться. Джоанна смотрела в увядшее лицо старшей из тетушек, чьи глаза видели все, что только можно было увидеть. Узловатый палец ткнул ее в грудь. Когда Джоанна отшатнулась, тетушка Ада усмехнулась, обнажив беззубые десна.

— Так-так, малышка. Нашему Дому предстоит вырастить еще одно дитя?

Зубы Джоанны сомкнулись со стуком. Нет. О нет.

— Нет! У меня был ребенок. Его забрали у меня. Я еще… не… совсем…

Тетя Ада кивнула как-то слишком доброжелательно:

— Да. Да, конечно. Бедная малышка. Франки такие варвары — забрать новорожденное дитя у матери и оставить ее в одиночестве.

Постепенно сердце Джоанны перестало колотиться о грудную клетку. Она не обманывала себя. Она все сознавала. У нее еще не начались очищения: ее тело еще не пришло к обычному порядку после рождения Аймери. Она не носит другое дитя. Которое не может быть ребенком Ранульфа. Которое вообще может не быть человеческим.

Но если она… если она…

Нет. Она вышвырнула эту мысль прочь и захлопнула дверь. Она рада, что находится здесь, и здесь ей рады, ее вымыли, накормили и уложили отдыхать в высокой прохладной комнате, наполненной песней ветерка и текущей воды.

Айдан не хотел успокоиться. Он не хотел есть. Его мамлюков забрали у него и отвели в какие-то внутренние помещения, предназначенные для слуг и меньших по значению гостей. Его возлюбленная была заперта в гареме. Он с открытыми глазами вошел в город ассасинов и знал, что был безумцем, осмелившись на это.

Он лежал на матраце в отведенной ему комнате, не потому, что хотел там лежать, а потому, что пятнистый кот, устроившийся у него на животе, был доволен. Мурлыканье кота отдавалось во всем теле Айдана; оно успокаивало его, не давая ему сорваться с места и бежать куда глаза глядят.

И что, не считая кота, мешает ему сделать это? Почему он не бежит, если хочет это сделать? Он может это сделать. Его могущество было с ним.

Кот потерся головой о его руку. Айдан почесал его за ухом, ощущая счастье зверька словно тихий шепот на краю мятежного шума, стоящего в сознании самого Айдана.

С тех пор, как он прибыл из Райаны, он не сделал ничего, чего не мог бы сделать смертный человек — разве что скрыл свое истинное лицо, проник в одно-два сознания и установил охрану против ассасинов… которая так плохо помогла в ночь смерти Тибо. Во всем остальном он не проявлял ни капли могущества. Он превратил себя в человека.

Сначала это казалось довольно благоразумным. Это был мир смертных, и страх смертных мог убить. Он видел проявления этого в Иерусалиме — когда за его спиной шептались, что он ассасин, что он еще хуже, что он сам дьявол.

Но он не был смертным. Он не был человеком. И здесь, в мире ислама, который не только признавал возможность существования таких, как он, но и давал им надежду на вечное спасение, он, быть может, и вызывал у людей страх, но за это его уже не сожгли бы на костре. И его могуществу было тесно в поставленных им рамках.

Айдан осторожно распрямил один завиток мощи. Это было не столь обычно для подобных ему, как довольно привычные действия, подобные установлению защиты или чтению сознания. Но более глубокая сила, огонь, бывший его именем и его сущностью, просыпался с радостью. Сначала — только вспышка пламени, омывшая все тело.

Кот смотрел на него, широко открыв глаза. Айдан был одет в пламя. Он поднял руку — каждый палец, подобно свече, был увенчан языком пламени. Он рассмеялся от того, как легко и свободно он проделал это.

Краешек его сознания уловил биение. Присутствие человека. Айдан погасил огонь. Кот чихнул. Айдан сел и оказался лицом к лицу с человеком в непомерно большом тюрбане и с острым, как лезвие, разумом.

Если Карим видел или почувствовал это неистовое пламя, то он предпочел скрыть это. Он поклонился с грацией, удивительной для человека его толщины, и как раз так, как должно кланяться второму сыну короля. Айдан в ответ приподнял брови и склонил голову. Этот знак уважения был больше, чем когда-либо оказывал Айдан купцу, находясь в его доме.

Но, соглашаясь с правилами приличия, этот купец напомнил, что в королевстве торговли он занимал положение, равное

положению Айдана в Райане: второй наследник после своей сестры. И это было самым странным — женщина могла унаследовать правление с полным правом, в то время как существовал мужчина, который был в должном возрасте и имел возможность править вместо нее.

Карим с комфортом устроился там, где ветерок был прохладнее всего — у двери, ведущей в сад. Его халат был из небесно-синего шелка. Туфли были алого цвета, расшиты хрусталем и золотом; их носки были загнуты весьма элегантно.

Айдан, босой и одетый в панталоны из хлопка, только вздохнул по своему утраченному достоинству и остался на своем матраце. Кот взобрался на его колено.

Карим взглянул на кота.

— Я вижу, у тебя в доме есть друг.

— Но если Бог пожелает, он будет не единственным.

Карим улыбнулся в свою завитую бороду:

— Ты здесь желанный гость, — сказал он, — как родич нашей родственницы и как принц Райаны. Жемчуг, не так ли? И немного олова. И чудесная шерстяная одежда, которую в нужных местах можно продать по истинно царской цене.

— И очень немного работы по металлу, хотя, возможно, она не особо ценится здесь, где живут лучшие в мире кузнецы.

Карим, казалось, нисколько не был сбит с толку:

— И, как ты сказал, работа по золоту, серебру и порой по железу, и редкостное искусство огранки драгоценных камней и создания оправы к ним. Изумруд Короля Иерусалимского известен даже здесь.

— Да? — улыбнулся Айдан. — Очень может быть. Камень пришел из ваших караванов, хотя гранили и шлифовали его в Каэр Гвент.

— Таково королевство торговли, — заметил Карим.

— Я начинаю осознавать его могущество, — отозвался Айдан. — Ты знаешь о нашей маленькой стране… твои родичи торгуют там?

— Дальний родственник и один-два союзника. Они говорят, что страна хорошо управляется и процветает в мире: пристанище для изящных искусств.

— Но не очень-то легкая добыча для варваров, у которых есть только топоры и желание пустить их в дело.

— Верно, — согласился Карим. — Я уверен, что на армии Райаны никак не скажется отсутствие ее главнокомандующего.

— Мой брат-король по меньшей мере столь же хороший воин, как я, и вдвое лучший полководец.

— Тогда он, должно быть, воистину замечательный король.

— Его беда, — ответил Айдан, — в том, что он позволил монахам обмануть себя. Он предоставляет всем остальным искать хвалы, а всю вину принимает на себя. Это ничто иное, как избыток христианского милосердия.

Учтивость не позволяла Кариму ничего ответить на это.

Айдан ссадил с колен кота и сел, обхватив колени. Кот поразмыслил, а не запустить ли когти в лодыжку Айдана, но передумал. Он с презрением развернулся и вышел.

— Я не такой добрый христианин, — сказал Айдан в ответ на прощальное подергивание кошачьего хвоста, — как мой брат. И у меня нет его терпения. Скажи госпоже этого дома, что я со всем возможным для меня терпением буду ждать ее милости, но мой характер несовершенен в проявлении своих лучших качеств. Каковые сейчас отнюдь не являются лучшими.

Карим смотрел на него с мрачным изумлением:

— Принц, ты недоволен нашим гостеприимством?

— Я шел с караваном от самого Иерусалима. Теперь караван завершил свой путь. Та, которую леди Маргарет поручила мне охранять, заперта в гареме, и я не могу видеть ее. Я могу только ждать и высматривать смерть, появляющуюся из воздуха. И она появится, мастер Карим. И она, несомненно, появится.

Карим посмотрел на него долгим взглядом, в котором Айдан не мог уловить страха. После этого бесконечного мига купец поднялся.

— Отдыхай, если можешь, — сказал он. — Я посмотрю, что можно сделать.

Айдан полагал, что это лучше, чем ничего. Он спотыкался на каждом правиле восточной учтивости; но он действительно был вне себя. Он не собирался прохлаждаться в этом городе ассасинов, пока Джоанна не погибнет из-за мусульманских приличий.

Если они не позволят ему охранять ее, он сам найдет способ для этого. Скоро. Сегодня вечером. Воздух был прозрачен и чист — воздух Алеппо в преддверии осени — но в нем крылось напряжение, словно ожидание собирающейся грозы. Гроза скоро разразится. Но вместо дождя прольется кровь.

Он одел приготовленный для него легкий шелковый халат и вышел на галерею. Внизу лежал сад, зеленый и безлюдный. Комнаты, находящиеся рядом с комнатой Айдана были пусты, их обитатели отправились куда-то по делам Дома Ибрагима.

Айдан схватился за перила и легко спрыгнул вниз. Из-за стены он слышал детский голос и голос женщины, возражающий что-то. Айдан пошел вдоль стены, легко касаясь ее рукой, словно обещая, что он преодолеет ее.

В углу, образованном стеной, росло миндальное дерево, затеняя и отгораживая низко свисающими ветвями этот уголок, делая его похожим на беседку. Айдан раздвинул ветви, сделал шаг и отшатнулся.

Марджана бросила в него миндальный орех. Айдан инстинктивно поймал его, отпустив при этом отведенные в сторону ветки. Марджана разбила бледно-коричневую скорлупу другого ореха и вынула ядрышко, но есть его не стала. Спокойное выражение ее лица почти внушало ужас.

Она была одета в женское платье, тускло-коричневое и широкое, поверх ее волос было наброшено покрывало. Она была бы прекрасна даже в дерюжном мешке, на который это платье весьма походило; его абсолютное соответствие приличиям было более соблазнительно, чем мужской наряд, в котором Айдан видел ее прежде.

Орех треснул в его сжатом кулаке. Острые края вонзились в ладонь, поранив ее до крови. Айдан удивленно уставился на собственную руку.

Марджана взяла его ладонь своими теплыми сильными пальцами и смахнула с нее осколки ореха. Из порезов сочилась темная густая кровь. Марджана коснулась ее губами.

Айдан не мог пошевелиться. Она всего лишь очищала раны, как бы это ни выглядело со стороны. И только. Марджана подняла голову; она была спокойна, как всегда.

— Тебе следует быть осторожнее, — промолвила она. — У тебя больше силы, чем у человека.

Прилив гнева смыл изумление Айдана.

— Я настолько ребенок по сравнению с тобой?

— Аллах знает, что это не так. — Марджана по-прежнему держала его руку. — Я ждала тебя.

Он огляделся.

— Здесь? Ты живешь здесь?

Она покачала головой.

— Я видела, как ты въезжал сюда. Ты был прекрасен в этом почетном одеянии. Выглядел почти цивилизованно.

— Почти?

Она рассмеялась и поцеловала его ладонь — быстро и легко, словно только для этого и держала ее в своих руках.

— Мне не хочется, чтобы ты совсем лишился своей дикости. Она так пленяет.

— Ты… — произнес он. — Ты можешь быстро свести меня с ума.

Это была наполовину шутка. Но даже наполовину серьезный, почти незаметный смысл этой фразы заставил ее отшатнуться к

стволу дерева. Зеленые глаза были широко открыты, на белом лице такое выражение, словно он ударил ее.

Рука Айдана, до сих пор не чувствовавшая боли от порезов, начала подергиваться. Он сжал ладонь, глядя на Марджану. Невероятно, но она, казалось, вот-вот заплачет.

Он привлек ее к себе.

— Тише, — сказал он, хотя она не издала ни звука. — Тише. Я не хотел причинить тебе боль.

Она с силой уткнулась головой в его плечо. Она была ниже, чем Джоанна, и легче, тонкая в кости, как птица, но поразительно, невозможно сильная. Ее кулачки уперлись ему в грудь. Голос ее звучал приглушенно, но ясно:

— Я не знаю никакого искусства обольщения, никаких уловок. Я не знаю ничего о столь тонких вещах. Я могу только сказать то, что хочу сказать. И это… это… все неправильно.

Айдан вздохнул — раз, другой.

— Ты говоришь мне… что…

Она откинулась назад.

— О прекрасный, невинный глупец! Я люблю тебя. Я люблю тебя с тех пор, как увидела тебя в Иерусалиме. Я преследовала тебя, смотрела на тебя, ждала тебя, желала тебя. Если я сведу тебя с ума, что ты сделаешь со мной?

Айдан открыл рот, потом снова закрыл. Он не знал, что ему делать — только коснуться ее. Она была пылающим холодом.

— Я не… — промолвил он. — Я еще не… — Он сглотнул. — Еще. Но когда я вижу тебя, касаюсь тебя… — Он взял ее ладони в свои и прижал их к своей груди. Он не смог удержать внезапную улыбку. — Если ты хочешь успокоить мужчину, госпожа моя, тебе лучше всего являться ему на глаза так же часто, как ты смотришь на него.

Она выпрямилась, оскорбленная; но внимала его словам со свирепой жадностью.

Айдан поднял ее руки к своим губам и поцеловал.

— Когда я впервые увидел тебя, я подумал, что ты мне снишься. Ты воплощение всего, что я искал в женщинах.

— А теперь?

Он посмотрел ей в глаза.

— А теперь ты заставляешь мое сердце петь.

Руки Марджаны сомкнулись вокруг его шеи.

— Ты будешь любить меня? Здесь, сейчас?

Он застыл, вздрогнув. Она дрожала, и не от страсти. Как будто ей предстояло умереть до заката, и она хотела еще раз, только раз, испытать телесное наслаждение.

— Госпожа, почему…

Марджана отпрянула от него.

— Нет. Конечно, нет. — Голос ее был полон горечи. — Ты христианин. Я забыла. Ваша добродетель заставляет тебя отказать.

Айдан засмеялся, тоже с некоторой горечью.

— Это было бы возможно, но я не родился христианином. Нет, госпожа. Это просто… ты уверена, что хочешь этого? Я едва знаю тебя.

— Именно поэтому, — ответила она. — Именно поэтому я хочу тебя сейчас.

Он потянулся к ней, но она отодвинулась слишком далеко, почти за пределы зеленого навеса.

— Госпожа, — попросил Айдан, — прояви милосердие. До этого я видел тебя трижды; я знаю о тебе немногим больше, чем только твое имя. Если у тебя есть муж, дети, родичи…

Ее смех был похож на крик боли:

— Никого! У меня нет никого и ничего. Только я. Только… только…

Айдан прыгнул к ней. Он был удивлен, что она была там, что она не исчезла. Но это длилось недолго. Она подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо; потянулась, чтобы откинуть волосы с его лба. Рука ее дрожала.

— Я люблю тебя, — повторила Марджана. И исчезла.

Айдан опустился наземь, словно из тела вынули все кости.

— Боже, — произнес он, как когда-то повторяла это она. — Боже, Боже, Боже…

Две жены, сказал астролог. Подразумевал ли он эту невозможную связь? Безумно тревожиться за одну; становиться поистине безумным из-за другой. И если одна из них ревнива…

Должно быть, это Джоанна. Мусульманские женщины знают, как делить мужчину с другой.

Айдан охватил болящую голову ладонями. О чем он думает? У Джоанны нет повода для ревности. Ревнива была эта сумасшедшая демоница, обезумевшая от долгих лет одиночества. То, что он нашел ее прекрасной, доказывало только то, что он не был слеп. А остальное — это только жалость, очарование и немного — более, чем немного — вожделение. Их тела хорошо сочетаются друг с другом. Слишком хорошо. Память о ней запечатлелась на его коже, оттого, что ее не было рядом, болела голова.

Айдан поднялся на ноги. Он пришел в сад за исцелением; но получил здесь только более тяжелые раны.

Бог еще не прекратил свои шуточки. Теперь, когда Айдан мог отдохнуть, мог провалиться в сон без сновидений, подобный

смерти, ему не было позволено это сделать. В его комнате ждал слуга, полный слащавой угодливости, со свежей одеждой и чашкой шербета. Он уведомил Айдана, что теперь, когда высокий гость отдохнул, следует пообедать, а потом хозяева дома будут рады его обществу.

Это обещало принцу удовольствие — долгий вечер разговоров ни о чем в частности, и принц был на волосок от того, чтобы пренебречь всем этим. Но воспитание, въевшееся в кости, не позволяло. Он склонялся перед неизбежным.

19

Джоанну хорошо охраняли. Пожалуй, слишком хорошо. Она и Дара делили комнату с двумя родственницами, обе родственницы спали чутко, а одна к тому же была беременна и просыпалась по крайней мере ежечасно, чтобы выйти до ветру. Евнух Самин, почти столь же массивный, как Скальный Купол, всегда при мече, спал поперек двери. Ассасин вряд ли мог бы даже проникнуть в комнату, в которой было только одно зарешеченное окно, а если бы он нашел путь сквозь стену или через тушу Самина, ему пришлось бы пробиваться к Джоанне сквозь заслон из родственниц и служанки.

Возлюбленный — даже такой возлюбленный, как Айдан — тоже не мог и мечтать о том, чтобы приблизиться к ней.

И это было отнюдь не случайно. Дом Ибрагима знал, в какой опасности находится Джоанна, и принял все меры безопасности. Гарем потеснился. Незамужние женщины, женщины с детьми, женщины, чьи мужья отсутствовали по делам Дома, размещались в спальнях по две и по три. Джоанна не проводила ни единой ночи без Айдана с тех пор, как он впервые пришел в ее шатер. И в этой теплой и душной комнате, полной народа, ей было холодно. Спина Алии, прижимающаяся к ее боку, изобильная плоть Нахар, придавившая руку, громовой храп Самина — все это заставляло ее томиться по высокому стройному телу любимого, и любви, свершающейся в молчании из страха перед разоблачением, и по его запаху, подобному аромату дубовой рощи летом.

Однажды она пыталась ускользнуть. Самин поднялся и последовал за ней. Он ждал возле отхожего места, куда она должна была зайти, чтобы не выдать своих истинных намерений, а потом проводил ее обратно в комнату. Он не сопровождал Алию во время ее многочисленных прогулок. Не было ни тени сомнения — он специально был приставлен охранять Джоанну.

Было бы легче, если бы она знала, что Айдан не совершит ничего безумного. Быть может, не сегодня. У него хватит на это рассудка. Но если он будет проводить отдельно от нее ночь за ночью, рано или поздно он не выдержит, и невозможно предсказать, что он сделает тогда.

Когда все будет позади, она должна будет вернуться в Иерусалимское Королевство. Ранульф может попытаться вернуть ее. Она была его женой; и этого было не изменить. Она не знала — помоги ей Боже, она не знала, хочет ли она изменить это. Она не хотела быть женой Айдана, даже если бы он желал этого, просил об этом. Жена — это слишком похоже на служанку. У

жены есть долг перед ложем мужа. Но долгу не было места в том, что происходило между нею и сыном колдуньи из Каэр Гвент.

Он мог быть во всем подобен человеку — теплая плоть, быстро пробуждающееся желание, слезы, когда он горевал, смех, когда он радовался. Он был верным христианином, как и любой дворянин, хотя порою забывался и взывал к богине своей матери. Он не был дьяволом, чудовищем, непостижимым для человека созданием.

Но он не был человеком. Когда он позволял себе быть самим собой, он мыслил не как человек. И поэтому она была связана с ним большим, нежели просто желанием. Она боялась его. За него. Он был опасен, как хищное животное, и так же обречен. Люди охотятся на хищных животных, убивают их и называют это справедливым, потому что этот мир создан не для хищников, а для людей.

"Будь человеком, — просила она его — умоляла его. — Думай. Помни о грозящей мне опасности." Потому опасность, грозящая ему самому, его не заботила.

Быть может, он услышал. Он не пришел.

Он был мудр; и она тоже. Но как она желала его!

Айдан слышал ее. Он видел, какая охрана окружает ее. Никто из них не смог бы устоять против колдовских чар. А смог бы он? Он даже не знал, с чем ему предстояло столкнуться — с демоном, со смертным магом или вообще ни с чем, кроме ночного кошмара.

И он не сможет это узнать, пока не увидит. Но чтобы увидеть, он должен приманить это; и он не желал — не мог — использовать Джоанну в качестве приманки.

Он сел на своем матраце. Возможно, ему и не надо было делать этого. У него есть собственная магия. Да, она была ограничена. Но возможно — возможно — ее окажется достаточно.

Айдан со стоном откинулся назад. На магию нужно время. Время, которого у него может не оказаться. Он упустил все имевшиеся возможности, пока караван вез его и Джоанну сюда. Этот город был раскрыт, как челюсти капкана, быть может, именно здесь ассасин собирался нанести удар; и возможно, нанесет его скоро. Половина Алеппо знала, что с юга прибыл караван Дома Ибрагима. Известие достигнет Масиафа, словно на крыльях. И затем последует удар из тьмы.

Страх заставил чувства Айдана резко обостриться. Но никакой опасности он не обнаружил. Джоанну охраняли; никто не подкрадывался к ней. Никакого зла против нее не замышлялось в городе вокруг.

Айдан не стал задерживаться, чтобы прочитать все остальное,

хотя кое-что из этого мимоходом проникло в его сознание. Он не собирался сегодня путешествовать в потоках сознаний, хотя давно уже не пробовал этого. Он настроил всю свою силу на охрану, а всю волю — на сон, и собирался пережить ночь.

После своих бессонных рассуждений он проснулся, когда солнце уже давным-давно взошло. Арслан, твердой и безжалостной рукой разбудивший его, сообщил, как только Айдан открыл глаза:

— Господину моему следует быстро подняться. Господин мой получил приглашение туда, куда лучше счесть должным явиться.

Айдан со стоном сел, откидывая волосы с лица.

— Не соизволит ли мой слуга объясняться на простом арабском?

Арслан без тени раскаяния улыбнулся.

— Ты удачлив, господин мой. Госпожа Хадижа хочет говорить с тобой. Я не думаю, что другие могли бы получить приглашение так скоро.

Айдан знал, что это верно. Как госпожа Дома, Хадижа кое в чем стояла выше королевы и прекрасно это понимала. Он немедленно поднялся и попал в умелые руки Арслана. Пока мамлюк омывал его, Айдан сказал:

— Насколько я знаю, всю вашу компанию убрали куда-то с глаз долой.

— Так и было. — Арслан выжал полотенце в таз, положил его на край и начал одевать своего хозяина. — Мы были не согласны с этой ссылкой. В конце концов, на это не было твоего приказа. Я буду твоим личным прислужником, я подхожу для этого больше, чем тот дурак, которого к тебе приставили. Остальные будут охранять тебя, сменяя друг друга. Могу я отпустить их походить по городу, когда они не несут охрану?

— Только если они — и ты — дадите клятву быть воплощением осторожности. И оставлять свою ливрею дома.

Арслан склонил голову:

— Да, господин мой.

— И запомни, — продолжал Айдан. — Никакой слежки; не сметь собирать толпу народа. Если увидите ассасина, то оставьте его в покое.

— Даже если он убивает горожанина, господин мой?

Айдан скрипнул зубами. Вежливость Арслана была безупречной, но мыслил он куда более четко, чем сам Айдан.

— Не следует проявлять геройство, пока мы находимся в этом городе. Мы были бы хуже, чем глупцами, если бы направили наше возмездие против рабов, пока их повелитель сидит в своей норе, свободный, сильный и слишком хорошо знающий о нас.

— Да, господин мой, — отозвался Арслан.

Он воистину был мастером скрывать свои мысли, этого умения всех слуг. Но Айдан имел более острое зрение, чем большинство людей.

— Поклянись в этом своей честью и своей душой, — потребовал он.

Принуждаемый таким образом, Арслан мог только повиноваться. Он не был этому рад, но его уважение к своему господину поднялось выше на один-два пункта.

Айдан был готов: вымыт, одет — мрачно и пышно. Он не взял оружие, хотя собственный бок без меча казался ему обнаженным. Арслан следовал за ним. Райхан и Конрад шли позади.

Никто из них не был допущен в гарем. Это был закон, и закон несокрушимый. Айдан вошел внутрь под охраной гороподобного, абсолютно черного евнуха, ужасного, словно дьявол из ночных кошмаров аббата, вооруженный мечом, который мог быть только похищен у франков. Его угрюмые взгляды обещали немедленное применение этого оружия к некоей части тела Айдана, если тот хоть на шаг уклонится от предписанного ему пути.

Айдан и не пытался свернуть; ему действительно не дали бы уйти далеко. Его допустили только в первый двор, в помещение, находящееся в нем, в небольшую сумрачную комнату, разделенную пополам ширмой со сложным узором из прорезей. Хотя эта комната и выглядела для него совершенно чуждой — изразцы, ковры, узор из серебряных корабликов, окаймляющий белый потолок, она все же напомнила ему приемную женского монастыря. Была здесь даже дама-компаньонка в черном, под плотным покрывалом, ее узловатые и пятнистые от возраста пальцы спокойно лежали на коленях.

И с нею, около, но не сразу за ширмой, стояла фигура, чей покров был словно дым, скрывавший черты Джоанны.

Айдан был воспитан при дворе среди королей. Он не пошатнулся. Он не вскрикнул, не бросился к ней, не обнял ее, не прижал ее к груди. Он спокойно вошел. На полпути между дверью и женщинами он низко и учтиво поклонился.

— Ma dama. Все ли хорошо?

Он самой кожей осознавал, почему она закрыла от него лицо. Ее щеки горели. Ее грудь вздымалась чаще, чем обычно; он слышал стук ее сердца.

Если он был спокойнее, то только потому, что имел колдовскую власть над своим телом. Вокруг были глаза — они смотрели, судили, выискивали малейший промах. И пристальнее всего — старуха, закутанная в покрывало, не более, чем тень с желтыми птичьими лапками и жестоко-спокойными, соколиными

глазами. Это не служанка; и отнюдь не дурочка.

Он не побледнел под ее взглядом, хотя он подталкивал его извиниться за неучтивость, которую он проявил, приветствовав Джоанну раньше, чем эту женщину. пусть делает все, что хочет. Он принадлежал Джоанне, а потом уж — всем прочим смертным.

Он поклонился ей, как принц кланяется королеве — без покорства.

— Госпожа.

Соколиные глаза блеснули. Покрывало чуть колыхнулось.

— Сэр франк.

Ее голос был намного моложе, чем ее руки. Это заставило его подумать о Маргарет: о бархате, скрывающем сталь.

— Вы делаете мне честь своим присутствием, — промолвил он, — госпожа Хадижа.

Возможно, она улыбнулась.

— Это так, да. Моя внучка называет тебя родичем; дочь моей внучки хорошо отзывается о тебе. И мне захотелось увидеть твое лицо.

— Доставило ли его лицезрение удовольствие?

Она рассмеялась — это было не скрипучее хихиканье, а полнозвучный смех женщины в расцвете лет.

— Конечно, оно понравилось мне. Воистину, молодая луна в Рамадан. Я думаю, что не позволю своим дочерям увидеть тебя. Они могут сбиться с пути благопристойности.

— Я уверен, что женщины твоего рода не так легко впадают в грех.

— Быть может, и нет; но они могут после взглянуть на мужчину, которого Аллах дал им в мужья, и жестоко разочароваться.

— В мужчине есть большее, нежели красота, — возразил Айдан.

— Да, но это не так заметно для глаза, — парировала она. — Подойди сюда.

Он подошел и опустился перед ней на одно колено, чтобы ей было легче дотянуться до него — она была такой маленькой. Крошечной; удивительно, но мысленному оку она представлялась высокой. Он мог бы поднять ее одной рукой.

Она подалась к нему.

— Если бы я была хотя на двадцать лет моложе, — промолвила она, — я развеяла бы все приличия по ветру и затащила бы тебя в свою постель.

— На двадцать лет? Зачем тебе вообще быть моложе, госпожа?

Она снова засмеялась этим удивительным молодым смехом.

— Действительно, зачем, жеребчик? Тебе определенно не понравилось бы обнимать такой морщинистый мешок, как я.

— Моя первая возлюбленная оставила далеко позади третий десяток лет, и хотя время наложило на нее свою печать, ее любовь от этого стала только слаще.

— О, сэр франк, ты искушаешь меня. Снова изведать сладость молодой плоти… — Хадижа вздохнула. — Нет. Я смиряюсь. Так хотел Аллах. Мои глаза получили достаточно удовольствия. Хвала Ему, Тому, кто милосерднее, чем я того заслуживаю. И спасибо тебе, о прекрасный, за то, что ты привез мне такой подарок. Быть может, твой Бог и не вознаградит тебя, но мой всегда понимает щедрое сердце.

— Разве Он не един?

— Кое-кто говорит и так, — отозвалась она. Она выпрямилась и посмотрела Айдану прямо в глаза. — Скажи мне, зачем ты явился.

Она знала это не хуже его, но хотела услышать, как он объяснит это. Он рассказал ей. Время и пересказ стерли острые грани его скорби. Он мог говорить спокойно, негромко, без дрожи и недомолвок. Даже то, что мучило его больше всего: то, что он не смог предсказать приход смерти и даже не почувствовал ничего дурного прежде, чем жизнь уже ушла, как вода в песок. Он был слеп, глух, нем и невероятно глуп.

— Глупец, — возразила госпожа Хадижа, — это тот, кто никогда не понимает своего поражения. Ты потерпел поражение. Ты заплатил за него.

— И продолжаю платить, и буду платить, пока не будет окончена эта война.

— Кое-кто может сказать, что твой враг — не убийца из Масиафа, а моя внучка, живущая в Иерусалиме.

— Или даже не она, а Дом, ради которого она принесла в жертву все, что любила.

— И если ты считаешь, что это так, то я здесь, я беззащитна, и ты можешь свершить отмщение.

— Я так не думаю, — ответил Айдан.

— Верно.

Она безмятежно смотрела смерти в лицо — она так привыкла к присутствию смерти, что не боялась ее. Айдан склонился перед этой безмятежностью.

— Гордость, это я могу понять; и честь; и защита чего-то большего, нежели своя жизнь. Но грубая, откровенная жадность… этого я не могу простить. И мне страшно подумать, чем может стать мой мир, если Синан запустит когти в эту торговую империю.

— Я проявляю больше милосердия. Я полагаю, что он видит честный путь к достижению успеха своего дела и своей веры. Но на наше несчастье, он добивается своей цели путем тайных убийств. Чем он лучше или хуже того военачальника, который обрек мечу каждую душу в городе из-за того, что повелитель города не подчинился его воле?

— Этот военачальник не убивал сына моей сестры, — выдохнул Айдан, когда она умолкла. — Да, госпожа. Все так просто. Я любил его; для меня он был сыном, и более, чем сыном. По обычаю нашего народа, ребенок сестры священен; он ближайший из родственников, сын сердца — тем более, если у тебя нет сына плоти своей. Ради него я готов сравнять Аламут с землей.

— Быть может, — промолвила Хадижа, — это и значит быть франком. Любить человека больше, чем народ, племя или род. Видеть, что смерть любимого человека — это вина другого человека, и только одного. И бить прямо в сердце.

— Лучше, чем отсекать конечности по одной, как он поступает с нами. Меня называли жестоким, госпожа моя. Но когда я могу, я свершаю убийство чисто.

— В этом есть мудрость, — согласилась она.

Айдан помолчал, глядя на Джоанну. Она безмолвно слушала, и для его взора была прозрачна, как вода. Она была смущена и более чем слегка возмущена откровенными хвалами своей прабабки красоте Айдана; даже его признание в том, что он не придает значения годам, когда речь идет о желании, почти успокоило ее. Теперь она ждала, когда он скажет то, что должен сказать.

Айдан произнес осторожно, но без неуверенности:

— Госпожа, ты посоветовала бы своей внучке сдаться Синану прежде, чем он простер бы месть на весь твой Дом?

— Нет, — ответила Хадижа.

Айдан кивнул.

— Не собираетесь ли вы начать против него войну прежде, чем он сам придет к вам с войной?

— Мы не воинственный дом.

— Даже если вас вынудят?

— Когда нас вынуждают, мы применяем любое оружие, которое оказывается под рукой.

Он перекатился на пятки.

— Ты хочешь сказать, что я и есть это оружие?

— Разве я заставляла тебя дать клятву отомстить Синану?

— Да, я понимаю, — произнес Айдан. — Я свершу месть, а вы пожнете плоды. И поскольку я благородного звания и прибыл с

Запада, а значит, совсем не купец, то я не смогу обеспокоить вас даже требованием платы, как наемник.

— Нет, конечно. — Хадижа была возмущена, а совсем не испугана. — Мы купцы, принц, но мы честные купцы. Мы платим наши долги.

— А разве это долг?

— Если ты добьешься успеха, то да, — ответила она. — И мы должны по крайней мере уплатить тебе жалование охранника, за то, что ты доставил сюда нашу родственницу в целости и сохранности. Я думаю, что мы можем выдать тебе вознаграждение, пока ты находишься здесь.

— И что же это будет?

— Чего ты просишь? Золота? Драгоценностей? Пряностей? Шелков, чтобы подчеркнуть твою красоту?

— Доли в некоторых ваших караванах. — Оба они повернулись, уставившись на Джоанну. Она отбросила вуаль; подбородок ее был вздернут, лицо выражало упрямство. Она продолжила тем же ясным твердым голосом: — Права на десять лет на участие в торговле, включая торговлю с Райаной, и на таких же условиях, как у любого в семье.

Айдан открыл было рот, чтобы протестовать, но Хадижа опередила его, обратившись к своей правнучке с нескрываемым удовольствием в голосе:

— Права на десять лет, и это только за охрану от опасности, никогда не проявлявшейся прямо?

— А ты предпочла бы, чтобы Синан получил долю моей матери и все это пошло бы ему? — парировала Джоанна.

— Но… — попробовал вмешаться Айдан.

Ни та, ни другая не обратили на него внимания. Они происходили из купеческого рода; торговля была у них в крови. И они собирались сделать купца и из него, хотя бы и через чье-либо посредство.

— Твои чистые белые ручки никогда не коснутся ни единой монеты, — сказала Джоанна, когда все кончилось. Она выглядела более-менее удовлетворенной, хотя даже для Айдана было очевидно, что полного успеха она не добилась. Права на два года в пяти караванах и торговых предприятиях, не считая тех, что ходили в Райану; в тех он получил права на пять лет. И вместе с этим предоставление отдыха в Алеппо, продовольствие для его похода против Синана, а также верховые и запасные лошади для него и всех, кто едет с ним. И все это под присмотром Дома Ибрагима, посредством слуги, которого выберет Хадижа и одобрит Джоанна. Айдану оставалось только принять то, что ему дают, и использовать это по собственному разумению.

Ничего сверх того, что обычно приходится делать особам королевской крови. Он не знал, почему чувствует себя так, словно его ведут за ручку, как ребенка. Он, который прежде выжимал все, что мог, из своих скудных земель в Райане и пользовался гостеприимством имущих в Иерусалимском Королевстве, теперь имел в своем распоряжении целое богатство: больше, чем он мог представить.

— Если, — напомнила Хадижа, — тебе удастся отвратить Синана от Дома Ибрагима, не восстановив против нас его слуг и его секту. Алеппо — город исмаилитов; мы живем в Алеппо. Мы хотим и дальше жить в мире.

— Это не то, в чем я клялся, — возразил Айдан.

— Ты клялся взыскать плату за убийство своего родственника. Ты не оговорил, какую плату.

— Если потребуется, я убью Синана. Что вы сделаете со мной тогда?

— Что мы можем сделать, кроме как расторгнуть сделку? Ты сделаешь то, что должен сделать. Мы тоже.

Айдан не собирался оспаривать это. Но он думал еще и о своей гордости.

— Я не собираюсь продавать свою клятву за ваше золото. Если я и откажусь убивать, то только ради чести.

— Конечно, — согласилась Хадижа. — Прежде всего для тебя — твоя честь. Если ты выполнишь условие сделки, то золото будет нашим даром в знак благодарности. Ты, несомненно, можешь принять этот дар, возвращаясь на службу сильным мира сего.

Айдан пристально посмотрел на нее. Он не увидел ни искры смеха, ни тени насмешки над рыцарскими побуждениями.

После долгого мига молчания он сказал:

— Да, я могу принять его как дар. Если у меня будет возможность поступить так, как ты желаешь. Но я не могу обещать этого.

— Я понимаю, — ответила Хадижа. — Это сделка; она засвидетельствована. Благословение Аллаха да осенит ее.

20

Сайида подавила зевок. Хасан наконец-то уснул на своем одеяльце возле фонтана, измученный лихорадкой, от которой он не спал и капризничал всю ночь; но утро, тишина и журчание воды убаюкали его. Сайида потерла грудь, пострадавшую от яростных кулачков ребенка, и решила не трогать его, чтобы случайно не разбудить.

Она не желала прислушиваться к своим страхам. Какой хрупкой была его жизнь; как много детей умерло во младенчестве; с какой легкостью, с какой ужасной легкостью лихорадка может вспыхнуть пламенем и исторгнуть душу из тела. Фахима надела на ребенка собственное синее ожерелье с амулетами против зла. Матушка молилась. Лайла обещала помолиться, позднее, когда она совсем очистится после ночи, проведенной с Фаруком.

Никто из них не разделил ночное бдение. Фахима пыталась, но она была не так молода, как когда-то, и у Сайиды не хватило духу разбудить ее, когда она заснула.

Зевок наконец победил все усилия Сайиды — достаточно широкий, чтобы вывихнуть челюсть и достаточно длинный, чтобы на миг дать впечатление блаженного сна. Когда Сайида открыла глаза, она встретила взгляд Марджаны.

Ифрита сидела, скрестив ноги, по ту сторону ложа Хасана, и выглядела, как юный житель Дамаска — стройный и безбородый евнух, так и не смирившийся со своим положением. Впечатление было пугающим. Быть может, оно создавалось магией; быть может, это просто была Марджана в мужских одеждах.

— У него лихорадка, — сказала она о Хасане.

Сайида устало кивнула:

— Я всю ночь просидела над ним. Я полагаю, ему сейчас немного получше.

Марджана провела легкой рукой по спинке ребенка. Сайида проглотила мимолетное возражение. Хасан не пошевелился, не проснулся. Кажется, его сморщенное личико слегка разгладилось.

— Я не могу лечить болезни, — сказала Марджана. — Это все так тонко. Все эти мириады крошечных демонов… — Она сделала паузу; казалось, она почувствовала непонимание Сайиды. Потом пожала плечами.

— Не имеет значения. Ранее ему было хуже; я почувствовала это. Сейчас он выздоравливает.

Сайида едва не упала. Раньше она только надеялась на выздоровление. Узнать точно — этого было слишком много сразу.

Сильная рука Марджаны поддержала ее. Сайида оперлась на нее, благодарная за это. Чуть погодя она выпрямилась и вздохнула:

— Это глупо. Но я была так испугана. Я так люблю его; а он был так близок к уходу из этого мира.

— Это не глупо, — возразила Марджана. — Ничуть не глупо, Сайида.

Что-то в ее голосе заставило Сайиду умолкнуть и посмотреть на нее. Марджана была иной. Не мягче, нет. Пожалуй, яростнее. Яростнее по-женски.

Она больше не выглядела, как евнух, даже в тюрбане и с кинжалами на поясе. Она оперлась подбородком на кулаки и уставилась на струи фонтана.

— Почему, — требовательно спросила она, — ну почему Аллах заставляет нас полюбить только то, что мы можем потерять?

Сайида моргнула. Она была слишком усталой, чтобы обдумывать смысл этого вопроса. Она могла только сказать:

— Мы любим потому, что знаем, что можем потерять это; и в этом мы видим волю Аллаха.

— Это не ответ. Это хождение по кругу.

— Прости, — вздохнула Сайида. — Я не могу думать. Я очень хочу спать.

— Так поспи. Я присмотрю за ребенком.

— Нет, — отказалась Сайида, хотя ей очень хотелось принять этот дар. — Говори со мной. Что тревожит тебя? Это тот франк?

Марджана обнажила острые белые зубы:

— Неужели меня можно разглядеть насквозь?

— Я не знаю. Может быть, и нет. Я заметила, как ты смотрела на него в тот день, когда Исхак привел его на обед. Маймун хотел разбить всю посуду, которая тогда была на столе, и купить новую. Матушка отговорила его от этого.

Марджана фыркнула. Это был почти смех.

— Что бы сказал Маймун, если бы знал все о том, кто такой этот франк?

— То, что он сын короля? Исхак сказал мне это. Я не удивилась. Для неверного он выглядит благородно.

— Он несколько больше, чем это, — сказала Марджана. — Ты не заметила, какой он белый, и это здесь, где солнце обжигает каждого дочерна?

Сайида пришла в замешательство, но все же ответила:

— Да. Я заметила. Я удивилась, как ему это удается. Оставаться совершенно бледным. Как…

Марджана со спокойным лицом ждала, когда же Сайида

поймет то, что ясно и слепому. Какая белая кожа была у франка. Наконец понимание пробилось сквозь путаницу мыслей Сайиды.

— Так он…

— Его имя означает "огонь", — сказала Марджана сухо и неестественно спокойно. — Он один из двух. Два таких лица существуют в мире; представь это. Другой — маг и король. Этот — маг и рыцарь: мы сказали бы — эмир. Для нашего племени он очень молод. Но он считает себя старым и довольно мудрым. Он знает, что красив. Он считает, что… я… — У нее едва не перехватывало дыхание. Но она взяла себя в руки. — Он считает, что и я красива. Он не желает только плотской любви со мной. Он сказал, что не знает меня. А если он узнает меня… — Глаза Марджаны закрылись, сжатые в кулаки руки бессильно повисли. — О Аллах! Если он узнает меня, он возненавидит меня безо всякой надежды на добрые чувства.

— Если ты ему нравишься, — возразила Сайида, — и если он будет знать тебя так, как знаю я, то не возненавидит. Он сам не может быть не запятнан кровью, если он такой воитель, каким кажется.

Марджана засмеялась. Ее смех внушал ужас — он был легким, сладким и совершенно лишенным надежды.

— Но посмотри, чья кровь лежит на мне. Ты помнишь франка, которого я убила? Это был сын его сестры. Он поклялся уничтожить меня и повелителя, пославшего меня. И он думает… он думает, я могу помочь ему найти убийцу. Он думает, что никто из нас не может причинить вреда своему племени.

— Ты не знала, — сказала Сайида.

— Ты думаешь, это помешает ему сдержать клятву? Когда он узнает, кто я и что я сделала, он обратит все свое могущество против меня. Он испепелит меня своей ненавистью.

Сайида молчала, подыскивая слова. Столько франков населяют этот мир — и именно этот франк должен был оказаться родственником тому, кого господин Марджаны приказал ей убить. Ифрит — ифрит-христианин.

Она заговорила — осторожно, пытаясь не проявлять злобу. Он не виноват, что родился неверным.

— Он был бы глупцом, если бы возненавидел тебя. Ты только исполняла приказание и была связана клятвой. Несомненно, он сможет это понять.

— Разве это имеет значение? Я это сделала. Первый — я уже об этом говорила. Вторым был ребенок. Третий, кого мой господин приказал нынче утром убить, — это женщина. Я отказалась. Но моя клятва сильна, и она давит на меня. Я не знаю, как долго смогу сопротивляться ей. — Марджана сжала

руки. Они всегда были так спокойны, и кинжал в них никогда не дрожал, но теперь они тряслись. — Он прикажет снова. И снова. Пока я не выполню это или не сломаюсь.

Сайида схватила эти дрожащие руки и сжала их так сильно, как могла.

— Ты этого не сделаешь. Ты будешь сильной. Он поймет это, твой франкский ифрит. Разве его бог не учит прощать?

— Его мать была язычницей. Иногда ему доставляет удовольствие помнить об этом.

— Марджана, — произнесла Сайида. — Марджана, прекрати это. Ты говорила с ним, ведь так? Что он сказал тебе?

— Ничего. Воздух и ветер. Я покрыла себя позором. Я сказала ему, что люблю его.

Сайида резко выдохнула.

— Это было… очень смело.

Преждевременно, едва не сказала она.

Марджана услышала невысказанное.

— Да, я торопила события. Я не могла иначе. Он был там, и смотрел на меня, и начал… начал склоняться ко мне. Я чувствовала себя, как голубь со стрелою в сердце.

Сайида пыталась понять. Это было словно в сказке или в песне. Она всегда думала, что настоящие люди менее страстны, чем герои песни, более рассудительны. В действительности люди всегда думают об обеде или об опасности зачать ребенка. Хотя среди всего этого можно забыть и об обеде, и о ребенке.

Марджана не выглядела похожей на принцессу из поэмы. Те всегда были томными темноглазыми красавицами с царственными бедрами. Но ее страсть и ее отчаяние — они были больше, чем все, что Сайида знала в жизни.

— Неужели это всегда так задевает тебя? — Вопрос слетел с языка Сайиды прежде, чем она смогла остановить его.

— Нет! — Марджана, казалось, была не столько в гневе, сколько просто вне себя. — Я никогда… — Она залилась краской, словно глупенькая молодая девчонка. — Я никогда раньше не хотела мужчину.

— Никогда? Совсем никогда?

Голова, увенчанная тюрбаном, качнулась, коротко и резко.

— Конечно, ты мне не веришь. И кто бы поверил? Я всегда принадлежала Повелителю Аламута; потому что он всегда мужчина, а я — женщина… — Она засмеялась снова, грубым безрадостным смехом, похожим на воронье карканье. — Какой мужчина смог бы дотронуться до такого существа, как я, если бы я того не захотела? А я не хотела никогда. Я всегда была… я была холодна. Да. Холодный огонь, сказал один из них обо мне. Я была

кинжалом, у меня было предназначение, а когда предназначение обмануло меня — была клятва. Я никогда не была тем, до чего может дотронуться мужчина.

— Пока ты не увидела этого франка.

— Пока я не увидела подобного себе. Кто был движим магией. Кто был обнаженной красотой. Тогда я поняла, о чем говорили все эти песни. Но он был рожден, чтобы стать моим врагом.

Сайида по-прежнему удерживала руки Марджаны. Она поцеловала их, чтобы остановить эту горестную, пробирающую до костей дрожь.

— Сестра, — промолвила она. — Сестра, верь в Бога. Если Он привел его к тебе, Он, несомненно, даст ему узреть истину. Разве ты меньше тверда в своей клятве, чем он?

Марджана рывком высвободилась.

— О, быть такой мудрой! Я, которая так же стара, как холмы, я, которая ходит рука об руку с Ангелом Смерти, я… я не знаю о любви ничего, кроме того, что это — боль.

— Не всегда, — возразила Сайида. — Даже для тебя.

— Тогда молись за меня, дитя. У меня не осталось молитв.

Она была не из тех, кто задерживается ради прощания. Сайида посмотрела на опустевший воздух и вздохнула.

Исчезновение Марджаны словно разрушило заклятие — Хасан проснулся и начал капризничать. Сайида взяла его на руки. К ее удивлению, он затих и стал сосать свой кулачок с яростью, столь же неистовой, как ярость Марджаны. Сайида поцеловала его волосы. Они были влажными, но лобик под ними был прохладным.

Сердце ее дрогнуло. Лоб был *прохладным*. Она прижимала ребенка к себе, пока он не вскрикнул протестующе.

— О любовь моя! — напевала она ему. — О свет моих очей! Благодарение Аллаху!

И частью ее радости ей показалось то, что, подняв глаза, она увидела Маймуна, стоящего у стены и глядящего на него. Она бросилась у нему, держа Хасана на руках.

— Маймун! У него была лихорадка, и такая сильная, я так боялась, но теперь, посмотри, все прошло.

Маймун не сказал ничего. Что-то в его лице заставило ее остановиться. Хасан вдруг показался ей тяжелым. Она опустила его на свое колено.

— Что такое? Что-то случилось? Это… это отец? Или Исхак? Или…

— Нет. — Он произнес это холодно и, казалось, скорее для того, чтобы заставить ее замолчать, чем для того, чтобы развеять

ее страхи.

Маймун никогда не был холоден. Иногда — угрюм. Строг, когда он сталкивался с кем-то или с чем-то, кого или чего не одобрял; потому что его нещадно учили быть вежливым, а вежливость не была его естественным качеством. Маймун всегда хотел говорить прямо то, что думал.

И страшно было видеть его таким спокойным, даже не нахмуренным; он смотрел на нее так, словно в его мире для нее не было достойного места.

— Я думал, — произнес он, — что она лгала. Из-за Хасана.

— Что… — Сайида была сбита с толку. И больше, чем когда-либо, испугана. — Кто…

— Она враждебно относится к тебе, — задумчиво сказал Маймун. — Я думаю, она ненавидит тебя, по крайней мере, немного. У тебя есть сын. У нее нет.

Хасан начал вырываться из рук Сайиды. Она ухватила его покрепче, почти не думая о нем, сосредоточившись на его отце.

— Ты говоришь о Лайле?

— А может статься, — продолжал он, словно ее здесь не было, — с ее стороны только порядочно — беспокоиться обо мне и о фамильной чести. Даже ее можно заставить думать о таких вещах, если создать подходящие условия. Такие, как… — Теперь он не был столь уж холоден; дыхание его участилось, на щеках пылали красные пятна, словно от лихорадки. — Такие как то, что моя жена развлекается в нашем саду с… с…

Сайида слушала его с возрастающим ужасом. Но сильнее ужаса был гнев. Она не привыкла ни к тому, ни к другому. Она была… да, в общем-то, она была мирным человеком, была счастлива тем, что даровал ей Аллах, не роптала против жизни, которую Он начертал ей, разве что однажды, когда Марджана…

Она словно со стороны услышала свой совершенно спокойный голос:

— Развлекаюсь, Маймун? С кем? Или с чем?

Маймун даже задохнулся.

— Воистину — с *чем*. С мужчиной, Сайида… с мужчиной — это я почти смог бы вынести. Но *это* …

— Разве ты говорил мне, — спокойно спросила она, — что я не могу приглашать друзей в сад моего отца?

Он засмеялся. Он пытался придать смеху небрежность и беспечность. Но получилось почти задушенное хрипение.

— Друзья. О да, друзья. Осталось ли у него что-либо от того, что ему отрезали? Быть может, он лучше, чем я?

Сайида резко выпрямилась, не обращая внимания на Хасана, начавшего плакать.

— Он? — переспросила она. — Ему? Ни один мужчина, кроме тебя, отца или Исхака даже не заглядывает в этот сад; по крайней мере, чтобы поговорить со мной.

— Не мужчина, нет.

— А, — промолвила она, наконец дав себе понять. — Ты думал… да, так это и выглядит, правда? Особенно если твое сознание подготовлено. — Сайида покачала головой. — Ты знаешь Лейлу. Тебе не стоит позволять ей так подшучивать над собой.

— И это она ради шутки усадила тебя здесь и заставила страстно обниматься с евнухом Бахрамом?

Чем в большую ярость приходил Маймун, тем холоднее становилась Сайида.

— Так вот как она называет себя. Я никогда не спрашивала об этом.

— Так ты не отрицаешь это?

— А что тут отрицать? Кроме объятий, конечно. Я просто поддерживала ее; и даже при этом между нами был Хасан.

— Ты втянула моего сына… в…

— Мой сын, — сказала она с нажимом, — и моя подруга, которую зовут Марджана и которая порой позволяет себе некоторые чудачества, так лучше всего это назвать. Я не вижу в этом вины. И вообще, женщина должна понимать детей, потому что когда-нибудь у нее будут свои.

— Женщина? Это? — Маймун с силой обхватил свои плечи руками, словно удерживаясь, чтобы не ударить ее. — За кого ты меня принимаешь? Это был евнух Бахрам, который этим утром приходил за кинжалом с серебряной рукоятью. Он питает к ним слабость. И, кажется, к женам мужчин.

От ярости и просто от усталости Сайида едва не заплакала.

— Она — *не евнух*! Она моя подруга. Она была моей подругой с самого моего детства.

Маймун побледнел, потом побагровел.

— Ты лжешь.

Кажется, он уже растерял часть своей убежденности. Но она зашла слишком далеко, чтобы осторожничать.

— Я не лгу. Это была Марджана. Марджана моя подруга. Я не собираюсь принимать вину за грех, который никогда не совершала и не хотела совершать.

Маймун с заметным усилием сглотнул и потянул себя за бороду, как делал всегда, когда оказывался неправ: этим он словно старался убедить себя, что он все еще мужчина; он оставался ее господином и повелителем.

Он и был им, по воле Аллаха. Сайида считала слишком

тяжким испытанием быть доброй мусульманкой. Она хотела послать к дьяволу всех мальчишек и их бредни.

— Марджана — моя подруга. — Гнев Сайиды говорил вместо нее. — Лейла просто извелась от злобы. Что ты за мужчина, если ты веришь известной и изобличенной извратительнице истины, а не собственной жене?

Маймун распрямил плечи. Она зашла слишком далеко. Что ж, ей следует научиться вести себя осторожнее.

— Отныне, — сказал он, — отныне ты будешь сидеть дома; ты будешь заниматься своими делами; ты не будешь праздно проводить дни в саду с особами сомнительного пола и еще более сомнительной репутации. Слышишь меня, женщина? Я запрещаю тебе видеться с ней. Я запрещаю тебе говорить с ней. Я запрещаю тебе поддерживать отношения с кем-либо, кроме твоих ближайших родственников. Ты поняла меня?

— Я поняла тебя, — ответила она. Хасан разревелся уже всерьез. Она покачала его на колене, почти безрезультатно. — Позволит ли мой господин своей покорной рабыне приступить к тем обязанностям, которые он определил ей?

Он должен был знать, что над ним насмехаются; но он был мужчиной и гордился своим превосходством над женщиной, стоящей ниже его. Он вскинул голову и приказал:

— Иди.

Быть может, к этому приложил лапу Иблис. Сайида не могла заставить себя пожалеть о сказанном. Ни о чем.

Маймун и не знал, насколько он был прав, запрещая ей видеться с Марджаной. Марджана всегда заставляла Сайиду думать иначе, заставляла ее забыть, что она — женщина и жена. Она никогда не выказывала неповиновения Маймуну, как бы он ни утеснял и не подавлял ее волю, — разве что ради Марджаны.

Существуют вещи, которых не следует затрагивать даже ее мужу.

Он назвал ее лгуньей. У нее на счету было несколько грехов, но ложь никогда не входила в их число. даже он мог бы понять это.

— Высокомерный, — пробормотала она, сидя с Хасаном в душной комнате, которая, если Маймун будет настаивать на своем, может стать ее тюрьмой. — Надутый. Самоуверенный. *Ребенок*. Все должно быть по-его, и никак иначе. Пророк — да благословит его Аллах — сказал, что муж мой будет моим защитником. Он никогда ничего не говорил о том, что я буду рабыней моего мужа.

Хасан, которого она энергично укачивала, не обращал внимания на сетования матери.

— Нет, и что это может значить для тебя? Ты благословен Аллахом. Ты можешь делать все, чего пожелает твоя душа. И если тебе придет в голову блажь управлять каждым шагом своей жены… — Она запустила пальцы в волосы и слегка потянула. — И все же ты этого не сделаешь. Если я что-то смогу сделать. *Ты* будешь доверять своей жене; ты позволишь ей самой нести груз ее чести. Ты знаешь, что она может это. Она женщина, и, быть может, у нее нет ни веры, ни разума, но она понимает, что такое здравый смысл. Если… если ей позволяют понимать.

А если нет, то она будет поступать так, как ей нравится. Именно так поступает мужчина; или женщина, чей мужчина и сам обладает здравым смыслом.

Это было совсем несложно — даже близко не подходить к Маймуну, не возбуждая ни у кого подозрений. С тех пор, как Сайида сперва вынашивала, а потом вскармливала Хасана, Маймун спал отдельно от нее, кроме тех случаев, когда просто хотел побыть рядом с ней. Она не хотела вспоминать, какое удовольствие ей доставляло это, насколько часто он приходил и ложился рядом с нею, даже не пытаясь сделать то, что мужчины делают со своими женами; он просто обнимал ее, и Хасан уютно посапывал между ними. Теперь она держала дверь запертой, и когда он стучался, она не слышала. А поскольку для приема гостей было достаточно услуг Шахин и Рафика, Сайида не собиралась прислуживать за столом отцу или мужу, когда те были одни. У нее было довольно других обязанностей.

Она сказала себе, что почти не скучает по нему. Он только и делал, что ограничивал ее свободу по своей прихоти, и называл это долгом и честью.

Сегодня он не постучался. Он вошел, как будто ему не нужно было разрешения и как будто он и не думал о такой мелочи. Сайида, лежавшая спиной к двери, напряглась. Хасан медленно засыпал. Сейчас он уже затих, и у нее не было никакого желания будить его ради его отца.

Она почувствовала, что Маймун стоит над ней. От него пахло розовой водой. Она подавила желание чихнуть.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказал он.

Он всегда знал чересчур много. Сайида подумала было прогнать его, но было уже поздно, она устала, и ее злость на него почти прошла. Она повернулась к нему лицом.

Он выглядел почти настолько сокрушенным, насколько ей хотелось, хотя и скрывал это под маской спокойствия, поскольку и у него была своя гордость. Он покусывал губу, глядя чуть в сторону. Было слишком темно, чтобы быть уверенной, но ей показалось, что щеки его горели.

— Как ребенок? — спросил Маймун после долгого молчания.

— Уснул, — ответила Сайида. Ответ не был особо дружелюбным, но не был и холодным.

Маймун опустился на колени возле нее. Он не решался коснуться Хасана, чтобы не разбудить его, и еще не был готов коснуться Сайиды. Ее рука, не имевшая гордости, хотела сплестись с его рукой, приласкать сильные ловкие пальцы, погладить шрам на тыльной стороне ладони — во времена своего ученичества Маймун нечаянно плеснул на руку расплавленным железом.

Сайида удержала свою руку, вытянутую вдоль бока. Он не извинился. Она тоже не намеревалась этого делать.

Это упрямство приносило странное ощущение. Легкость и пустота, и неподвижность. Она никогда прежде не отказывалась уступить. Ни в чем важном.

Быть может, он и не попросил бы ее об этом. Он отважился улыбнуться, провести рукой по ее волосам.

— Ты хорошо выглядишь сегодня.

Она могла выглядеть хорошо при некотором усилии. Но не сейчас, когда она была взъерошена и нахмурена, когда глаза ее устали от постоянного присмотра за Хасаном и нехватки времени на сон.

Мужчины совершенно лишены умения здраво мыслить.

— Ты мне льстишь, — отозвалась она. — Тебе что-нибудь нужно?

Теперь он уж точно покраснел.

— Быть может, мне нужна моя жена. Разве я прошу слишком многого?

— Это зависит от того, чего ты просишь.

— Ты меня избегала все эти дни.

— Я выполняла твои приказания. Заботиться о доме, сказал ты. Выполнять свои обязанности. Разговаривать только с ближайшими родственниками. Все это не оставляет времени на что-либо менее важное.

— Разве я — что-либо менее важное?

— Ты мой муж. Ты приказываешь, а я повинуюсь.

— Но я никогда… — Он умолк. — Но посмотри же. Если бы ты вела себя честно…

Сайида вскочила, охваченная гневом. Из-за того, что здесь был Хасан, она не закричала и не вцепилась Маймуну в лицо.

— А когда я вела себя бесчестно? *Когда?*

— Ты отвергаешь меня сейчас.

Она втянула воздух.

— Вот. Вот оно. Честь — это то, что ты решишь так назвать. У

меня нет ничего; у меня не может быть ничего: не имеет значения, что я делаю, ты говоришь мне, что я поступаю неправильно и бесчестно. Тебе не нужна жена, Маймун. Тебе нужна рабыня.

— По крайней мере, рабыня притворялась бы покорной.

— Ого! — протянула Сайида с опасной мягкостью. — Тебе нужна не правда, а лишь притворство? Так просто?

Маймун повысил голос, вскинув руки:

— Ты знаешь, что это не так!

— Тише! — зашипела она на него. — Ты разбудишь ребенка!

Он замечательно владел собой: он закрыл рот. Минуту спустя он заговорил потише:

— Сайида. — Он сглотнул, как будто это имя причиняло ему боль. — Сайида, это нелепо. У нас все всегда было так хорошо. За что ты так поступила со мной?

Она смотрела на него, не в силах поверить.

— Я — с тобой? Кто все это начал?

Он явно старался быть мудрым, благоразумным и великодушным. Он вырабатывал это в себе не один день.

— Ты должна признать, что это… эта женщина… неподходящая компания для молодой матери из хорошей семьи.

— Она была достаточно хороша для меня, когда я была всего лишь ребенком из довольно хорошей семьи.

— Это было, когда ты была ребенком. — Он протянул к ней руки. — Сайида. — В его устах это имя звучало очень нежно. Даже сейчас, когда ей хотелось ударить его. — Мужчина и его жена должны жить в согласии. Разве не так?

— Так.

Он просто касался ее, ничего не предпринимая, но руки его были теплыми, сильными и непреклонными. Сайида не знала, почему она казались ей оковами. Он улыбнулся ей, и она ничего не могла поделать с собой — ее губы раздвинулись в ответной улыбке. И это даже не потому, что он был красив. Он не был красив. Симпатичен, не более — молодость, гладкая кожа, ясные карие глаза, и в этом он принадлежал ей.

Она слегка вздохнула. Ее руки скользнули по его телу. Они осязали знакомую плоть, твердость костей под кожей. Она обоняла его запах сквозь аромат недавнего купания и розовой воды. Ее сердце так же замирало, когда она обнимала Хасана. Нет, не совсем так. Ее тело отлично знало различие между ее сыном и отцом ее сына.

Они опустились на ложе. Она не знала, кто из них подумал об этом первым. Когда он протянул руку к завязкам ее шальвар, она не остановила его. Быть может, она должна была сделать это.

Она бросила взгляд на безмятежно спавшего Хасана. Лицо Маймуна стало сосредоточенным; как всегда в такие минуты, взгляд у него был чуть отстраненным, чуть рассеянным, как будто он забывал, что она находится здесь.

Если он собирался потребовать у нее обещание, он никогда этого не добьется. Он вообще никогда не доводил до конца то, к чему его подталкивали; и она не собиралась напоминать ему.

Когда Маймун уснул, как всегда засыпают удовлетворенные мужчины, прикорнув на ее груди так же тяжело и самодовольно, как Хасан, Сайида обняла его и стала перебирать пряди его бороды, глядя в темноту. Ее тело вкушало покой; быть может, оно чуть-чуть болело, но это была приятная боль. Но ход ее мысли не изменился ни на волосок.

— Я люблю тебя, — сказала она очень тихо тяжести на своей груди, и она имела в виду именно то, что сказала, хотя едва начала понимать это. — Я буду повиноваться тебе во всем, о чем ты попросишь, если это будет в пределах разумного. Я буду твоей женой и твоей служанкой, и буду счастлива. Но есть вещи, которых даже ты не можешь касаться. Некоторые вещи слишком глубоки для этого.

Некоторые вещи были слишком просты. Это было все, что должно было быть; все, чему следовало быть.

— Когда-нибудь ты это поймешь. Ты увидишь, что я могу быть сама собой, и беречь свою честь, и по-прежнему принадлежать тебе. — Она помолчала и добавила: — На все воля Аллаха.

21

Купцы, зло думал Айдан. Алеппо кишел ими. Большинство выглядели так, словно держали руку в кармане Синана или хранили ему верность в том или ином смысле. Хотя в первую очередь каждый из них хранил верность своему дому.

Здесь тяжело было быть франком, к тому же благородного происхождения и колдуном. Дамаск был чужим, но он очаровывал, словно восточная музыка. В Алеппо не было очарования. Его стены смыкались, как стены темницы. Необходимость ожидать, пока будет закуплена провизия и найдены верховые лошади и вьючные верблюды, в то время как обитатели Востока отнюдь не спешили в делах, не казавшихся им смертельно важными, доводила его до бешенства.

Только Джоанна удерживала его от того, чтобы ускакать одному и схватить Синана за бороду прямо в его логове. Айдану было позволено видеть ее каждый день, так долго, как только они могли оставаться. За ними всегда присматривали. Неизменно — черный евнух. Часто — ее служанка. Один-два раза — закутанная в покрывала неподкупно-честная тетушка. Никто из них никогда не произносил ни слова. Они просто присутствовали, смотрели и слушали с неиссякаемым терпением.

Ночью Джоанну охраняли, словно султанскую сокровищницу. Он даже не осмеливался являться ей во сне.

Вместо этого он бродил. По дому; по саду. Даже по городу, хотя его старая боязнь стен и людских толп вспыхнула с прежней силой. Но это было лучше, чем ждать без конца, когда же Дом Ибрагима отпустит его в поход на Масиаф.

Или пока он не соберется с силами покинуть Джоанну.

И это была правда. Он не мог без нее, даже без той безумной малости, которая была дарована ему здесь, где вся ее родня так твердо стояла на защите ее жизни и чести.

Еще один день, не раз говорил он себе. Он промедлит только один день. А потому уйдет, и будь оно все проклято.

Он думал об этом, возвращаясь в свою комнату после нескольких жалких минут свидания с Джоанной. Она была без вуали, бледная и усталая, с темными кругами под глазами, и была странно резка с ним, когда он спросил, не больна ли она. В ее коротком отрицательном ответе прозвучала ярость. Но хуже этого было то, как она отшатнулась, когда он осмелился коснуться ее, будь прокляты стражи; это прикосновение было большим, нежели прикосновением, и никто не узнал бы о нем, кроме нее. Но Джоанна хотела лишь, чтобы Айдан ушел.

Он был слишком потрясен, чтобы сделать что-либо — только исполнить ее желание. Сперва даже слишком потрясен, чтобы рассердиться, чтобы воспользоваться своей силой и открыть, чем он так восстановил ее против себя.

Но теперь гнев в его душе нарастал. Айдан вернулся в свою комнату и сорвал с себя бедуинские одежды, которые так нравились Джоанне. Арслана нигде не было. Утренние стражи, Туман и Занги, благоразумно убрались с балкона. Еще миг, и он сам скинул бы их.

У двери кто-то был. Слуга с уведомлением. Айдана приглашали. Он должен был прийти. И все же ему не следовало идти — это слуга передал выражением глаз, лица и голоса.

Поскольку видеть Айдана желал не представитель Дома Ибрагима. Приглашал его атабек, регент Алеппо. Тот, кто напустил ассасинов на Саладина. Союзник Синана.

У посланца был соответствующий эскорт. Нубийцы, огромные и демонически-черные, ощетиненные сталью. Не меньшая сила, чем та, которую Карим применил, пытаясь удержать их снаружи.

Айдан приветствовал их добродушнейшей улыбкой.

— Меня хотят видеть? — переспросил он.

Его настроение чудесным образом улучшилось. Даже когда стало ясно, что он должен будет пойти один и без оружия. Даже когда они обыскали его для полной уверенности, не проявляя ни такта, ни уважения. Они не могли возразить против того, чтобы он оставил свое оружие своим мамлюкам, хотя это им не понравилось. Это мамлюки подняли было ропот, который Айдан усмирил одним взглядом.

Его не стали связывать. Но дали понять, что сделают все, чтобы не дать ему сбежать.

У Айдана и не было таких намерений. Здесь было опасно, и это пьянило его, словно вино. Карим считал, что Айдан утратил рассудок. Так оно и было. Так оно было всегда.

Его стражи знали только, что его хотят видеть; не их дело было гадать, для чего. Но сам Айдан мог предполагать. Он никогда не распространялся о том, кто он такой, откуда явился и зачем он здесь, но и никогда не делал из этого секрета. И любой шпион, отрабатывающий свое жалование, мог легко проследить, что Дом Ибрагима приютил франка, поклявшегося в смертельной вражде против Властелина Масиафа.

Его посадили на мула, и это отнюдь не было знаком расположения: мул был низеньким и упрямым даже для своего племени. Айдан мало что мог поделать со своими длинными ногами, но он мог добиться послушания от животного. Мул повез его, выказывая всего лишь легчайшее недовольство. Айдан согнул

колени так, что они возвышались над передней лукой седла, расслабился и позволил посланцам атабека сопровождать его в цитадель. Ему доставляло удовольствие видеть, насколько его беззаботность раздражала их и внушала им тревогу.

— Франки, — пробормотал один из них.

Другой сплюнул, попав прямо на кончик хвоста мула.

Айдан показал им свои прекрасные белые зубы. Он позволил им понять, что эта улыбка не была человеческой. Слишком много зубов, слишком белых, слишком длинных и слишком острых.

Если бы цитадель находилась в нескольких форлонгах дальше, он довел бы псов атабека до поистине восхитительного состояния. Поскольку, раз уж они разглядели зубы, они должны были заметить и выражение лица, бледность кожи, мерцание глаз. И то, какими эти глаза были…

Даже и теперь их собственные глаза выкатились и побелели, и посланцы атабека начали поминать более древних богов, чем Аллах. К последней ступеньке ведущей наверх лестницы они подошли, тяжело дыша, и отнюдь не от усталости, и с радостным облегчением передали Айдана страже цитадели. Те все до единого были турками в черных ливреях. Айдан был спокоен, словно тигр на цепи. Пожалуй, мудрее было бы проявить страх или хотя бы опасение. Но Айдан не был мудрым созданием.

Его заставили ждать, и ждать долго. Он переносил это терпеливо. Это была битва, а он знал, как важно вовремя нанести удар в битве. Он развлекался, разглядывая людей, проходивших туда и сюда через приемную, в которой он сидел. Большинство из них, видя его одежды, принимали его за выходца из пустынного племени. Кое-кто дивился, видя при нем стражу. Бандит, делали они вывод; преступник, приведенный на суд. Он отпугивал их своей улыбкой; сидел, развалясь, там, где ему было велено сидеть, и сочинял хулительную песню на Повелителя Ассасинов. Самое убийственное из бардовских искусств на удивление хорошо вписалось в восточные обычаи; а арабский язык был воистину Божьим даром для знатока проклятий.

У него не было так легко на сердце с самого турнира в Акре. Битва — вот что ему было нужно. Лицезрение прямого противника; сладкий вкус опасности. И все это было здесь. Айдан почти пожалел, что не облачился в свои почетные одежды. Имя Саладина в этом месте произносили отнюдь не с любовью. Человек, который носил это имя на своем рукаве, мог нарваться здесь на столько стычек, сколько мог пожелать.

— О чем ты поешь? — спросил кто-то.

Айдан повернул голову. Одна храбрая душа проникла сквозь стену стражи. Очень юная душа. Возраста Балдуина; возраста

Тибо. По счастью, этот юноша не был похож ни на того, ни на другого. Он был турком, красивым с точки зрения своего народа, но на взгляд Айдана — пухлым и нежным; одет юноша был просто, как слуга. Но ни один слуга не был наделен столь высокомерной осанкой.

— О чем ты поешь? — повторил юноша, отчетливо и повелительно.

— Непристойности, — ответил Айдан, — вряд ли подходящие для юных ушей.

— Кто ты такой, чтобы судить об этом?

— А кто ты такой, чтобы спрашивать меня?

Узкие глаза мальчишки расширились. Было ясно, что никто доселе не осмеливался так обращаться к нему. Он отбросил за спину блестящие от масла косы.

— Я принц Исмаил. А кто ты?

— А, так ты тоже сын короля? Значит, нас здесь двое таких.

— Как можешь ты быть сыном короля?

— Так же легко, как и ты.

— Ты дерзок, — сказал принц Исмаил, словно бы для того, чтобы самому поверить в это.

— Я только возвращаю то, что дали мне. Неудачно, если ты согласен. Я полагаю, что я дурно воспитан.

— Я тоже считаю, что ты дурно воспитан, — согласился мальчик. — Почему ты не сказал мне свое имя?

— Ты не дал мне такой возможности. Мое имя — Айдан.

— Что это за имя?

Айдан рассмеялся:

— А что за имя — Исмаил? Я прибыл из Райаны, где все носят имена, подобные моему. У меня есть и другие имена, которые, быть может, понравятся тебе больше. Меня еще зовут Латан, по моему отцу, и Герейнт, в честь брата моего отца, и Михаил, поскольку я должен был носить христианское имя, и…

— Ты христианин? — Таким тоном можно было бы спросить, не рогатый ли он дьявол.

— Я еще хуже. Я франк.

Айдан и не думал, что эти глаза могут распахнуться еще шире. Они были почти круглыми, черными и блестящими, как оливки, и совершенно не испуганными.

— Франк. — Исмаил осторожно перевел дыхание. — Так вот как выглядят франки. Твои волосы не того цвета. Они должны быть желтыми.

— Райане темноволосы. Мы черные кельты, как видишь. Те, кого ты подразумевал — это действительно франки, и еще норманны. Мы же древний народ, народ, который они пытались

скинуть в море.

Это не значило ничего для сельджукского принца, чьи родичи по-прежнему носились по диким просторам восточных пустынь: это они вытесняли кого-то, и не были вытесняемы никем. Он смотрел на Айдана, как смотрят на экзотического зверя в клетке, и восхищенно вздыхал. Он явно долгое время не получал такого развлечения.

— Теперь я понимаю, почему у тебя нет хороших манер. Ты просто не знаешь ничего. Тебе следует научиться, если ты хочешь, чтобы твоя шкура оставалась целой. Мой атабек очень строг.

— Быть может, он делает исключение для принцев.

— Но понимаешь, ты ведь не настоящий принц. Настоящие принцы цивилизованы.

— Правда? — переспросил Айдан. — Это значит быть цивилизованным? Оскорблять чужестранцев?

— Я думаю, ты безумен, — произнес Исмаил, как будто это объясняло все.

— Спасибо, — отозвался Айдан.

— Безумец, — повторил Исмаил и подался ближе. — Почему у тебя такие глаза?

Айдан бессознательно маскировал их; но теперь по своей воле широко открыл и улыбнулся:

— Я с такими родился.

— Ты человек?

— Нет.

Исмаил кивнул, как будто он ожидал этого. Айдан был уверен в этом. Мальчишка был простодушен. Не идиот, конечно, и не тупоумный, но в чем-то развитый не в должной мере. Его научили, когда надо быть осторожным, но по нему это не было заметно. Он рассматривал Айдана с открытым и бесстрашным восхищением.

— Франки очень странные, — промолвил он.

— Я странный даже для франка.

— Должно быть, ты хорошо видишь в темноте.

— Очень хорошо, — согласился Айдан.

— Мне хотелось бы тоже видеть так, — сказал Исмаил. — А ты умеешь колдовать? Моя няня говорила мне, что франки — колдуны и получают свою силу от Иблиса. Ты раб Иблиса?

— Конечно, нет, — возразил Айдан, но без гнева. — Последнее из моих имен — это имя архангела, который поверг его. Я не намерен склоняться перед ним.

Исмаил был разочарован.

— Люди всегда говорят о магии, но никто ничего не умеет. Некоторые притворяются, но я вижу, что это все обман.

— Не все, — ответил Айдан. — Я не сказал, что ничего не могу сделать. Только что я не состою в союзе с дьяволом.

— Но все колдовство идет от него.

— Не мое.

Исмаил смотрел на него, желая убедиться и не желая снова остаться в дураках. Айдан протянул ему полную горсть огня.

— Исмаил!

Голос был высоким, но не женским. Исмаил огляделся — сердито, но с привычной покорностью. Существо, которое шествовало к нему, было тощим, как византийский ангел, надушено, как женщина, и носило следы того, что некогда было замечательной красотой. Но теперь все оно было покрыто складками и морщинами, как побитый морозом плод.

Это был не атабек. После первого потрясения Айдан понял, что существо было евнухом. Он почувствовал острый укол жалости. К Исмаилу; и к народу, которым Исмаилу предстояло править.

Евнух потащил своего подопечного прочь, бросив на Айдана один только яростный взгляд. Исмаил, казалось, лишился всякой воли к сопротивлению. Все его мысли были сосредоточены на кулаке, прижатом к сердцу и на холодном странном огне, бившемся в нем. Огонь угаснет, но не сразу. И он всегда будет помнить, что этот огонь был; что он держал в ладони чудо.

Когда мальчик исчез за внутренней дверью, Айдану наконец-то пришло приглашение войти. Он не думал, что совпадение было подстроено. Мальчик ускользнул от своих стражей и сбежал из отведенных ему границ. Айдан надеялся, что Исмаила не слишком строго накажут.

За себя он почти не беспокоился. По знаку камергера он поднялся, его стражи встали тоже, и взгляды их были столь же дикими, как до этого у нубийцев. Они слышали его спор с Исмаилом; и у некоторых хватило разума понять его. Айдан улыбнулся им и последовал за камергером.

Регент Алеппо, как и Исмаил, был турком: впечатляющее обилие плоти, но не жир, а мышцы. Когда он восседал в своем приемном зале, на коленях его лежал меч; и рука, покоившаяся на его рукояти, была рукой воина.

И все же само оружие было, пожалуй, слишком дорогим для боя, отделанным драгоценными камнями и золотом. Как и сам атабек. Его великолепие заставило бы смутиться даже Карима, дядю Джоанны; сияние драгоценностей слепило глаза. За один только камень, рубин, сиявший на тюрбане, можно было купить во Франции приличное имение.

То, что Айдан в первую очередь разглядел лицо и руки воина,

а потом уж все это великолепие, говорило в пользу этого человека. И только после этого Айдан понял, что означало отсутствие у мусульманина бороды. Гумуштекин, как и прислужник Исмаила, был евнухом.

Говорил он тенором: довольно мужской и глубокий тон. В глазах его не было того немого терпения, которое Айдан начал уже считать неотъемлемым признаком этой породы. Они были ясными, пристальными и с легкой горечью взирали на этот мир, лишивший Гумуштекина мужского естества и позволившего править. И он воистину правил. Он, который не мог иметь сыновей, был во всем, кроме плоти, отцом полноправному султану Сирии. И если султан был лишен воли или разума, то Гумуштекин восполнит это и будет править, как он правит от имени ребенка. Ни один евнух не мог и надеяться подняться выше.

Айдан содрогнулся. В Райане не было евнухов. И теперь он слишком отчетливо осознал, каким хрупким созданием был мужчина, как легко было лишить его мужественности.

Возможно, Гумуштекин понял замешательство Айдана. Отпустив всех, кроме двух фаланг гвардии, он, казалось, забыл о том, что пригласил франка, и повернулся спиной к присутствующим, ожидавшим его волеизъявления.

Айдан понял это; и бороться с этим было легко. Он просто сел без позволения и позволил своим глазам наслаждаться красотой зала. Изразцы здесь были золотыми, синими и цвета морской волны; колонны напоминали молодые деревья, увитые виноградными лозами; высоко на стенах красовались суры из Корана, начертанные чернью и золотом на серебряных плитках. Айдан разобрал их, слово за словом.

Атабек был искушен в умении быть расчетливо-невежливым, но Айдан был старше и опытнее. Гумуштекин заговорил первым, а Айдан медлил с ответом, и фактически не слышал и не обращал внимания, пока один из стражей не поднял руку для удара. Айдан ускользнул из-под удара, словно кот, избежав его с небрежной легкостью, и наконец-то обратил глаза и мысли на человека, который позвал его сюда. Страж уронил руку, вздрогнув, хотя Айдан даже не взглянул на него. Он смотрел на атабека и выжидал, подняв бровь.

Гумуштекин тонко улыбнулся, отдавая дань мастеру искусства, которым владел и сам.

— Ты, я полагаю, франк с иноземным именем, позволяющий называть себя Халидом.

— Я Айдан, принц Каэр Гвент.

— Пусть так, — согласился Гумуштекин. — Значит, ты также

и прислужник прокаженного короля и шпион узурпатора, сидящего в Дамаске.

Айдан чуть заметно усмехнулся.

— Я допускаю вашу интерпретацию положения Саладина, но молю позволить мне восстановить малую часть истины. Я не шпион.

— Ты был бы глупцом, если бы признал это, — сказал атабек и хлопнул в ладони.

Новый отряд стражи втащил в зал еще одну группу пленников. Троих. Несмотря на синяки, ссадины и один великолепно подбитый глаз, Айдан узнал их. Арслан, кажется, пострадал меньше всех и больше всех был близок к раскаянию, встретив взгляд своего господина. Кипчаки широко улыбались; Тимур открывал дырку на том месте, где раньше был зуб.

Айдан медленно поднялся. Улыбки потеряли большую часть своего блеска. Арслан даже побледнел под маской синяков.

— Ну? — спросил Айдан.

Те только переглянулись. Даже Арслан, казалось, не осмеливался заговорить. Заговорил атабек.

— Эти доблестные воины слегка переусердствовали, защищая вашу честь и честь вашего господина из Дамаска.

— А почему нет? — крикнул Тимур. — Люди пачкали грязью имя нашего султана, господин мой, и называли его лжецом и вором. Мы стерпели это, господин мой. Но потом они назвали тебя крадущимся франкским псом. Могли ли мы перенести это, господин мой.

— Он забылся, — пояснил Ильхан, — и выкрикнул наш старый боевой клич. — Он глянул на Гумуштекина. — Который взывает к… принадлежностям его светлости.

Или к их отсутствию. Айдан свел брови.

— Это привлекло внимание, — продолжил Тимур. — Ильхан потерял терпение. Он запел песню, которые мы пели, сопровождая осадные орудия к стенам Алеппо. Они, конечно, узнали эту песню.

— И потащили нас сюда, — добавил Ильхан. — Они думали, что мы шпионы. Так я спрашиваю вас — разве шпионы ведут себя так напоказ?

— Они были, — сказал Гумуштекин, — в лавке, где, как известно, продают вино.

Тимур сморщился.

— Оно ужасно, — заявил он. — Хуже, чем египетское пиво.

Айдан оглядел их снова и остановил взгляд на Арслане, который один не сказал ничего.

— Ну, а ты? Как ты ввязался в это?

— Поздно, — ответил Арслан, — и неудачно. Я застал драку в полном разгаре; я был занят с остальными. — Он склонил голову, лишившуюся тюрбана. — Я виноват, господин мой. Я не должен был позволять этим двоим ускользнуть из-под присмотра.

Айдан и не пытался опровергнуть это. И не произнес ни единого упрека. Арслан не заслужил его; а чертенята просто не поймут. А Гумуштекин ждал — молчаливый, зоркий и опасный.

— Мы не намеревались, — произнес Айдан, — шпионить здесь.

— Возможно, и нет, — отозвался регент. — Но вы могли подстрекать к мятежу. Ты франк; ты прибыл из Иерусалима, по пути останавливаясь в Дамаске. Эти мамлюки, которые заявляют, что принадлежат тебе, ранее скакали под знаменем захватчика. Почему бы тебе и не посвятить свой досуг вынюхиванию наших тайн? И Дамаск, и Иерусалим щедро заплатили бы тебе за них.

Тимур рассмеялся. Голос его был еще ломким и временами срывался, как у мальчишки:

— О, владыка! Ты совсем не знаешь моего господина. Он франк. Он умрет прежде, чем запачкает свои пальцы прикосновением к деньгам.

— Он умрет прежде, чем подумает об этом, — вступил Ильхан. — Он ужасно непрактичен. Ему никогда не приходило в голову продать кому-либо что-либо.

— Шпионаж — это для простолюдинов, — продолжил Арслан. — наш господин — принц.

Айдан заставил их хор смолкнуть.

— Господин мой, — обратился он к атабеку, — поверил бы ты этим юным глупцам хоть в чем-нибудь, связанном с тайнами?

Губы Гумуштекина покривились. Помимо его воли, это развлекало его.

— Я не поверил бы. Но ты — не я.

— Но тоже отнюдь не дурак.

Рубин вспыхнул, когда атабек склонил голову.

— Быть может, и так. Но репутация твоего народа и опьянение твоих слуг свидетельствуют против этого.

Тимур гневно воскликнул:

— Вино никогда не заводило нас далеко!

Арслан говорил тише:

— Ты называешь нашего господина крадущимся франкским псом?

— Это не было бы умно, — ответил Гумуштекин, — даже если бы было правдой. — Он обратил глаза на Айдана; в них мерцал смех, словно свет в глубокой воде, а под ним скользили темные твари. — Я не говорил ни слова о псах или глупцах. Но о

шпионах… Ты отрицаешь, что служишь захватчику из Дамаска?

Айдан снова сел на свое прежнее место, скрестив ноги на ковре и заставив всех ждать. Когда все глаза устремились на него, а все мысли запрыгали от нетерпения, он сказал:

— Я служу себе и данному мною слову. Я был представлен повелителю Саладину, я не собираюсь отрицать это, как и то, что он взирал на меня благосклонно. Но я никогда не служил ему.

— И все же ты пришел от него к нам; ты не скрывал это.

— И разве это не подтверждает, что я говорю правду? Я состою в родстве с Домом Ибрагима; я пришел сюда с его караваном, как телохранитель моей родственницы, которая приехала пожить среди родичей своей матери.

— Это говорит о том, — промолвил Гумуштекин, — что ты для нее больше, чем родственник.

Айдан сжался глубоко внутри, но лицо его оставалось спокойным.

— Если говорить прямо, то я даже меньше. Ее мать была женой сына моей сестры. — Он улыбнулся ядовито-сладкой улыбкой. — Или ты собираешься обвинить в шпионаже и ее?

— Я не обвиняю никого, — ответил Гумуштекин. — Я просто ищу истину. Не столь обычно для франка войти в наш город; и еще менее обычно — войти в город в сопровождении отряда мамлюков, служивших нашему врагу. Несомненно, мне простительно подозревать их.

— Это зависит от того, в чем вы нас подозреваете.

Атабек выпрямился; слуга подскочил, чтобы помочь ему. Атабек рассеянно взял у него подушку, все мысли его были обращены на сидящего перед ним пленника.

— Я подозреваю опасность для нашего города и злой умысел против повелителя, от чьего имени я правлю городом. Поскольку все это связано с тобой, я объявляю тебя врагом.

— Я и есть враг, — ответил Айдан. — Но не ваш, пока вы не вынудите меня.

Черные глаза сузились.

— Ты осмеливаешься угрожать нам?

— Я сказал правду. Я охотник, господин атабек. И моя дичь — никто из вас, и я не собираюсь задерживаться в твоем городе надолго.

— На кого ты охотишься?

Айдан блеснул зубами:

— На ассасинов.

Воздух сгустился и похолодел. Гумуштекин остался спокоен, как и Айдан, находясь в центре всего этого.

Айдан, словно от нечего делать, позволил взгляду блуждать

по безмолвному залу. Это было большее, нежели страх или даже ненависть. Как будто мысли заострились, воля обратилась на него, и это было словно вкус холодной стали.

Его тело расслабилось, уверенное в своей неодолимости. Айдан улыбнулся с ленивым удовлетворением.

— Их здесь трое, — произнес он.

Челюсть у Гумуштекина отвисла. Он знал об одном.

Айдан улыбнулся еще шире. Глаза его нашли каждого. Тот, кто был явным: юноша в белом, а этот цвет здесь бы цветом смерти, с глазами, как у мечтателя или безумца. И двое скрытых: камергер в шелках, всегда услужливый, и страж, наиболее близкий к особе атабека, самый любимый и самый доверенный из всех слуг. Айдан кивнул последнему.

— Передай своему господину, — сказал он, — что я иду потребовать с него плату. За моего родича; за ребенка, умершего до срока.

Страж стоял недвижно, но его пальцы стиснули рукоять меча. В его глазах была смерть. Он был разоблачен; он не исполнил свой долг. Он должен был умереть.

— Нет, — протянул Айдан. — Не прежде, чем ты передашь мое послание. — Он собрал в ладони силу и простер ее, легко, одевая ее плотью кости своей воли. Страж видел это. Страх его был сладок. Айдан произнес единственное слово в глубинах сознания стража, откуда никакая сила не могла его вырвать: — Иди.

И страж пошел. Остальные молча смотрели.

Атабек был потрясен до глубины души. Он был подобен прочим: он никогда действительно не осознавал могущества Айдана, пока не увидел его в чистом виде. Его страж, его мамлюк, его воспитанник, выращенный им с детских лет, никогда не принадлежал ему ни в чем. Так близко мог подойти ассасин. Так легко.

Он не был бы смертным, если бы мог питать любовь к тому, кто вырвал его из самодовольного неведения. Он был в достаточной степени властелином и правителем, чтобы не позвать палачей. Он только сказал:

— Ты не друг мне, и я тебе тоже.

— Но и не враг, — отозвался Айдан.

— Среднего не бывает.

— Мой господин избран за свою справедливость.

Губы Гумуштекина были тонкими для столь плотного человека. Они были уже едва заметны, но он выпятил их.

— Я мог бы сослужить лучшую службу моему городу и моему господину, если бы выдал тебя нашему союзнику из Масиафа.

— Ты можешь это сделать. И можешь выиграть открытую войну против Иерусалима и снова привести Дамаск под свою руку.

— Неужели ты так много значишь в этих великих королевствах?

— Я сказал бы, — ответил Айдан, — что обо мне там много говорят.

Атабек не поверил ему. Не совсем. Но тень сомнения была достаточно велика, чтобы заставить его медлить.

— Если запереть тебя в нашу темницу и потребовать выкуп, ты не приведешь против нас армию. Мертвый, ты вообще не доставишь нам хлопот.

— Я сомневаюсь, что вы можете схватить меня. Я очень сомневаюсь, что вы можете убить меня.

Это было сказано так просто, что на некоторое время Гумуштекин лишился дара речи. Это не была даже наглость. Это просто была истина.

— Отпусти меня, — сказал Айдан, мягко и спокойно. — Отдай мне моих мамлюков и разреши мне самому наказать их. Я могу пообещать, что оно будет достойным и отнюдь не легким. И что я произведу его вне пределов твоего города.

Гумуштекин даже сейчас не мог сказать ничего. Он едва понимал, что предлагает Айдан. Тот повторил это снова.

— Я не нужен тебе здесь, ни живой в твоих темницах, ни мертвый на твоем эшафоте. Отпусти меня, отдай мне моих мамлюков, и я покину твой город. Я даю тебе слово, что не выдам ни единого из твоих секретов; ибо я действительно не враг тебе, а только пауку, плетущему паутину в Масиафе.

— Лучше бы ты был мертв, — сказал атабек. Но медленно. Как будто начал сомневаться в этом.

Было ясно, как день, что он думает о своем союзе с Синаном. О данных и полученных обещаниях. О двух доверенных слугах которые не принадлежали ему; и об одном, который открыто принадлежал Синану, и теперь казался не более чем куклой.

Айдан дал ему подумать. Атабек покусывал губу. Он без любви смотрел на франкского пса, так смутившего его покой. Потом он сказал:

— Отлично. Ты жив; ты уходишь свободным. Я изгоняю тебя из моего города. Если после заката завтра ты будешь обнаружен в пределах этих стен, твоя жизнь оборвется.

— А мои мамлюки? — спросил Айдан.

— Он разделят изгнание.

Не похоже было, чтобы это их особо огорчило. Айдан взглядом и кивком велел им занять место позади него; они

охотно повиновались, кипчаки слегка захихикали, что вызвало рычание со стороны стражи и шипение со стороны Арслана. Последнее, кажется, утихомирило их вернее.

Айдан, рассеянный, как и положено принцу, опечаленному неудачливостью своих слуг, поклонился атабеку на франкский манер. Он не произнес ни слова благодарности. Когда он повернулся, чтобы уйти, поднялся гневный ропот, вызванный непочтительностью — повернуться спиной к повелителю города! Айдан игнорировал это. С гордой холодностью, в сопровождении своих мамлюков, он покинул резиденцию регента.

22

После того, как Айдан ушел, Джоанна сидела недвижно и едва могла думать. Не осмеливалась думать. Раздражение, таившееся в душе, грозило заполонить ее всю; желчь забила горло. Джоанна выкашляла ее наружу.

Ему было легче. Он мог уйти. Ей этого не позволяли. За каждым ее движением следили; ее охраняли. Его ежедневное присутствие было мучением: находиться от него так близко, на расстоянии вытянутой руки; прятать руки в рукавах, чтобы удержаться и не схватиться за него. Она могла коснуться его. Легко. Но она не осмеливалась. Она знала, что если она сделает это, то не отпустит его.

Или выцарапает ему глаза.

Она знала, где он спит: он сказал ей. Однако он не был настолько глуп или безумен, чтобы попытаться проникнуть в гарем и выкрасть ее. Она отлично знала, что он думает об этом. Это было в его глазах, когда он смотрел на нее. Об этом говорила его настойчивость, когда он возвращался, день за днем, хотя от этого ему было не больше радости, чем ей.

Это было даже в чем-то лестно. Она не надоела ему.

Пока.

Когда она скажет ему то, что должна сказать…

Она медленно встала. Ее служанка и ее страж поднялись вместе с нею, глядя на нее. Ей хотелось закричать на них, прогнать их прочь. Она стиснула зубы и величавой походкой направилась к отхожему месту.

День тянулся по уже накатанному пути. Джоанна почти ничего не запомнила из этого. У нее были дела, и она исполняла их. Ничего не занимало ее надолго.

Она знала, что Айдана повели к атабеку. Она не могла придать этому никакого значения. Он вернется назад невредимым и едва ли обеспокоенным. Никакой смертный властелин ничего не сможет сделать с ним.

И он знал это, будь он проклят.

В Доме Ибрагима ужинали после закатной молитвы: сначала мужчины, потом женщины, когда мужчины наедятся. Сегодня у Джоанны не было аппетита; по привычке она решила выйти в сад, почувствовать вечернюю прохладу, вдохнуть свежий воздух. Она никогда не задерживалась надолго: только пока не начинали кусаться мухи. Но даже этого было достаточно.

Прошел долгий, ароматный, наполненный жужжанием мух миг, прежде, чем она осознала, что она одна. Все женщины

ужинали. Евнух Самин не последовал за ней — Бог весть, по какой причине, и Джоанне было почти все равно.

Она ждала этого, надеялась на это, молилась об этом. Она огляделась. Ни единого человека. Она подбежала к стене, к калитке, которая была здесь, Джоанна знала, хотя калитка скрывалась глубоко в зелени. Там росли колючки, что оказалось для нее неожиданностью, и она выругалась, когда они впились в нее. Но калитка была там, маленькая, полинявшая от непогоды, замок ее был сломан и не починен. Джоанна проскользнула в нее, что было не так-то легко, потому что виноградные лозы опутали весь проем, но с той стороны было чисто, и калитка выводила на задворки маленькой беседки. Никто не торчал ни здесь, ни вообще вокруг, насколько она могла увидеть или расслышать сквозь неистовый стук сердца.

Она двигалась медленно, не раз останавливаясь, чтобы вспомнить, где находится. Сумрак изменил все. Там, где она запомнила розовые кусты, рос жасмин, а гранатовое дерево, затенявшее тропу, исчезло.

Она нашла его пенек, споткнувшись о него. Она остановилась. Это было глупо. Ей следовало вернуться обратно, на свое место. Она не была уверена, что хочет его. Что, если он не хочет ее?

Так будь он проклят. Теперь она увереннее знала путь. Вокруг розового куста, за фонтан, а там уже были видны очертания дома, белый отблеск — перила галереи. Окрашенное железо. Говорят, что колдуны и народец ночи не могут коснуться его: оно обжигает их, как огонь.

Те, кто так говорит, ничего не знали об этом колдуне, с глазами хищника и любовью к доброй стали.

Она не могла стать прежней девчонкой-сорванцом, но все еще, могла вскарабкаться по решетке, особенно в восточных штанах. Решетка застонала под ее весом, но выдержала. Джоанна ухватилась за перила и повисла, переводя дыхание. Вопль муэдзина едва не заставил ее разжать руки.

Все было спокойно. Юные дядюшки и кузены, жившие здесь, еще не отправились по спальням: медлили за трапезой, молились совместно в доме или в мечети, многие из них собирались после этого отправиться в город в поисках ночных удовольствий.

Джоанна подтянулась и навалилась на перила, и едва не упала. Один из айдановских сорвиголов смотрел на нее: полуфранк Райхан, делавший суровое лицо только для чужаков. Он протянул руку. Она взяла ее и позволила ему вытянуть себя на галерею. После этого он сразу отпустил ее.

Он знал. Они все знали. И у нее не было настроения

притворяться, что все хранится в тайне.

— Он здесь? — спросила она.

Райхан покачал головой:

— Нет еще, госпожа.

Ее сердце замерло.

— Он… еще…

— О нет, госпожа! — быстро и заботливо поправился Райхан. — Он вернулся несколько часов назад. Он на ужине.

Конечно. Где еще он может быть?

Райхан стоял на страже один, и он был рад хоть чьему-то обществу. Джоанна оставила его на посту у двери и осторожно вошла внутрь. Там горела лампа, освещая комнату, которая могла принадлежать кому угодно, маленькую и голую. Матрац был раскатан, поверх него валялось покрывало, в стороне лежала одежда. Айдан приводил в изумление и отчаяние весь гарем, поскольку был высок, и ему нужна была новая одежда, пошитая отнюдь не из простых тканей. Кузины любили подсмеиваться над его ростом и гадать вслух, все ли у него такой необычайной длины.

Джоанна опустилась на матрац. Устав сидеть, она прилегла. Трепет в ее душе уменьшился. Страх вновь задел ее краем крыла: она боялась ассасинов, боялась, что ее обнаружат здесь, боялась погони, которая, несомненно, настигнет ее. Айдан должен был обнаружить ее здесь первым и защитить ее. Если она не сказала ему еще. Если…

Ей надо поспать. Она закрыла глаза на миг, а когда открыла, он уже был здесь, сидел на коленях и смотрел на нее. На его лице не было никакого выражения.

Затем он улыбнулся, и Джоанна больше не смогла сопротивляться. Она кинулась к нему, обняла его, приникла к нему, словно собираясь выпить его досуха.

Даже ему время от времени нужно было дышать; а она была смертной.

Когда она отшатнулась от него, то обнаружила, что сидит у него на коленях, а он смеется от счастья. Она сама улыбалась, хотя ей хотелось ударить его. Потому что…

Нет. Она не должна думать об этом. Думай о нем; о свете его глаз, делающем их такими странными; о теплоте его тела, о силе его рук, о его счастье — она здесь, убежала, свободна. Она видела, насколько сильна была радость: его одежды были легкими, пояс потерялся во время их объятий, и складки шелка не скрывали ничего существенного.

— Я собирался прийти к тебе, — сказал Айдан, — если бы ты не пришла ко мне первой.

Джоанна едва слышала его.

— Мне надо возвращаться. Они будут искать меня.

— Не сейчас.

Она устремила на него взгляд.

— Да, — с улыбкой ответил он, как будто она спросила вслух. — Я добавил сюда штрих-другой. Ты решила спать в саду, где прохладно и тихо. Твоя служанка присматривает за тобой.

Дара, которая панически боялась Айдана, которая терпела его ради своей госпожи. Джоанна нахмурилась:

— Это сработает?

— До рассвета. Я вернусь вместе с тобой. Нас не увидят.

Она хотела бы испытывать ту же уверенность, с какой он говорил это. Она была безумна, отважившись на это. Она была хуже, чем безумна. Немного времени спустя она излечится от него. Но теперь болезнь обострилась сильнее обычного. Мысль о том, что на рассвете придется покинуть его, вернуться в свою клетку, к своим страхам, к нескольким мучительным минутам свидания, заставила ее пальцы сжаться на его руках и исторгла из ее груди крик протеста.

— Я хочу, — яростно сказала Джоанна, — я хочу, чтобы мы могли убежать отсюда и никогда не возвращаться.

— Мы сможем, — ответил Айдан. — Когда я выполню свою клятву.

Она выпрямилась.

— Да. И так всегда. Так и будет всегда?

— Еще совсем недолго, — ответил он. — И все. А потом, если ты захочешь этого, мы уедем. Мир велик. Я с радостью измерю его вместе с тобой.

Ее напряжение ничуть не уменьшилось.

— Что, если я попрошу тебя забыть о клятве? Забрать меня сейчас и увезти далеко-далеко, и этим неожиданно расстроить планы ассасина. Ты сделаешь это?

Он чуть поколебался.

— Я не могу. — Сказано было мягко, но категорично. — Я дал слишком много обещаний, сплел слишком длинную цепь.

Понимание затопило ее, ослепляя. Она оттолкнулась от него и вскочила на ноги.

— Атабек. Он вызывал тебя к себе. Ты заключил с ним сделку.

Айдан кивнул:

— Он изгнал меня из Алеппо. Он думает, что я шпион; я мог бы разубедить его, но мое присутствие лишает его покоя.

Джоанна перевела дыхание. Она могла неожиданно засмеяться, заплакать или закричать вслух. Но она спросила с

едва заметной дрожью:

— Когда мы уезжаем?

— Я, — ответил Айдан, — должен уехать до завтрашнего заката.

— Тогда нам надо быстро собираться, или мы никогда не будем готовы. Если начать сейчас… Бабушка должна знать, и Карим…

— Они знают, — произнес Айдан. Голос его стал мягче. — Я уезжаю, Джоанна. Ты должна будешь остаться здесь.

— И быть убитой как только ты выедешь за ворота?

Он помедлил, чтобы набрать воздуха.

— Я отвлеку ассасина на себя, как я уже говорил твоим родственникам. А когда мы будем далеко, я встречусь с ним лицом к лицу и уничтожу его. Он никогда и близко не подойдет к тебе.

— Откуда ты знаешь? — требовательно спросила она. — Откуда ты *знаешь*?

— Джоанна, — сказал Айдан бесконечно терпеливо. — Подумай. Если ты отправишься со мной в такую поездку, как эта, что это даст тебе, кроме шанса быть убитой, если я снова сделаю ошибку? Здесь ты по крайней мере среди родных, они берегут тебя, любят и опекают.

— И тебе не надо отвлекаться, думая обо мне.

— Я всегда думаю о тебе, где бы ты ни была. Но если ты останешься здесь, я буду меньше волноваться.

— Я не хочу оставаться, — возразила Джоанна. — И не останусь. Довольно я сидела в клетке, пока ты летал на свободе.

— Даже ради сохранения твоей жизни?

— Моя жизнь не будет в большей или меньшей опасности вне зависимости от того, поеду я или останусь. Другое дело — мой рассудок.

Когда дело доходило до этого, он был мужчиной. Он отказывался понимать.

— Ты не можешь ехать.

— Я поеду. Если хочешь, запри меня. Я освобожусь. если потребуется, я последую за тобою пешком. Я не останусь в этом городе без тебя.

Айдан устало вздохнул. Джоанна бросилась на него, опрокинула его на спину. Он не пытался бороться с ней. Она прижала его, обжигая его пламенем своего гнева. Он вздрогнул.

— Госпожа…

— Я поеду. Если ты хочешь приманить ассасина, то какая приманка может быть лучше, чем моя жизнь? И тебе не надо утруждаться, все время поддерживая свои магические фокусы.

Его лицо было неподвижным, упрямым, но глаза выдавали его. О да, он желал ее. Он не мог оставить ее здесь так легко, как притворялся.

Она поцеловала его. Сначала легко, дразняще. Он было воспротивился, но потом в единый миг возбудился. Даже в гневе она рассмеялась, потому что он был великолепен, и ужасен, и принадлежал ей. Она приказала ему любить ее. Он был ее слуга: он повиновался.

После бури — спокойствие. Неусыпное напряжение, которое не отпускало Айдана, даже когда Джоанна была в саду, слегка ослабло. Она была столь же прекрасна, как всегда, лежа подле него, теплая и удовлетворенная. Лицо в свете лампы потеряло досадливое выражение, глаза были темными и мягкими, губы больше не сжимались в жесткую линию. Айдан поцеловал ее. Она запустила пальцы в его волосы и улыбнулась.

— Ты прекрасен, — сказала она.

— Я то же самое думаю о тебе.

Она слегка содрогнулась от удовольствия. Ее голос доставлял ей удовольствие, даже когда она не верила его словам.

— Неужели ты действительно не находишь, что на меня неприятно смотреть?

Он покачал головой меж ее ладонями.

— Мадам, вы даже не скромны. Вы слепы, упрямы и — да — прекрасны.

Она высвободила одну руку и провела по его лицу от виска до подбородка.

— Я вижу, — сказала она. — Ты по ту сторону своего лица. Тебя не волнует, как мы все некрасивы по сравнению с тобой.

Он заставил ее умолкнуть новым поцелуем.

— Значит, ты любишь только мое лицо. Если бы я был уродлив, ты не стала бы и смотреть на меня.

— Это неправда!

Он рассмеялся ее негодованию.

— Это именно то, что ты говоришь обо мне. Я не просто бездумная красота, ma dama.

— Конечно, нет. — Она свирепо посмотрела на него. Он улыбнулся в ответ. Она медленно уступила. — Ты знаешь, как ты выглядишь.

— Я вряд ли могу что-то с этим поделать. — Он не собирался задерживаться на этом. Он разгладил ее нахмуренные брови легкими пальцами, потом губами, и стал целовать ее лицо, вниз к подбородку, по изгибу шеи и плеча, вокруг полных грудей. Ее сердце билось легко и быстро под мягкой нежной кожей. Его сознание погрузилось в эту грудь, медленно растекаясь, пока он

целовал ее тело, по складочкам живота к пупку, который поэты назвали бы драгоценностью в бокале. Он засмеялся этой мысли, легонько выдыхая воздух: его теплые порывы заставляли Джоанну вздрагивать от удовольствия. Ее бедра под его руками медленно раздвигались. Ягодицы переполняли его ладони теплой плотью. Он подбирался к потайным местам, их запах кружил голову, его сила текла в них и сквозь них, наполняя их. Но не его тело, нет еще. Ожидание делало все слаще. Его поцелуи кружили по гладкости кожи — ах, это чуждое искусство лезвия и удаляющей волоски пасты, но такое возбуждающее в своей чуждости. Его сознание прослеживало внутренние пути. *Они* были такими знакомыми, такими совершенно женскими.

Он остановился. Знакомыми. Несомненно. Но…

Ничего. Секундная растерянность. Крик ночной птицы в саду.

Это осталось. В знакомом росло что-то незнакомое.

Росло и возрастало.

Он лежал совершенно неподвижно. Огромная часть его "я", ведавшая глупостью, отрицала все, называла это обманом. Но тот кусочек сознания, который видел только правду, говорил, что это есть.

Джоанна пошевелилась, уловив что-то неправильное в его молчании.

— Что такое? Ты что-то услышал?

Его голова качнулась. Голова, лежащая на ее животе. Теперь, когда он осознавал это, оно словно пылало перед его мысленным взором: не просто мягкая кожа и обжигающее удовольствие, не дорожка к его собственному удовлетворению, не просто часть существа, которое звалось Джоанной, но чрево женщины.

И в чреве…

Он мог бы запеть от счастья. Он мог убить их обоих.

Нет, не обоих. Троих.

В этом не было сомнений. Ни в чем. То, что росло в ней, росло не более двух месяцев. Они покинули Иерусалим почти три месяца назад. У нее не было другого любовника, и она не хотела другого. И у нее не было сношений с ее мужем с тех пор, как родился ее ребенок.

Айдан поднял голову. Джоанна встретила его взгляд и поняла, что он узнал. Ее страх возрос, и это ударило его в самое сердце. То, что она может бояться его из-за того, что зачала. Как будто он сделал для этого меньше, чем она!

Она сочла гнев, вызванный ее глупостью, за гнев, вызванный ее состоянием. Она с силой отбросила его руками и криком.

— Да. Да, я беременна. Да, это все моя вина. Да, я не хотела говорить тебе!

Айдан поймал ее за руки и привлек к себе; он обнимал ее, хотя она сопротивлялась, гладил ее, пока она не сдалась, тяжело дыша и ненавидя его за то, что он настолько сильнее ее. За то, что он мужчина, и такой желанный. За то, что он сделал ей ребенка.

— Почему ты боялась сказать мне? — спросил он так мягко, как мог. — Он ведь и мой тоже.

— Именно поэтому.

Логика этих слов привела его в замешательство. Понимание ужаснуло его.

— Ты думала, что я разлюблю тебя? Ты думала, что я брошу тебя? — Он с силой встряхнул ее. — Кем ты меня считаешь?

— Мужчиной.

Он отпустил ее и встал. Если бы он не сделал этого, то совершил бы что-нибудь, о чем сразу пожалел бы. Потом быстрым шагом подошел к стене и прислонился к ней, впитывая ее прохладу. Его трясло.

Айдан обернулся. Джоанна сидела, глядя на него большими глазами, сухими и горящими. Ее волосы разметались по ее плечам и груди. Одна грудь пряталась под их массой, другая стыдливо выглядывала наружу: белая грудь, розовый сосок, милый и сводящий с ума. Теперь, когда Айдан знал, он видел, как она расцвела — не как женщина, имеющая любовника, а как женщина, вынашивающая дитя.

— Я полагаю, — произнесла она, — что ты добр ко всем своим женщинам. И своим ублюдкам.

Айдан вздрогнул от яда в ее голосе.

— У меня их нет.

— Тех, о которых ты знаешь.

Он сжал кулаки.

— У меня их нет. И никогда не было. Я думал, что не могу иметь детей. Существуют разные пути, которыми утверждаются такие, как я, или как мой брат, и я никогда не был… силен… в этом.

— Оказался достаточно силен, — хмыкнула она.

— Но я *не был*! — Айдан едва успел обуздать себя, чтобы не кинуться куда-то в бешенстве. — Если бы я знал, что могу… если бы я думал, что…

— Ты отверг бы меня?

— Я был бы более осторожен.

Джоанна покачала головой.

— Тогда ты мудрее меня. Я даже никогда не думала.

— Я не могу понять, — промолвил он, — почему, вот так сразу, я оказался… оказался способен… — Он остановился. —

Может быть… может быть, я просто был… как иногда подростки. Если они рано начинают. Могут любить, но не могут зачинать. А потом…

— Ты не кажешься мне подростком.

— Но я и не мужчина. — Он снова медленно произнес это: — Я не мужчина. Я не человек. Я даже не знаю, насколько иным я могу быть.

Руки Джоанны прижались к ее животу. Глаза ее были безумными.

— Тогда… он… или она… тоже…

В ней говорил не страх. Это была яростная, безумная радость. И это помимо его собственной воли бросило Айдана к ней. Но его руки не поднимались коснуться ее.

— Это так.

Он не хотел этого. Но это было правдой. И теперь его рука повиновалась его воле. Рука легла поверх ладоней Джоанны, там, где бился трепет жизни — жизни еще одного существа его племени.

Джоанна глубоко и медленно вздохнула. неожиданно, словно его прикосновение передало ей силу, она успокоилась и пришла в себя.

— Это все грозит осложнениями.

Айдан улыбнулся, пополам с болью.

— Какие осложнения? Я разделаюсь с Масиафом раньше, чем у тебя начнет расти живот. А потом мы уедем. Я заберу тебя с нашим ребенком туда, где мы будем в безопасности и под защитой. Я никогда не заберу его у тебя.

— Ты поклянешься в этом?

Конечно, она не верила ему. И у нее была причина. Но от этого ему было не менее больно.

— Клянусь.

Джоанна пристально разглядывала его исподлобья.

— Ранульф тоже так сказал. Что я смогу сохранить следующее дитя. Он мог даже говорить правду.

— Несомненно, так и было.

Ее губы покривились: скорее гримаса, чем улыбка. Она повернула ладони и схватила его за руки.

— Я хочу выносить это дитя, Айдан. Не сомневайся в этом. Чего бы это ни стоило мне, чем бы это для меня ни обернулось… я хочу этого.

— И ты думаешь, люблю ли я тебя.

— Я знаю это. Ты — словно брошенный вызов.

Теперь на сердце у нее было легче: свобода, радость, почти озорство, теперь, когда тот страх оказался глупостью. Она обняла

Айдана и увлекла его на ложе, смеясь.

— О, мой господин! О, любовь моя!

Он наклонился поцеловать ее, смеясь вместе с ней негромким глубоким смехом.

— Ma dama, — сказал он.

23

Черный евнух был мертв. Он бросился на Марджану, и она ударила сильнее, чем хотела, сломав ему шею. Эта неудача была частью всего этого проклятого дня. Если бы он стоял спокойно, пока она творила заклинание, он уснул бы глубоким сном, но остался бы жив и здоров, лежал бы в уголке за беседкой, и ей не пришлось бы нести вину за лишнюю смерть.

Ее клятва была тяжелой, и достаточно тяжелой. Синан снова напомнил о ней, заставляя Марджану, почти угрожая ей. "Делай, как я приказываю, — сказал он ей, — и помни хорошо. Существуют клятвы более могущественные, чем та, которую ты приняла на себя, и связывающие сильнее, чем эта твоя почти свобода. У меня твое имя, заключенное в Соломонову Печать. Не вынуждай меня взывать к нему."

Марджана говорила себе, что ей все равно; что она сильнее, нежели его простая человеческая магия. Но душу ее сжимал страх. У него было ее имя, ее клятва и даже ее сущность, если он был так уверен. Он не проявит к ней ни жалости, ни милосердия.

Он пытался изображать и то, и другое. "Забери только эту последнюю жизнь, — говорил он с тем, что считал мягкостью. — Это только христианка, франкская женщина. А когда заберешь ее, возвращайся ко мне. Быть может, я смогу разрушить твои оковы."

Быть может. Губы Марджаны скривились. Она знала цену этому "быть может". Слишком близко к "никогда".

Тело евнуха было спрятано за беседкой. Со временем запах выдаст его, но тогда она будет уже далеко.

Когда Марджана появилась, франкская женщина была в саду. Теперь ее там не было. Ее запах вел не к дому, а от дома, к стене. Марджана вскинула брови. Итак: она решила бежать? Мудрая женщина. Как жаль, что ее охотница не была человеком и могла выследить человека по следам. И эта охотница, связанная цепью клятвы, не сможет дать жертве ускользнуть.

Запах рассеивался. Понадобилось время, чтобы уложить евнуха, а потом спрятать труп. Иблис ставил ей преграды — стайку болтающих женщин, потом собаку, рычавшую и лаявшую, пока Марджана не утихомирила ее с помощью своей силы, а потом дитя, играющее в мячик и палочку. Марджане не было приказано убивать никого из них, и она не собиралась этого делать. Наконец сад опустел, и она могла выйти на охоту, но ее жертва исчезла.

Марджана наткнулась на калитку и на колючки. Она почувствовала уважение к франкской женщине. При таком

большом теле, и проскользнуть в столь узкую щель!

И в интересном направлении; не к внешней стене, как ожидала Марджана. Значит, у нее есть любовник? Один из ее родственников; а может быть, один из мамлюков ее ифрита, наделавших столько шума в городе. Один из них родился франком, и не был уродлив с виду.

Это не он стоял на страже там, куда вел запах женщины, но парень куда более красивый на восточный взгляд, стройный, смуглый и прекрасный, как арабский жеребец, со взглядом завораживающим и завороженным: синим, как вода, как сапфиры, как небо. Он не слышал, как Марджана поднялась по решетке, не почувствовал ее присутствия, пока не обвис у нее на руках.

Дверь была закрыта, но она слышала их достаточно ясно. Голоса: мужской и женский. Они говорили по-франкски, и она не стала искать в словах смысл. Она знала, как осторожны тайные любовники. Марджана приложила руку к двери. Они были беспечны — дверь была не заперта. Она чуть приоткрыла ее.

Неяркий свет лампы ослепил ее после ночной темноты. Они были тенями, два темных высоких силуэта, слитых воедино. Казалось, что они объявляют перемирие. Женщина рассмеялась, наполовину радостно, наполовину неохотно.

Кинжал был в руке у Марджаны — новый, острый, жаждущий крови. Может быть… может быть, ей и не придется пустить его в дело.

Замысел, родившийся в ее голове, развеселил ее. Слово, данное ею, не гласило, что она обязательно должна убить сегодня эту женщину, да еще и вместе с ее любовником. Возможно, будет достаточно напугать ее, а потом разоблачить ее падением перед ее родственниками. Синан будет удовлетворен. Он не настаивал на том, чтобы пролить кровь, хотя придавал этому определенное значение. Достаточно будет чести этой женщины и чести ее дома.

Синан может даже принять это. Он сам был коварной змеей и не был глупцом. Что может означать для женщины, которую он желал, если ее дочь застанут с мужчиной, который ей не муж?

Воздух был тяжел от запаха страсти, мускуса и пота, и сладости горячего женского тела. Ноздри Марджаны раздувались. Между ее бедрами тоже появилась боль, трепет пронзил тело. Она достаточно много подсматривала за любовниками, и убивала, когда усталость смыкала им веки, но никто не возбуждал ее, как эти двое. Быть может, это потому, что ранее ей никогда не приказывали убить женщину, а не мужчину; и сейчас у нее вообще не было желания убивать.

Они говорили, смеялись. Руки женщины обвивали шею ее любовника. Он склонил голову для поцелуя.

— Ma dama, — произнес он.

Марджана застыла. Она узнала этот голос. Она отказывалась узнавать его. И поднятое лицо, пьяное от страсти, от смрада смертной плоти.

Марджана двинулась вперед, не зная, что движется, как могла бы двигаться кошка, перетекая из тени в тень.

Женщина обхватила ногами талию своего любовника и притиснулась к нему со страстью, которая вогнала бы в краску шлюху. Его дыхание прервалось от возрастающего наслаждения. Он смеялся низким горловым смехом. Его ладони были полны ее плоти. В его мыслях не было ничего, кроме нее.

Губы Марджаны поползли в стороны, обнажая зубы. Она никогда не испытывала ненависти. У нее не было повода для ненависти. Убийства, совершаемые ею, были всего лишь правосудием; казнью.

Айдан почувствовал чужое присутствие в воздухе даже сквозь острое наслаждение, которое принадлежало ему в той же мере, что и Джоанне. Ее вес давил его назад и вниз; но это было легко, так легко, что его могущество превратило воздух в постель для них двоих. Джоанна не знала этого, и это ей было безразлично. Она зарылась лицом в его плечо, впитывая его запах, настойчиво теребя его. И это отнимало его внимание, даже когда сквозь дымку ее волос он встретился со взглядом горящих зеленых глаз.

В этот момент потрясения он не помнил о стыде. Половина его принадлежала Джоанне. Половина знала соблазн его собственного племени, красоту этого заостренного кошачьего лица, этого водопада винно-красных волос.

Его глаз коснулся блеск стали. Кинжал в ее руке. Но почему…

Он видел безумие в ее глазах. Он знал.

Хуже страха было горе и отчаянный протест. *Нет,* — пытался сказать он. — *Нет. Не ты.*

Я. — Ее голос, холодный и чистый.

Нет, — повторил он.

Да. Она была уже в воздухе — крылатая смерть со сталью. Ненависть несла ее на крыльях.

Айдан боролся со слишком упругим воздухом, пытался повернуться, прикрыть Джоанну. Самый краешек холодного лезвия чиркнул его по боку.

Джоанна задохнулась, напряглась. Ее агония отдалась в его сознании. Она содрогалась в его руках.

Она была смертельно тяжелой. Он пытался вздохнуть и не мог, как будто на него навалился тяжелый камень.

Ее тело скатилось с него, но это не было ее собственным движением. Над ним склонилась Марджана. На ее лице была

улыбка. Застывшая от страха за него. Она хотела протянуть руку, убедиться, что он жив.

Ассасинка. Убийца детей.

Ее горло в его ладонях было удивительно тонким, хрупким, как стебель цветка, и его едва ли труднее было сломать.

Она была спокойна и не сопротивлялась. Она позволила бы ему убить ее. Такова была ее вера. Убей ради Цели; умри ради нее. И он просто должен был стать ее палачом. Он, принадлежавший к ее собственному племени. Он, кого она любила.

Он отшвырнул ее с яростным отвращением. Она лежала там, где упала, глядя на него широко открытыми глазами, столь же лишенными всего человеческого, как глаза кошки. И так же, как кошка, она не ведала раскаяния в содеянном. Только сожаление — что не убила первым ударом, без боли.

Айдан повернулся к ней спиной и опустился на колени рядом с Джоанной. Ассасинка оттащила ее в сторону, словно сломанную куклу. Кинжал по рукоять вонзился в ее бок. Его острие задело сердце; и него текла кровь туда, где крови совсем не место. Айдан знал. Он видел. Он не мог остановить это.

Ее грудь тяжело вздымалась. Рукоять кинжала дрожала, быстрее, быстрее. Ее ладони сомкнулись на ней. Он отвел их. Они сопротивлялись. Джоанна не осознавала, что это он. Она не осознавала ничего, кроме боли и агонии.

Он повернул голову. Ассасинка не двигалась.

— Ты, — выговорил он, задыхаясь. — Ты умеешь исцелять.

Она не ответила. Он видел, как ее уязвила та нежность, с которой он заботился о Джоанне. И он был рад. Она уничтожила все, что он любил. Теперь он дал ей познать боль, которую испытывал сам. Пусть страдает, как страдает он.

Лицо ее исказилось. Он рассмеялся, холодно и горько. С криком, похожим на крик ястреба, она растаяла в ночи.

Не имеет значения. Он найдет ее. И ее господина. И заставит их заплатить.

Он был совершенно спокоен. Джоанна умирала. И то, что он сделает, должен сделать, может убить ее наверняка; или дать ее телу возможность исцелить себя, раз уж он не мог исцелить ее своей силой. Он взялся за рукоять. Если он и молился, то без слов. Только кинжал, и сердце, стучащее по-птичьи быстро, и кровь, которая теперь была для нее жизнью и смертью разом. С величайшей осторожностью он потянул кинжал из ее груди.

Хлынул поток. Сначала — струйка, бегущая по желобку лезвия, потом — неожиданный поток. Человеческий инстинкт кричал Айдану остановить это. Инстинкт, который не был

человеческим, остановил его, лезвие было наполовину высвобождено, наполовину погружено в живую плоть; взглядом, невозможным для человеческого глаза, он видел, как опустошаются места, которые не должны наполняться. Большой кулак сердца разжался, снова получив возможность биться свободно.

Айдан не мог целить, но мог удержать: извлечь наконец лезвие, перевязать рану и вытереть кровь, и все это время сдерживать прилив, который вновь затопит ее, и сдерживать до тех пор, если — пока — целительные силы не станут сильнее разрушительных. Он закутал ее в собственное верхнее одеяние, чтобы предупредить шок от холода. Потом вспомнил о том, чтобы разыскать и натянуть свою одежду. Потом поднял Джоанну на руки.

Ворота гарема отворились перед ним, хотя никто не коснулся их. Ему пытались помешать. Он не обратил на это внимания. Ему не было ни малейшего дела до их законов или их приличий. Для него освободили комнату. Он уложил Джоанну там и сказал:

— Врача. Сходите кто-нибудь.

Люди мешкали в нерешительности. Ему не следовало быть здесь. Нельзя.

Он сел на колени и подождал, пока буря иссякнет из-за собственной тщетности.

Пришел врач. Это была женщина, и если не считать единственного быстрого взгляда, его присутствие ничуть ее не смутило. Она одним-единственным словом очистила комнату. Ее помощник, юный евнух с таким же византийским лицом, как у нее самой, поставил возле нее коробку с лекарствами и стал ждать ее приказаний.

Все для спасения жизни Джоанны делалось быстро, и все же казалось медленным, словно танец. Ни одного движения лишнего, ни одного неточного из-за спешки. Айдан обнаружил в своей руке кинжал. Он не помнил, как взял его и принес сюда. Он узнал ковку клинка — Фарук, и отделку рукояти — Маймун. Там не было ничего от присутствия Марджаны. Куда больше — от крови Джоанны.

Кто-то говорил, прослеживая путь лезвия через тела, перечисляя, что он сделал, чтобы извлечь его, и как, и почему. Это был мужской голос. Его собственный. Недоверие знахарки язвило, как соль на свежей ране. Но у нее были глаза, и пальцы, почти столь же зрячие, и она видела то, что было ясно видно: что там, где должна была быть смерть, с силой билась жизнь. Знахарка не стала медлить и задавать вопросы. Она занялась тем, что он оставил ей.

Айдан поднял глаза и увидел незнакомое лицо, но глаза он узнал, темные, ясные и молодые среди морщин старости. Госпожа Хадижа откинула свою вуаль; она опиралась на тросточку, но легко, без дрожи в руке или в теле.

Она поманила его, и Айдан не решился ослушаться. Он не хотел покидать комнату, и она остановилась у внутренней двери, откуда тянуло прохладой воды и долетали брызги фонтана из внутреннего дворика.

Она села у порога на матрац, с которого, Айдан смутно помнил, он согнал его обитательницу. Резким жестом Хадижа усадила его рядом с собой.

— Расскажи мне все, — приказала она.

Она знала — или подозревала — почти все. И она была непреклонна. Он сказал ей правду:

— Моя госпожа была со мной. Ассасин нашел ее там и нанес удар.

— Я вижу, — отозвалась Хадижа. Она смотрела не на Джоанну, а на Айдана.

Он посмотрел на себя. Он почти не испачкался, кроме руки, сжимавшей кинжал. К некоторому удивлению, он вспомнил обжигающий поцелуй клинка. Длинный разрез, тонкий, как волосок, пересекал его бок. Кровь почти не текла. Порез слегка саднил; Айдан осознал это, и сразу же забыл о нем опять,

— Знаешь ли ты, госпожа моя, что раб Масиафа — женщина?

Хадижа медленно кивнула.

— А, — промолвила она, — ифрита. Я боялась этого; я молилась, чтобы это было не так.

— Ты знала? — воскликнул он. — Ты знала, и не сказала мне?

— Я не была уверена, — ответила она. — Но да, я знала о ней. Она стара, сильна, и никогда не знала промаха в убийстве.

— До нынешней ночи.

— Молю Аллаха, — промолвила Хадижа. — Такова сила желания Синана, что он обнажил самое смертоносное свое оружие.

— Если бы я только знал, — сказал Айдан. Из глубины его существа поднимался крик; он загнал его обратно. — Я видел ее. Она преследовала нас. Она говорила со мной. Она назвала меня тем, кем я был — Халид, "Чужеземец". Я принял ее за одну из моего племени. Мне и не снилось, что это может быть она… кто…

— Ты не первый мужчина, чьей роковой слабостью оказалась женщина. Или две.

Его лицо вспыхнуло.

— Если в этом есть бесчестье, то оно только мое.

— А дитя — он тоже твое?

Кровь отхлынула от его лица.

— Откуда ты знаешь?

— Женщины всегда знают, — ответила она и вздохнула. — Я была достаточно глупа, чтобы надеяться… Неважно. Я не мужчина этого Дома, чтобы защищать его честь сталью. Но мои попытки защитить тоже не привели к успеху. Не пытайся лгать мне. Я знаю, что каждый из вас искал другого.

— Еще час, и я устремился бы искать ее.

— Несомненно. Еще час, и ты нашел бы ее. Мертвой.

Это было не одобрение. Но это было в некотором роде прощение. Он склонился перед нею.

— Значит, ее не накажут?

— Разве она не достаточно наказана?

Руки Айдана болели. Он сжимал кулаки, и ногти глубоко впились в ладони.

— Это меня следует наказывать, и это я потребую плату за ее кровь.

— Ты много на себя берешь.

Он улыбнулся почти нежно.

— Но ты видишь, никто другой этого не может. Теперь я по крайней мере знаю убийцу в лицо. И могу вести охоту всерьез.

Это не должно было испугать ее, но она кивнула:

— Ты скоро выезжаешь.

— Сейчас.

— Ничего еще не готово, — возразила Хадижа.

— Есть лошади, — сказал Айдан, — разве не так? Есть еда, вода и вьючные животные, чтобы везти это все.

— Твои проводники… твой караван…

— Я сам могу проводить себя. Караван будет только задерживать меня. — Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание. — Госпожа. Я медлил не из благоразумия и не ради сделки, а только ради моей госпожи. Да, слабость, и роковая. Если я снова потерплю неудачу, как терпел неудачу во всем с тех пор, как пересек море, то, быть может, Бог будет милосерден и убьет меня за мою глупость.

Хадижа посмотрела на него долгим глубоким взглядом. Она видела то, что он отлично знал. Он был спокоен. Его сознание было ясным. Он прекрасно знал, что делает. И он был совершенно безумен.

Он встал и низко поклонился, так низко, как только мог кланяться франк и принц. Он ничего не сказал. Какие бы обещания он ни давал, она знала так же хорошо, как и он: какие из них у него была надежда исполнить, а какие были только

надеждой за гранью разума.

К этому моменту гречанка-знахарка почти закончила свое дело. Джоанна лежала на матраце, и теперь скорее была погружена в глубокий сон, чем находилась без сознания. Тонкая глубокая рана была перевязана, в ней была оставлена трубочка, а под нее подставлен сосуд, чтобы собрать все, что еще может вытечь; вся кровь из раны уже была удалена. Айдан склонился и поцеловал Джоанну, не заботясь о том, кто это видит, а потом повернулся прочь.

И снова он прошел через весь дом. И снова никто не остановил его. В этот раз никто и не пытался. Его комната была пуста, если не считать воспоминаний. Ни стражей, ни мамлюков, ни даже слуги. Он тщательно оделся в чуждую одежду, ставшую самой привычной: бедуинские одеяния, свежевыстиранные, но носящие неизгладимый отпечаток пыли, солнца и пустынных просторов. Он привезет их обратно домой, а вместе с ними свой меч и два ножа. Один выкованный им самим. Другой — освященный кровью Джоанны.

Он выглядел великолепно диким, возвращаясь тем же путем, каким пришел, он был похож на пустынного бандита, за которого принимали его бездельники в приемной атабека. Он мог бы дать им предмет для разговоров.

В гареме почти ничего не изменилось, разве что стало тише, меньше похоже на голубятню, куда залетел ястреб. Возвращение ястреба было встречено большим спокойствием и меньшим количеством лиц. Ему было все равно. Он хотел видеть только одно лицо, и это лицо никогда не закроют от него вуалью.

Она пришла в себя, на что он даже не осмеливался надеяться. Знахаркин евнух, поивший ее каким-то снадобьем — вино, густое от пряностей и чего-то темного, сладкого, навевающего сон — поднял глаза, но не прервал своего занятия. Его глаза были огромными, словно глаза святого на мозаичной стене, и совершенно спокойными. Можно было утонуть в этом спокойствии.

Айдан позволил своей душе разжаться, засиять золотым пламенем. Отблеск этого пламени был заметен на нем, когда он преклонил колени у ложа Джоанны. Она нахмурилась, глядя на него снизу вверх.

— Я трусиха, — произнесла она.

Она по-прежнему могла изумить его, даже насмешить: это был смех со слезами, оттого, что она была жива, и хмурилась, и была непредсказуема.

— Я трусиха, — настаивала она. — Один маленький кусочек боли, и я убегаю, прямо в темноту.

— Так поступило бы любое мудрое существо, — ответил Айдан.

Она покачала головой — совсем слабо, потому что иначе было больно.

— Я заставила себя вернуться. Это был долгий путь. Я видела тебя, как пламя в ночи. Ты вел меня. Я никогда не потеряюсь, пока ты со мной.

По его лицу струились слезы. Он не мог даже стереть их.

Она увидела. И напряглась, пытаясь подняться. Он удержал ее, пока она не повредила себе заново. Она не чувствовала этого. Лекарство уже действовало на нее; она сопротивлялась этому действию с отчаянной силой.

— Ребенок! Я потеряла ребенка? Почему ты плачешь? Я… потеряла…

Холодный чистый голос с греческим акцентом оборвал ее отчаянные вопросы:

— Ты не потеряла его. Но потеряешь, если будешь творить такие глупости. Ложись и засыпай.

Но это было не в натуре Джоанны — повиноваться кому-либо без борьбы. Она легла, но рука под щекой сжималась в кулак, и ее глаза, хотя и затуманенные, были устремлены на лицо Айдана.

— Почему ты плачешь?

— Потому что я люблю тебя.

Она забрала эти слова в свой сон. Улыбка появилась на ее лице, когда ушло сопротивление; она не знала этого, да и ей не нужно было знать. Айдан поцеловал ее губы, и брови, и затылок под косой, заплетенной туже, чем заплетала она сама. Его руки скользили по его телу, окаймленные пламенем. Он отдавал ей этот дар. Он изливал его, не думая о цене. Это само по себе не могло исцелить ее. Но это могло сделать ее сильнее, придать легкости и тепла, когда тьма станет гуще, защитить и оборонить ее против демонов болезни.

Его руки медленно опустились, повисли по бокам. В комнате было сумрачно, огонь покинул его. Теперь он был у Джоанны, весь, какой Айдан мог отдать. Он никогда не отдавал так много. У него кружилась голова, как будто он делился не силой, а кровью. Он улыбнулся. Теперь она не умрет. Ни она, ни дитя, сотворенное ими.

Гречанка смотрела на него с осознанием, с пониманием, но лишь с небольшим проблеском страха.

— Ты мог убить ее, — сказала она.

— Но не убил.

— Нет веры твоей мудрости. Я знаю, кто ты, дух огня. Неужели все твои годы не смогли научить тебя быть разумным?

— Я очень молодой демон. — И он чувствовал это, здесь, сейчас, рядом с этой смертной женщиной и ее учеником, который никогда не будет мужчиной. Юность не была чем-то чуждым для него, который никогда не станет старым, но он забыл, что значит быть безрассудным мальчишкой, не проверенным в деле, не испытавшим ничего, лицом к лицу с врагом, который не обладал этими недостатками.

И он исчерпал свою силу, чтобы дать Джоанне жизнь.

Айдан выпрямился и выдавил улыбку. Быть может, в делах могущества он и был ребенком, но телом он был мужчина, и знал, что такое война.

Джоанна спала, защищенная доспехом из света. Он покинул ее и ее темноглазых стражей, и отправился взимать цену за ее кровь.

Часть V. Масиаф

24

Во внешнем дворе светили факелы, перестукивали копытами и беспокоились лошади, один из толпы вьючных верблюдов то и дело ревел от отвращения. Айдан смотрел на все это с некоторым удивлением. Он предполагал, что его мамлюки последуют за ним. Но он и не думал, что обнаружит здесь экспедицию, снаряженную, словно для рейда по пустыне.

К нему направлялся Карим, как всегда вычурно-элегантный, с завитой и надушенной бородой и в гороподобном тюрбане. Он выглядел невеселым, но причиной тому было загадочное происшествие и несчастье с Джоанной. Под этим, насколько могла проникнуть ослабевшая мощь Айдана, Карим был весьма доволен. Ему поставили невозможную задачу, он выполнил ее, он был рад отделаться от беспокойных гостей; и при этом он заплатил за все меньше, чем ожидал.

Он вежливо, хотя и без особой приязни приветствовал Айдана.

— Сожалею, — сказал Карим, — что мы не имели возможность снабдить вас всем, о чем договаривались. Проводниками, нужным количеством вьючных верблюдов, двойными заменами…

— Неважно, — оборвал его Айдан. — Я вижу две лошади для каждого человека и достаточное число верблюдов. В проводниках я не нуждаюсь. Я знаю, куда мы направляемся.

— А знаешь ли ты, где безопасно, а где племена запрещают проходить?

— Бог проведет меня, — ответил Айдан.

Ни один добрый мусульманин не мог допустить и тени сомнения в подобном заявлении. Карим, пойманный на вере, вернулся к долгу:

— Я рассказал предводителю твоих мамлюков все, что я знаю о дороге и ее опасностях. Тебе лучше ехать осторожно, особенно там, где местность кажется наиболее тихой. Тот, на кого ты охотишься, не использует племена как свое оружие, и они нападают просто из любви к схваткам.

— Значит, я могу угодить им, вступив в бой?

— Юность, — промолвил Карим, — удивительная пора.

Человек может умереть в схватке, говорили его глаза. А этот человек опозорил родственницу Карима и его Дом; а Аллах столь же справедлив, сколь и милосерден. Если это и была молитва, то какая-то хитрая.

Айдан усмехнулся.

— Это вряд ли голос юности, господин. Меня воспитали так, чтобы оказывать уважение как врагам, так и друзьям.

— Бог да поможет твоим друзьям.

Неосторожное высказывание. Айдан мысленно воздал ему должное, оборачиваясь и находя взглядом своего серого мерина, которого держал за узду Арслан. Глаза мамлюка несколько напоминали совиные, но он по крайней мере мог улыбнуться в ответ. Другие не настолько владели собой. Под взглядом Айдана усмешки пропадали, но звенящая свирепая радость не исчезала.

Он и сам чувствовал эту радость. Она была черной и алой, как пламя во тьме. Он легко взлетел в седло.

— Я вернусь, — пообещал он, — чтобы увидеть, чем завершится наша сделка.

Кариму не пришлось прилагать многих усилий, чтобы пробормотать в ответ:

— Аллах велик. — А потом, поскольку он был честный человек и не видел проку в мстительности, добавить: — Да дарует Бог успех твоему предприятию.

Айдан поклонился, сидя в седле. Его сорвиголовы ожидали. Он дал команду отправляться.

Город закрывался до рассвета, но Дом Ибрагима имел влияние на охрану боковых ворот. Когда город остался позади, никто не оглянулся на эту массу тени и звездного света, носившую название Алеппо. Часть сердца Айдана осталась там, и большая часть его силы, и кусочек его души, если у него была душа. Но все это он уносил в своей памяти. Взгляд его был устремлен на дорогу впереди.

Пять дней пути до Гамы на Оронтесе, наиболее подходящим для дороги аллюром; а потом три дня с меньшей скоростью и с оглядкой до Масиафа. Для Айдана в эту первую ночь, когда звезды бледнели перед рассветом, Масиаф казался столь же далеким, как луна. Он шел так далеко и так долго; он потерял могущество, чтобы увидеть финал.

Мамлюки были мусульманами, и весьма ортодоксальными. Даже Конрад с его прекрасным викингским ликом пять раз между рассветом и ночью кланялся в сторону Мекки: при первых проблесках света, на восходе солнца, в полдень, на закате и перед сном. Они были так же пунктуальны, как монахи, и столь же непреклонны.

Они к тому же были быстры. Айдан вынужден был признать это. И разумны: они никогда не упускали подходящего случая дать отдых коням.

После молитвы на восходе солнца в первый день они поели и отдохнули. Это не был лагерь в полном смысле этого слова: они

не стали раскидывать шатры, а разместились в каменистой ложбине неподалеку от дороги, где росла жесткая трава, которой питались верблюды. Большинство людей спало. Они были сильны, и несомненно были вояками, но они были еще и молоди, и не спали всю ночь.

Айдан, для которого сон был скорее обычаем, чем необходимостью, бродил между животными. Его мерин подошел без зова, дохнул Айдану в ладони и получил кусок сушеного яблока, которое тот прятал в рукаве. Айдан прижался щекой к теплой гладкой шее, почесывая животное меж ушами, где лошади это особенно любят, освободившись на несколько мгновений от мыслей, рассуждений, от себя самого.

Легкие шаги заставили его вернуться к действительности. Он повернулся, довольно медленно, как считал сам, но тот, другой, вздрогнул. Это был Райхан, серый и осунувшийся, с дикими глазами, как будто он вот только сейчас вдруг вспомнил, кем был его господин.

Айдан попытался успокоить его улыбкой. Тот даже не увидел этого. Он простирался в пыли, как это делают обитатели Востока, бормоча что-то, в чем Айдан не мог уловить никакого смысла.

Постепенно слова становились понятными.

— Я видел, как пришла твоя госпожа, я приветствовал ее, я стоял на страже до твоего прихода. Когда ты был там, я смотрел через перила в сад. А когда я снова обрел память, я лежал на галерее, как будто спал, и твоя комната была пуста, и все говорили, что ассасин пришел, нанес удар и исчез. Это моя вина, мой господин, моя прискорбная вина. Я плохо нес стражу. Я должен умереть за это.

Айдан схватил его за плечи и тряс до тех пор, пока тот не перестал бормотать.

— *Ты* должен умереть? Она была в моих объятиях, когда ее ранили. Как же я должен поплатиться за это?

Райхан громко сглотнул. Его кулаки сжимались и разжимались.

— Но, господин мой… Вы были заняты.

Айдан коротко, отрывисто засмеялся.

— А почему я был занят? Нет, Райхан. Я не буду наказывать тебя. Ты был заколдован очень сильным и коварным демоном. А я был просто непростительно глуп.

— Господин мой! — протестующе и оскорбленно воскликнул Райхан.

— Иди спать, — сказал Айдан. — Нам предстоит долгий путь.

Райхан набрал в грудь воздуха, как будто собираясь продолжить спор, но взгляд Айдана был непреклонен. Райхан

медленно пошел прочь, нашел свое место и лег на него. Вздох его был громким и очень тяжелым, но выглядел он чуть менее несчастным, чем до этого.

Чувство вины покинет его, хотя, быть может, и не скоро. Айдан не знал, уйдет ли это чувство и от него.

Когда дневной жар стал спадать, они снова пустились в путь. На дороге было немного путников. Пастух, окруженный свои стадом; караван, предвкушающий завершение пути в Алеппо. Земля была ровной — голая бурая пустыня, тут и там мелькали островки зелени. Там, где была зелень, были и люди, деревеньки, пристроившиеся у источника или ручейка.

Они разбили лагерь много времени спустя после захода солнца, под растущей луной. Даже неугомонные кипчаки едва не засыпали в седле. Айдан смотрел, как люди размещались и договаривались о несении стражи. Первую очередь он взял на себя. Мамлюкам это не понравилось, но он не нуждался в сне. Его могущество оставалось пустой чашей, хотя первые капли новой силы уже коснулись краешка его сознания. Он присматривался, прислушивался и принюхивался, как поступала бы всякая земная тварь. Он обходил лагерь по кругу и ждал, пока проползут долгие часы.

Он мог бы оставить их всех и отправиться в одиночку. Но они последовали бы за ним; и пока у него не было силы на большее, нежели проникновение в мысли того, кто стоял возле него на расстоянии вытянутой руки, он не мог ни ускользнуть из-под их присмотра, ни защитить их от демона из Масиафа.

Айдан зарычал, продолжая ходить. Демон. Марджана. Чудовище из его собственного племени. Слепая ползучая тварь без сердца и души, одна только ненависть и похоть, которую она называет любовью. Было ли это сущностью того, чем он был? Без человеческого воспитания, без человеческой любви, не более, чем волк или пантера. Животное. Убийца без понимания и милосердия.

И он считал ее прекрасной. Он желал ее, грезил о ней. В то время как она лгала и расставляла ему ловушки, и заманивала его к гибели.

Он бросил в воздух:

— Марджана. Марджана, охотящаяся в ночи. Теперь я знаю тебя. Я иду к тебе.

У него не было возможности узнать, услышала ли она его. Она не ответила.

Еще будет время и место для этого. В Масиафе; или, если ее сталь окажется быстрее, чем его ярость, в аду.

Айдан не знал, когда ему стало ясно, что он ошибся в своих

расчетах. Его мамлюки, казалось, не видели ничего неправильного. Медленно наполнявшаяся чаша его могущества пыталась убедить его, что эта дорога — правильная, дорога на Гаму, откуда ему предстоит начать путь на Масиаф. Дорога вела на юго-запад по солнцу и луне.

Но глубоко под этой уверенностью крылось беспокойство. Броселианд, любимое место его матери, был точно таким же, непостоянно-изменчивым, и привкус на языке и дрожь на коже говорили о магии. Их вели, их сбивали с пути.

Он уверился в этом в тот день, когда они, передвигаясь со взятой ими скоростью, должны были прибыть в Гаму. Там, где широкая бесплодная равнина должна была блеснуть извивами Оронтеса, не было ничего, кроме пыли, песка и камней. Дорога убегала вдаль, пустая и дразнящая, и горячее марево плясало над ней.

Однако они еще не были в трудном положении. Они избегали больших городов, но в последней из маленьких безымянных деревушек они наполнили меха водой и хорошо напоили верблюдов. На этом настоял Айдан. Остальные считали это глупостью — так близко от реки и города готовиться словно бы к переходу через всю пустыню.

Айдан остановил своего мерина. Тот вытянул поводья из его пальцев, наклонив голову, чтобы почесать зудящее место на передней ноге.

Арслан остановился рядом с Айданом.

— Ты видишь что-нибудь, мой господин?

— Ничего, — ответил Айдан. — Вообще ничего.

Арслан поднял бровь. В последнее время это вошло у него в привычку. Айдан почувствовал, как его собственная бровь ползет вверх, когда осознал, у кого парень перенял эту привычку.

— Мой господин? — переспросил Арслан.

— Я ничего не вижу, — повторил Айдан. — А должен видеть Гаму или по крайней мере реку.

Подъезжали остальные, останавливаясь так близко, как позволяли их лошади. Кобыла Тимура, как всегда, негромко ржала и покусывала коня его брата, который, как обычно, набирался храбрости прекратить эти попытки познакомиться. Этот мерин, казалось, никогда не решится на это.

Ильхан похлопал его по шее.

— Дурашка, — сказал он мерину. Потом обратился к Айдану: — Мы не можем увидеть Гаму. Она лежит в ложбине, вырытой рекой.

— Так где же река?

Никто из них не мог дать ответ. Большинство, казалось, и не

хотело этого.

— Мы, должно быть, ехали медленнее, чем считали, — сказал Дилдирим.

— Или свернули не там, — предположил Конрад.

Андроникос нахмурился:

— Разве это похоже на холмы вокруг Гамы?

— А на что это вообще похоже? — резко парировал Арслан.

Он хмуро уставился на дорогу. Постепенно лицо его становилось все мрачнее. Он выругался по-турецки, коротко и яростно.

— Аллах! — ответил он сам себе. — Ничего похожего на холмы нигде. Где мы, во имя Господа?

— К югу от Алеппо, — отозвался Тимур.

Но даже он стушевался под их свирепыми взглядами.

— Я скорее хотел бы узнать, почему, чем где, — промолвил Андроникос. А когда все уставились на него, добавил: — Если мы поймем, почему сбились с дороги, мы можем понять, где находимся.

Греческая логика. Для сарацина она была бессмысленной. Для франкского колдуна она означала больше.

— Что касается "почему", — сказал Айдан, — то я могу ответить довольно легко. Мы были заколдованы. — Все уставились на него, но он не отвел глаза. — Да, даже я. Я не непобедим.

Они громко запротестовали. Он ждал, пока они устанут перекрикивать друг друга. Потом сказал:

— Нам лучше поискать места для лагеря. Нам надо отдохнуть, успокоиться и подумать, как выбраться отсюда.

Они нашли весьма подходящее для стоянки место, низкий холм, увенчанный развалинами древней крепости. Одна стена по-прежнему высилась в рост верблюда; каменная кладка была прочной, а на холме было достаточно молодого кустарника для верблюдов, хотя источник давно пересох. Как обычно, присутствие Айдана было защитой от змей и скорпионов, и даже мухи избегали подлетать близко. Он сам не обращал на это внимания, но его мамлюки тянули жребий за места поближе к нему; и каждую ночь новый счастливчик дремал в тепле у его спины.

Кажется, этой ночью счастливый жребий выпал Андроникосу. Когда последний отблеск заката исчез в небе, он сел, поджав ноги, рядом с Айданом, принюхиваясь к аппетитным запахам, поднимавшимся из котелка и помешивая верблюжий помет в костре ножнами меча. Арслан, положение которого еженощно обеспечивало ему место по правую руку от Айдана, смотрел на

котелок безразлично. Его сильно тревожило, что они — даже они — пали жертвой колдовства. И рука Айдана у него на плече почти не успокаивала его.

Они ели почти в молчании, никто из них не выкидывал мальчишеских шуточек. Их глаза то и дело устремлялись на Айдана. Было ясно, что если надо думать, то этим предстоит заниматься ему.

Его аппетит, и всегда-то невеликий, совсем пропал. Он проглотил последний кусок и слизал жир с пальцев. Он знал, что должен сделать. Но не знал, хватит ли у него для этого силы.

Все прекратили жевать, уставившись на него. Он рявкнул на них. Они отшатнулись, но глазеть не перестали.

— Тело Господне! — взорвался Айдан. — Где еще сыщешь такую кучу пучеглазых идиотов?

— Нигде, — пробормотал кто-то.

Айдан рассмеялся, резко и коротко.

— Ну что ж. Но то, чем нам надо заняться — это отнюдь не размышления. Не совсем.

И пока он говорил, он отступил чуть назад от костра, пыли на брусчатке двора, разбросанных камней. Там, где был огонь, зияла пустота, но камень перед ним был ровным и неповрежденным. Айдан глубоко и медленно вздохнул, созерцая это. Пламя в нем едва горело, но все же горело. Решимость его мамлюков питала это пламя. С величайшей осторожностью он собрал его в ладонях, словно в чаше. Огонь мерцал; Айдан дохнул на него. Пламя стало ровнее. Айдан опустил его на камень. Он переливался, словно драгоценность, созданная из света, рубин в сердце, лунный камень по краям. Айдан простер над ним ладони. Самоцвет расплавился и растекся. Воля Айдана придала ему облик и вещественность, сделала его изображением мира. Восток засверкал, вырос и заполнил круг между Айданом и огнем.

Тут был Алеппо, белый как кость город с выступающим клыком цитадели. Дамаск, зеленый самоцвет в пустыне. Иерусалим, сердце мира, мгновенный золотой отблеск Скального Купола. Меньшие города становились отчетливее один за другим по мере того, как он называл их. Шаизар, Гама, Хомс вниз по течению Оронтеса. Антиохия, Тортоса, Триполи, к западу и по направлению к морю. А между ними, в горах Сирии, Масиаф.

Айдан пошатнулся, глаза его затуманились. Изображение заколебалось, словно видимое сквозь толщу воды. Его края остались четкими. Медленно он проследил линию между ними: зримый облик силы, исходящей из Масиафа. Край этой силы прослеживал дороги везде, где мог, направлял их туда, куда хотел, вел глаз так же, как вел тело. Да, на юг и запад, но прочь с

верного пути, в пустыню. Гама была в долгом дневном переходе к западу. Они могли выйти к Оронтесу, но к югу от Хомса, к берегам озера. Оттуда они могли бы попасть в горы, но никак не в Масиаф; дорога и сила направили бы их в Триполи, к франкам.

Это была достаточно тонкая магия, коварная и удивительно искусная. Она показала ему, кем он был, бессильный ребенок, лишившийся дарованной ему силы; расточавший силу, когда должен был ее беречь и запиравший ее в клетку, когда должен был пустить ее в свободный полет.

Он не знал лучшего. Его войны всегда были человеческими войнами; могущество было игрой, даром, которым он пользовался потому, что бы наделен им, а не потому, что в этом была крайняя необходимость. Он никогда не тренировал этот дар, как тренировал бы лошадь или собаку. Он предоставлял этому дару развиваться самому по себе, если ему это надо, или учился чему-нибудь порою для собственного удовольствия.

Было поздно оплакивать собственную глупость. Он был отгорожен от Масиафа стеной; у него не было ни силы, ни умения пробить эту стену.

Но он был связан клятвой. Он должен идти. Он должен проломить стену.

Или перелезть через нее.

Или подкопаться под нее.

Айдан изумленно моргнул. Он лежал на боку; он не помнил падения. Изображение исчезло. Но оно пылало в его памяти. Он знал, где они находятся и куда им идти. Он пытался сказать это; он не мог подыскать слов на арабском. Все его чувства притупились, как было тогда, когда он отдал свою силу Джоанне. Он снова был опустошен. Ему следует научиться быть мудрее.

Позже.

Сейчас надо спать. Мамлюки завернули его в одеяла — и в свои тоже; он даже не мог заговорить, чтобы выругать их за это. Они сгрудились вокруг него, как щенки. Все они ощущали тепло, сонливость и блаженную уверенность. Он был их господином. Что бы он ни собирался сделать, он не может потерпеть неудачу.

За такие мысли он с удовольствием передушил бы их всех.

25

Айдан обнаружил, что было возможно обогнуть запретные земли по краю, настолько приближаясь к его границам, насколько было позволено. Как будто с правой стороны простиралась пустота, невыносимая невозможность свернуть к Масиафу. Иногда он пытался. И неизменно обнаруживал, что уклонился далеко от своего пути, медленно теряя ощущение, что ехал правильной дорогой.

Они обошли Хомсское озеро, перешли вброд Оронтес и свернули к северу. Сила Айдана возрастала, как будто долгие дни путешествия вне пределов запретного круга питали и поддерживали ее; он не мог свернуть прямо к Масиафу, но мог уже подобраться ближе.

Теперь они были во франкских владениях, в Триполийских землях. Для Айдана это мало что означало. Половина его замкнулась на скорби и ярости, которые вели его; половина — на следовании по узкой тропинке между кругом ассасинов и свободными землями. И не оставалось ни кусочка сознания, чтобы заботиться о том, ел он или спал, ехал или отдыхал, ехал ли через земли, лежавшие в тени мусульманского стяга или христианского щита. Его мамлюки трепетали перед ним больше, чем обычно; это он чувствовал. Они также полагали, что он совершенно потерял рассудок.

Так оно и было. Часто мир ускользал от его взора, и он видел Джоанну, лежащую там, где бросила ее ассасинка, и землю, какой начертала ее его сила, и запретный круг, очерченный кольцом пламени. Но он, который сам был огнем, начал, дюйм за дюймом, разрывать это кольцо.

В один из дней без имени и числа, под небом столь же серым, каким виделось Айдану все, что не было кольцом и запретным кругом, он резко выпрямился в седле. Лошадь остановилась. Его эскорт подтянулся к нему.

За кругом не было живого существа. Точнее, он был начертан энергией живущего, но, будучи единожды начертан, поддерживал сам себя: как защиты, которые возводил сам Айдан, но гораздо сильнее. Как жаль, подумалось ему, что такой мастер силы может быть столь жестокой тварью.

Но он знал кое-что, чего могла не знать она. Сквозь защиты без постоянного живого стража можно было пройти. Не легко, не просто, но можно. И тот, кто прошел, если он искусен и достаточно могуществен, могу установить стену снова, но он был бы уже внутри и, может статься, недосягаем для того, кто

установил защиту.

Айдан медленно улыбнулся. Он вконец перепугал своих несчастных парней; но объяснять им ничего не стал. Он тронул с места нервничавшую лошадь, успокаивая ее голосом и прикосновением руки.

Они ехали почти точно на север по дороге, которая была древней, когда Рим был молод; но Рим выровнял и замостил ее, и она просуществовала тысячу лет. Круг запрета пытался оттеснить их на запад; Айдан собрал всю силу сознания, отвратил мысли от конца охоты и сконцентрировался только на том, что лежало прямо перед ним. Напряжение ослабло. Он расслабился тоже и почти задремал.

По камню застучали копыта. Айдан насторожился вновь. Тимур, уезжавший вперед, галопом вылетел из-за холма и остановил коня. Он едва не плясал в седле.

— Всадники! Целая армия. В доспехах. С копьями.

— Франки? — спросил Айдан, хотя уже и сам знал.

— Франки, — ответил Тимур.

Мамлюки собрались вместе. Один или двое обнажили мечи. Турки потянулись за луками.

Айдан остановил их всех.

— Нет. Боя не будет.

До некоторых их них дошло не сразу. Они забыли, кем был их господин.

Он поехал вперед, велев Арслану удостовериться, что мечи остаются в ножнах, а луки — не снаряженными. Без спешки, но и не медленно, они въехали на холм.

И вправду всадники. Всадники в черном, с белыми крестами на щитах и на плечах. Пара рыцарей-госпитальеров с оруженосцами и вооруженным эскортом. они видели Тимура: выстроились в походном порядке, рыцари надели шлемы перед боем. Увидев Айдана, рыцарь, ехавший впереди, вскинул руку. Франки остановились, загородив дорогу.

Айдан тоже велел своему отряду остановиться, слегка вздрогнув и начав осознавать опасность положения. Если его мамлюки забыли, что он франк, то и сам он забыл, как выглядит в глазах рыцаря Заморских Земель: сарацин с отрядом сарацинов, он в бедуинских одеяниях, они в алых ливреях, экзотичных, словно оперение фазана; и какая наглость — ехать вооруженными, открыто, по дороге через земли, где правят франки.

Госпитальер закричал на ужасном арабском, его голос сотрясал недвижный воздух:

— Кто вы? Почему вы едете по этой земле?

Айдан выехал вперед, махнув мамлюкам держаться сзади. Они повиновались, готовые броситься при первом же намеке на угрозу. Франки напряглись. Айдан держал руки далеко от своего оружия, лицо его было спокойно, в глазах бился сдерживаемый смех. Он заговорил на самом своем изысканном лангедокском наречии, столь же мягко, как он некогда обхаживал свою даму в Каркассонне.

— Доброго дня тебе, преподобный брат, и всему твоему отряду.

Если госпитальер и был потрясен, обнаружив рыцарскую учтивость в волке пустыни, то он не обнаружил это ни малейшей заминкой. Он перешел на родной язык с видимым облегчением. Его выговор был ничуть не чище, чем у Айдана.

— День настолько хорош, насколько хорошо прожил его человек. Кто ты, и какое дело привело тебя в наши земли?

— Я добрый христианин, — ответил Айдан, — и рыцарь с Запада, надеющийся стать рыцарем в Иерусалиме, и если я вторгся в чьи-то владения, то молю простить меня. Я думал, что эта дорога открыта для любого, кому нужно проехать по ней.

— Это зависит от того, для чего это нужно.

Айдан улыбнулся.

— Не питай страха, преподобный брат. Мое дело не относится ни к тебе, ни к кому-либо из вас.

— Вряд ли ты ждешь, что я поверю в это.

Все они, собеседник Айдана и молчаливый отряд, смотрели на мамлюков Айдана, которые в ответ бросали отменно свирепые взгляды.

Айдан улыбнулся еще шире.

— Ах да, вижу. Прошу прощения, сэр. Они не причинят никакого ущерба. Они принадлежат мне и будут делать то, что я им прикажу.

— С каких пор, — едко спросил госпитальер, — толпа сарацинов повинуется христианскому рыцарю?

— С тех пор, как султан Дамаска подарил их мне, — ответил Айдан.

По рядам пронесся ропот.

Айдан понял, что это означало.

— Вы думаете, я изменник? А разве вы сами никогда не вступали в союз с Оплотом Ислама?

— Тебе лучше будет проехать со мной, — сказал госпитальер. — Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, тебе лучше предоставить объяснения тем, кто сможет рассудить лучше меня.

А если нет, стояло за этим, то с тобой поступят так, как ты

того заслуживаешь.

Айдан оглянулся. Его мамлюки смотрели, настороженные и напружиненные, словно звери. Только один или двое могли понять то, что было сказано, но все они понимали выражение лица и голоса, и узнавали враждебность, чувствовали ее. Госпитальеры терпеливо ждали, но их терпение грозило лопнуть, и уже скоро. Позади, там, куда они намеревались отвезти его, был их замок.

Замок находился внутри запретного круга, у дороги, которая вела почти прямо в Масиаф. Айдан прикинул тяжесть и количество человеческих сознаний и силу, которая оставалась у него, чтобы скрыть свою чуждость. Вполне возможно, ее окажется достаточно.

Он послал благодарственную молитву доброму ангелу, который поставил на его пути госпитальеров, и сказал:

— Я буду счастлив воспользоваться вашим гостеприимством.

Они приняли это за иронию. У него пропало всякое желание посвящать их во что-либо. Он позволил им окружить его маленький отряд, удерживая своих сорвиголов от оскорблений, сдерживая их словами и взглядами. Тимур был достаточно отважен, чтобы высказать то, что думали они все, яростно, но почти шепотом:

— Но мы же *пленники*!

— Гости, — возразил Айдан с царственной уверенностью, — и союзники.

Никто из них не верил в это. Но все сохраняли спокойствие. Их не обезоружили, и они заметили это. Они просто предпочли бы ехать куда угодно, но только не туда, куда вели их госпитальеры.

А они были внутри запретного круга, и не видели этого, и не беспокоились об этом. Айдан, окруженный ими, не мог избежать этого. Он был соломинкой в потоке воды, вращавшей мельничное колесо; и не имело значения, что он хотел пройти сквозь стену. Всего его могущества было недостаточно, даже притушенного, даже похороненного глубоко в человеческом сознании, даже заглушенного почти до забвения. Он не был достаточно могуществен. Он не был достаточно искусен. Он не выдержит. Он бросится прочь. Он…

И как раз тогда, когда он понял, что не вынесет этого, когда казалось, что мозг закипает в черепе, а по жилам течет расплавленный свинец, стена треснула, прогнулась и в мгновение ока рухнула.

Он прошел. Он тяжело навалился на переднюю луку седла и на долгий миг повис так, борясь с тошнотой и головокружением.

Его воины смотрели на него, начиная тревожиться. Айдан с усилием выпрямился и утер лицо. Позади них запретный круг восстанавливался сам собой. Никто не высылал погоню; ни единый знак на земле или в небе не указывал, что строитель защиты заметил ее разрушение.

Айдан засмеялся — радостно и вызывающе — и пустил лошадь легким галопом.

Он с радостью оставил бы свой эскорт и направился бы прямо по дороге в Масиаф, но какие-то остатки предусмотрительности удерживали его от этого. Близилась ночь; его лошадь устала. Так же, как и он сам, если говорить начистоту. Какая разница, остановится ли он на отдых в лагере или в твердыне госпитальеров?

Для Арслана и его товарищей это был Хисн аль-Акрад, Замок Курдов; но для франков — Крак де Шевалье, Крак Рыцарей, охранявший границы Триполи. Он уже вырисовывался на скале, стена и башня, защита и оплот, суровый и неприступный. Ничто на Западе не могло соперничать с ним; и ничто из того, что Айдан видел на Востоке.

На фоне печального неба замок был прекрасен, прекрасен и ужасающ. Но Айдан не испытывал страха перед ним. Это был не Масиаф.

Его мамлюки пытались подражать его спокойствию. Даже когда проходили под гулкой аркой ворот. Даже во внутреннем дворе, на котором мог бы разместиться целиком какой-нибудь французский замок, где они оставили лошадей и, наконец, сдали свое оружие. Айдан позволил угрюмому сержанту обезоружить и обыскать его, сказав с трудно давшейся ему небрежностью:

— Сообщите, куда вы положите оружие. Я хочу впоследствии получить его обратно.

— С этим обратитесь к кастеляну, — ответил сержант. Он передал кинжалы и меч Айдана брату-мирянину, и повернулся к своему командиру:

— Чисто, сэр.

Рыцарь кивнул. Он уже снял шлем и сбросил наголовник на плечи, открывая обветренное лицо без возраста, седеющие коротко стриженые волосы, обрамляющие тонзуру, и бороду, отрощенную длиннее, чем было в обычае у монахов-воинов. Здесь, в своей твердыне, среди своих людей, он мог немного расслабиться и позволить себе подумать — что если эта дорожная неожиданность сказала правду?

— Ты пойдешь со мной, — сказал он, по-прежнему не оказывая уважения и не называя титула, но и не проявляя

враждебности.

Айдан не двинулся с места.

— Один?

Рыцарь слегка нахмурился.

— Можешь взять с собой еще одного.

— А остальные?

Тот еще больше помрачнел.

— Они останутся под присмотром.

— Как гости?

Айдан шел по узенькой и опасной дорожке, и знал это. Но казалось, что госпитальер не усматривает причины для гнева.

— Как гости, — согласился он. — Пока вы не докажете обратного.

Айдан учтиво склонил голову. Потом сказал по-арабски своим мамлюкам:

— Я пойду с этим человеком. Вы гости. Ведите себя соответственно, иначе будете отвечать передо мной. Райхан, идем.

Он, как и они, осознавал, что его слова и их повиновение будут замечены и взвешены. И поэтому они поклонились все разом, изящно и гордо, и без малейшего неповиновения, и пошли туда, куда вели их слуги госпитальеров. Райхан остался. Он желал громко заявить о том, что недостоин, но был слишком горд, чтобы высказать это перед столькими франками. Айдан обнял его рукой за плечи и усмехнулся.

— Ну, братишка. Покажем этим людям, из чего мы сделаны?

Райхан распрямил спину. Он никогда не забудет, что оказался плохим стражем именно тогда, когда случилось несчастье, но он уже учился прощать себя. Айдан удовлетворенно улыбнулся. Он отпустил юношу, и тот занял место телохранителя в одном-двух шагах позади Айдана. Они пошли за своими проводниками во внутренние покои замка.

Восточный обычай сохранялся даже здесь, где рыцари Господа несли стражу против сарацинов. Хотя простота голого камня и сумрачные коридоры целиком принадлежали западному монастырю, здесь были и признаки более утонченного мира: ковер, драпировки, часовня с алтарем, покрытым византийским шелком. Айдану была предложена ванна, потом еда, напитки и свежие одежды. Он отлично знал, что все это будет отменно. Он с сердечной радостью принял вино, остерег Райхана от свинины, запеченной с пряностями, предоставив ему угощаться хлебом, бараниной и чистой водой. Но Райхан позволил слуге облачить его во франкские одежды, получая от этого озорное удовольствие, которое он разделял со своим господином. Айдан видел в

Иерусалиме юных лордов, которые носили куртки и узкие штаны менее уверенно, чем этот сорванец, и с меньшим изяществом.

После еды они решили исследовать пределы отведенной им свободы. Казалось. они не были заключены в тюрьму или взяты под стражу, если не считать таковой молчаливого и вездесущего слугу. Райхан проверил дверь; слуга смотрел на него пристально, но не сделал ни единого движения. Потом Райхан отважно вышел в коридор. Его шаги удалились, легкие, но твердые, в них не было никакой неуверенности.

Вернулся он не один. С ним снова был госпитальер, но не тот, который доставил их в Крак. Сначала Айдан не узнал его. Долгое черное время прошло с тех пор, как рыцарь святого Иоанна приезжал на похороны Герейнта.

Он помедлил в дверях, войдя следом за Райханом, чернобровый и суровый. Он осторожно произнес по-арабски:

— Лорд принц, я подумал, что это можете быть вы.

— Брат Жиль, — сказал Айдан, улыбаясь помимо воли. — Вы ждали меня?

Госпитальер зримо расслабился и ответил улыбкой на улыбку.

— Возможно, не в такой компании.

Айдан засмеялся вслух:

— Я мог бы держать пари, что нет! Я был потрясен, узнав, что ваш орден поддерживает отношения с сарацинами. И вот я господин целой толпы сарацинов!

— Эту историю я с удовольствием выслушал бы, — отозвался Жиль, — если бы вы рассказали ее мне.

— Это довольно просто, — сказал Айдан. — Я усвоил уроки необходимости. Ассасин был моим учителем; султан — прилежным соучеником. Он отдал мне то, что его собственная необходимость воспрещала пускать в дело. Если говорить прямо, я был захвачен врасплох.

— Не более, чем был я, когда услышал, что прибыл тот, кто мог быть только вами, но в обличье сарацинского эмира. Это долгое летнее путешествие, даже для принца Каэр Гвент.

— Оно было… очень долгим. — Айдан не хотел произнести этих слов таким смертельно усталым голосом. — Тибо мертв. Вы знаете это?

Жиль скорбно кивнул.

— Немного времени спустя в Алеппо его сестра была ранена и едва не убита. В том, что она жива, нет заслуги моей охраны. Но я видел лицо убийцы. И я оставил на ней свою метку, хотя и слабую.

— На *ней*? — Жиль изумился, решив, что арабский язык

подвел одного из них или обоих.

Айдан оскалился и заговорил на лангедокском наречии:

— Да, брат. Женщина. По крайней мере, существо женского пола; демоница с серебряным кинжалом. Вы никогда не слышали о Рабыне Аламута?

— Легенда, — отозвался Жиль, — ночной ужас.

— Самый настоящий. Я записал на ее счет две жизни; третьей, если Бог пожелает, будет ее смерть.

Жиль не произнес ни слова.

— Да, — сказал Айдан. — Да, она подобна мне. Моя глупость, что я не верил; что я видел ее, знал о ней и никогда не думал, что она может быть смертью, преследующей меня. — Он тяжело дышал, руки его сжались в кулаки. Он с усилием взял себя в руки. — Она древнее, чем я, и сильнее. Она хорошо охраняет свое логово; долгое время она не пускала меня внутрь. И все же, вероятно, Господь услышал меня. Он послал навстречу мне ваших братьев именно тогда, когда я думал, как сокрушить стену магии, которой она перегородила дорогу на Масиаф. Один я никогда не собрал бы достаточно силы. Вместе с вашими братьями, огражденный их человеческой сущностью, я проник через стену. Теперь я внутри, и путь открыт. Я в неоплатном долгу перед вами и вашим братством.

Жилю понадобилось время, чтобы осмыслить все это: время, которое Айдан с радостью предоставил, потому что сам он уже едва держался на ногах, отчаянно усталый. Наконец госпитальер промолвил:

— Не вижу здесь никакого долга, кроме долга перед Господом. Я обещал вам всю помощь, какую только сможет предоставить орден; обещание было дано свободно, не за плату. И мы тогда даже не знали, будет ли оно исполнено.

— И все же оно было дано. Я запомню. — Так он сказал и тогда, во дворе Аква Белла, годы назад, если считать по времени, отмеряемому душой.

— Вы ожидаете, что мы отпустим вас, — произнес Жиль.

Айдан поднял голову. Госпитальер вздрогнул от света в его глазах.

— Вы можете задержать меня?

— Скорее всего, нет, — ответил Жиль. — Но во имя вашей жизни мы должны попытаться.

— Нет, — сказал Айдан. — вы, прежде всего, боитесь, что я могу разжечь пожар, который опалит даже вас в ваших замках на границах исламского мира. Как я могу уверить вас, что рискую только собой?

— Собой и двенадцатью мамлюками сирийского султана.

— Они часть меня. Я оберегаю их так же, как себя самого.

Жиль глубоко вздохнул.

— Я не занимаю здесь высокого положения. Я просто один из братьев ордена, который думает, что знает ответ на загадку о франке, выглядящем как сарацин. Кастелян намерен держать вас здесь под стражей до тех пор, пока вы не докажете, что не угрожаете ни нам, ни нашему замку. Я могу поручиться за вас, но я должен сказать правду. я думаю, что вы движетесь навстречу своей смерти.

— Будет так, как пожелает Бог. Я не очень желаю умереть, можете поверить. Смерть, которой я желаю — не моя смерть.

Рыцарь-госпитальер действительно мог поверить в это и понять это. Но Жиль, который был монахом настолько же, насколько и воином, медленно промолвил:

— Желание отомстить — вряд ли христианское чувство.

— Тогда по окончании дела я исповедаюсь своему духовнику.

Жиль покачал головой, неохотно сдаваясь.

— Истинный принц, и в достаточной мере христианин. Вы еще не обратили своих сарацинов?

— Пока незаметно, — ответил Айдан.

Они посмотрели на Райхана, который, будучи забыт ими, начал свою закатную молитву. После минутного молчания Жиль спросил:

— Не желаете послушать с нами вечерню?

Айдан поклонился в знак согласия.

Он не слышал молитвы своей веры с тех пор, как пересек Иордан, и не преклонял колени и не молился вместе с монахами с незапамятных времен. Все здесь были мужчинами, и низкие голоса тянули песнь. Ни женщин, ни мальчиков. Им не было места на лезвии меча.

Эта была армия в центре боевых действий. И все же слова молитвы были теми же, что и повсюду, слова отдохновения и мира.

Айдан не находил в них успокоения. Он слишком далеко зашел; он слишком много перенес. Для него не будет мира, пока ассасинка не умрет.

Госпитальеры закончили мессу и потянулись из часовни. Айдан остался на скамье, куда Жиль проводил его. Жиль вышел вместе с остальными. Юный брат затушил свечи одну за другой, все, кроме неугасимой лампады над алтарем. Казалось, он не видит Айдана в тени. Он низко склонился перед алтарем, выпрямился, зевнул и ушел.

Чуть погодя в узкую щель чуть приоткрытой двери проскользнула тень. Ее выдало чихание: запах ладана ударил по

непривычному обонянию. Тень скользнула вдоль стены, отчаянно испуганная этой чуждой святостью, но нуждающаяся в присутствии своего господина. У края скамей она застыла в нерешительности. Айдан не двигался. Внезапно тень сорвалась с месте и молча припала к его ногам. Глаза Райхана были устремлены вверх, на лицо Айдана, пугающе светлые на смуглом лице и почти слепые в темноте, которая самому Айдану казалась светлыми сумерками. Райхан дрожал, прижимаясь к коленям Айдана, ненавидя это место, но отказываясь уйти отсюда.

— Я ходил, — прошептал он. — Я ходил посмотреть, как там остальные.

— С ними все хорошо? — спросил Айдан, негромко, но и без особой мягкости.

— Было бы хорошо, если бы ты был с ними. Но они повинуются. Они ждут, когда ты дашь им приказ.

— Скоро, — ответил Айдан. Он откинулся на спинку скамьи и закрыл глаза. Когда он открыл их, в часовне был Жиль, и рыцарь с дороги, и еще трое, старше, чем те: жилистые, обветренные, напоминающие ременный кнут, и черное госпитальерское облачение сидело на них, словно хорошо подогнанная кольчуга. Воины, и все же — воины Господа; не изнеженные монастырские монахи, но воины веры, столь же твердые и непреклонные в ней, как любой мусульманин.

Айдан встал, чтобы принять благословение кастеляна Крака. Поднимаясь, он слегка пошатнулся. Круг запрета отобрал больше силы телесной и магической, чем Айдану хотелось бы знать.

Кажется, никто, кроме Райхана, не заметил этого, но плечо Райхана было именно там, где нужно — надежное и ненавязчивое. Айдан слегка оперся на него прежде, чем преклонить колени для благословения.

Кастелян, благословив его, сказал:

— Мы приветствуем вас в Краке, принц.

Айдан склонил голову:

— Преподобный отец.

— Готье де Турнай, — подсказал Жиль.

Айдан снова поклонился.

Кастелян смотрел на него, измеряя его и сравнивая с тем, что о нем рассказывали.

— Я вижу, вы еще не совсем стали неверным.

— Я и не намеревался, преподобный отец, — ответил Айдан. Кастелян кивнул.

— Король был бы рад вам, если бы вы захотели послужить ему. Вы не желаете вернуться?

— Не раньше, чем я исполню свою клятву.

— Даже если она убьет вас?

— Разве вы сделали бы меньше?

— Нет, — ответил кастелян. Он выпрямился. — Я не имею власти задерживать вас. Если бы вы попросили моего совета, я просил бы вас вернуться в Иерусалим и принести королю клятву верности. Но поскольку мой брат дал мне понять, как мало я могу на это надеяться, то я могу сделать не больше и не меньше, чем просто отпустить вас по вашему пути.

— Благодарю вас, — сказал Айдан, имея в виду именно это: больше, чем мог знать кастелян. Но Жиль понял. Он улыбнулся за спиной своего начальника, достаточно широко, чтобы дать понять, что битва была трудной, но зато победа полной.

— Вы можете остаться, — продолжал кастелян, — настолько, насколько сочтете нужным, и уйти тогда, когда захотите. Вы гости нашего ордена, и можете получить любую помощь, какую я могу оказать.

— Я прошу только о приюте на ночь для меня и моих спутников, и о ваших молитвах за нас.

— Вы получите и то, и другое, — ответил кастелян.

Айдан пошатнулся. Так иногда случалось: сила исчерпывала свои пределы и все, что за пределами, и тело предавало его.

На этот раз Райхан оказался менее быстрым или менее незаметным. Жиль подхватил Айдана раньше, чем успел мамлюк.

— Вы больны, — промолвил госпитальер.

Айдан покачал головой, столь тяжелой, что он едва почувствовал движение.

— Нужно только поспать, — выдавил он. Это было невнятно. Он пытался повторить: — Поспать… нужно…

Они отнесли его в постель. Он был так слаб, что не мог сопротивляться. Потом большинство из них ушло, но Жиль задержался, хмуро глядя на него сверху вниз.

— Если она настолько сильнее вас, как же вы надеетесь противостоять ей в открытой схватке?

Айдан наконец заставил язык повиноваться, хотя тело, казалось, превратилось в студень:

— А разве у меня есть выбор?

— Вероятно, нет, — вздохнул Жиль. — не хотите ли, по крайней мере, исповедаться перед отъездом?

— У вас есть право отпускать грехи?

— У меня — нет. Я принял только монашеские обеты.

Айдан закрыл глаза.

— Значит, я еще некоторое время поживу с грехами на душе.

— Обо мне злословили бы, — сказал Жиль.

Айдан улыбнулся в темноте под веками.

— Брат, вокруг меня всегда злословие. Стали бы вы духовником незнакомцу, в такой степени, в какой я им являюсь?

— Какой вред это может причинить, если хранить тайну исповеди?

— Достаточный, — ответил Айдан, — и довольно мало добра. Пусть так, брат. Я есть то, что я есть. Я поступаю так, как должен. И все же мы боремся с неверными, вы и я.

— На все воля Господа, — отозвался Жиль.

Айдан засмеялся, хотя уже засыпал.

— Вы говорите, как сарацины.

— Иногда даже неверный может воспринять немного истины.

— Как пожелает Бог, — сказал Айдан, все еще улыбаясь. — А Он пожелает, брат. Только ждите и смотрите.

26

Все мужчины Сайиды были накормлены и удалились на день: отец и Маймун в кузню, а Хасана забрала Фахима, собираясь часок побаловать его. Сайида, свободная и чувствовавшая странную незавершенность, пошла прибраться в комнате, которую делила с Маймуном. На ходу она слегка улыбалась. Он пообещал ей снова прийти сегодня и почти пообещал отпустить ее на базар через день-другой. Хитрость, вот что было нужно на него. Видит Аллах, ей потребовалось много времени, чтобы понять это.

В крошечной комнатке было непроглядно темно. Сайида привычно прошла к окну, открыла его и постояла, наслаждаясь теплом солнца на щеках.

Призрак звука заставил ее повернуться. Кто-то распластался на матраце: белое, алое и неожиданный, пугающий пурпур. Сайида радостно и удивленно воскликнула:

— Марджана! — И повторила, уже менее весело: — Марджана! Что в мире…

Марджана сжималась в комок и дрожала. Сайида тронула ее за плечо. Она сжалась еще сильнее. Она плакала. Сайида схватила ее за плечи и обняла.

Марджана застыла; возможно, в шоке. Плакала ли она когда-нибудь? Дарил ли кто-либо ее просто любовью, не запрашивая цену?

Ее тело медленно распрямлялось. Она подняла лицо, прекрасное даже в слезах. Долгую минуту спустя Сайида осознала. что пряталось под подбородком Марджаны. Горло ее было синевато-багровым и опухало почти на глазах у Сайиды. Голос ее был хриплым шепотом.

— Я не собиралась являться сюда.

Голова ее качнулась, откинулась. Она с усилием подняла ее. Ее волосы липли к лицу; она откинула их за спину. Остановилась. Уставилась на свои руки. На них была кровь — немного, но достаточно; уже засохшая, начавшая трескаться. Марджана содрогнулась.

— Смыть. Нужно… смыть…

Поблизости была вода — для утреннего омовения перед молитвой. Сайида принесла кувшин к матрацу и мягко, но настойчиво, потому что Марджана пыталась отпрянуть, смыла кровь. У нее был запах, слабый, но ощутимый, словно запах земли и железа.

— Кровь из сердца, — прозвучал хриплый шепот

Марджаны. — Но не… не кровь жизни. Я потерпела неудачу. Я, которая никогда не промахивалась, убивая. — Она пыталась смеяться, и слышать это было страшно. — Потому что впервые это была чистая ненависть, а не холодное убийство. Потому что впервые я действительно хотела отнять жизнь. И Аллах вырвал ее у меня из рук.

— Это выглядит так, — промолвила Сайида, — словно Он хотел помочь. — Чистой одеждой и остатками воды она начала омывать помятое горло. На нем остались отпечатки: полосы, словно от пальцев, чуть уже, чем ее собственные, но намного длиннее.

Кулаки Марджаны откинули ткань и руки:

— Отпусти меня!

Сайида спокойно подошла снова.

— Не кричи. Ты совсем сорвешь голос.

Марджана зашипела, но когда заговорила, то шепотом:

— Аллаху там нечего было делать. И даже Иблису. Это все франк моей крови, и я научила его ненавидеть меня.

— Франк? — Сайида помолчала. — Твой франк?

Ифрита скривила губы.

— Никак уж не мой. Он принадлежит огромной гяурский корове. Смертной женщине, жене христианина, но отнюдь не его жене.

Сайиде потребовалось время, чтобы найти в ее словах смысл.

— Ты нашла его в постели с женой кого-то другого?

— Я нашла добычу моего господина пляшущей старый греховный танец с ее телохранителем, который не в большей степени смертный мужчина, чем я — смертная женщина. Я нанесла удар, как не наносила никогда, с неистовой ненавистью, и она ослепила меня. Я ударила неточно. И теперь он знает меня и ненавидит меня, и он обратил все свое сердце и всю свою силу, чтобы спасти жизнь своей шлюхе.

— Он пытался убить тебя.

Марджана снова засмеялась и задохнулась.

— Не… не убить. Он не был так милосерден. Он отшвырнул меня. — Из глаз ее струились слезы, вопреки ужасному, пугающему смеху. — Он ненавидит меня. Но я… но я… я хочу его еще больше.

— Таковы некоторые женщины, — сказала Сайида. — Им нужен мужчина, который был бы им господином.

Марджана выпрямилась.

— Я не *такая* …

— Не кричи.

Марджана судорожно вздохнула. Глаза у нее были, словно у

бешеной кошки.

— Мне не нужен господин. Мне нужен он. Ты думаешь, я счастлива от этого? Он жаждет моей крови. Он считает себя мужчиной и принцем. Младенец. Ребенок. Это… — она провела пальцами по горлу, — выходка юнца. Если бы он был мужчиной, он довел бы дело до конца.

— Значит, слава Аллаху, что он не мужчина. — Сайида нахмурилась. — Тебе нужно больше воды, чем есть здесь.

— Мне не нужно ничего.

"Не все взрослые младенцы, — подумала Сайида, — мужчины."

— Ты останешься здесь и будешь сидеть тихо. Я сразу вернусь.

На удивление Сайиды, когда она вернулась, Марджана по-прежнему была в комнате, лежала, скорчившись, на матраце, бледная, тихая и невыразимо жалкая. Она безмолвно покорилась бальзамам и компрессам, и мягким повязками, которыми Сайида обматывала ее горло. Ее гнев уже ушел.

— Теперь он охотится за мной, — шептала она. — Он думает, я обитаю в Масиафе. Мудрый глупец. Прощу ли я его? Вернусь ли я обратно и позволю моему господину приказать мне убить его? Я думаю, я смогу. Клятва — это такая чудесная, ужасная штука.

— Ты останешься здесь, — сказала Сайида, — и постараешься не думать об убийствах. Вот, я принесла тебе попить холодненького, а немного погодя, если захочешь, ты сможешь поесть.

Марджана не хотела шербета, но Сайида чуть ли не силой напоила ее. Потом она улеглась обратно, чуть менее несчастная, и начала упрямиться.

— Я не могу остаться, — произнесла она хриплым шепотом. — Мой господин… я не сказала ему…

— Твой господин подождет. Спи. Здесь ты в безопасности.

Марджана засмеялась — грудь ее коротко содрогнулась.

— В безопасности. Конечно, я в безопасности. Кто тронет меня? Кто может убить Ангела Смерти?

— Тише, — встревоженно сказала Сайида.

Марджана покачала головой и зевнула — изящно, как могла бы зевнуть кошка, сама удивившись этому.

— Не бойся. Мы хорошо знаем друг друга, он и я. Разве я не самая верная из его слуг?

— Не здесь, — возразила Сайида.

— Нет. Молю Аллаха, чтобы здесь… никогда. — Глаза Марджаны закрывались. Из-под век текли слезы; она сердито отвернула лицо.

Она плакала, пока не уснула. Сайида сидела рядом с ней, не говоря ничего, только нежно гладя ее волосы.

Когда дыхание Марджаны наконец стало ровнее и медленней, Сайида выпрямилась. Марджана теперь будет некоторое время спать: в шербете было снотворное. Насколько же Марджана была взволнована, если не почувствовала этого!

Сайида расправила на спящей покрывало и встала, слегка вздохнув. Она никогда не думала подвергать сомнению волю Аллаха, но это была тяжелая ноша. Она не думала, что сможет нести ее. Маймун будет разъярен; и ведь она только начала внушать ему здравый смысл.

Аллах поможет. Он должен помочь ей.

Правду говоря, начал Он хорошо. Фахима была одна, в тот час, когда все женщины обычно собирались вместе, чтобы заняться своим рукоделием. Хасан спал, румяный и совершенно довольный.

— А, дорогуша, — произнесла Фахима, когда Сайида вошла и остановилась возле них. — Он играл столько, сколько мог, а потом прямо тут и уснул, тебе на радость.

— Когда-нибудь я пойму, как добиться этого, — отозвалась Сайида. Она неуверенно потянулась к корзинке с одеждой, которую надо было чинить. — А где остальные?

— У твоей матери болит голова, — ответила Фахима. — Лейла ушла с Шахин на базар. Пришел новый караван.

Лейла всегда знала, когда приходили караваны, Но редко вспоминала о том, чтобы сказать об этом кому-нибудь еще.

Но сейчас Сайида была рада. Она упала перед Фахимой на колени и схватила ее пухлые руки вместе с иглой, нитками и остальным. Фахима удивленно и польщенно улыбнулась.

— Младшая мать, — промолвила Сайида, — Фахима, можешь ли ты мне помочь?

— Ты знаешь, дитя, что я всегда стараюсь помочь.

Сайида с усилием сглотнула. Быть может, не следовало делиться этой тайной. Но она не могла нести ее одна. Она была слишком тяжкой.

— Фахима, Марджана здесь. Маймун запретил мне видеться с ней. но как я могла прогнать ее? Она ранена; она нуждается во мне. Я не могла вытолкать ее прочь.

Фахима не тратила времени на ерунду.

— Ранена? Как?

Сайида закусила губу.

— Кто-то пытался убить ее. Но дело не в этом, — торопливо продолжила она. — Это довольно быстро пройдет. Это… она любит его, а он хочет ее смерти.

— Она пыталась убить кого-то, кого он любит?

Сайида смотрела на нее, моргая, как круглая дура.

Фахима покачала головой. Она выглядела не более умной, чем всегда: круглая, уютная, чуть простоватая женщина, к которой приходят, когда хотят спокойствия, уюта или понимания без расспросов. Она сказала:

— Аллах дает каждой женщине того мужчину, которого она заслуживает. Даже Рабыне Аламута.

— Ты *знаешь*?

— Малышка, — ответила Фахима, — мой разум не самый быстрый в мире, но иногда этого и не нужно. Когда я вышла замуж за твоего отца, он поделился со мной некоторыми своими тайнами. И это была одна из них.

— Так ты поможешь?

— Разреши мне взглянуть.

— Ах, бедное дитя, — промолвила Фахима, склонившись над спящей ассасинкой. Вместе они перенесли ее в комнату Фахимы, вымыли и переодели в старую одежду Лейлы, и унесли запачканные кровью тряпки, чтобы сжечь. Спящая, с дивными волосами, заплетенными в косу, Марджана выглядела такой невинной, слишком юной и хрупкой, чтобы нести столь страшный груз смерти.

— Не такое уж бедное, — возразила Сайида, — и совсем не дитя.

Хасан пытался вырваться у нее из рук. Она отпустила его и позволила ему свернуться возле Марджаны. Казалось, он знал, чего ждут от него: он вел себя тихо, и хотя не мог устоять перед винно-красной косой, но все же тихонько играл только самым ее кончиком.

– 'Джана, — четко произнес он. — 'Джана.

Сайида зажала ладонями рот. Фахима была менее потрясена. Она подхватила его на руки.

— Его первое слово, Сайида! Самое первое! О, маленький принц!

Маленький принц явно проявлял недовольство.

– 'Джана! — настойчиво требовал он.

– 'Джана, — вздохнула Сайида, когда Фахима вернула Хасана туда, куда он так рвался. — Его первое слово, и я даже не могу сказать об этом его отцу.

— Будут и другие, — успокоила ее Фахима. — Ты побудь здесь с ним, а я присмотрю за всем остальным.

— Но… — начала было Сайида.

Это спокойное лицо так редко можно было увидеть нахмуренным, что при первых признаках Сайида немедленно

смолкла. Она склонила голову; Фахима удовлетворенно кивнула и отправилась исполнять обязанности Сайиды наравне со своими собственными.

По крайней мере, Сайида могла чувствовать себя при деле: она принесла с собой корзину, в которой было работы по меньшей мере на месяц. Она занялась ею с терпением, которому каждая женщина, если она обладает мудростью, выучивается раньше, чем закрывает лицо покрывалом.

Марджана спала весь день и еще ночью. Сайида беспокоилась, ведь она вроде бы дала ей не такую уж большую дозу, но сон казался вполне естественным. Дышала Марджана спокойно, и лицо ее было не бледнее обычного, Временами она шевелилась, чтобы перевернуться на другой бок или распрямить затекшую конечность. Когда Фахима пришла, чтобы сменить Сайиду на страже, та уже успокоилась.

— Она проснется, когда будет готова проснуться. Иди к своему мужу, дитя.

Как будто Сайида может оставаться или уходить только если ей прикажут. Она оставила Хасана, сытого и сонного, там, где он явно предпочитал оставаться, и приготовила выражение лица для Маймуна.

Он ничего не подозревал. Он хотел поговорить о появившейся у него идее, о новом способе наносить узор на рукояти кинжалов. Она признавала, что это интересно; она делала все, что могла, чтобы прислушиваться и издавать соответственные возгласы. Она даже увидела способ решить проблему; он не поскупился на похвалы. Она была рада, когда поток речей начал иссякать. Сегодня он горячо желал ее, но пытался удовлетворить и ее: двигался немного медленнее, как она это любила, и чуть нежнее, чем подсказывала ему его молодая мужская пылкость.

Немного времени спустя она позволила ему заставить ее забыть о тревогах. Но он насытился слишком скоро, как это часто случалось, а потом заснул. И она была одинока рядом с ним, ее тело было словно наполовину прозвучавшая нота, а в мыслях была малодушная радость оттого, что все позади. Она обнаружила, что размышляет, каково было бы делить ложе с ифритом. Он знал бы все, что чувствует она, все, чего она хочет. Разве он заснул бы, едва удовлетворился бы сам, и оставил бы ее лежать без сна?

Она покачала головой, возражая сама себе. Была и другая сторона монеты: никаких недомолвок, когда он хотел бы того, никаких тайн. Она не смогла бы утаить Марджану от демона-любовника.

Второй день был труднее. Лейла была дома, и требовалась

ловкость, чтобы избежать ее взгляда. Матушка, излечившись от головной боли, хотела, чтобы ее развлекали разговорами. Хасан капризничал; Сайида все время боялась, что он не вовремя произнесет свое первое слово.

Аллах проявил милосердие только в одном, если это было милосердие: когда Марджана пришла в себя, Сайида была рядом. Марджана проснулась, проклиная свет и свою тяжелую голову; голос ее напоминал карканье. Глотать было невыносимо больно, говорить можно было едва-едва. Сайида все же ухитрилась как-то напоить ее, на этот раз просто холодной водой, и когда после первого глотка Марджана посмотрела в лицо Сайиде, она, казалось, все поняла. Пила она жадно; когда чашка опустела, она сунула ее в руку Сайиде, свирепо глядя на нее.

— Никогда, — прошипела Марджана. — Никогда не пытайся опоить меня, не сказав мне. Я не такая, как смертные женщины. Ты могла меня отравить.

— Но не отравила, — возразила Сайида.

— Отнюдь не благодаря твоему лекарскому искусству. Сколько я спала?

— День и ночь, — призналась Сайида.

Марджана вскочила. Она немедленно упала снова и увлекла за собой Сайиду. Во второй раз она двигалась медленнее, и села, держась руками за голову. Очень осторожно она разжала руки. Кажется, голова осталась на своем месте; Марджана глубоко вздохнула.

— Борода Пророка! Девочка, если бы я любила тебя чуть меньше, я спустила бы с тебя шкуру за это.

— Приди и возьми. Маймуну достанется остальное.

Марджана схватила ее за руку. Даже после долгого сна и лекарства ее руки были нечеловечески сильными.

— Он заставил тебя страдать из-за меня? Скажи мне!

— Он даже не знает, что ты здесь. И не узнает, пока мы не подготовим все как следует. Сможешь ты сыграть бедную родственницу, которую прогнал муж? Ты будешь надевать покрывало, когда он будет близко, и скрывать волосы.

— Что хорошего из этого выйдет? Женщины узнают меня.

— Они узнают достаточно правды, чтобы заставить их замолчать. Фахима уже знает все.

Марджана покачала головой.

— Я должна уйти. Мой господин ждет. Охота началась. Она не должна затронуть Масиаф, я давно уверилась в этом, но франк может оказаться сильнее, чем я думаю. Я отдыхала здесь более, чем достаточно.

— Разве ты не можешь сделать все необходимое, не выходя

отсюда? Ты говорила мне об охранной магии. Ничто не призывает тебя вернуться в когти к твоему господину. — Хватка Марджаны разжалась; Сайида взяла ее за руки. — Останься по крайней мере до тех пор, пока не пройдет твое горло.

— Я не могу.

— Тогда на день. Или на два. Хасан вчера сказал слово. Это было твое имя. Разве ты не хочешь услышать это сама?

Марджана распознавала шантаж, когда слышала его. Она нахмурилась, но ответила:

— На день. Не больше. Чтобы оправиться от того яда, которым ты меня напоила.

Для начала и это сойдет.

— Для завершения, — возразила Марджана, подслушав ее мысль. — А сейчас — где там твой красноречивый сын?

27

Айдан покинул Крак ранним утром, отдохнувший, если и не полностью излечившийся, и сосредоточил внимание на своем пути. Жиль провожал его до самых границ земель госпитальеров, как на случай встречи с разведчиками госпитальеров, так и ради компании. Черная накидка с белым крестом резко выделялась среди алых ливрей мамлюков, но Жиль ехал спокойно, пробуя свою арабскую речь на айдановых сорвиголовах и покоряя их сердца с искусностью, которой даже принц отдал дань уважения.

На границе между землями госпитальеров и Масиафа стоял древний верстовой столб, на нем было вырезано имя забытого прокуратора, истертое временем и непогодой так, что его трудно было прочесть. Возле него Жиль натянул поводья. Остальные остановились, чуть растянувшись, и посмотрели на него.

— Лорд принц, — сказал госпитальер. — Быть может, вы передумаете хотя бы сейчас? Этот безумец уже причинил леди Маргарет весь вред, какой только мог.

— Нет, брат, — ответил Айдан. — Это не так. Сын ее дочери отдан на воспитание в местность неподалеку от Акры.

— Но ведь младенцу…

— Он не остановился перед убийством ребенка и женщины. Почему он должен колебаться перед тем, как убить младенца? Или хуже. Забрать его; похитить его. Вырастить его ассасином.

Жиль ударил себя по бедру бронированным кулаком.

— Дьявол тебя побери! Султан Сирии со всеми своими армиями не смог даже попробовать на прочность силу Масиафа. А ты с дюжиной подростков и кучкой костлявых верблюдов… Он съест вас живьем.

— Быть может, нет, — ответил Айдан. — Он может позволить мне войти, чтобы посмотреть, насколько забавным я могу оказаться.

— А потом?

Айдан пожал плечами.

— А потом Господь поведет меня. Или дьявол, если вам угодно. Вы забыли, кто я такой.

— Я помню, что у него тоже есть нечто подобное.

— Она из плоти и крови, так же, как и я. — Айдан растопырил пальцы перед лицом госпитальера. — Эти пальцы уже оставили на ней метку. Кто сказал, что я не смогу завершить то, что начал?

Жиль молчал несколько долгих секунд, пристально глядя Айдану в лицо. Потом поднял руку и перекрестил его.

— Господь да будет с тобой, друг мой, и да приведет он тебя вновь домой.

Айдан склонился перед его благословением.

— Господь да хранит тебя, друг мой, — ответил он.

Он оглянулся один раз прежде, чем дорога сделала поворот, огибая выступ скалы. Жиль сидел на своей смирной лошади возле верстового столба. Шлем был у него на голове; он был безликим силуэтом, рыцарем из камня и стали. Айдан вскинул руку. Рука в кольчужной перчатке поднялась в ответ. Айдан отвернулся прочь, лицом к ассасинским землям.

От Крака до Масиафа было не очень далеко. Если была спешная необходимость, верховой мог проехать это расстояние за день. Айдан решил этого не делать. Это не была трусость. Он был слабее, чем ему хотелось, и благоразумнее, чем следовало быть безумцу. По мере продвижения путь становился все круче, превращался в узкую горную дорогу, то проходившую между двумя высокими скальными стенами, то тянувшуюся по краю обрыва. Айдан ехал осторожным шагом, простирая силу настолько, насколько мог себе позволить, дабы она могла предупредить его об опасности.

С приближением вечера он приказал остановиться. Дорога стала шире, и была достаточно ровной, чтобы устроить лагерь; корма для животных тут было мало, но верблюдам должно было хватить. Лагерь раскинули быстро, не стали зажигать огня, и поставили стража на скале над лагерем — это был Дилидрим, вытянувший самую короткую соломинку. Он счел это достойной долей, но захватил с собой одеяло, потому что ветер уже нес холод.

— Но думаю, тебе не должно быть особо уютно, — предостерег его Арслан. — Если ты заснешь, а у нас из-за этого будут неприятности, я съем на обед твою печень, если ассасины оставят от нее хоть что-нибудь.

Айдан, не страдавший людской тугоухостью, проглотил улыбку. Она перешла в гримасу. Ему следовало задержаться в Краке подольше. Здесь он мог признаться в этом, себе и никому более. Один только день должен был восстановить его силы.

Еще один ночной сон будет достаточно полезен. Айдан завернулся в плащ и одеяло. Бок ему грел Тимур, ноги — Ильхан. Немного погодя Айдан и сам смог согреть все остальное.

Для невежд они были отменно осторожны. Марджана, тень среди теней камня, осмотрела их расположение. Он находился в середине, где и положено быть благоразумному предводителю, и для ее глаз горел ярче, чем костер, которого они так мудро не стали разжигать, но более тускло, чем помнилось ей. Что ж:

проход сквозь границы круга запрета дорого ему стоил.

И этот же проход наконец-то дал ей повод вырваться из Дамаска, из слишком долгого блаженного безделья. Сайида и Фахима вместе прятали ее от напыщенного дурака, доставшегося Сайиде в мужья. Единственным его достоинством было то, что Сайида любит его. Если бы не это, Марджана давно бы уже научила его оказывать уважение жене.

Когда она закончит свои дела, надо будет все же заняться этим обучением. Мягко, сдерживая свой характер. Ведь был еще и Хасан. У мальчика должен быть отец, хотя бы и ужасно воспитанный.

С ее тенью слилась другая тень.

— Все готово, — выдохнула тень в ухо Марджане.

Та остановила пришельца жестом руки. Под ее пальцами прогнулись жесткие волчьи кости, окаменевшие от страха перед нею. Она безрадостно улыбнулась. Да, пусть он боится. Пусть только служит ей и делает, как она прикажет.

Пальцы ее напряглись, отбросив его.

— Теперь, — произнесла она.

Айдан вздрогнул и проснулся. Стояла глубокая тьма: тьма, предшествующая рассвету. Даже ветер утих, звезды холодно горели на небосводе. И все же было что-то…

Возле него пошевелился Арслан. Айдан зажал ему рот рукой; они лежали неподвижно, широко распахнув глаза и насторожив уши.

Было слишком тихо.

Лошади, верблюды.

Исчезли.

Айдан вытянул меч из ножен.

Ночь сошла с ума.

Это были не ассасины. Айдан не знал, почему, но он был в этом уверен. Это были бедуины, волки пустыни, отбросившие скрытность ради своего пронзительного, древнего боевого клича. Он заставил мамлюков вскочить и схватиться за оружие; он поднял весь лагерь на битву. Не было времени, чтобы собраться вместе для защиты, и не было места. Арслан пытался стать спиной к спине с Айданом, но неумолимый прилив унес его прочь.

Они окружили Айдана копьями. Он рубил их; они только смыкались плотнее. Они темнее сжимались вокруг него. Они кололи его, мешая движению руки с мечом. Он бросил клинок в ножны и схватил копье, швырнув его изумленного владельца через голову.

Другой копейщик качнулся к нему. Айдан застыл.

Наконечник копья указывал на самое уязвимое место. За ним мерцала белая волчья ухмылка.

Айдан погасил эту ухмылку черенком копья.

Но у копейщика была дюжина братьев, и у каждого, казалось, еще дюжина. Никто из них не дал Айдану честной схватки. Они только кололи, кололи и кололи, и смыкали круг, и оттесняли его от его мамлюков.

Которых он не мог найти. Ни одного. Ни глазами, ни сознанием.

Сознанием.

Он забыл о копье в своей руке и о копьях, окружавших его. Он бросил широко вовне голос и силу:

— Сука! Убийца! Подлая! Выходи и схватись со мной лицом к лицу!

Его мучители подались назад. Он едва заметил это.

— Ассасинка! Я узнал твой смрад! Вылезай из своего логова!

Ничего. Ни вздоха, ни признака ее присутствия. Он кричал, пока не зазвенели горы:

— Марджана! *Марджана!*

Горы обрушились, и вместе с ними небо.

Бедуины разомкнули кольцо, моргая в сером рассветном сумраке. Кое-кто из них лежал на земле. И по крайней мере один был мертв.

Марджана отбросила мертвеца ногой и опустилась на колени рядом с тем, кто убил его. Вполне жив, но оглушен: удар древком копья свалил его наземь, когда еще не утихло поднятое им эхо, повторявшее ее имя. Она магией послала его еще дальше во тьму, и только тогда осмелилась коснуться его, положить ладонь на его щеку. Он был более худым, чем она помнила его, кожа туже натянулась на красиво очерченных скулах.

— Я научу тебя не питать ко мне ненависти, — сказала она ему.

Ее волки взирали на это в крайнем изумлении. Она повернулась к ним:

— Поднимите его. Свяжите его, как я говорила вам. — И когда они не бросились исполнять: — *Ну!*

Сдвинувшись с места, они действовали достаточно проворно. Даже их род мог быть настороже, проходя через земли ассасинов; а они забрались глубоко в эти земли. Они осторожно, но прочно связали франка веревками и погрузили его на лучшего их верблюда. Марджана пристроилась позади него, поддерживая его. Ее руки осязали тепло его тела.

Бану Нидаль собрали раненых и убитых и тщательно замели следы битвы. Большая часть из них забрала животных и добычу и

отправилась туда, куда приказала им Марджана, со всей возможной для них скоростью. При ней остался маленький отряд, но это были лучшие из племени, сам шейх и куча его сыновей. Их путь был быстрее и более тайным. Они скакали быстрой рысью, укрытые чарами, превращавшие их в мерцающие тени.

Племя стояло лагерем в секретном оазисе, в зеленом острове, окруженном горами. Торговые и военные пути проходили ближе к нему, чем было известно путникам, но вход был узким, скрытым и хорошо охраняемым.

Они влетели в оазис с последним отблеском угасающего вечера, понукая своих усталых одров перейти на галоп и во все горло визжа о своей победе. Страж прохода пропустил их, тоже крича что-то. Шатры, растянутые на лугу, опустели: навстречу прибывшим выбежали женщины, дети и несколько хмурых подростков, оставленных охранять лагерь. Стариков здесь не было. Мужчины Бану Нидаль жили только до тех пор, пока могли сражаться.

Марджана видела, как ее пленника уложили в шатре возле шатра самого шейха, на лучшие коврики и одеяла племени.

— Он мой, — сказала она, — и я выпью всю кровь племени, если его не будет здесь, когда я вернусь за ним.

Шейх кивнул.

— Мы можем устроить это, — сказал он. Он опустился на колени, распахнул пыльный халат и вынул нож. — Подрезать сухожилья, и он не убежит, но будет достаточно силен для чего-либо другого, если ты пожелаешь. Или быстрый удар сюда, в пяту, и продеть веревку…

Она ударила его так, что он растянулся на земле.

— Ты ответишь мне за каждую каплю его крови, пролитую вами. Это, — она прочертила на костлявой груди шейха кровавую полосу его собственным ножом, — за слова о том, чтобы изувечить его. Зорко охраняй его и сохраняй его невредимым, береги его, как бережешь себя, потому что его жизнь — это твоя жизнь. — Она достала маленькую бутылку. — Он будет спать еще некоторое время. Когда он проснется, напои его этим. Но осторожно! Если он заснет слишком глубоко или умрет от этого, ты мне заплатишь.

Шейх взял фиал рукой, дрожь в которой сдержать не мог. Он боялся Марджаны: он не был глуп. Но это был чистый страх, страх волка перед соперником, который сильнее его. Он склонялся перед ее волей, но не опускал глаз.

— Я буду охранять его так же, как себя самого.

Она коротко кивнула и повернулась к нему спиной. Она задержалась, чтобы расправить одежды Айдана и провести

пальцами по его щеке. В миг между вдохом и выдохом она исчезла.

Айдан блуждал в смутном чуждом сне. Он видел лагерь в горах, и весь он был разметан и разграблен. Его мамлюки исчезли из пределов его мысли; лошади, верблюды, его чудесный меч — все исчезло. И превыше скорби был гнев, чувство поражения и горькой беспомощности.

Сон был расплывчатым. Он лежал в объятиях женщины на зыбкой качающейся постели. Ее прикосновение было мягким, тело, прижимавшееся к нему, было теплым и сильным; запах был изумительно сладким. Он знал, что где-то там, на свету, должна быть ненависть. Здесь был только покой.

Он яростно прокладывал путь из этого покоя, сквозь долгую тьму и еще более долгие сумерки. Его тело было сосудом, наполненным болью. Сумерки превратились в смертный полумрак: темные стены, содрогавшиеся под музыку ветра, воздух, тяжелый от множества запахов — люди, козы, верблюды, застарелый, пропитавший все дым. Айдан подавился этим воздухом, и, подавившись, понял, что проснулся.

Он лежал на вытертом ковре в шатре, сотканном из козьей шерсти. Он был связан по рукам и ногам, на голове была шишка от удара. Об этом ударе он не помнил ничего. Он уснул среди своих мамлюков. Он… просыпался? Сражался?

Да. Сражался. А теперь, понятно, был в плену. Но не в Масиафе. Музыка ветра была музыкой открытого пространства, и в нее вплетались голоса, блеяние коз, стук копыт по камню, рев верблюдов.

Его сила с трудом простиралась вовне, но все же простиралась. на миг он испытал горькое ликование. Ну что ж. Он получил свой ночной сон, как бы тяжко не пришлось его телу. Он касался сознаний; вот сознание более открытое, чем остальные, потому что оно моложе и в чем-то проще. Пустыня, оазис, лагерь. Бану Нидаль, кочевое племя из глубины пустыни, связанное служением Аллаху и демону воздуха. Мужчины пошли в набег — негодование; он тоже должен был идти, он достаточно взрослый, он может натянуть лук своего отца — но самые сильные вернулись с демоном и лакомым кусочком демону на обед.

Лакомый кусочек лежал на боку в шатре, обнаружив, что его путы были искусно завязаны. Он мог двигаться довольно свободно, мог даже сесть, но узлы были вне его досягаемости.

Сев, он совершил ошибку. Его желудок, и без того пустой, сделал все, чтобы облегчиться на ковер.

Спазмы медленно ушли, оставив его лежать, скорчившись,

дрожа, в холодном поту. И прошло много времени прежде, чем он смог не только дышать, но и пошевелиться.

И, помимо, поразмыслить. Он хорошо понимал, о каком демоне шла речь. Было достаточно времени, чтобы гадать, почему она привезла его сюда, а не к своему господину в Масиаф. Быть может, они были в ссоре. А быть может, она хотела порезать его на кусочки ради собственного, личного удовольствия.

Ее здесь не было. В этом Айдан был небеспричинно уверен. Его будут держать здесь, пока она не удосужится забрать его.

Страж перед шатром слышал его мучения; но только отчаянно смелый человек мог связаться с жертвой демона, а этот отнюдь не был таким. Довольно скоро на зов стража пришел кто-то еще, быть может, не более смелый, но более покорный воле демона. "Невредимым, — бормотало сознание новоприбывшего. — Невредимым, или она сожрет мою печень." Под этим: "Если он умрет, пока мы оставим его без присмотра, как она сможет обвинить нас?" А потом: "Легко. О, легко."

Свет ослепил Айдана. Потом его заслонила тень. Вонь людей и коз почти лишила его сознание. Сознание бедуина лепетало: "Проснулся. Иблис его побери! Еда… вода… фиал, как она приказала… — Удар вдохновения; огромное облегчение. — Это женская работа. Пусть женщина расплатится, если ему будет худо."

— Да, — мягко сказал Айдан. — Пусть она.

Мужчина выскочил вон.

Он не был так робок, управляясь со своими женщинами. Но та, что пришла, пришла по собственной воле, неся свои синяки, как знамя. Она была женщиной сильного мужчины; шла она гордо, держалась по-королевски прямо, даже в тесном шатре.

Она не носила вуали: странно было после столь долгого пребывания в исламских землях видеть непокрытое женское лицо. Она едва ли была красива, а пустыня состарила ее до срока. Несомненно, ее муж подумал об этом, разрешая ей исполнить роль няньки для жертвы демона.

Ему следовало бы вспомнить, что даже у некрасивой женщины есть глаза. Едва ли Айдан был самым прекрасным зрелищем в мире, связанный и избитый, но она привыкла к худшему. Он подарил ей одну из самых своих ослепительных улыбок.

Она поставила на пол то, что принесла с собой: круг пресного хлеба, выпеченного явно не один день назад, кусок сыра, мех, наверняка содержавший воду, и деревянную чашку. Она остро осознавала его красоту, но она была чертовски разумной женщиной. Он был красив; Марджана была ужасна. Выбор был

достаточно прост.

Она помогла ему сесть, и на этот раз он не испытал ничего худшего, чем секундное головокружение. Ему было ясно, что его не развяжут, даже чтобы накормить. Женщина кормила его с видимым удовольствием, кусочек за кусочком, пока он не насытился, а потом поднесла к его губам чашку.

Он сморщил нос. Древняя козья шкура, соль и сера — вода пустыни, какой она часто была. Но под этим — что-то еще. Тьма и сон.

Горло его пылало, требуя воды. Но воля его восставала против. Он подался вперед. Чашка вылетела из руки женщины, расплескав тяжесть сна. Айдан рванулся к меху с водой.

Женщина отодвинула мех подальше.

— А, — сказала она со смехом, — какой умный! Что ты дашь мне за это?

— Улыбку, — ответил он.

Она качнула головой.

— Это я уже получила.

— Если у тебя уже есть золотой безант, разве ты откажешься от второго?

— Если я буду знать, что смогу получить кое-что получше.

— И что же это?

Ее взгляд был лукавым. Она была не так уж стара; и в юности, должно быть, она не была так уж некрасива.

— Мой муж — ужасный человек, но Она еще ужаснее. Если ты поцелуешь меня, что он сможет поделать, кроме как злиться?

— Он может побить тебя.

Она пожала плечами.

— Он бьет меня. Я тоже бью его. Иногда я побеждаю. Иногда я позволяю ему победить. — Она встряхнула бурдюк, дразня. — Ты испытываешь жажду, о сын газели?

— Только по твоим поцелуям, о моя козочка.

Она дала ему и воды, и поцелуи, с великим наслаждением, и оставила ему бурдюк: дар более драгоценный, чем золото.

— Притворись, — сказала она перед тем, как уйти. — Спи. Я сомневаюсь, что ты сможешь подкупить поцелуями его, а Ее вообще невозможно подкупить.

Чтобы узнать, что она думает о Марджане, ему почти не потребовалось прибегать к могуществу. Она могла бы счесть выгодной сделкой, если бы смогла заплатить болью за возможность помешать демону. Но даже она не заходила так далеко, чтобы развязать его.

Айдан лежал там, где она оставила его, изгибая запястья, стянутые крепче всего.

Он заметил, что никто не принимал во внимания самых человеческих последствий трапезы. Быть может, они ожидали, что он будет ходить под себя. Однако он пока не собирался делать этого.

Он никогда не думал о покорности. Чем дольше он лежал, тем больше был уверен, что за ним следят не больше, чем за любым смертным. Предполагалось, что он должен спать глубоким сном, опоенный, беспомощный и безгласный, пока Марджана не явится за ним.

Но у него была клятва, которую надо было сдержать, и долг, который надо было заплатить: и сейчас он увеличился на целую дюжину мамлюков. Но этот плен не был частью долга.

Его похитители не знали, кто он. Она не сочла нужным сказать им.

Он начал улыбаться.

28

Сайида зарылась в гору одежды, отделяя изношенные тряпки от того, что еще можно было починить и от того, что в починке не нуждалось. Лейла всегда бросала в тряпки то, что ей надоело, неважно, в каком состоянии была вещь; Сайида уже нашла вуаль из переливчатого шелка с золотой нитью, которая может оказаться очень полезной, когда ей захочется выглядеть красивой для Маймуна. Она повязала ее вокруг шеи и зарылась глубже.

— Она тебе пойдет, — сказал кто-то.

Сайида вынырнула из груды. Марджана держала халат сливового цвета. Он кошмарно дисгармонировал с цветом ее волос.

Постепенно сердце Сайиды успокоило свое неистовое биение.

Она взяла халат все еще слегка дрожащими пальцами и выпрямилась, пытаясь выровнять дыхание.

— Я хочу, чтобы ты так не делала, — сказала она.

Ифрита засмеялась. На ее горле красовался узор из позеленевших синяков, но ее голос снова был прежним, осталась только легкая хрипотца. Она выглядела так, словно ей хотелось пуститься в пляс.

И она так и сделала. Она подхватила Хасана из груды тряпья и закружила его, к его вящему удовольствию.

— Ты в хорошем настроении, — промолвила Сайида чуть сердито. Улыбка Марджаны была невыразимо озорной.

— О да! Да! — Она прижала Хасана к себе и звучно поцеловала его в обе щеки. — Ты знаешь, что я сделала?

— Что-нибудь ужасное.

— О, да. Это так. Я даже никого не убила. — Эти слова чуть омрачили ее чело. Но тайна была слишком большой для нее. Она недолго помолчала, словно не в силах была высказать ее словами. Потом произнесла: — Теперь он у меня.

— Он?

— Он! — Она подскочила; по-другому это нельзя было назвать. — Мой франк. Я схватила его прежде, чем кто-либо узнал, что я сделала, и унесла его прочь. Теперь он в безопасном месте, до тех пор, пока я не буду готова заявить на него права.

Марджана говорила так, как будто эта детская глупость была великим откровением. Сайида попыталась внести в происходящее хоть немного здравого смысла.

— Разве у него нет собственного мнения? Или ты не позволишь ему иметь это мнение?

— Оно у него будет. Когда я буду готова. — Она снова

рассмеялась, почти — Аллах помоги всем нам — захихикала. — Ты помнишь, как едва не отравила меня? Я утянула бутылку. Он будет спать, пока я не захочу разбудить его.

Хуже и хуже.

— А потом?

— Он проснется. — Она сделала паузу; Сайида уже отчаялась притушить ее ликование. — Ты не понимаешь. Он проснется, в том месте, которое я приготовила для него. Он будет в ярости, я знаю. Но я приручу его. От ненависти до любви вообще нет расстояния; а мы принадлежим друг другу. Он ребенок, но у него есть начатки здравого смысла. Он увидит то, что должен увидеть.

— Ты несешь совершенно безумный бред, — вздохнула Сайида.

Даже это не затронуло Марджану.

— Ты смертная, — возразила она. — Ты думаешь, как смертные. Он и я — мы одного племени. Он запомнит это. Он поймет, как поняла я.

— Да будет на то воля Аллаха, — сказала Сайида.

Сайида надела вуаль и халат этой ночью. Марджана с радостью помогла ей: вымыть волосы с капелькой хны, принадлежащей Лейле, и стянуть их заколкой, которую сделал сам Маймун, серебряной с бирюзой; и подкрасить глаза, и даже чуть надушиться. С самой свадьбы она не чувствовала себя столь близкой к красоте.

Маймун задерживался. В этом не было ничего особенного: он ужинал с одним-двумя друзьями, которые любили проводить всю ночь за игрой в триктрак. Маймун мог остаться ненадолго, решив, что мужчин не пристало проявлять слишком большое желание к своей жене.

Она ждала в одиночестве. Хасана забрали Фахима и Марджана. Она подумывала, не скоротать ли ожидание в их обществе, но ведь Маймун мог вернуться, пока она сидит там. Она притерпевалась к своей непривычной роскоши, пытаясь не стереть краску с век. Если он не придет скоро, она будет чувствовать себя не великолепно, а глупо. Что ей делать с краской, духами и крашенными хной локонами? Она просто неуклюжая Сайида, и ей не добавит красоты даже наряд султанской невесты.

Она узнала шаги Маймуна: такие же плотные, как он сам, и слегка самоуверенные. Они вырвали ее из полудремы, и заставили ее принять позу, которая, по словам Марджаны, подходила ей больше всего. Она была напряжена, как все время в эти дни, с тех пор, как у нее завелась тайна.

Он помедлил за дверью. Она не шевелилась. Иногда у его

друзей бывало вино, но она предпочитала не знать об этом. Но всегда знала, потому что тогда он двигался осторожнее и говорил свободнее, и пахло от него мятой.

Он медленно вошел. Брови его были нахмурены. Ее обоняние не уловило ни запаха вина, ни запаха мяты, но что-то более сладкое. Это напомнило ей о…

Она была одета в одежду с тем же запахом. Душистая вода Лейлы.

Нет. Он никогда не сделал бы этого. Не с женой своего господина.

Его глаза не отрывались от ее лица. Он вообще не видел ни ее вуали, ни халата, ни даже краски, делавшей ее глаза почти прекрасными. Он сказал:

— Ты скрывала кое-что от меня.

Она открыла рот, снова закрыла.

— Я говорил тебе, — продолжал он. — Я говорил, чтобы ты не встречалась с ней.

Она могла бы солгать. Могла отрицать все. Могла закричать на него. Она спокойно сказала:

— Кто сказал тебе, что она была здесь?

— Лейла.

Это вырвалось у него прежде, чем он подумал. Он покраснел.

— Это было предательство, — промолвила она.

Его румянец стал багровым.

— Ты признаешься в этом?

— Я не хочу лгать. — Руки Сайиды дрожали. Она сжала их. — У меня не было выбора, Маймун. Она была ранена; ей было плохо. Ей больше некуда было идти.

Он двинулся на нее.

— Я запретил тебе. Ты ослушалась меня. Как ты осмелилась? Как ты *посмела*?

Ее спина коснулась стены. Она даже не помнила, когда начала отступать. Она никогда не видела Маймуна таким.

— Маймун! Выслушай меня. Она друг. Она пришла ко мне. Я была ей нужна. Как я могла прогнать ее?

— Я запретил тебе видеться с ней.

Он прижал ее к стене. Она пыталась высвободиться; он сбил ее с ног. Она не должна кричать… не должна.

— Почему? Почему ты так ненавидишь ее?

— Она — это ужас. Она убивала больше раз, чем можно сосчитать.

— Кто сказал тебе это?

Он не ответил.

— Это Лейла, ведь так? Ты знаешь, как мало любви она

питает ко мне.

— Иногда она говорит правду.

— Ты даже *не знаешь* эту женщину!

— Женщину? Это женщина? Я знаю, чья она рабыня. Я знаю, каким проклятьем она была для вашей семьи. Я знаю все, Сайида. Ты думала, что сможешь утаить это от меня, так? Все вы так думали. — Он презрительно усмехнулся. — Евнух Бахрам. Бахрам, лишенный мужественности, со страстью к кинжалам с серебряной рукоятью. Вы делали из меня дурака.

Она схватила его за халат.

— Маймун. Прекрати. Пожалуйста, прекрати.

Он легко оторвал от одежды ее руки.

— Нет, не прекращу. Ты не прекратила привечать ее, хотя я строго запретил тебе.

Что-то ломалось. Она не хотела этого. Она пыталась собрать все воедино, заставить голос не дрожать.

— Я была ей нужна. Я знаю ее с тех пор, как была ребенком. Я не могла выгнать ее.

— Ей не нужен никто и ничто. Ты выбрала. Ты выбрала ее и ослушалась меня. Что еще ты делала? Куда ты ходила? С кем виделась? Говорила? Спала? Быть может, мой сын — вовсе не мой сын?

— Маймун, — произнесла она. — Перестань.

Он рывком поставил ее на ноги. Его слюна брызгала ей в лицо.

— Перестань? Ты приказываешь мне, женщина! Ты смеешься мне в лицо? Ну, давай, говори правду. Расскажи, как ты издевалась надо мной.

— Я этого не делала.

— Лгунья.

У нее перехватило дыхание; из горла рвался всхлип.

— Не называй меня так.

— Я буду называть тебя так, как хочу.

Она больше не могла сдерживаться. Ей было плохо. Она не хотела этого. Но это чувство было слишком огромным; оно было слишком сильным. Это был гнев.

Гнев делал голос мягче, мягче.

— Не будешь, — сказал этот гнев.

Маймун ударил ее так, что голова мотнулась на шее.

— Буду. Лгунья. — Пощечина. — Лгунья. — Пощечина. — Лгунья!

Она высвободила руки и ударила его со всей силой гнева, горя и боли от его предательства.

Он ударил ее так, что она упала.

— Это, — произнес голос столь же мягкий, как голос гнева Сайиды, — был не очень умный поступок.

Сначала он, казалось, он не слышал этого. Он изумленно смотрел на Сайиду, словно не понимал, как вышло, что она очутилась там, распростертая у его ног. Она посмотрела вверх. Она с холодной определенностью понимала, что чувство, проснувшееся в ней, было ненавистью.

Марджана шагнула между ними. Она была в белом. На фоне темной плотной фигуры Маймуна она казалась языком пламени. Хасан, широко распахнув глаза, цеплялся за ее шею.

Лицо Маймуна из багрового стало белым, как накидка Марджаны.

Она вообще не обращала на него внимания.

— Должна ли я убить его? — спросила она.

Сайида с трудом сглотнула. Ее губа была разбита, во рту чувствовался привкус крови.

— Нет, — ответила она. — Нет, он не стоит того, чтобы его убивали. — Она помедлила. — Ты ведь ничего не сделала Лейле?

Ифрита улыбнулась с ужасающим очарованием:

— Нет. Ничего. Кроме… — Голос ее утих.

— Что ты сделала?

Ее опасения заставили Марджану расхохотаться.

— Ничего преступного, поверь. Я просто наложила на нее заклятье. Своему мужу она должна будет рассказать правду, и только правду, все, что у нее в мыслях, без малейшей утайки. Это прольет свет на все, что случилось.

Сайида не могла смеяться. Она не думала, что когда-либо вообще сможет снова смеяться. Но она выдавила улыбку:

— Могу представить.

Глаза Марджаны сузились; она наклонилась к Сайиде. пальцы ее коснулись разбитой губы. Ифрита зашипела.

— Он ударил тебя.

Сайида хотела сказать, что это ничего. Не ради любви к Маймуну. Просто потому, что не хотела, чтобы любое человеческое существо умерло из-за нее.

Но он заговорил первым, разъяренный, слепой к любым доводом рассудка, понимающий только то, что он — мужчина, а она, даже она — женщина.

— Да, я ударил ее. Она моя жена. И она принадлежит мне, чтобы я делал с ней все, что захочу.

— Принадлежит? — Это было произнесено нежно. По-девичьи мягко, по-девичьи сладко. Смертельно опасно.

Он слышал только мягкость. Он выпятил грудь.

— Принадлежит. — Он протянул руки. — Отдай мне моего

сына и убирайся.

Хасан уткнулся лицом в плечо Марджаны. Она переводила взгляд с него на его отца. Ноздри ее раздувались.

— А что ты сделаешь, если я откажусь? Побьешь меня?

— Хорошая трепка пошла бы тебе на пользу.

— Ты так думаешь? — Она вся была огромные глаза и девичье изумление. — Ты действительно так думаешь?

Даже он вряд ли был настолько глуп, чтобы принять это за чистую монету. Он помедлил, прищурив глаза. Марджана прижималась щекой к волосенкам Хасана. Одной рукой она держала ребенка. Другой обнимала за плечи Сайиду.

Маймун резко выбросил руки вперед. Одна, сжатая в кулак, должна была нанести удар одной из женщин. второй он пытался ухватить Хасана. Марджана отскочила. Сайида бросилась вперед. Она не знала, кого из них она пыталась защитить. Его кулак с размаху ударил ее по голове, отбросив ее на ифриту. Марджана закричала. Сайида тоже пыталась крикнуть:

— Нет! Не убивай! Не убивай…

Тишина.

Сайида с трудом села. Крестец протестовал: он помнил прикосновение камня. Голова кружилась, и не только от удара.

Комната вокруг была ей незнакома.

Она оперлась о пол руками. Да, камень. Поверх него — ковер, богатый и яркий, словно драгоценность. Лампы, собранные в гроздь; занавеси из шелка, огненно-красного, огненно-голубого, огненно-золотого.

Марджана — белое, алое и яростное кошачье-зеленое, и Хасан, глядящий на все с хмурым удивлением.

Сайида протянула руки. Марджана опустила Хасана ей на ладони, и Сайида прижала его к себе, пытаясь не дрожать. Скоро, очень скоро, она сорвется на истерический крик.

— Где… — попробовала спросить она. — Где мы?

— Далеко. — Марджана опустилась перед ней на колени. — Это мое место, моя тайна.

— Это сюда ты уходишь, когда исчезаешь?

— Иногда.

Сайида обняла Хасана и стала покачиваться. Ей было холодно; внутри нее все застыло. Сегодня ночью не выдержало и сломалось нечто большее, чем ее терпение.

— Ты ведь… ты ведь не убила его? Да?

— Ты сказала мне не делать этого. — Марджана колебалась. Она выглядела… выглядела неуверенной в правильности этого выбора. — Я оставила его таращить глаза и кричать, чтобы ты вернулась.

Сердце Сайиды сжалось.

— Я могу вернуть тебя, — предложила Марджана. — Если ты хочешь этого.

— Нет. — Сайида не предполагала сказать это. Но ее язык двигался по собственной воле. — Нет. Он назвал меня лгуньей. Он отказал мне в доверии и в чести. Он хотел посадить меня в клетку. Я не хочу возвращаться туда.

— Я не собираюсь тебя заставлять.

Сайида выталкивала сквозь застрявший в горле комок:

— Ты позволишь мне остаться здесь?

— Так долго, как тебе нужно.

Навсегда! — едва не закричала Сайида. Но она еще не зашла так далеко.

— На… на некоторое время, — произнесла она. — Пока я не буду знать, чего хочу. Если ты не…

— Как я могу даже подумать об этом? Я принесла тебя сюда.

Сайида засмеялась, потому что если бы она этого не сделала, то заплакала бы.

— Это словно в сказке. Принцесса в беде, и вот является волшебник и уносит ее в свой замок. Неужели все сказки сводятся к такой малости, как это?

Марджана коснулась отметины от кулака Маймуна.

— Не такая уж это малость, — возразила она.

Несмотря на все усилия Сайиды, слезы вырвались наружу. Марджана освободила хнычущего Хасана из ее объятий. Сайида легла ничком, чтобы выплакаться вволю.

Когда Сайида смогла обратить свое сознание на что-то, кроме жала, засевшего в сердце, она сделала это. Она не будет слушать о своей семье; она не будет говорить о том, что случилось. Она находится в логове Марджаны, у нее есть ребенок, чтобы не сидеть без дела, и тысячи мелких забот, о которых Марджана никогда не думала, считая их недостойными внимания. Марджана признала, что все эти тысячи мелочей создавали в жилье некоторое отличие, хотя и очень тонкое. Сайида отгородила угол зала для себя и Хасана, натащив туда ковриков и подушек и пытаясь хранить там игрушки и побрякушки, которые Марджана приносила для ребенка. В меньшей пещере, посреди которой стоял древний почерневший камень, и где кровля открывалась, словно дымоход, в далекое небо, она устроила кухню. Все остальное сохранялось в чистоте и порядке; Сайида изгнала ящериц и пауков к самому устью пещеры, и мышей вместе с ними, раз уж Марджана не хотела и слышать об их окончательном изгнании.

Марджана не питала никаких иллюзий относительно своего

умения домохозяйки, но перед лицом мастера искусства даже она остро почувствовала, чего была лишена. Это слегка смущало ее. Это весьма развлекало ее. Она была… да, прежде всего, она была рада тому, что они вторглись сюда, жили в ее тайном убежище, изменяли его, чтобы доставить ей удовольствие.

Она осознала, насколько раньше была одинока. Она лежала на груде подушек, снаружи свистел холодный ветер, внутри уютно мерцали лампы, а она смотрела, как Хасан играет на полу. Его мать сидела возле него, ее гладкая темноволосая голова склонилась над халатиком, который она шила для него. Теперь в ней всегда была тьма, тяжелый холодный комок упрямства, но на поверхности была безмятежность, даже умиротворение.

Сайида подняла голову и улыбнулась. Марджана улыбнулась в ответ. Никто из них не произнес ни слова. Им это было не нужно. В этом молчании была дружба.

Много позже Марджана проснулась. Хасан мирно спал. Сайида, казалось, тоже уснула, но по спокойному лицу медленно и тихо катились слезы.

Марджана знала, что пришло время переходить от существования к действию. Сайида успокоилась настолько, насколько это можно было. Когда Марджана уходила, Сайида с Хасаном были в самой дальней пещере, пользуясь ее величайшим сокровищем: горячим источником, который вливался в бассейн рядом с холодным и чистым родником.

Марджана улыбнулась и шагнула *вокруг* и *через*, в иной воздух.

У Бану Нидаль царил разброд. Половина из них, казалось, пыталась свернуть лагерь; половина, бесполезно бродя вокруг, заламывали руки. Посреди всего стоял шейх, держа за узду усталого и дрожащего верблюда.

Он даже не вздрогнул, когда Марджана шагнула из воздуха, хотя лицо его чуть-чуть посерело. Он почти рухнул, простираясь перед ней.

Она подняла его на ноги без всякой жалости. Она заметила, что вокруг них наступило молчание, и этот круг расширялся по мере того, как утекали секунды. Казалось, люди прилагали небывалые усилия, чтобы стать как можно незаметнее.

— Я заслужил наказание, — произнес шейх. — Могучий дух, дочь огня, вина целиком моя. Возьми меня и накажи, но пощади моих людей.

До нее доходило медленнее, чем обычно; она только-только начала понимать. Ее могущество подтверждало его слова. Она схватила его за глотку.

— Где он?

Шейх задыхался и сипел. Она чуть разомкнула пальцы.

— Великая госпожа, мы не знаем. Мы преследовали его. Но нигде… нигде…

Кто-то втиснулся между ними: старшая жена шейха, глядящая яростно и дерзко.

— Ты не сказала нам, что он сын Иблиса.

Марджана сделала шаг назад. Это не было отступлением.

Женщина и не приняла это как отступление; но это подогрело ее храбрость.

— Ты должна была сказать нам, — продолжала она. — Мы охраняли его точно так, как ты приказала, как только можно охранять смертного пленника. Откуда мы знали, что он вообще не смертный?

Это было небывало и странно: прийти в смущение от слов смертной женщины. Какой-то миг Марджана не испытывала даже гнева.

— Расскажи мне, — сказала она.

Она узнавала больше, чем было вложено в слова. Вечер; закончена закатная молитва; женщины склонились над кострами, запах ужина висит в густом воздухе. Стражи бодрствуют у шатра пленника, а за шатром, чтобы умный пленник не смог ускользнуть тайком, предусмотрительно привязан верблюд-самец.

Он вышел наружу мимо застывшего беспомощного стража, свободно помахивая рукой с зажатыми в ней обрывками веревок. Один из сыновей шейха бросился, чтобы схватить его; он произнес слово, и юноша застыл, как вкопанный, глядя перед собой. Он подошел прямо к шейху, поклонился ему и учтиво поблагодарил его за гостеприимство.

— А потом, — сказала жена шейха, — он расправил крылья и улетел.

Марджана видела это их глазами. Он не был таким высоким, каким представлялся им, его лицо не излучало такое белое сияние, но мантия огня, несомненно, была его мощью, а крылья, наполовину тень, наполовину чары, мерцали красно-золотым огнем.

Бану Нидаль почти сразу бросились за ним. Они вскочили на своих верблюдов и бросились в погоню; но он был слишком стремителен и не оставлял следов на земле. А она, которая могла выследить его с помощью силы, сражалась в Дамаске с супругом Сайиды, а после этого бездельничала в своем убежище.

Бану Нидаль ожидали в страхе и молчании. Они не знали, как она казнила себя. Он был молод; он был глуп; он был определенно безумен. Но он был ифрит для нее, ифриты, и она совершила худший из промахов. Она недооценила его.

Она закружилась в урагане гнева. Кочевники отшатнулись от нее. Их ужас не успокоил ее. Она расправила крылья цвета крови и тьмы и взмыла в небо.

29

Страж ворот Масиафа смотрел за стену, в утренний мир. Вдаль убегали горы, нагие и суровые. Внизу лежали поля, кормившие замок, опустевшие теперь, когда был собран урожай, но хранившие память и обещание зелени. Они пострадали во время войны с султаном; ветер и осенние дожди уже начали сглаживать следы осады.

Султан больше не придет. Аллах и Синан не допустят этого. Страж пробормотал благодарственную молитву, твердый в своей вере и в своей правоте. Разве он не был стражем Врат Аллаха? разве не был достоин рая?

Черная птица опустилась на жнивье в поле. Она была очень большой и весьма неуклюжей, она билась и металась, словно раненная. Но в поле не было ни единого лучника, никто не стрелял со стен; и птица прилетела одна.

Ее очертания расплылись в глазах у стража, вытянулись в длину. Действительно, большая птица. Ростом с человека, высокого мужчину. Крылья оказались рваным одеянием. Существо подняло белое лицо, с огромными глазами, обведенными черной тенью; черные волосы беспорядочно спутаны, черная борода, нос довольно острый и свирепо изогнутый, но определенно не птичий.

Даже сейчас страж не мог назвать это существо человеком. Человекоподобное, определенно, и, несомненно, мужского пола. Но когда оно направилось к замку, оно оказалось еще более странным, а уж никак не менее.

Оно — он — был очевидно и совершенно безумен. Ступив в жидкую грязь, он падал на колени. Но как падал, так и снова поднимался в рост, шаг за шагом приближаясь к воротам. Его халат был изорван, на нем темнела кровь. Лицо его было ясным, даже отрешенным.

Ворота были закрыты. Он покачнулся на краю рва, улыбаясь. На миг его глаза, казалось, встретились с глазами стража, хотя этого не могло быть: страж притаился в тени стены. Пришелец поднял свои длинные белые руки, по-прежнему улыбаясь, и хлопнул в ладони. Ворота задрожали, но устояли.

Легкое облачко омрачило его чело. Ожидал ли он, что ворота рухнут? Глаза его закатились. Мягко, медленно, точно во сне, он повалился наземь.

Страж лучше оставил бы пришельца умирать за воротами, если тот собирался умирать, но Повелитель этого не пожелал.

Пришельца внесли в замок и осмотрели. Он был грязен, избит, истощен, как тень; он отчаянно нуждался в воде и сне. Но немедленная смерть не угрожала ему. Они увидели, что он не был мусульманином. Подозревали, что он вообще не был смертным.

Синан созерцал его с великим интересом и неменьшим удивлением. Лекарь предоставил ему доказательства: поднял веко, открывая безжизненно закатившийся глаз, но когда свет коснулся зрачка, тот сузился. Сероглазый мужчина, который не был человеком.

Повелитель Ассасинов не мог сидеть у постели незнакомца, насколько бы загадочен этот незнакомец ни был. Он поставил стражу и связал их приказом, а сам вернулся к делам более срочным, хотя и не столь захватывающим.

Айдан проснулся с редкостной и совершенной ясностью в сознании. Он знал, где находится. Он отчасти знал, отчасти предполагал, как попал сюда. Он знал, что и близко не был в здравом уме.

Кровать была жесткой, но покрывала — теплыми и мягкими. Он был вымыт; кровоподтеки болели, порезы саднили, но не сильно. Хуже была боль исчерпанной сверх всяких пределов мощи. Он потребовал от нее все, что она могла дать, и еще столько же. И она повиновалась ему.

Она болела, словно рана. Даже защититься было больно.

Ему было все равно. Он был в Масиафе.

Он решительно сел. Мусульмане благопристойно облачили его в рубашку и нижние штаны; одежда была простой, но хорошо пошитой, и неплохо сидела.

Комната была маленькой, но не аскетической: каменные стены задрапированы шелком, на полу хороший ковер, в стене — окно. Дверь была заперта на засов и запечатана странной печатью — звезда с перемычками между вершинами лучей. За окном была пропасть.

В комнате был низкий стол, на нем кувшин, а в кувшине — чистая вода; возле него — блюдо с хлебцами, сыром и гранатами. Айдан припомнил, как когда-то обучался в монастыре, и улыбнулся.

Возле окна стоял сундук из кедрового дерева, изукрашенный чудесной резьбой. В нем была одежда: белая и, как и его рубашка, простая, но прекрасно пошитая. Одеяние ассасинов. Он натянул его. В комнате было холодно, а он был безумен, но не глуп, и не собирался отказываться от тепла, когда ему его предлагали.

Он поел и попил. Хлебцы были ассасинскими хлебцами; они были хороши на вкус, на них не было крови, могущей испортить

их. Гранаты блестели, как самоцветы, обагряя его пальцы соком.

Айдан поднял глаза на человека, стоявшего у двери. Он не знал, чего он ожидал, старик, да. Старый и сильный, иссушенный годами суровой жизни. Борода его была длинной и серебристой, глаза глубокими и темными. Быть может, он не был красив, но в его лице была сила, черты его были отчетливыми — лицо человека из древней Персии. Его племя вело войну против Запада два тысячелетия.

В нем не было мягкости. Милосердие и сочувствие, говорило это лицо, — удел Аллаха. Он, смертный человек, не может стремиться к ним.

Он пришел один и без оружия. Мудрый человек. Стража, клинки, насилие — на это Айдан ответил бы тем же. Но эта яростная безоружность удерживала его на месте.

— Я получил твое послание, — произнес Повелитель Ассасинов. Айдану потребовалось время, чтобы вспомнить.

— А посланник? — спросил он.

— Мертв, — ответил Синан. *Конечно*, — говорил его тон. Айдан не мог не пожалеть об этом. Чуть-чуть. Его целью был Синан и ручной демон Синана.

— Жаль, — отозвался он. — Он был полезен.

— Нет, — возразил Синан, — поскольку он был разоблачен. — Он одарил Айдана тенью улыбки. — Пойдем, прогуляйся со мной.

Он не был лишен страха. Айдан обонял этот страх, легкий и едкий запах. Но Синан был из тех, кто наслаждается страхом, для кого величайшее наслаждение — бросать вызов ужасу. Он шел, как мог бы идти человек, который надумал приручить леопарда, не прикасаясь к Айдану, не отваживаясь зайти столь далеко, но идя в пределах его досягаемости. Для сарацина он был среднего роста, то есть низок для франка, и худ; Айдан мог бы сломать ему шею одной рукой.

Они шли, кажется, без особого направления, прогуливаясь по замку. После Крака он казался маленьким, но ощущение от него было то же самое: дом войны, посвященный Богу. Его обитатели передвигались молча, как те, чьи задачи известны и неизменны. Они приветствовали Синана с глубоким почтением, а его спутника — короткими нелюбопытными взглядами. Здесь никто не задавал вопросов и даже не думал об этом; не перед лицом Повелителя. Все, что они знали или предполагали, они хранили при себе.

Синан говорил мало и всегда со смыслом: о назначении комнат, о том, куда свернуть. У нас нет секретов, говорило его поведение. Смотри, это все открыто, никаких тайных мест,

никакого позора, укрытого в тени, на цепи.

Да, думал Айдан. Синану здесь не нужны секреты. Все его секреты — там, во внешнем мире, среди его слуг и шпионов.

Сад уже облетел в ожидании зимы, но в защищенных уголках продолжали цвести розы. Синан присел отдохнуть под навесом, защищающий кусты белых и алых роз.

— Это правда, — спросил у него Айдан, — что в Аламуте розы никогда не отцветают?

— Ты хочешь, чтобы это было правдой?

Айдан обнажил зубы.

— В моем городе есть такой сад. Но та, что ухаживает за ним — не смертная рабыня.

Напрягся ли ассасин? Лицо его не выражало ничего.

— Ни у кого из рабов Аламута нет подобного могущества.

— А в Масиафе?

Тонкая рука поднялась, оборвала лепестки с увядающего цветка, позволила им упасть.

— В Масиафе жизнь и смерть протекают так, как начертал им Аллах.

— Или как приказываешь ты.

— Я всего лишь слуга Аллаха.

— Ты веришь в это, — сказал Айдан. Он не был удивлен. Циник или лицемер был бы менее опасен.

— А ты? Во что веришь ты?

— В то, что Аллах — хорошее имя для человеческой алчности.

Синан не был оскорблен.

— Да? А как ты называешь свою алчность?

— У меня ее нет. Мои грехи — гордость и гнев. Я называю их своими именами.

— Гордость, — промолвил Синан, — воистину. — Он поймал на ладонь один кроваво-красный лепесток и пристально посмотрел на него. Потом поднял глаза. — Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты сдался.

Более мелкий человек расхохотался бы. Синан спросил:

— Разве есть сомнения в том, кто здесь в силе? — Он сделал жест: чуть заметно повел пальцами. Из-за кустов и из теней сада, изо всех уголков выступили люди в белом. Каждый сжимал натянутый лук, каждая стрела неуклонно была устремлена на цель.

Айдан улыбнулся.

— О нет, — сказал он. — Никаких сомнений. Ты спросил меня, чего я хочу. Мое сердце желает заполучить твою жизнь, но

это не воскресит моего родича. Я мог бы удовлетвориться твоей сдачей; твоей нерушимой клятвой в том, что ты прекратишь мучить леди Маргарет; и платой за жизни, которые ты отнял.

Повелитель Масиафа смотрел на него и нарождающимся уважением.

— О, я вижу, ты цивилизованный человек.

— Едва ли, — возразил Айдан. — Плату я запрошу немалую. И ты должен будешь навсегда оставить всякую надежду заполучить могущество Дома Ибрагима.

— Существуют другие дома.

— Торговые дома. А торговцы не питают любви к возможным родственникам, которые прибегают к таким грубым методам, как убийство. С такой тактикой в этой битве ты проиграешь войну.

— Это предполагает, что мне придется сдаться. А что если я просто похищу женщину и заставлю ее силой?

— Она прежде умрет, — ответил Айдан. — А ты можешь обнаружить, что я большее препятствие, нежели выгляжу.

— Достаточно большое, — согласился Синан, меряя взглядом его рост, — и определенно сильное. Но Аллах создал твое племя уязвимым для некоторых уловок. — Он извлек из своего халата маленькую вещицу: железный диск на цепочке, с изображением шестиконечной звезды, и с надписями вокруг на арабском и, несомненно, на еврейском языках. С легким потрясением от узнавания Айдан вспомнил печать на двери его комнаты.

— Печать Сулеймана, — сказал Синан, — которой он связал племя джиннов. Я заключил в нее твое имя.

— Но я не мусульманин.

— Сулейман тоже не был им.

Айдан выхватил Печать из рук Синана. Лучники напряглись, но ничья стрела не дрогнула. Айдан повертел вещицу в пальцах. В ней не было могущества, кроме холодного спокойствия железа и тепла человеческого заклятия.

Он взвесил ее на руке. Взвешивая притворство; взвешивая бесполезность истины. Синан не знал, что в этот момент у Айдана было не больше магии, чем у любого смертного. Пока он не восстановит ее, у него не будет ничего, кроме собственного разума и телесной силы. Это, и еще страх перед его племенем, испытываемый смертными.

Пусть Синан думает, что Айдана связывает эта безделушка, а не собственная слабость…

Айдан уронил Печать на колено Синана и вдохнул.

— Что ж. Ты получил меня. Ты собираешься заключить со мной сделку?

— Быть может. Раб полезен, но свободный человек, который

работает за плату, имеет большее желание выполнить работу хорошо. Предположим, что ты сам заинтересуешь меня больше, чем Дом Ибрагима? Можешь ли ты это?

— Я не буду убивать для тебя.

Синан слегка улыбнулся.

— Ты думаешь, я хочу от тебя этого?

— А чего еще?

— Как я могу знать это, пока я не узнаю больше о тебе?

— А что тут знать, кроме того, что я есть то, что я есть?

— Но это, — возразил Синан, — едва ли просто; и хотя это может быть раскрытой тайной, это все же остается тайной. Все, что известно о тебе, это только слухи и перешептывания, если не считать того, чем может похвалиться любой смертный: титул, богатство, отвага на ратном поле. Мне ничего этого не нужно. Из гордости и гнева я смогу извлечь пользу, если они будут служить моим целям. — Он медленно, привычным жестом погладил бороду. — Еще не пришло время для сделки или для доверия, которое может скрепить ее. Но я говорю тебе это. Если ты отдашь мне себя целиком в пределах, которые я установлю, я подумаю о том, чтобы удовлетворить твои требования.

— Только подумаешь?

— Я должен знать, что могу верить тебе.

Айдан выпрямился.

— Мне известна франкская вера, — сказал ассасин. — Клятва, данная неверному — не клятва.

Айдан не двинулся с места. Как и лучники, целившееся в него. Да, гордость и гнев. Но если он был молодым демоном, то в войнах рода человеческого он был опытен. Он распознавал приманку, когда ему ее подносили. Он обнажил зубы в ядовитой усмешке.

— Может быть. Но клятву в том, что я добьюсь расплаты, я принес своему достаточно христианскому "я".

— Тебе будет предоставлена широкая возможность доказать. — Синан поднял руку. Два лучника опустили свои луки и вышли вперед. Они были крупными мужчинами, гигантами среди сарацинов. Один был выше Айдана, и в три раза шире.

— Ты, должно быть, желаешь отдохнуть, — сказал их господин, — и поразмыслить над тем, о чем мы говорили. — Он кивнул стражам; они встали возле принца, по одному с каждого бока.

Айдан посмотрел на одного, потом на другого. Оба прятали от него глаза. Он пожал одним плечом и повернулся на пятках. Они явным образом колебались — притащить ли его обратно или позволить ему уйти.

Он спокойно пошел к воротам. Синан не сделал ни движения, чтобы вернуть его. Стражи поспешили за ним.

Выбор мог бы оказаться и легче. Или Айдан нарушит свою клятву, или отвергнет условия Синана и попробует добиться своего другим способом. Он мог бы убить, если бы это понадобилось, хотя за это убили бы его. Но он должен еще получить жизнь орудия Синана, этой лгуньи, этой предательницы своего племени.

Это могло быть проще. Лучше открытый вызов и смерть, чем такое служение. Но он не мог сделать определенного и окончательного выбора. Если бы он мог быть хитрее и коварнее. Поступить на службу к ассасину; сделать себя незаменимым; занять место этой дьяволицы. А потом, когда она будет в опале, а он в глубоком фаворе, но когда его служба будет близиться к концу, уничтожить их обоих.

Он знал, что не сможет хитрить так долго. Он не был интриганом, и не был рабом ни одному человеку. Но голос в его голове отказывался умолкнуть: "Отвергни его условия, и он, вероятно, снова нанесет удар по Джоанне. И наверняка обратит взор на ее сына. Леди сдастся ему: даже она не сможет сопротивляться такого рода убеждениям. Но если ты притворишься, что уступаешь, если ты вырвешь у него обещание больше ничего не предпринимать, пока ты не докажешь, что достоин доверия, что тебе терять, кроме своего нетерпения?"

— Мое самоуважение, — отвечал он, меряя шагами свою темницу туда и сюда. — Мою жизнь, когда я не выдержу. А я не выдержу. И тогда он сделает все возможное, чтобы отыграться на моих родственниках.

"Ты можешь быть сильнее, чем думаешь."

Он зарычал, падая на матрац. Он был пойман в ловушку. Он мог это признать. Он не думал ни о чем, только о том, как достигнуть Масиафа. Теперь он был здесь, и у него не было ни плана, ни разумной цели.

Он был в плену, лишенный своей магии, отрезанный от своих мамлюков, даже без меча, полностью во власти ассасина. Он не был даже уверен, что сможет играть до тех пор, пока не вернется его сила. А если и сможет, то что тогда? Остается Синан, и демон Синана, и их долг смерти.

Быть может, он сможет убить обоих, и позволить событиям развиваться дальше. Убить было просто; это был финал. Он положит конец всем колебаниям.

Айдан сбросил одежды, смердевшие ассасинами, и лег обнаженный в холоде, который не мог затронуть его так, как смертного человека. Он вздрогнул только однажды, припомнив об

отцовской крови в его жилах. Но огонь в нем горел жарко. Неожиданно ему захотелось оказаться рядом с Джоанной. Это была не похоть, нет, он просто хотел обнять ее, чтобы она была с ним: теплая, любящая, женщина, принадлежащая ему, мужчине. Он оставил ее в скорбном безумии, покинув ее наедине с ее болью. Что она должна думать о нем сейчас?

Он лег лицом вниз. Глаза его плакали, независимо от всего остального. Совсем немного и совсем недолго. Он вздохнул и успокоился.

Что-то кольнуло его в спину. Снаружи было достаточно звуков, от свиста ветра до далекого эха человеческого присутствия. Внутри было абсолютно тихо.

Он был не один.

С величайшей осторожностью он повернулся на бок. Она была здесь: ассасинка. Смотрела на него. Он предоставил ей полюбоваться им полностью. Она покраснела и отвела глаза. Он прыгнул.

С мгновенной мрачной радостью он схватил ее. Но она была воздухом и водой; она утекла из его рук. И она смеялась. Тихо, легко, бесконечно насмешливо. Этот смех сводил его с ума.

30

Сайида добавила щепоть кардамона в котелок и помешала варево, слегка хмурясь. Чего-то еще не хватало, но она никак не могла вспомнить, чего. Она рассеянно потянулась оттащить Хасана от мешка с рисом. Он цеплялся, стараясь взобраться повыше, как будто увидел что-то за ее плечом.

Марджана, как это часто бывало, отправилась куда-то — добыть что-нибудь, вне сомнений. Кажется, теперь она вернулась. Сайида повернулась посмотреть, что же та принесла.

Действительно, кое-то новое. И досталось оно ей нелегко, это было ясно видно. Волосы Марджаны были всклокочены, на скуле темнел кровоподтек, но она улыбалась. Тот, кого она принесла, явно был без сознания, он лежал у нее на руках, словно невероятно выросший младенец.

Часть сознания Сайиды в ужасе отпрянула назад. Часть — та часть, которая управляла ее телом — опустила Хасана на пол и бросилась на помощь Марджане.

Вместе они уложили его на гору подушек и покрывал, служивших Марджане постелью, диван был слишком короток для него. Сайида не могла не заметить, как отменно сложено это длинное тело и как удивительно легко оно. Ей было почти жаль благопристойно укрывать его шальварами из гардероба Марджаны и толстым мягким одеялом.

Видимо, он боролся с заклятием — то, что это было заклятье, Сайида была уверена. Он заворочался; брови его нахмурились; он пытался заговорить. Марджана коснулась его лба. Он замер.

Марджана сидела, поджав ноги, и смотрела на него, Сайида сидела и разглядывала ее. Да, у нее был новый синяк, волосы спутаны, а халат порван.

— Это все он сделал? — спросила Сайида.

Марджана вздрогнула.

— Он? Сделал?

Она, казалось, слегка пришла в себя, но не отрывала глаз от его лица.

— Да, Да, он сопротивлялся. Так просто; так явственно безумно.

Сайида задержала дыхание.

— Безумно? И ты принесла его сюда?

— А куда еще?

— Но он же опасен, — запротестовала Сайида.

— Я могу сдержать его.

Сайида бросила взгляд на исчезающие отметины на ее горле;

на новый синяк на лице.

Марджана чуть покраснела.

— Это все мои промахи. Он удивительно мягкое создание, когда не ударяется в безумие. И у него есть причины — и он знает их — ненавидеть меня. Я приручу его постепенно.

— Если он прежде не разорвет тебя на части.

— Он не дикий зверь.

Сайида плотно сжала губы. Франк в забытьи лежал между двумя женщинами. Во сне лицо его лицо выглядело не более человеческим, чем лицо Марджаны. Сайида не могла понять, как она могла считать его прекрасным или даже просто красивым. Для этого он был слишком чуждым.

— Магия, — сказала Марджана. — Когда он находится среди людей, он притворяется одним из них; он надевает маску, чары. Но он исчерпал свое могущество. Сейчас у него нет волшебной силы, и это неотвратимо показывает его истинное лицо.

— Нет? Вообще нет магии?

— Она вернется. Если он даст ей. Это как родник, стекающий в бассейн. Он осушил весь бассейн; нужно время, чтобы наполнить его вновь.

Все это было вне понимания Сайиды. Она повернулась к Хасану, который направлялся к Франку с явной и несомненной целью. Сайида схватила Хасана и удержала его, несмотря на его протесты; но, подумав, ребенок согласился сидеть на ее колене и смотреть.

Марджана стояла над ними. Ее рука быстро и легко пробежала по волосам Сайиды.

— Не бойся, — сказала она. — Он не причинит вам вреда. Ты думаешь, почему он ненавидит меня? Я убила человеческое дитя и пыталась убить человеческую женщину, и оторвала его от его слуг.

Ее голос пугал, потому что был таким спокойным, рассказывая истину без прикрас. В нем было совсем немного горечи, совсем немного сожаления. Но отчаяние пропадало из него.

— Я преподам ему истину обо мне, — сказала Марджана. — Смотри и увидишь.

Айдан плавал в глубоких водах замечательно незатейливого сна. Запах готовящейся еды; что-то напевает женский голос, чистый, негромкий и мелодичный. На краткий миг он снова стал ребенком, маленьким полудиким зверьком, живущим в доме лесной ведьмы, ничего не зная и не ведая о дворцах и замках, ни даже о том, что у него был и есть отец, отец-король. Он едва не потянулся, чтобы коснуться второй половинки себя, брата, с

которым вместе дремал в чреве матери.

Его рука знала, что обнаружит только пустоту. Его тело помнило себя. Было тепло и уютно. Если не считать чего-то живого и довольно тяжелого на груди.

Айдан открыл глаза. На него сверху вниз уставилась пара карих глаз на очень юном лице.

— Ха, — сказал их владелец. — Лид. — Ребенок запрыгал, смеясь. — Халид!

Айдан боролся за глоток воздуха, который словно нарочно выдавливали из него. Это был настоящий вес и весьма настоящий младенец — мальчик, как ясно видел Айдан: на ребенке было только ожерелье из синих камушков на шее и ничего больше.

— Халид! — ликующе кричал мальчик. — Халид!

Ребенка кто-то поднял. Легкие Айдана, освободившись, втягивали воздух. На него сверху вниз смотрела молодая женщина. У нее были такие же круглые карие глаза, как у ребенка, хотя и не такое круглое смуглое лицо. Ее черты были тоньше, почти острыми. Она внезапно покраснела и прикрыла лицо краем головного покрывала.

Айдан уже догадался, что она была сарацинкой. Он видел, что находится не в своей келье в Масиафе. Вообще не в Масиафе. Он догадывался, что к этому приложила руку Марджана.

— Она похитила и тебя тоже? — спросил он.

С закрытым лицом девочка была храбрее. Она держала ребенка на бедре, откуда тот рассматривал Айдана с радостной настойчивостью.

— Она моя подруга, — ответила женщина.

Айдан не мог произнести ни слова.

Женщина нахмурилась.

— Ты знаешь, это возможно. То, что у нее могут быть друзья. Что ты знаешь о ней?

— То, что она убивает.

— А на твоих руках нет крови?

Он сел. Щеки его горели. Кажется, это проклятье — его всегда ставят на место закутанные в покрывала истинные мусульманки.

Эта женщина отшатнулась назад, когда он пошевелился, загородив ребенка своим телом. Она боялась Айдана. Безумец, думала она. Опасный. И франк.

Его могущество вернулось.

Он сидел смирно. Она медленно успокоилась.

— Я прошу прощения, что Хасан разбудил тебя.

— Я полагаю, есть вещи похуже, которые тоже могут разбудить.

Ее глаза потеплели от улыбки — сначала медленно, невольно, но неудержимо.

— Мое имя Сайида.

Он склонил голову.

— Айдан.

— Ты голоден?

Он был голоден. Это удивило его.

Она все еще не доверяла ему: она забрала Хасана с собой и вернулась, удерживая равновесие с подносом на голове и с ребенком у бедра. Айдан чуть помедлил, чтобы оказать уважение такому подвигу. Теперь ее лицо было закрыто, но он видел, как вспыхнули ее щеки, когда он поднялся, чтобы взять поднос. Он не смог удержать улыбку, и это заставило ее покраснеть еще сильнее.

Она не стала есть с ним. Женщина не должна есть с мужчиной, к тому же он был неверный. Но Хасан не знал таких ограничений. Она отпустила его, в ожидании, когда Айдан поест, и Хасан устремился прямо к колену Айдана. Сайида рванулась было за ним, но остановилась.

— Я не причиню ему вреда, — мягко сказал Айдан.

Она подняла глаза. Она была чуть сердита, но не на него.

— Она сказала, что ты этого не сделаешь.

Он стиснул зубы.

— И ты поверила ее словам.

— Я знаю ее с тех пор, когда я была не старше, чем Хасан.

— А меня ты совсем не знаешь. — Айдан заставил себя расслабиться, потянулся за пресной по-восточному лепешкой и макнул ее в котелок. Хасан смотрел на это голодными глазами. Айдан разломил лепешку и отдал половинку ребенку, который принял это как должное. Айдан сжевал собственную половину.

— Вкусная еда.

Сайида засмеялась, как будто не смогла удержаться.

— Да, я умею готовить! Только не говори моему мужу. Он думает, что это не пристало женщине из хорошей семьи. — Она смолкла; казалось, она вдруг осознала, что сказала. Она резко поднялась и пошла прочь через сводчатый зал, бывший, как теперь понял Айдан, пещерой.

Он не пытался пойти за ней. Хасан хотел еще хлеба. Айдан дал ему еще кусок, желая засмеяться, но не отваживаясь. Вот он сидит в пещере, разукрашенной, как султанский гарем, принесенный сюда магией, с ребенком на колене, а мать ребенка переживает самое частое женское горе: ссору с мужем. Он размышлял, ожидают ли от него, что он ее утешит.

Это было бы недостойно их обоих. Он ел, чтобы утолить

голод, деля трапезу с Хасаном. К тому времени, как он поел, Сайида вернулась, ожидая, что он станет спрашивать, почему она плакала. Вместо этого он задал вопрос:

— Разрешено ли мне осмотреть это обиталище?

Она уже намеревалась упрекнуть его за любопытство, но остановилась и глубоко вздохнула, направляя мысли на этот неожиданный поворот разговора.

— Я не думаю, что смогу остановить тебя. — Она помолчала. — Тебе это уже под силу?

— Я не думаю, что когда-либо чувствовал себя лучше. — И это была правда. Он отдохнул; он был силен. Его могущество все еще текло чуть заметным ручейком, но ручеек постепенно наполнялся.

Она не поверила ему, но она была разумна: она не стала спорить с ним. Она настояла, чтобы он оделся — прикрылся, как она выразилась. Принесенная ею одежда была одеяниями кочевника пустыни.

Его собственная одежда, вычищенная и тщательно зашитая. Но оружия не было. Конечно: оружие ему было не дозволено.

Обиталище состояло из тех связанных между собою пещер: большой зал; маленькая комнатка с отверстием в своде, служившая кухней; чудо изукрашенных самоцветами стен и многоцветного камня, с бассейном, над которым поднимался легкий пар. Айдан едва задержался даже здесь. Его мысли были устремлены наружу.

Было утро; его кости знали это. Злой ночной холод почти ушел; дневная жара еще не настала. Вокруг была пустыня: песок, камни, небо.

И сила. При помощи своего собственного могущества Айдан проследил границы запретного круга. Он был меньше, чем кольцо вокруг Масиафа, но намного сильнее. Его назначение было совершенно понятно. Да, Айдан может ходить повсюду: довольно далеко по человеческим меркам. Но не может сбежать. Даже вверх. Более совершенной темницы для существа своего племени он не мог вообразить. Он решил залезть на скалу возле узкого устья пещеры, он был рад возможностью размяться, хотя изодранные ладони все еще напоминали ему о том, как он продирался в Масиаф. На вершине он упал на четвереньки. Небо было невозможно широким. Далеко внизу виднелись развалины из тесаного камня. Их укрывала земля, разрушало время, но работа человеческих рук все еще была заметна.

— Там когда-то был город, — сказала позади него ассасинка.

Он не подскочил. Он даже не обернулся.

— Персеполис?

— Нет. Этот город Александр не сжигал; он его построил. Он сказал, что делает это в честь своего пса, потому что тот умер здесь.

— Александр был безумен.

— Несомненно. — Ее тень коснулась его; он отодвинулся. — Ты вряд ли в более здравом уме, господин мой Халид.

— Есть ли здравомыслие в убийстве?

Эти слова прогнали ее прочь. Он долго ждал; она не вернулась. Он медленно спустился вниз.

В пещерах ее не было. Сайида занималась в уголке чем-то мирным и женским. Хасан хотел, чтобы его развлекали. Айдан доставил ему это удовольствие.

Несмотря на всю свою смелость и дерзкий язык, Сайида была застенчива. Быть может, если бы он был женщиной, она скорее перестала бы дичиться его. Но при сложившемся положении дел она ходила в вуали и спала на кухне, чего не делала до его появления. Он не мог уговорить ее разделить зал с ним, даже в противоположном от него конце.

— Это неприлично, — говорила она.

Но днем она не шарахалась от него и говорила с ним довольно свободно.

— Ты дочь оружейника? — воскликнул он, когда понял это. — Сестра Исхака?

Она кивнула. Она была польщена.

По-своему, это было логично. Подруга Марджаны должна была иметь какое-то отношение к холодной стали.

— Значит, это ты смотрела на нас, в тот день, когда я был в гостях у твоего отца.

Она снова кивнула.

— Я видела тебя с Исхаком и на улице.

— Я думал, твой муж не позволял тебе выходить в город.

— Не позволял.

Айдан на это не сказал ничего. Из деликатности и благоразумия.

В тот раз Сайида больше не говорила об этом, но позже рассказала о молодом кузнеце без семьи, которого ее отец принял в подмастерья, а потом выдал за него младшую дочь.

— Он не принуждал меня, — сказала она. — Я могла отказаться. Но я достаточно хорошо относилась к Маймуну и уважала его мастерство. Я думала, что он будет хорошим отцом для моих детей.

В этих словах говорилось — или подразумевалось — больше, чем было произнесено.

— Он должен был верить мне, — промолвила Сайида. — Он

должен был позволить мне сделать свой выбор.

— Это трудно для молодого мужчины, — произнес Айдан.

Она отвела глаза в сторону. Он усмехнулся. Он выглядел моложе, чем Маймун, и знал это. Она просто кивнула.

— Да, тебе это должно быть известно, не так ли?

— Понимаешь, это высокомерие. Наконец-то быть мужчиной, со всей мужской властью и гордостью. Что перед этим воля женщины?

— Неумолимость. — Именно так прозвучал его голос.

— Он поймет это. Это нелегкий урок: то, что он мужчина, что он силен, но не непобедим. Что иногда он должен уступить.

— Пусть учится этому без меня. Я не намерена терпеть побои ради его обучения.

— Бьюсь об заклад, он теперь жалеет.

— Надеюсь. — В ее голосе был яд. Она все еще сердилась.

Зверь может обезуметь в клетке, даже в такой огромной, как эта. Отродье ведьмы, с другой стороны, может обрести рассудок.

Он не хотел этого. Здравый разум ужасен, когда надо лелеять ненависть. Он подыскивает причины для отвратительного и извинения для непростительного. Рассудок заставлял Айдана забыть скорбь и вспомнить и тепле тела, прижимавшегося к нему; тела, созданного для него.

Рассудок смотрел на Сайиду и ее сына и не мог сопоставить Марджану, которую они любили, с Марджаной, которую ненавидел Айдан.

Сайида едва ли не понимала, кем была Марджана. Она знала это лучше, чем Айдан. Но она называла демоницу подругой и думала о ней, как о сестре. Хасан обожал ее. В его сознании она была чудом и дивом, огромным сияющим существом с самыми прекрасными волосами в мире. Он считал Айдана частью ее. Тем, кто высок, как небо, кто может петь часами, кто учит его новым словам, чтобы мама засмеялась и захлопала в ладони и назвала его маленьким королем. Кто брал его наружу, в широкий мир, и показывал ему птиц и зверей, и штуки с корнями, которые храбро росли в пустыне; кто в одно чудесное утро полетел с ним вверх до самой ограды.

Спустившись, Айдан застал Сайиду в неистовом гневе.

— Не смей, — сказала она, и спокойствие ее голоса заставляло содрогнуться. — Не смей больше… больше никогда…

— Я не хотел напугать тебя.

Она выхватила своего сына из рук Айдана.

— Нет. Ты не хотел. Ведь так?

— Сайида, я не думал…

— Мужчины никогда не думают. — Ее презрение было

невыразимым. Она повернулась к нему спиной. Он остался стоять, в раскаянии и растущем негодовании.

— Женщины ничего не понимают! — крикнул он ей вслед.

Она остановилась, обернулась.

— Женщины понимают многое!

— Может быть, даже слишком многое!

Здесь не было двери, чтобы хлопнуть ею, но Сайида обошлась и без двери. Он взлетел, назло ей, на вершину скалы и улегся там, проклиная женское неразумие. Она осталась внизу, проклиная мужской идиотизм. Они вели себя, подумал кто-то из них — Айдан даже не был уверен, кто именно — совершенно как родственники.

Ее это не пугало. Ему… ему хотелось смеяться, и это было смертельно для его обиды.

Он повернулся лицом к небу.

— Теперь я понимаю, — сказал он. — Ты хочешь смягчить меня при помощи этой девочки; ты хочешь успокоить меня при помощи ее малыша. А потом ты найдешь меня ручным и мягким, созревшим для тебя. Но этого не будет. Я не сдамся тебе. Ты убила моего родича. Бог может простить тебя. Я — не прощу.

31

Когда Марджана вернулась оттуда, где была, она застала невозможно домашнюю картину. Сайида сидела на подушках, занимаясь своим неизменным рукоделием. Айдан возился на полу с Хасаном. Малыш хотел ходить, но все еще нетвердо держался на ногах. И тем соблазнительнее были длинные волосы его приятеля, ниспадавшие так заманчиво, и его борода, в которую можно было запустить пальцы. Мать Хасана порою укоряла его, но в то же время пыталась удержаться от смеха. Айдан и не пытался. Он разжимал дерзкие пальчики и притворялся, что сейчас откусит их. Хасан радостно вопил.

Сайида заметила ее первой. Марджана приложила палец к губам. Но даже после этого предупреждения Сайида не могла продолжать смеяться по-прежнему.

Айдан был поглощен игрой. Выдал ее Хасан, радостно закричавший:

– 'Джана!

Очень медленно Айдан отнял руки Хасана от своих щек т опустил его на пол. Он имел не больше желания оборачиваться к Марджане, чем тогда, на вершине скалы.

Хасан, освободившись, поднялся на ноги и устремился к ней. Она подхватила его прежде, чем он упал. Он запустил пальчики в ее волосы и засмеялся, бесконечно счастливо.

– 'Джана, — сказал он. — Мама. Халид. Ковер, чашка, диван, вода, небо!

Она изумленно слушала его.

— Он учится говорить! — А когда его мать кивнула, гордо, несмотря на свое напряжение, Марджана добавила: — У него алеппианский акцент.

Спина Айдана была неподвижной. Лампа зажигала синеватые отблески в его волосах. Ей хотелось погладить их, расчесать спутавшиеся пряди, скользнуть рукой под эту гриву и изгнать напряжение из его плеч.

"Я скорее умер бы", — ответил он внутри, тихо и с горечью.

Когда доходило до этого, она оказывалась трусихой. Иначе почему, начав его приручение, она оставила его с Сайидой так надолго? Она вздрогнула от неумолимости его ненависти. Она вылетела из пещеры, все равно куда.

И вернулась обратно. Больше не скрываться; больше не убегать. Это было ее место. Пусть он увидит, что она не собирается убегать отсюда, пока не одержит над ним верх.

— Значит, мы останемся здесь, пока звезды не падут с

небес, — ответил он сквозь сжатые зубы.

— Не так долго, я думаю, — она обошла его, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Он не стал проявлять ребячество: он стоял спокойно. Глаза его тускло светились. Несмотря ни на что, он не выглядел пленником, гложущим в заточении самого себя. Пока она держит его здесь, чтобы играть им, его родные в безопасности.

Она кивнула без улыбки.

— У тебя достаточно ясный взгляд. Как можно убедить тебя, что я не своей волей причиняла вред тебе и твоим родичам?

— Не лги мне. Ты была счастлива, убивая Герейнта. Ты заколола Тибо, не почувствовав угрызений совести. Мои воины Аллаха исчезли. Джоанну… Джоанну ты с радостью порезала бы на кусочки.

У нее перехватило дыхание.

— Эта толстая корова. Что, во имя Аллаха, ты в ней нашел?

Он выпрямился. Это было великолепно, так высок он был, так похож на пантеру; как он не обращал на это внимания. Его гнев заставил ее пошатнуться. Он ударил бы ее, если бы не Хасан; или так хотелось ему думать.

— Что я в ней нашел? Что ты можешь знать, ты, демон, убийца детей? Что ты нашла во мне, кроме того, что ищет всякая сука во время течки?

Эта прямота была жестокой, и именно этого он добивался. Она сказала это себе. А ему ответила:

— Отлично. Это ревность и огонь в теле. Только тогда я обнаружила тебя, ты вряд ли был в монашеской келье и умерщвлял плоть монашеским аскетизмом.

Его кожа была даже белее, чем у нее; румянец на этой коже пылал гораздо ярче.

— И ты думаешь, что после этого я могу желать тебя? Или простить тебя?

— Я не убила ее.

— Не потому, что не пыталась.

— Если бы не ты, я не стала бы и пытаться. — На этих словах она запнулась. Сайида спокойно подошла, взяла у нее Хасана и исчезла. Никто даже не обратил на это внимания. Марджана вскинула голову и посмотрела на Айдана. Кровь отхлынула от его лица. — Мне было приказано именем моей священной клятвы, я была связана словами власти в том, что заберу ее жизнь. Я уже решила было нарушить эту клятву: просто найти ее, увидеть ее в лицо, быть может, легко ранить ее ради успокоения своего господина, а потом исчезнуть. И в каком же виде я нашла ее? Я вряд ли могла винить ее в том, что она получала удовольствие

там, где могла. До того, как я увидела, с кем.

Айдану была ведома ревность, и безумие. Он мог распознать, что это было правдой. Но это не смягчило его.

— Ты сожалеешь о том, что сделала, но не ради нее, а потому, что из-за этого ты потеряла меня.

— Она всего лишь человек, — сказала Марджана.

Он резко выпрямился, глаза его сверкнули.

— Значит, ты не будешь жалеть, если я сверну шею этому щенку.

— Ты не осмелишься.

— Он всего лишь человек, — парировал Айдан. Тот же тон, тот же легкий привкус презрения.

Ее кулаки сжались. Он поймал ее на этом; он слишком хорошо знал это. Были просто люди, а были люди, принадлежащие кому-то. Но то, что та разжиревшая огромная тварь могла принадлежать ему… это было невыносимо.

— Ты думаешь, что смогла бы остановиться перед убийством младенца, — сказал Айдан. — И все же ты едва не сделала это. Она носит моего ребенка.

Слова отказывались облекаться смыслом. Конечно, смертная женщина не могла… как он мог…

Он снова атаковал ее, нанеся удар еще глубже, повернув лезвие в ране:

— Она боялась сказать мне; она боялась, что я прогоню ее. И когда она узнала, что я этого не сделаю, что после первого потрясения я был счастлив, что я с радостью принимал и ее, и ребенка, и все, что из этого могло получиться, она была так счастлива, что сам воздух, казалось, пел. А потом… потом появилась ты. Ты увидела и ударила. Ты потеряла последнюю надежду завоевать меня.

Марджана не могла заплакать, проявить ярость или закричать, отрицая все. Она была слишком горда. Она сказала:

— Смертные женщины стареют. И умирают.

Лицо его исказилось.

— О да, ты жестока, и ты холодна. Тебя не может коснуться человеческое тепло.

— Не больше, чем тебя.

Ответный удар. Он вздрогнул; губы его плотно сжались.

— Я ничего не могу поделать с тем, что сделали со мной годы, — промолвила Марджана. — Я была одинока; я стала рабыней, чтобы придать длинным дням хоть какую-то цель. Моя глупость и моя скорбь. Откуда мне было знать, что Аллах предначертал для тебя и для меня?

Он выслушал все, что в силах был выслушать. Он без единого

слова отвернулся от нее и широким шагом вышел из пещеры.

Она позволила ему уйти. Он не мог сбежать, и знал это так же хорошо, как она. Быть может, он не знал того, чего не хотел знать. Большая часть его сопротивления была мятежом против иных устремлений его души.

Как хорошо ты лжешь себе. Его голос в ее сознании был горек от яда. Она отослала эти слова обратно, уже без яда. Его сознание захлопнулось, точно ворота.

Когда в пещере обитали трое, они обустроили для себя мирок, маленький, но уютный. Этот нежеланный четвертый уничтожил все.

Девчонка и ребенок не были к этому готовы. Он вторгся сюда, он был взрослым мужчиной и чужаком. Он видел, как Хасан радуется просто присутствию Марджаны и как Сайида раскрывается перед ней, делится радостью и теплом, словно с родной. То, что его видеть не хотели, было до боли очевидно. Его приняли не ради него самого, но ради Марджаны.

Он уходил из пещеры и не возвращался, пока его не принуждал к этому голод; а иногда даже и тогда. Если запастись терпением, можно было немного поохотиться. Он начал испытывать на прочность ограждающий круг, как тогда, когда шел на Масиаф; но этот круг не поддавался вообще. Создательница круга была внутри него и могла его поддерживать, и теперь она знала возможности Айдана. Он предполагал, что намного лучше, чем он знал ее.

Она всегда осознавала его местонахождение, как и он — ее. Часто она следовала за ним. Она не пыталась схватить его. На него шла охота, но охотник был терпелив. Казалось, ей было довольно просто видеть его; знать, что он в ее власти.

Ее сознание было открыто для него. Это было доверие, полное и безоговорочное. Это лишало его спокойствия. Но не разума. В этом прибежище ему было отказано. Он должен был знать, как она любила его и желала его; как глубока была рана, что теперь он не сумел бы вернуть любовь и желание.

Не сможет.

Не смог бы. Она предпочитала точность, будь оно все проклято. Будь прокляты ее годы, ее сила и ее настойчивость.

Упрямец, сказала она ему. *Глупец.*

Убийца, подумал он в ответ.

Она показала ему первого человека, которого он убил, когда ему было двенадцать лет. Она показала ему второго, третьего, четвертого. Она показывала ему годы странствий, сражений, разграбленных городов, врагов, беспощадно зарубленных в кроваво-красном угаре войны. Город — название он забыл,

заставил себя забыть — город, истощенный осадой, изможденные тощие женщины с оружием, сделанным наспех из всего, чем можно было ударить и убить, одна из них, с криком бросившаяся на него, он в доспехах, она в изодранных лохмотьях, и дитя на ее спине, но он не видел его, пока не зарубил ее и его тоже одним ударом. И на миг почувствовал дурноту, но потом пожал плечами и вытер клинок, и вернулся к тому, что прежде всего было войной.

Она показала ему, как он склоняется над газелью, которую догнал и убил, словно гепард, бросившись на нее и сломав ей шею. Огромный грациозный хищник со вкусом крови во рту, светлые кошачьи глаза щурятся от света.

— Такими Бог сотворил нас, — сказала она. Она сидела, скрестив ноги, на плоской макушке валуна и смотрела на него сверху вниз. — Ты не меньше, чем я. Если ты хочешь ненавидеть меня, ты должен ненавидеть и себя самого. Мы одной крови, одного племени.

Раздражение жгло ему глотку.

— Хоть бы Бог никогда не дал тебе родиться!

— Почему? Потому что я учу тебя видеть правду?

— Умная ложь. Извращение того, что есть, в то, что ты желала бы видеть. Я не твой пес, ассасинка. Отпусти меня!

Она покачала головой.

— Я теперь не ассасинка. Я оставила это. У меня больше нет веры, за которую можно убивать.

Его покоробило, что за веру вообще можно убивать.

Что-то порхнуло в воздухе и упало к его ногам. Кусок ткани с вышитым на ней крестом, алым на черном.

Молчание затягивалось. Казалось, ее мысли обратились с него на ту землю, где он охотился: город, построенный Александром в память пса. Айдан оставил ткань там, где бросил ее ветер, и хотя его отвращение росло, сел потрошить и свежевать свою добычу. Для этого у него был нож, простое грубое лезвие с достаточно острым краем. Присутствие Марджаны было словно огонь на коже, ее невнимание терзало его душу.

У нее на все был ответ. Она не желала, не могла увидеть различие между холодным убийством и чистой войной.

Чистой?

Он увидел тело Тибо, спокойное, словно во сне; и увидел последствия кровавой битвы.

Это не принадлежало ей. Его сознание было заперто на замок. Она изменила его изнутри, как и снаружи.

— Я не прошу прощения за то, что я есть, — сказала она. — Я только прошу тебя, чтобы ты ясно видел это, а не так, как тебе

хотелось бы видеть.

— Я вижу достаточно ясно. Я вижу, что у тебя время для спаривания, и я здесь, и я самец, и подходящего вида. И не более, чем это.

— Вначале это было так, — возразила она.

Она стояла перед ним в холодных и скрывающих фигуру белых одеждах. Святая дева не могла бы быть более невинной. В ней не было обольщения. Она никогда не знала, что это такое.

Она протянула руки. Он отшатнулся было, но удержал себя. Он увидел быструю вспышку боли и еще более быстрый промельк улыбки на ее лице. Ее рука на его щеке была теплой. Ради вызова, ради горькой насмешки он повторил ее жест. Гладкая, удивительно мягкая щека. Плоть его племени, носящая тонкое, но глубокое отличие от человеческой. Легким, как дыхание, прикосновением пальца он проследил очертания ее лица. Ее красота не была холодной под той маской, которую она носила. О, нет. Совсем не холодной.

Он отдернул руку. Она не проявила ни малейшего признака торжества. Просто повернулась и пошла прочь. Пешком, как любое земное создание. Любая женщина. Ни один мужчина не мог бы идти с такой грацией, чуть пританцовывая даже на каменной осыпи.

Лицо Айдана горело там, где она дотрагивалась до него. Он вернулся к своей освежеванной добыче и поднял ее на плечо. Самым удобным путем назад был избранный ею путь. Он не откажется от этой дороги, сказал он себе, из-за того, что ею прошла Марджана.

При всей своей храбрости и дикости Марджана разделяла застенчивость Сайиды в вопросе спальных мест. Женщины расстилали матрацы в кухне; они не желали и слышать об обмене. Но Айдану часто составлял компанию Хасан. Даже будучи так мал, он, казалось, осознавал, что они оба были мужчинами; и ему нравились подушки и одеяла.

— Он превращается в маленького принца, — сказала его мать.

— Тогда он в подходящем обществе, — ответила Марджана.

Айдан, без аппетита ковырявший кусочек жареной газели, поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть на лице Сайиды комичное замешательство.

— Йа Аллах! Я совсем забыла.

Его улыбка была кривой.

— Не кланяйся. Ты упадешь в котел.

— Я не намеревалась… я вела себя… я… — Сайида в смущении умолкла.

— Так, словно я совсем не принц, — завершил он. Она открыла рот, негодуя. Он засмеялся. — Я знаю, что не похож на принца. Мне это говорили те, кто в этом понимает. Как я могу сердиться на правду?

— Это ерунда, — возразила Сайида. — Королевская кровь есть королевская кровь. И я даже не вспомнила… Исхак говорил мне однажды… он просто не мог удержать это в себе. Я и не беспокоилась о том, чтобы помнить. Что для меня принц? Я никогда не оказалась бы к нему ближе, чем уже была.

— Странные вещи пишет ваш Аллах, когда он захочет. — Айдан доел мясо и потянулся за сыром. Взгляд Марджаны был острым. Он отказывался замечать это.

Он отложил сыр, отрезав только кусок.

— Ешьте. Я закончил.

Они пытались спорить с ним, но у него не было аппетита, и они приступили к еде. Пока они ели, он направился в баню. Он был до изумления рад, что всегда может искупаться. И что бассейн достаточно широк, чтобы можно было плавать.

Он скинул одежду, но не вошел в бассейн. Там, где камень плавно нисходил в воду, похожий на лед, синий и бледно-зеленый, Айдан улегся на живот, положив подбородок на скрещенные руки, и стал любоваться игрой воды в свете ламп. От нечего делать он сотворил свой собственный свет, рассыпал его угольками и пустил их танцевать на поверхности воды.

Айдан зевнул, почесав щеку о плечо. Он уже и забыл, каково чувствовать себя чисто выбритым. Быть может, следовало к этому вернуться. Это могло шокировать женщин; это могло доказать, что он франк и варвар. И чудовищно молод телом.

Время не оставляло на нем отметин. Даже шрамы рассасывались и исчезали. Однажды, будучи уже совсем взрослым, он получил удар в рот. Обломки зубов расшатались и выпали; он научился улыбаться, сомкнув губы, и приготовился на всю оставшуюся жизнь смириться с испорченной красотой. Было неожиданно и унизительно узнать, как много она значила. Но пришел день, когда он, пробежав языком по уродливому широкому провалу, почувствовал нечто чужеродное. За несколько месяцев все выбитые зубы выросли заново, острее и белее, чем были. Иногда в неистовом расположении духа он хотел пожертвовать даже пальцем, чтобы посмотреть, не вырастет ли то заново, не оставив и следа.

Он никогда не сделал этого. Это был бы слишком большой удар для его тщеславия. Он мало беспокоился о том, чтобы смотреться в зеркало, но ему нравилось сознавать, что он увидел бы в нем. Ему нравилось, что люди, встретив его, отшатывались и

смотрели, не веря своим глазам. Даже то, что они считали его просто красавчиком, которому без надобности все остальное. Это было всегда восхитительно — доказать им, что они неправы.

Теперь он всегда знал, где находится Марджана, как он знал, чего касается его рука. Он сказал, обращаясь к воде, но частично и к ней:

— Я очень мелкое создание, когда дело доходит до серьезного испытания.

Она уронила что-то на него: халат из тяжелого, блестящего алого шелка.

— Но очень приятное на вид, — добавила она, — и не более стыдливое, чем животное.

— Почему нет? Мне нечего скрывать.

— Пророк, да будет с его именем благословение и мир, был стыдливым мужчиной. Мы следуем его примеру.

Айдан сел, закутавшись в халат. Он был отделан более светлым шелком, бледно-золотым — по краям вышиты драконы. Он был очень хорош на вкус Айдана.

— Значит, он был уродлив?

— О, нет! — казалось, эта мысль потрясла ее. Он был очень красив. Он был немного похож на тебя: благородного вида араб, и нескоро поддававшийся возрасту.

— Ты знала его.

— Я не была столь благословенна. — Сейчас она была одета в зеленое. В нем она выглядела много лучше, чем в белом. Намного теплее; намного менее нечеловечна.

Она не отрицала, что была достаточно стара, чтобы видеть Мухаммада.

— Я могла, — признала она. — Я не помню. Я была немногим больше, чем ветер в пустыне, пока мой господин не нашел меня и не сделал меня своей. Я ничего не помню о том, как была ребенком. Кто знает? Может, никогда и не была.

— Моя мать была такой же, — сказал Айдан. — Дикое существо, почти лишенное собственной личности, пока смертный человек не дал ей причины жить в смертном времени.

— Она умерла вместе с ним?

— Нет. Она… исчезла. Вернулась в лес. Нас — моего брата и меня — она покинула. Мы были наполовину смертными, и воспитаны среди смертных, хотя мы достаточно рано узнали, что сами — не смертные. В отличие от нашей сестры.

— У тебя есть сестра?

Это отозвалось в нем болью.

— Гвенллиан. Да. На десять лет моложе меня, и она уже состарилась. Ты убила ее сына.

— Я была связана клятвой, — промолвила она. — Несомненно, ты знаешь, что это такое.

Он согнул колени и лег на них лбом. Он устал. От борьбы. От ненависти. От скорби по человеческим смертям.

— Таковы люди. Они дают нам боль.

— И счастье, — ответил он. — И это тоже. Быть может, это и значит — жить?

— Я не знаю. Я не думаю, что когда-либо жила. Лишенная собственной личности — да, это я. Я была кинжалом и клятвой. Теперь я даже меньше, чем это.

Он вскинул голову. Его гнев вспыхнул неожиданно и ярко.

— Нет!

Он изумил ее. Но вскоре на смену изумлению пришло ожесточение, губы ее искривились.

— Нет. Я все еще остаюсь чем-то. Существом, которое ненавидят.

— Я не… — Он осекся. Он не мог сказать это. Это была бы ложь.

Если не считать…

Айдан встряхнулся.

— Ты — *больше*, чем это! Посмотри вокруг себя. Посмотри на свою подругу; посмотри на Хасана. Разве они не достойны чего-либо большего?

— Один друг, — сказала она, — за сотню лет.

— Сотню лет чего? Кинжала и клятвы. Служения повелителям, которые никогда не видели в тебе ничего более. Но ты — больше; твое сердце знает это. Оно нашло Сайиду, и у нее есть разум и душа, чтобы понять, что ты такое.

— Убийца детей.

Это было больно — получить эти слова обратно в лицо. Это не должно было вызвать боль. Это должно было пробудить торжество.

— Да, будь ты проклята. И больше, чем это. Никто из нас не прост, госпожа моя.

— Ты можешь так говорить?

— Ты хотела, чтобы я ясно видел тебя.

Она застыла. Ее трясло; это был жар страсти.

— Я хотела, чтобы ты любил меня.

Он коротко подстриг бороду, но брить ее не стал. Это был бы нечестный прием; и его клятва не была выполнена. Еще нет.

Он решил, что ему это нравится: борода была достаточно короткой, чтобы обрисовать очертания его лица. Она прибавляла лет и достоинство, и то, и другое могло ему пригодиться. Помимо всего прочего, как говорили женщины, он был мужчина, а

мужская красота не может быть совершенной без бороды.

Иногда мусульманские обычаи оказывались на удивление разумными.

Марджана иногда покидала их, уходя своими путями, по которым никто не мог последовать за нею, чтобы принести еду, напитки иные, нежели вода из источника, и прочее добро. Однажды она принесла кувшин вина и лютню.

Айдан узнал лютню, когда она положила ее к нему на колени, и нежно, очень нежно провел рукой по инкрустации на ее корпусе.

— Где ты взяла ее? — спросил он.

Украла, подразумевал он. Марджана не захотела попасться на подначку.

— Я отправилась в место, где известны такие вещи, и спросила, где я могу найти лучшего мастера, делающего лютни. Я пошла туда, куда мне указали. Я заплатила золотом. Моим собственным. Честно заработанным.

Айдан опустил глаза. Он был достаточно тактичен, чтобы устыдиться. Легко, почти неуверенно, он провел рукой по струнам. Лютня была настроена.

— Я не могу принять ее, — сказал он.

— Разве я сказала, что это дар?

Он покраснел.

— Играй для меня, — приказала она ему.

Он был достаточно сердит, чтобы повиноваться, и достаточно дерзок, чтобы выбрать мелодию своей страны. Но Марджана путешествовала далеко; она научилась находить удовольствие в обычаях, которые были чужды для обитателей востока. Это была мелодия для арфы, бардовская музыка, но она хорошо ложилась на строй лютни.

Марджана смотрела на него в молчании. Он давно не играл: не раз его руки ошибались. Но играл он отлично, с сосредоточением прирожденного музыканта. Он был захвачен музыкой — голова его склонилась, губы сжались в линию, пальцы двигались увереннее, вспоминая аккорды.

Когда он запел, она почти вздрогнула. Она не знала, почему ожидала, что у него будет чистый тенор: в разговоре его голос был достаточно низок, с легким призвуком мурлыканья. В пении хрипотца исчезала, но эта новая чистота звучала в тембре, близком к басу. Несомненно мужской голос, темный и сладкий.

Вся ее сила ушла на то, чтобы удержаться и не коснуться его. Он сопротивлялся ей отвратительно просто; ему стоило только вспоминать свою франкскую женщину и ребенка, которого она носила. Он не был похож на смертных мужчин, не шел на поводу

у своих прихотей.

Но он смотрел на нее. Она знала это. Он находил ее приятной на вид. Он начал, не совсем по своей воле, забывать ненависть к ней, если и не любить ее. И он желал могущества, которое было у нее, чтобы переноситься в мгновение ока из пустынь Персии на базар Дамаска.

Она с радостью научила бы его меньшим умениям, чтобы отточить лезвие силы, о которой он всегда думал, как о детской игрушке. Но это единственное великое искусство она не могла ему дать. Она знала, что он будет с ним делать.

Только этим утром он пытался обманом вызнать его у нее. Когда она уходила, она почувствовала стрелу его воли, нащупывавшую ее тайну. От него было уже не так легко отделаться, как раньше. Он был умным юнцом, и быстро взрослел.

Струны лютни смолкли. Айдан поднял голову. Его глаза были темными, цвета северного моря.

— Зачем? — спросил он у нее. — Зачем вообще учить меня?

— Почему бы и нет?

— А если я стану сильнее тебя?

Она рассмеялась, ужасно уязвив его гордость.

— Я не думаю, что мне стоит бояться этого. Но что мы станем равными… это, я думаю, весьма возможно. Я буду рада этому.

— Даже зная, что я сделаю тогда?

— Ах, но захочешь ли ты это сделать?

Он онемел от ярости.

— Мой милый друг, — сказала Марджана, — если бы ты был хотя бы наполовину так мудр, как любишь воображать. Ты знал бы, что это означает — то, что мы так легко проникаем в мысли друг друга.

— Это означает, что ты хочешь этого, а у меня нет сил закрыться от тебя.

Она покачала головой и улыбнулась.

— Ты знаешь это лучше, чем я. Вспомни своего брата и его королеву.

Он вскочил на ноги.

— Мы с тобой — не пара!

Он был достаточно осторожен, чтобы положить лютню в безопасное место, прежде, чем опрометью броситься прочь. Марджана видела это; и она видела достаточно много помимо этого. Она позволила себе улыбнуться долгой медленной улыбкой.

32

Он должен был уйти. Над ним достаточно посмеялись; его приучили жить в клетке. Но вчетвером им было слишком тесно. И она… она обложила его со всех сторон. Куда бы он ни повернулся, она была там, пусть даже не смотрела, просто и неизбежно присутствовала.

Хуже всего было то, что он не мог ненавидеть ее облик. Просто и совершенно не мог. Когда она исчезала за своими покупками — невероятно по-домашнему, уносясь в мир в поисках лакомства или украшения — он не находил покоя; он был даже менее спокоен, чем обычно. И так было до тех пор, пока она не возвращалась и только тогда узел у него внутри ослабевал и мор снова оказывался на своем месте.

Он был, словно человек, порабощенный наркотиком. Он ненавидеть это и не может жить без этого.

Она сделала это с ним. Она, ведьма, дух воздуха. Он больше не мог называть ее убийцей. Это слово наполняло его ладони кровью, а его сознание — воспоминаниями о том, что было давно погребено.

Он пытался отвратить ее от себя. Он оттачивал воспоминания; он показывал их ей в ужаснейших подробностях, не заботясь о том, что они делают с его рассудком. Он насмехался над ней при помощи своего тела. Он явно использовал ее науку, чтобы отыскать путь к бегству.

Иногда, если говорить правду, ему удалось разозлить ее, но никогда достаточно. Чаще всего она только улыбалась.

Он не знал, чего ей стоила эта улыбка. Она так же хорошо, как и он, знала, что так она не сможет удержать его. Его нельзя было приручить в клетке. Этот урок было тяжело усвоить и горько понять.

Сайида понимала.

— Исхак говорил мне о соколах, — сказала она. — Приручение не завершено до тех пор, пока сокольничий не отпустит свою птицу лететь свободно, чтобы она вернулась к нему. Ты поймала его, ты научила его терпеть путы и клобучок. И теперь ты должна отпустить его немного полетать.

— Безумие, — ответила Марджана, но отстраненно, едва слушая. Как я могу отпустить его летать? Я *знаю*, что он не вернется.

— Значит, ты должна найти для него приманку, разве не так? Что завоюет его для тебя?

— Я не знаю! — закричала Марджана.

Глаза Сайиды прищурились.

— Ты помнишь, когда ты рассказала мне о нем, мы говорили о том, как женщина может завоевать мужчину?

— Что в этом проку? Я не женщина.

— Но ты — женщина! Разве не в этом вся твоя беда? Что ты сделала ему, чтобы показать, что ты достойна желания?

Марджана сердито пожала плечами.

— Что я могу сделать? Он может видеть меня. Он может слышать меня. Он знает, что я хочу его.

— Конечно. Ты думаешь, ему нравиться чувствовать себя быком, приведенным на случку?

Марджана даже подавилась от такой грубости. Сайида спокойно продолжала:

— Если это все, чего ты хочешь, то существуют другие, с кем это сделать легче. Если ты хочешь большего — если ты хочешь его — то ты должна дать ему понять, что ты женщина.

Марджана оглядела себя.

— Разве это не очевидно?

Сайида засмеялась, но при этом была слегка раздражена.

— Марджана, ты такая глупая! Пойдем со мной.

Они прошли в баню и задернули занавеску, которая должна была служить Айдану знаком не входить, если он вернется, побившись о стены своей клетки. Сайида была безжалостна. Она заставила Марджану раздеться донага, не делая перерывов на стыдливость. Никто никогда не видел Марджану обнаженной, кроме прислуги в банях, которая была обучена видеть только то, что надо вымыть или снять.

Сайида изучала ее пристальным ясным взглядом.

— Ты не так хорошо сложена, как Лейла, — сказала она, — но не хуже. А если учесть, как сложены франки и как они любят стройность, то ты даже лучше. Лейла совершила бы убийство ради такой кожи, как у тебя. И таких волос. Ты хоть понимаешь, как ты прекрасна?

— Я выгляжу, как тощая кошка.

— Разве он думает так?

Марджана клацнула зубами.

— Он никогда не смотрит.

— Я думаю, что смотрит. — Сайида опустила Хасана к ногам. — Присмотри за ним. Я скоро вернусь.

Но отсутствовала она гораздо дольше. Марджана обхватила себя руками — не от холода, в пещере было достаточно тепло, но от прикосновения воздуха к обнаженной коже.

Маленькие ручки обхватили ее лодыжки. Хасан улыбался ей.

Она ему нравилась так.

— Ты действительно мужчина, — сказала она, подхватывая его на руки. Он не хотел сидеть на руках, он хотел потренироваться в новом для него умении ходить. Она поставила ограду вокруг бассейна, чтобы он не свалился туда, и отпустила его разминать ноги между блестящими колоннами.

Она села возле бассейна, и чтобы заняться чем-то, распустила волосы. Когда-то давно она подстригала их, чтобы не мешали, но казалось уютнее, когда они были длиной по колено. Их цвет всегда заставлял людей глазеть на нее. Ей больше хотелось бы, чтобы они были черными. Как у него, густые и блестящие, с синими отблесками. Но ей нравилась ее кожа, чисто слоновая кость по сравнению с его лунной бледностью. Ее губы были краснее, чем у него, а ее соски были нежно-розовыми, словно свет через раковину. Были ли ее груди маленькими? Они были достаточной величины, чтобы заполнить ее ладони. И хорошо очерченными. Не такие, как тяжелые раскачивающиеся мешки у той франкской женщины, с синими толстыми венами и широкими темными сосками, оттянутыми тяжестью молока.

— Корова, — сказала Марджана.

— Ко'ова, — подтвердил услужливо Хасан.

Она помимо воли улыбнулась. В ее душе было мало веселья, зато был тяжкий груз ревности. Потому что он любил ту женщину, а не ее. Потому что та женщина носила его дитя.

Она не сможет связать его так. Она отчетливо знала это, несмотря на надежду. В существах ее племени не было людской хрупкости, но не было и людской плодовитости.

И могла ли она ждать, пока та женщина не умрет от свойственных смертным несовершенств?

Или убить ее.

Нет. Тогда она потеряет его совсем и навсегда.

Сайида вернулась, нагруженная яркими цветами: прозрачнейшие шелка, собранные прихотью Марджаны.

— Нет, — встревоженно сказала Марджана. — Я этого не надену.

— Ты хочешь его или нет?

Марджана прикусила язык.

— Но *это* …

— Так и можно дать ему понять, что ты женщина. Мужчины не понимают слов, разве ты не заметила? Им надо показать.

— Если он только потрудится заметить, — пробормотала Марджана.

— Когда я закончу тебя принаряжать, он заметит. А сейчас стой спокойно.

Женщины что-то затевали. Когда Айдан вернулся с долгой дневной прогулки между развалинами, Марджаны не было нигде, он не мог увидеть или почувствовать ее, а Сайида возилась в кухне с чем-то, что пахло и, насколько ему было позволено увидеть, выглядело, как праздничный ужин. Она вышла только затем, чтобы сунуть ему в руки Хасана и приказать:

— Поиграй с ним.

Он с радостью повиновался ей. Он пошел умыться, потом передумал и вымылся весь, заодно искупав и Хасана. Где-то посреди купания его сила уловила подергивание, слишком быстрое, чтобы его распознать и слишком легкое, чтобы быть уверенным. Но когда он вышел из бассейна, его бедуинские одежды исчезли, а вместо них лежали шелка, лен и муслин сарацинского принца, а поверх всего халат с драконами.

Он мог бы потребовать свою одежду назад, но решил сыграть в их игру. Он надел все, что от него ожидали, и наблюдавший за этим Хасан явно высоко оценил зрелище. Вся одежда была белой и золотой, не считая халата; туфли и шапочка были украшены рубинами, пришитыми золотой нитью.

Когда Айдан потянулся за шапочкой, под рукой у него оказалась шкатулка. Он подавил первый порыв. Осторожно, хотя он не чувствовал опасности, он откинул крышку. Драгоценности — по крайней мере, ими можно было бы выкупить из плена принца, рубины, жемчуга, золото и алмазы.

— Этого слишком много, — сказал он воздуху.

Воздух не ответил.

Айдан поколебался, но блеска камней было более чем достаточно, чтобы сломить сопротивление. Он выбрал кольцо — рубин в золотой оправе — и браслет с узором в виде лошадей и всадников в охотничьей одежде. Остальное он оставил. Он и так выглядел достаточно пышно.

Он осторожно вышел в зал. Лампы были зажжены, скатерть разложена, на ней расставлены серебряные блюда. По-прежнему не было ни следа Марджаны. Сайида подхватила Хасана и унесла его прочь, задержавшись на миг, чтобы отдать дань великолепию Айдана. Ему польстило то, как она остановилась, полуобернувшись, широко раскрыв круглые карие глаза.

Он сел на подушку, приготовленную для него. Он не знал, каких мыслей или действий от него ожидали.

Не считая трапезы. Он приступил к ней охотно, если не совсем с радостью. Сайида молча ждала; сознание ее было безмолвно. Лицо, как всегда, закрыто от него.

— Пожалуй, ты можешь подумать, — обратился он к ней, — что сейчас на мне навешано состояние целой семьи.

Она спокойно продолжала наполнять его чашу вином с медом. Когда она отложила черпак, то, казалось, пришла наконец к решению. Она откинула вуаль.

Она была похожа на Исхака. Тот же профиль, тот нос с легкой горбинкой; даже, неожиданно, та же улыбка. Айдан полагал, что сарацин назвал бы ее обычной. Он находил ее весьма красивой.

Он так и сказал; она неистово покраснела.

Он никогда не ел достаточно для человека, хотя сегодня он пытался. После он помог ей убрать со скатерти; ей не нравилось, когда он это делал, особенно сейчас, когда она помнила его титул, но она приучилась мириться с этим. Она едва не выгнала его из кухни, когда он хотел было приступить к мытью посуды — "В этой одежде!" Она была в ужасе. Она также твердо намеревалась оставаться с ним, чтобы сохранить в нем здравый смысл.

Даже сквозь завесу вокруг ее сознания он мог почувствовать растущее в ней волнение. Она снова наполнила его чашу.

— Ты не сможешь напоить меня допьяна, знаешь ли, — сказал он.

— Я и не думала, что смогу, — спокойно ответила она.

Это было правдой — то, что вино не могло опьянить его, но оно могло согреть его и развязать узлы в его мускулах. Он осушил чашу, пригубил другую. Это было доброе вино.

Лампы потускнели. Сайида извлекла откуда-то из складок одежды свирель. Она приложила ее к губам и начала играть. После нескольких тактов вступил барабан, легкая и быстрая дробь.

Айдан не почувствовал ни страха, ни опасения, только какое-то ленивое предвкушение. Вино исчезло. Он вытянулся, опершись на локоть, решив насладиться тем, что приготовили для него эти заговорщицы.

Сначала была только музыка, очень древняя. Вероятно, персидская, и древнее, чем ислам. Все лампы угасли, кроме светильника, горевшего рядом с ним. Тени были черными, непроницаемыми даже для его глаз.

Марджана вышла из самой черной тени, не танцуя, не совсем: просто ставя на пол ступни с изысканной точностью. Они были босыми, чуть подкрашенными хной поверх белизны. Над ними мерцали самоцветы и позванивали крошечные колокольчики. Ее шаровары были из шелка столь же зеленого, как и ее глаза, прозрачного, как паутинка. С ее широкого кушака свисали сотни колокольчиков, каждый на длинной золотой нити. Одеяние было зеленое с золотом. Руки ее были обнажены и увешаны драгоценностями. Волосы были спрятаны под покрывало

зеленого, как море, шелка. Придерживал покрывало венчик из золота, с которого на шелковых лентах свисали золотые монеты. Изумруды сияли в ее ушах, но ее глаза были ярче изумрудов. На ее поясе висел кинжал.

Если он должен сейчас умереть, он был бы рад этому. Он улыбнулся. Казалось, она вообще не видит его. Она застыла; голова ее откинулась назад. Музыка убыстрилась. Марджана начала танцевать.

"Есть такая история, — произнес негромкий голос; голос Сайиды. И все же музыка свирели звучала, не прерываясь. — Ее рассказывают на базарах Каира и Дамаска; ее поют при дворах Багдада. О том, как некогда жил человек, который проведал страшную тайну, о пещере с сокровищами, принадлежащей сорока разбойникам; и он обманул их и завладел их богатствами, и один из них умер за это. И это чудесная история, и истинная, как может свидетельствовать Аллах, но мы не услышим ее здесь.

Нет, моя история есть история о бедняке, который ныне стал принцем, и о самом жестоком из разбойников, который был их атаманом. Слежкой, хитростью и магией, в пылу своего мстительного гнева, он узнал имя человека, который ограбил его и убил его подручного, и атаман поклялся уничтожить этого человека и вернуть сокровище.

И вот в один день в дом бедняка, который стал принцем, пришел некто: купец издалека, чужой в том городе, торговавший прозрачным оливковым маслом; и с ним был караван мулов, нагруженных огромными кувшинами, полными масла. Наш принц был рад предоставить ему ночлег, ибо разве не сказано, что каждый человек должен простирать милосердие на брата своего? И будучи гостеприимным хозяином, он предложил своему гостю все, чем располагал в своем доме. Купец был благодарен за гостеприимство, но принял только одно: разделить с хозяином хлеб и соль. Он сказал, что дал клятву; он просит прощения, но он не осмелится нарушить ее. Хозяин дома был рад услужить гостю, ибо тот был прекрасный собеседник, разумный и мудрый.

И вот, у нашего принца была рабыня, которой он очень доверял, черкешенка, которую он вырастил с детских лет и которую считал почти дочерью. Она была столь же мудра, сколь и прекрасна, и она была учена, ибо даже будучи бедняком, наш принц незыблемо верил в могущество Книги. Ее обязанностью было приготовить трапезу; и посреди ее приготовлений вспомнила, что она забыла купить масло для блюда, которое готовила — лакомства, которое называлось "обмерший имам", ибо когда жена имама приготовила это блюдо, она истратила на него все масло, которое было закуплено на целый год.

Рабыня была, непритворно, вне себя от горя, пока не подумала о кувшинах купца. Конечно, он не поскупится на черпак масла или чуть побольше. Она взяла свой черпак и направилась во двор."

Сайида сделала паузу. Танец Марджаны изображал все, о чем она рассказывала. Принц — важная походка, тяжелая от хорошей еды; самоуверенные размашистые шаги купца; жестами и изгибами тела она показывала все предшествовавшее ужину. А потом она была рабыней, умной, ученой и прекрасной; но юной и совершенно человечной в своем затруднительном положении, в призывах к своей совести уняться. Отважно, но мягко, с черпаком в руке, она вышла из света и запаха кухни в вечерние сумерки Багдада, прошлой ночью или тысячу лет назад.

Рассказ продолжался, но теперь слова казались почти тенью, а пещера — сновидением. Реальностью была стройная скользящая фигура, лампа в ее руке, черпак, кувшины в рост женщины, стоящие у стены.

"Она подняла крышку первого и — смотрите! — в нем вообще не было масла, но под циновкой из пальмовых листьев прятался мужчина, и глубоко внутри блестело оружие. Когда он увидел, что кувшин открыт, он прошипел: 'Уже время? Нам надо выйти и убить вора?'

Но рабыня была быстра разумом, и ей не нравилось, как смотрел гость ее господина. Он быстро прошептала в ответ: 'Нет еще. Жди, и будь терпелив.'

И то же самое она нашла во всех кувшинах, и так же говорила, пока не дошла до последнего, и тот, действительно, был полон масла. Она набрала не черпак, а целый большой котел, и поставила его кипятиться на очаг в кухне. И когда масло прекрасно забурлило — это было чудесное масло, и "обмерший имам" заслужил похвалы мужчин за трапезой — она принесла его обратно во двор и наполнила свой черпак, и вылила кипящее масло на головы мужчин в кувшинах. И так они умерли, и их господин ничего не узнал, спокойно ужиная с человеком, которого намеревался убить.

Но рабыня, чье имя было Марджана, придумала свой собственный план. Таков был ее обычай, что когда ее господин приглашал гостей, она танцевала перед ними после того, как они насытились. Один танец в особенности нравился ее господину, танец острых клинков, с кинжалом в ее руке.

Таков был танец, который она танцевала."

Теперь была только музыка, и танцовщица в свете и в тени. Айдан видел этот танец и прежде, на рынках востока, во дворах караван-сараев, после приемов в Дамаске и Алеппо. В некотором

роде он был похож на танец с мечом его собственного народа, но там был мужской танец, быстрый и неистово-свирепый, с резкими угловатыми движениями. Этот был сделан для женской силы: изгибы, извивы, охотящаяся кошка, змея, обвивающая жертву. Музыка была вокруг нее; или это она была музыкой? Кинжал вспыхивал, когда она кружилась, озорным, живым светом. Колокольчики пели высоко и сладко, на головном уборе звенели монеты. Ее тело было аркой из слоновой кости в зелено-золотом тумане.

Сердце Айдана билось под музыку, быстрее, быстрее. Марджана подтанцевала ближе. Он видел капельки пота на ее щеках, на ее горле, на ее груди под накидкой. Ее запах кружил ему голову. Волосы вились свободно из-под покрывала, перевитые шелком и золотом, метались из стороны в сторону, словно хвост пантеры.

Музыка взвилась неистовым аккордом. Марджана прыгнула на него. Он лежал недвижно, откинув голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Его горло было открыто для ее клинка.

Тишина.

Ее кинжал прижимался, легко, легко, к тому месту, где пульсировала кровью его жизни большая жила.

"И так, — завершил голос рассказчицы, — был убит фальшивый гость, который не был ни купцом, ни чужестранцем, а был атаманом разбойников."

Должно было быть что-то еще. Быть может, и было. Айдан видел только лицо над ним, и смерть в нем, невыразимо прекрасном. Оно клонилось ниже и ниже. Ее губы были сладким огнем.

Его руки обвились вокруг ее шеи. Она задержала дыхание и замерла.

Она боялась его.

Он не осмелился засмеяться. Она? Боялась его? Она была неизмеримо старше его, неизмеримо могущественней. Она держала его в несокрушимой темнице. Она была столь же прекрасна, сколь и смертоносна. Ее танец мог приманить звезды с неба.

Или холодного принца-колдуна?

Его рука жила своей собственной жизнью. Эта рука нежно погладила Марджану по спине. Ее кожа была мягкой, как у ребенка.

— Бог и мои мертвые да простят меня. Я не могу ненавидеть тебя.

Она уткнулась лицом в его плечо. Она была напряжена, как будто хотела этого до отчаяния, но ей было страшно думать об

этом — словно она выучила что-то, но никогда этого не делала.

— Никогда?

Она ударила его так сильно, что голова его откинулась назад. Он опустил руки и спокойно сел. Подбородок его подергивался.

— *Никогда!* — крикнула она ему

Она хотела, чтобы он засмеялся, не поверил, назвал ее лгуньей и шлюхой. Тогда она могла бы ударить его снова, и отшвырнуть его прочь, и он никогда не дотронулся бы до нее там, где она желала и боялась этого.

Он сочувственно кивнул.

— Это тяжело для таких, как мы. Желание приходит так редко, и когда оно приходит, оно так всеохватывающе. И когда есть кто-то другой нашей крови…

Она сорвала свой головной убор и отбросила его в темноту.

— Тебе это легко. У тебя были возлюбленные.

— Не так уж много. Не так уж часто.

Она скривила губы.

— Только одна в сезон.

— Две за множество лет, и вот, в насмешку от Господа, две разом.

Она посмотрела на него, застыв.

— Я видела франкскую женщину. Кто другая?

— Ты.

Она так мотнула головой, что едва удержалась на ногах.

— Не лги. Я не приму этого. Я обещаю, что не буду убивать ее. Я покончила с убийствами.

Он коснулся ладонью ее щеки. Щека была влажной.

Она не отшатнулась.

— Я хотела, чтобы ты желал меня, — сказала она. — А когда ты пожелал… О Аллах, как я труслива!

— Не очень, я думаю. Просто для тебя все внове.

— И не знаю ни приличий, ни девичьей скромности.

— Я сомневаюсь, что нашел бы тебя столь пленительной, если бы тебе они были ведомы.

Она сглотнула.

— Пленительная? Я?

— Совершенно.

— Это… это притворство, — сказала она.

— Галантность, прошу твоего прощения. Но и правда тоже. Ты сводишь меня с ума. Я ненавидел тебя превыше рассудка. Но никогда не считал тебя глупой и уродливой.

Она была словно Айдан, когда он пришел в Масиаф. Она стояла так близко к тому, чего желала так долго, и не могла представить, что ей с этим делать.

Ее глаза были широко открыты и чуть дики. Он наклонился и поцеловал ее. Она дрожала.

Не меньше, чем он. Он отступил на шаг, два. Потом поклонился с осторожной учтивостью.

— Благодарю тебя за танец.

Он наполовину боялся, что она последует за ним в его постель, а наполовину жаждал этого. Но она не пришла.

33

Айдан проснулся от запаха вина, вскипяченного с пряностями. Он глубоко вдохнул этот запах и яростно чихнул.

Марджана снова поднесла чашу к его носу.

— Я хочу заключить с тобой сделку, — сказала она.

Он выпил горячее вино, потому что иначе оно выплеснулось бы ему на грудь. Вернулись воспоминания, яркие, но похожие на сон.

Сейчас в ней не было ничего от той танцовщицы или той девушки. Она снова была ассасинкой, и ее волосы были туго заплетены и безжалостно спрятаны под тюрбан

— Не ассасинка, — нетерпеливо-резко возразила она. — Ассасины не одеваются в зеленое.

Он забрал у нее чашку и допил вино.

— Ты вырвала меня из глубокого сна и еще ожидаешь от меня ясного рассудка?

— Солнце встало час назад. Я устала ждать. — Она скрестила руки на груди. — Я хочу заключить с тобой сделку.

— Могу ли я…

— Нет.

Вопреки ей, он встал. Накинул какую-то одежду, пальцами причесал волосы. Он хотел было пойти на поиски завтрака, но нетерпение Марджаны было опасным. Он сел на подушку, поджал ноги и поднял брови:

— Ну?

— Сделка, — произнесла она. — Я освобождаю тебя из этого места, договариваюсь за тебя с Синаном и потом доставляю тебя туда, куда ты захочешь.

Из груди Айдана вырвался вздох.

— Что… почему…

— Сайида напомнила мне об искусстве приручать соколов.

Она сошла с ума. Или…

— Это шутка?

— Я не играю в такие игры.

— И не позволяешь этого другим. Именно так. И предлагаешь мне свершить мое отмщение.

— Почему нет?

Он положил ладони на пояс. В желудке бурлило вино. Он не мог заболеть лихорадкой, его племя не болело, но голова была легкой, лицо горело.

— Есть и цена. Не так ли?

— Так.

Его руки чуть разжались. Наконец-то проблеск смысла.

— Что же это?

— Ты.

Он уставился на нее.

— Ты, — повторила она. — В моей постели. Пока ты не удовлетворишь меня.

Он засмеялся. Она нет. Молчание затягивалось. Он подался вперед.

— Пока я не удовлетворю тебя? Это все?

— Этого достаточно.

— Что… если я… не…

— Ты полагаешь, что не сможешь?

Он оскорбленно выпрямился.

— Разве это такая высокая цена? — спросила она. — Я дам тебе то, чего ты больше всего желал. В ответ ты дашь мне то, чего я желала с тех пор, как впервые увидела тебя в Иерусалиме.

— А если я не хочу этого? Если я не хочу, чтобы меня покупали и продавали?

— Тогда ты глупец.

Он ударил по полу кулаками.

— *Проклятье*, женщина! Ты хочешь, чтобы я любил тебя или чтобы я убил тебя?

— Я ничего не знаю о любви. Я могу быть только тем, что я есть. Ты заключишь сделку?

— А чего будет стоить мне отказ?

— Ты будешь томиться здесь, пока не сдашься. А Синан тем временем продолжит преследовать твоих родственников.

Айдан почесал подбородок. Марджана смотрела на него. Он опустил руку.

— Дашь ли ты мне время подумать?

— До закатной молитвы.

Она дала это время неохотно, но все же дала, и щедро. Он не смог заставить себя поблагодарить ее. Он закончил одеваться, пока она сидела там, и оставил ее сидеть, устремив взгляд в ничто.

Он отправился всего лишь на вершину скалы. Марджана была достаточно мудрой, чтобы не последовать за ним ни телом, ни сознанием. Айдан оперся подбородком на колени. Он знал, что Сайида занимается внизу своими делами, а Хасан учится бегать. Марджана исчезла. Ее отсутствие для него было подобно головной боли.

Что, во имя Господа, заставило ее пойти на такую сделку? Одна ночь с ним, а в обмен так много: его свобода, его месть.

Прошлой ночью она пыталась соблазнить его. Она подошла к

этому необычайно хорошо, до тех пор, пока не добилась успеха. А теперь, утром — это.

В Каркассонне она вызвала бы скандал.

Он улыбался, потом прикусил губу. Он должен был возмутиться. Разве он дамасская шлюха, чтобы продавать свое тело за какую бы то ни было цену?

Даже за такую.

Церковь назвала бы это смертным грехом.

Церковь называла его колдуном и сыном дьявола.

По вере ислама даже отродье дьявола могло войти в рай.

Он обхватил голову руками. Размышление было искусством, в котором он никогда не был силен. Он слишком хорошо умел действовать.

Голова его поникла. Нет. Он должен думать. Джоанна…

Джоанна, которую он любил, которая носила его ребенка…

Джоанна, которая была женой другого мужчины.

Было ли в этом мире хоть что-нибудь чистое и простое?

Он вызвал в памяти ее лицо, ощущение ее плоти под его руками, ее запах, когда она взяла его в свою постель; яркость ее крови, струящейся из-под клинка Марджаны. Все это было человеческим. Любимым, но человеческим.

А он не был человеком. Даже наполовину. Здесь, в пустыне, в своей волшебной темнице, он знал это без надежды избежать этого знания. Человек взял бы то, что ему предлагают, и обратил бы это к собственной выгоде, и не тревожился бы, что предает свою возлюбленную. Разве она уже не предала своего мужа?

Она могла бы понять. Не простить, быть может; она не была настолько святой. Но она увидела бы логику в этой сделке, предложенной Марджаной. Женщины — ужасающе логичные создания; даже смертные женщины.

А он… чего он хотел…

Он хотел их обеих.

Да. Даже Марджану. Прекрасную, смертоносную, неумолимую Марджану, которую он разучился ненавидеть.

Но взять ее так, как она приказывает; позволить ей взять себя…

Он взлетел в небо.

Когда солнце село, он вернулся в пещеру. На его халате было несколько новых дыр, ветер спутал его волосы. Он слегка хромал. Он задержался у источника, чтобы напиться, меряясь взглядами с пустынным ястребом, присевшим отдохнуть на смоковницу.

Его уже ожидала еда, но Сайида с Хасаном легли в кухне и не показывались оттуда. Что Сайида думала о происходящем, Айдан не хотел знать. Он, как обычно, искупался, с проклятиями

распутывая волосы, а после нарочно снова натянув рваный и пыльный халат. Есть ему не хотелось, но он выпил чашу вина. Наполнил ее снова, и снова.

Именно тогда, когда закатная молитва завершилась, он поднял взгляд и увидел, что Марджана здесь.

Он чуть помедлил, чтобы заставить ее ждать; пусть она страдает за то, что заставила страдать его, купив его. Затем, резко и окончательно, удар.

"Нет, — хотел сказать он. — Нет. Я тебе не шлюха."

— Да, — сказал он.

Выражение ее лица не изменилось.

— За мою свободу, — сказал он. Голова у него кружилась, но не от вина. — За то, чтобы Синан отвратил помыслы от Дома Ибрагима. И еще одно.

Она ждала.

— Ты не должна больше никаким путем причинить вред леди Джоанне или ребенку, которого она носит.

Глаза ее сверкнули. В этот миг он узнал о ее решении. Она сделает это ради него. Она откажется от мести.

Марджана склонила голову.

— Как пожелаешь, — сказала она.

Затем наступило молчание. Айдан поднес чашу к губам, поколебался и поставил ее обратно. Ее голова оставалась склоненной. Если бы он пригляделся внимательнее, то увидел бы, что она дрожит.

Марджана плакала, и не от счастья. Ее отчаяние отозвалось в нем холодом. Она хотела этого так сильно, и теперь она получила это, но оно было пустышкой, купеческой сделкой, унылой и лишенной любви.

Она вскинула голову.

— Но я получила это! Если это единственный путь, пусть будет так. Так начертал Аллах.

Айдан с болью сглотнул. Ее лицо было застывшей маской. Он шагнул к ней, взял это лицо в ладони. Она задрожала от его прикосновения.

— Госпожа, — произнес он. — Марджана. Я не ненавижу тебя. — Губы ее сжались; она пыталась высвободиться. Он обнял ее. — Я не знаю… я боюсь… я думаю, что смог бы полюбить тебя.

Она вырвалась из его объятий; ее гнев обжег его.

— Я говорила, чтобы ты не лгал. Даже чтобы успокоить меня. Особенно чтобы успокоить меня.

Он покачал головой, хотя это было больно.

— Я не лгу. Я хотел бы этого. — Он взял ее за руки. Они были холодны. — Ты думаешь, что было бы лучше для всех нас, если бы

я подошел к этому холодно, как мужчина к браку по сговору? О, Боже! Ты неверная и ассасинка, а я принял крест. Наши веры и наши народы воюют между собой. Даже Джоанна, при том, что у нее есть муж и родня, и при том, что она смертная, лучшая пара для меня, чем ты.

— Мы сошлись на весьма немногом, — промолвила она.

Если в этих словах и была ирония, она была слишком тонкой для его чувств.

Марджана глубоко и судорожно вздохнула.

— Но это не имеет значения, разве не так? Мы начали жить в шкуре друг друга. Я — и неверный. Франк. Враг из врагов. Ты ешь нечистое мясо; ты пьешь вино. Ты молишься трем богам, когда есть только Единый. Ты не знаешь ничего из святого Корана. — Она потянулась проследить пальцем изгиб его брови. — Варвар. Неверующий. Дьяволопоклонник.

Голос ее был нежен. Ее рука была легкой, необыкновенно неловкой. Он сидел неподвижно, едва дыша. От ее красоты перехватывало горло.

Но она могла бы не обладать красотой, и оставаться Марджаной. Ощущение ее руки на его лбу было совершенно, невыразимо правильным. Эти кости, эта плоть рядом с его костями и плотью; огонь жизни и могущества внутри, встречающийся с его огнем, сливающийся с ним.

Она опустила руку, стиснула ее вместе с другой рукой на коленях.

— Я не знаю… как…

— Могу я научить тебя?

Дрожь охватывала и отпускала ее. Она пыталась усмехнуться.

— Ты думаешь, я могу научиться?

— Я думаю, тебе вряд ли нужно учиться.

Она качнула головой.

— Ты не понимаешь. Когда я… когда ощущения столь сильны, моя сила господствует надо мной. Я думаю… я думаю, когда я рождалась, то потрясение вырвало меня из тела матери и унесло меня куда-то прочь. Что если…

Это заставило его помедлить. Но потом он сказал:

— Если это случится, то ты просто вернешься. Я буду здесь. Понимаешь, я открою свое сознание, вот так, как руку, чтобы удержать тебя.

Ее собственное сознание было тоже подобно руке, медленно протянувшейся вовне, сперва едва коснувшись, потом с силой уцепившись. Это было так, словно Айдан прожил всю жизнь без одного из своих чувств, и никогда не ведал о нем, пока неожиданно, изумительно, оно не появилось.

Они пошатнулись и ухватились друг за друга. Неужели у него лицо такое же потрясенное, как у нее?

— Ты не знал?

Ее голос, ее недоверие. Для этого они были достаточно раздельны.

— Этого никто не может знать, — ответил он, — пока не почувствует. Мой брат говорил об этом. Я решил, что он меня дурачит, потому что он был избран, а я — нет.

— Ты ударил его?

— Конечно. А он, лунно-спокойный, только улыбнулся до отвращения мягко и медленно отправился вновь в постель.

— Я не могу представить, чтобы ты шел куда-либо медленно.

Айдан засмеялся.

— Нет. Я не из тех любовников, которые медлят. Или улыбаются. Или щебечут в лунном свете.

— Хорошо. Я не хочу, чтобы мне щебетали. Хотя песня или две, настоящая песня, с искрами…

— Я должен спеть для тебя?

Она помедлила в искушении, но покачала головой.

— Позже. Может быть. Я думаю… я хочу начать урок сейчас.

Он знал, сколько храбрости ей понадобилось, чтобы сказать это. Медленно, осторожно, он взял ее руку, поцеловал ладонь и сомкнул на ней ее пальцы. Марджана переводила взгляд с руки на Айдана.

— Чтобы хранить, — пояснил он, — ради памяти и ради обещания. Это нелегко, в первый раз. Будет больно. Быть может, не будет особого удовольствия. Но я дам тебе столько, сколько смогу дать.

— Ты делал это прежде.

— Нет, — ответил он. — Не с девушками.

Она покраснела.

— Я хотела бы, чтобы у меня было что дать тебе. Кроме… кроме этого курса обучения в медресе.

— Вряд ли такому учат там, — отозвался он, удерживая смех. Было сладкое, безудержное счастье от того, что теперь он приступил к делу и не может, ради гордости, оставить его. — Что же касается этого, то ты увидишь, что можешь дать мне. Начнем, пожалуй, с твоего тюрбана; и твоих волос — ты никогда не должна прятать их. Они слишком прекрасны.

Она стояла застыв, пока он освобождал ее волосы, и боролась против слепого животного наслаждения от его прикосновений.

— Не надо, — мягко сказал он. — Не сопротивляйся. Думай о танце, о том, как отдаешься ему. Это древнейший из всех танцев, и самый прекрасный.

Она не шевелилась и не говорила. Он продолжал говорить, неважно что, позволив ритму своих слов то почти входить в ритм песни, то становиться самой песней. Он начал, одно за другим, снимать одеяния, в которые она была закутана. Так много, словно доспехи. Она покорялась ему, но не испытывала удовольствия, тепла от его прикосновений. Она застыла от ужаса.

Когда он дошел до корсажа и шароваров, то остановился.

— Обычно женщина раздевает мужчину, — сказал он.

Она вздрогнула вцепившись в него. На миг ее пальцы судорожно впились в ткань его *джеллабы*. Он почувствовал, как сжимается ее мощь.

Она с усилием разжала хватку. Медленно, словно во сне, она повторяла его движения. На рубашке и шароварах она остановилась, руки ее повисли по бокам.

— Остальное, — напомнил он.

Она с усилием качнула головой.

Он повторил, мягко, но непреклонно.

— Остальное. — А когда она не шевельнулась, добавил: — Можно подумать, что ты никогда не видела этого прежде.

Ее сила рванулась, неистовая от гнева. В один миг, без малейшего прикосновения ее рук, он остался обнаженным. Ее глаза скользнули вверх, вбок, вокруг, и наконец устремились на ее ноги.

— Ты достаточно пристально смотрела, — напомнил он, — когда я спал и не знал об этом.

Ее взгляд переместился с пола на лицо Айдана. Он улыбался. Легко и быстро он снял с нее корсаж. Ее ладони метнулись, чтобы прикрыть груди. Он позволил им. А пока они были так заняты, он развязал шнурок ее шароваров. Она спохватилась, но было поздно.

Она следовала обычаю своего народа. Она вся была бело-гладкой, словно статуя из слоновой кости. Он был отрешен, сосредоточен на ее обучении; но его тело мигом вспомнило, для чего оно здесь.

У нее перехватило дыхание, и в тишине это прозвучало громко. Конечно, она видела это и прежде. Но никогда не видела это истинно, как нечто, что должно сделать с ней что-то.

Она была ужасающе близка к тому, чтобы бежать. Он взял ее руку, коснулся ладони.

— Помни.

— Я не могу. — Она не отвечала ему. — Я не могу!

— Любимая, ты можешь.

Она задрожала и прыгнула. Но не прочь. Прямо на него, прижавшись так тесно, как могло прижаться тело, обняв его с

силой, способной сокрушить кости. Ее кожа была обжигающе холодной.

Он боролся за то, чтобы вздохнуть, заговорить.

— Мягче, любовь моя. Мягче.

Она разжала объятия. Ее рука двигалась по его спине, вверх к мускулам плеч, вниз к ягодицам. Он была ростом почти по плечо ему. Он остро, почти до боли чувствовал ее груди, прижатые к его ребрам.

Она снова провела рукой по его спине. Она не могла улыбнуться, но это было торжество — этот свет в ее лице.

— Твоя кожа такая мягкая, — сказала она. — И твои волосы. — Запустив в них пальцы. — Я думала, у мужчины все должно быть грубым.

— У некоторых это так.

— Не у тебя. — Она находила точки наслаждения на его спине; она смотрела на его дрожь от удовольствия и медленно возвращалась назад, наполовину плененная, наполовину испуганная. — Ты прекрасен, каждый кусочек. — Она решила доказать это при помощи своих рук: теперь она была отчаянно-храброй, и становилась храбрее, изучая его облик и размеры. Где он изгибался и мурлыкал; где вздрагивал. Как натянута кожа поверх мускулов и костей. Что вспыхивает в нем, когда она кладет руки ему на талию, мягко, словно держа пойманную птицу,

Она внезапно отпустила его, шагнув назад. Щеки ее были алыми.

Он погладил их пальцами.

— Любимая, в этом нет стыда.

— Не стыд, — пробормотала она. — Не… Аллах! Этого ты и добивался, да?

Он спокойно кивнул, решив быть радостным и стараясь не чувствовать возмущения.

— Но как, ради Тысячного Имени?

— Я покажу.

Она покачала головой.

— Неисповедимы пути Господа.

— Но удивительны. И в тебе — прекрасны. — Он взял ее на руки прежде, чем она осознала, что он делает, и положил ее на подушки постели. Она сияла на шелке. Он проследил очертания ее губ и рук. Она была все новая, каждая искра наслаждения была столь же свежей для нее, как и для него, каждая тайна открывалась им обоим. Он дарил ей свой дар удивления. Каждая возлюбленная была иной, каждая ночь несла новое наслаждение, но это было редчайшей из редкостей, быть первым, кто

пробуждает девичье тело для великолепия, таящегося в нем.

Она уже потеряла страх, потеплев и расслабившись под его руками. В ней был огонь. Он разжигал его собственное пламя, почти чересчур жарко. Когда она будет полностью женщиной, когда все ее страхи уйдут, она будет возлюбленной, о которой поют песни.

Он мягко подводил ее к вершине и шел сам вместе с нею, хотя на эту мягкость уходили почти все его силы. То, что с женщиной из людей было желанием, сейчас было безумием.

"Сейчас, — умоляла она его. — Сейчас!"

Была боль, отдающаяся и отражающаяся в нем, как и в ней, но сквозь нее пробивалась яростная и совершенная правильность этого. Он и она, вот так. Сознание к сознанию, и тело к телу; сердца бьются в едином ритме. На долгий момент он облекся иной плотью, знал другой поворот танца. Более глубокое, более внутреннее наслаждение; более слабую требовательность.

Она неслась вместе с ним, сперва увлекаемая его силой, но потом нашедшая силу в себе самой. В конце был — невероятно — смех, громкий, счастливый смех.

Он беспомощно упал рядом с ней, тоже смеясь.

Она перевернула его на спину и села на него, покрывая его лицо поцелуями.

— Мой господин. О, мой господин! Люби меня снова.

Он застонал.

— Госпожа, пощади! Моя плоть бессмертна, но вряд ли неистощима.

Она обнаружила, к своему разочарованию, что и сама в том же состоянии.

— Это не так, как говорится в повествованиях.

— Повествования лгут.

Она самым неделикатным образом фыркнула. Но отрицать истину было невозможно. Он легла рядом с ним, приподнявшись на локте, и стала убирать влажные волосы с его лица. Он поцеловал ее руку, когда она оказалась у его губ. Она улыбнулась и приложила ладонь к его щеке, разглаживая бороду.

— Там еще говорится, что мужчина сразу засыпает и оставляет свою возлюбленную в одиночестве.

— Смертный мужчина, — возразил она.

— Ах. — Она выгнула спину, потягиваясь, как кошка. В нем проснулось желание, еще слабое, но обещавшее новое наслаждение.

Ее собственное вожделение ушло. Ей было больно, хотя и приятно. Ее тело, предоставленное самому себе, утонуло в истоме. Айдан открыл объятия. Она придвинулась после

секундного колебания, и положила голову на его плечо. Она напряглась, когда он обвил руками ее тело, но опять только на миг. Она прижалась ближе и вздохнула.

— Вот как, — произнесла она. — Вот как это бывает.

— Да.

Она лениво провела рукой по его боку до бедра. Ее наслаждение в нем было острым. Таким иным, таким чудесным, без единой неправильности. Но не столь чудесным, как то, что расцветало там, где встречались его ноги.

Он слегка задрожал от ее прикосновений и ответил ей тем же. Чудо, которое было женщиной, и чудо, которое было ею, единственной, из всех женщин в мире. Шелк ее волос, королевский пурпур; длинный нежный изгиб ее спины; округлость бедра. Запах ее пьянил его, как крепкое вино. Стремительный, пылающий жар желания вернулся во всей полноте. Она встретила его с дрожью, перешедшей в наслаждение.

34

Утро застало их обнявшимися на ложе среди разбросанных подушек. Айдан ускользал в теплую полудрему, но проснулся, когда Марджана пошевелилась, выскользнула из его объятий и стала одеваться на рассветную молитву. Хотя они оба недавно купались, она омылась, как предписывал ее Пророк, и полностью оделась, прежде чем начать молиться.

Айдан смотрел на нее из-под полуприкрытых век, словно подглядывая тайну. Тепло и сон ушли. Она, которая всю ночь была половиной его сердца, теперь вновь существовала отдельно — чужачка и неверная, с ассасинским кинжалом на боку. Только ее волосы оставались ее собственными, они рассыпались по плечам халата и струились по ее спине, когда она вставала, падала на колени и кланялась в сторону Мекки.

Он никогда не сможет стать для нее тем, чем был Аллах. Это знание было болью. У него был свой Бог, но не столь близко к душе. Душа была полна тем, что Айдан любил. Его брат; его родные; его возлюбленная в Алеппо; его далекая зеленая страна. И Марджана.

Он дал ей то, чего она хотела от него, и она была довольна. Острота ее одержимости притупилась, жар страсти охладился. Он, который испытывал меньше желания, который был скорее любимым, чем любящим, теперь расплачивался за то, что было, прежде всего, его грехом. Он смотрел на нее и знал, что после этой ночи ни одна смертная женщина не сможет так завладеть им.

Марджана встала от молитвы и улыбнулась Айдану, широко и озорно, почти усмехнулась. До этой ночи он никогда не думал, что она способна на озорство. Она бросилась в подушки и целовала его до тех пор, пока он не почувствовал, что задыхается.

Она резко отпрянула назад. Он лежал и пытался дышать. Ее хорошее настроение приугасло. Она положила ладонь на его сердце, словно для того, чтобы убедиться, что оно здесь, с силой бьется там, где у смертного человека нельзя почувствовать это биение. Ее глаза скользили по его телу, медленно, не пропуская ни одной части.

— Такой красивый, — пробормотала она.

Она рывком поставила его на ноги, сунув ему в руки сверток. Его одежда. Пока он одевался, она принесла еду, и попыталась заинтересовать ею Айдана. Вечный хлеб, финики и сыр пустыни, и для него разбавленное водой вино, а для Марджаны — чистая водя из источника.

— Тебе понадобится сила, — сказала Марджана, — чтобы выдержать противостояние с Синаном.

Айдан подавился глотком вина. Она не заметила этого. Она ела, как воин перед битвой, мрачно хмурясь в пустоту.

— Но, — возразил Айдан, — так скоро… мы едва… мы не сможем сделать это сейчас!

— Мы сможем.

Это могло бы дойти до него и много раньше. Она была Рабыней Аламута. Чтобы исполнить клятву франка, она должна была нарушить то, в чем поклялась сотни лет назад своему господину. Неважно, что она приняла служение по своему желанию и теперь еще сильнее желала освободиться от этого служения. Чем бы это ни было для него после нескольких месяцев усилий, для нее это было бесконечно больше.

— Не обманывай себя, — сказала Марджана. — Задолго до того, как я увидела тебя, я устала от своего рабства. Ты просто видишь конец этого, бунт, к которому я шла с тех пор, как я оставила Аламут.

— Но сделать это для меня, для неверного…

— Для существа моего племени, с которым я заключила сделку.

Все в ней было холодно и твердо. Айдан отставил пустую бутылку и поднялся.

Она вложила что-то в его руки. Пояс, который он отлично знал, и висящий на нем меч, и пара кинжалов. Он медленно застегнул пояс. Его пальцы погладили рукоять меча, который, вернувшись, снова стал как бы частью его тела; и с меньшей радостью Айдан дотронулся до кинжала, который он извлек из сердца Джоанны.

— Это твой, — сказал он.

Она качнула головой.

— Нет. Это твой трофей. Пусть Синан увидит его и поймет, что даже я не непобедима.

Рука Айдана сжалась на рукояти кинжала. Он заставил пальцы разжаться. Марджана ждала. Он глубоко вздохнул и стал с ней рядом. Она взяла его за руку, не ради ласки; но когда ее пальцы сплелись с ее, ее пожатие на миг стало сильнее.

Ее могущество раскрылось. Это была вспышка воли, промедление в середине; шаг, поворот, напряжение тела и духа, вокруг и внутри.

Это закончилось едва ли не прежде, чем началось. Айдан судорожно вздохнул и едва не упал, Марджана поддержала его, почти без усилия.

Горный Старец сидел в своем облетевшем саду, спокойно, как

будто ждал их. Его *фидави* стояли вокруг него на страже: полукруг юнцов в белом, с глазами, видящими только рай; и вратами туда была смерть.

Марджана не простерлась перед ним, не воздала ему ни почестей, ни уважения. Он посмотрел на нее и почти улыбнулся.

— Ты хорошо сделала, — промолвил он, — что сохранила моего пленника для меня.

Айдан шагнул было вперед, но ее рука остановила его. Он замер, стиснув кулаки.

— Он был моим, — сказала Марджана, — до того, как стал твоим.

— То, что принадлежит служанке, принадлежит и господину.

— Я тебе не служанка.

— Значит, рабыня. Как ты долгое время считала нужным называть себя.

— Я отрекаюсь от этого. Мусульманин не может поработить мусульманина.

— Насколько я помню, — возразил Синан, — ты едва не заставила меня принять тебя.

— Каково принуждение: я отдала все свое могущество в твои руки и назвала тебя господином, если бы ты принял меня ради Дела, подобного тому, что утратил Аламут. Они, — ядовито-резко уточнила она, — были слишком глубоко поглощены ликованием по поводу наступления Золотого Века. Они погрязли в вине, совокуплениях и безумии, в глумлении надо всем, что составляет основы нашего порядка.

— А разве я тоже глумился над тем, что мы свято хранили?

— Нет, — ответила она. — Не так открыто. До того, как ты послал меня против франкской женщины. Ты скоро обнаружил, что у нее был собственный ифрит; и он был настолько любезен, что сам пришел к тебе. Я видела твои мысли, Синан ибн Салман. Если бы я сбежала от тебя, другой занял бы мое место, хотя и неверный, но мужчина, и покорный твоим убеждениям.

— У него были родственники, — сказал Синан.

Марджана хлопнула в ладони.

— Ты говоришь, как настоящий бандит! Каков был бы его выкуп?

— Его жизнь у меня на службе.

— Конечно. — Она бросила взгляд на Айдана. — Ты не мог обратить его в столь полезного раба, как я. Его племя служит плохо, если служит вообще.

— Что касается его воли, то это тоже было предусмотрено.

Айдан больше не мог молчать.

— Словами и железом? Старик, это всего лишь кривляние.

Синан не поверил ему. В его руке блеснула Соломонова Печать. Айдан засмеялся и пробудил в ней огонь.

Синан потрясенно выругался и отшвырнул раскаленную вещицу. Она расплавилась в падении, забрызгав землю каплями железа.

Но Синана было не так-то легко победить.

— У тебя есть родственники, — повторил он сквозь стиснутые от боли зубы. — Ты подумал о них?

Айдан похолодел.

Марджана рядом с ним произнесла:

— Верно, у него есть родственники. А что есть у тебя?

— Твое имя в Печати власти. Он защищен своим неверием. Ты — нет.

Вторая Печать лежала на колене Синана. Сила Айдана, направленная было на ее уничтожение, застыла. В этой печати была Марджана, она была неразрывно связана с ней: ее клятва, ее долгие годы рабства, сердце ее веры. Марджана дала ей власть. Никто, кроме Марджаны, не может забрать эту власть обратно. Если печать сгорит, то и Марджана тоже.

Лоб ее был влажен. Ее глаза были слишком широко открыты, слишком бледно лицо. Айдан заставил ее увидеть то, что видел сам. Не было уз, кроме тех, что создала она сама. Она могла порвать их; у нее была воля и сила. Если только она увидит. Если только она поверит.

Но чтобы поверить в это, она должна была отвергнуть все, что она делала, в чем клялась, что хранила. Она должна была отделить себя от себя. Она должна была стать кем-то иным, не Марджаной.

"Нет, — подумал Айдан, обращаясь к ней. — Марджана всегда Марджана. Разве змея становится менее змеей оттого, что сбрасывает старую кожу?"

Она замкнулась от него; но освободиться от него она не могла. Больше не могла. Он оставался в ее сердце и показывал ей ее саму. Марджану. Свободную, сильную и счастливую. Не рабыню никому из смертных, больше никогда.

Она хотела видеть это. И все же она продолжала цепляться за то, что знала, пусть оно причиняло боль, пусть оно отнимало жизнь и разум.

Синан бросил в их молчание тихие слова, и каждое слово было звеном цепи:

— Ты моя. Твоя воля — моя воля, твоя жизнь — моя жизнь, пока я не решу отпустить их. Служи мне, и, быть может, я освобожу тебя. Отвергни меня, и я свяжу тебя на веки вечные.

— Разве ты Сам Аллах, — требовательно спросила она,

вытолкнула это, борясь против уз, клятв и приказов, — что ты осмеливаешься грозить этим мне?

— Я слуга Аллаха; я облечен властью Сулеймана.

Ее тело содрогнулось, руки судорожно сжались.

— Я… отвергаю… тебя. Я *могу*. — Она втянула воздух. борясь. — Я могу. Я могу!

Каждое слово было свободнее, сильнее. Он видел это.

— Можешь ли ты, — вопросил он, — защищать всех, кто дорого для тебя, каждый миг каждого дня, пока ты не сдашься или пока они не погибнут?

Она улыбнулась. Не торжествующе, нет еще. Но она видела цепи, сковывавшие ее, и это были цепи из воздуха. Она начала понимать это, верить в это.

— Можешь ли ты, — спросила она своего господина, — надеяться править королевством под угрозой того, что я явлюсь туда, если ты тронешь что-либо, принадлежащее мне?

— Ты бессильна. Ты можешь только угрожать.

Она пошатнулась. Он был ее господином. Его слова обвивались вокруг нее, связывали ее разум, выпивали ее силу.

— Нет! — крикнул Айдан, не заботясь о том, кто это слышит. — Это он бессилен; это у него не осталось ничего, кроме угроз. Открой свое сознание и свои чувства. Посмотри на него!

Она посмотрела. Она видела власть, ужас.

Смертность.

Страх.

Страх?

— Страх! — сказал Айдан, громко, на фоне молчания Синана. — Он боится тебя. Он знает, что ты сможешь сделать — что мы сможем сделать вдвоем, если он прижмет нас слишком сильно.

Она была бледнее, чем он когда-либо видел ее, бледной, как смерть. Она могла умереть; она могла бы умереть, если бы пожелала этого, если бы стиснула свое сердце своей силой, словно в кулаке, только так. Только…

Воля и тело содрогнулись разом. Из ее искаженного рта вырвался вскрик, словно у раненого животного; но в этом вскрике была сила и воля, и — наконец — понимание. Ее руки простерлись в стороны.

Синан сидел, не понимая ничего; но постепенно он увидел то, что должен был увидеть. Его *фидави* исчезли. Все, кроме одного, стоящего одиноко и ошеломленно. Марджана улыбалась, яростной белой улыбкой, в ней была радость сокола, который свободно уносится в небо.

Она обратила улыбку на одинокого *фидави* и поманила его.

Он подошел, не отрывая от нее глаз.

— Дитя, — промурлыкала она, — с верою ли ты следуешь по нашему пути?

Он решительно кивнул.

— Ты видишь этого человека? — Ее палец указал на Синана.

Юноша снова кивнул.

— Он предал наше Дело. Он возжелал женщину из неверных; он хотел сделать неверного своим слугой. Кто поручится, что он не прикажет нам всем поклоняться трем ложным богам франков?

Губы юноши поползли в стороны, открывая зубы.

— Вот так, — продолжала Марджана едва ли не напевно. — Возьми его, *фидави*, воин Веры. Держи его, пока я не прикажу тебе убить его.

Синан бился в захвате, слишком сильном, чтобы его можно было разорвать. На лице его пленителя было выражение совершенной и неумолимой решимости. Ее нельзя было поколебать никакими словами мольбы, угрозами, приказами или обещаниями.

— Что ж, — сказала Марджана, и голос ее был смертоносно мягок. — Ты готов выслушать нас?

Синан не мог кивнуть; не мог склонить голову. Он обмяк в руках *фидави*.

— Я выслушаю вас.

Она кивнула, не отрывая от него взгляда. Она была наполовину пьяна свободой, первым сладким вкусом победы. Это опьянение могло быть смертельным; оно могло погубить все, чего они добились.

Но ее голос был так же спокоен, как ее взгляд, в нем не было ни признака слабости.

— Я вспоминаю, что ты очень хорошо начертал пути выполнения нашего Дела. Я ожидаю, что ты будешь продолжать это. Но цель должна быть достигнута без помощи франкской баронессы или алеппианского торгового дома. Они ничего не дают Делу; они только питали твою жадность.

— И мою гордость, — спокойно отозвался Синан. — Будь добра вспомнить это. Но даже я достаточно мудр, чтобы понять, что я потерпел поражение.

— Эта мудрость не проснулась в тебе до тех пор, пока я не увидела большей пользы в этом пленном франке.

— Это не меньше, чем то, что ты сделала сама.

— Я не претендую на святость.

Взгляд черных глаз перемещался с Марджаны на Айдана и обратно. Эти глаза понимали слишком уж многое.

— Он из твоего племени, — сказал Синан, как будто только

что понял значение этого. — И ради него ты обратилась против нас? Ради неверного ты предала Дело?

Глаза Марджаны заблестели.

— Я вернула тебя на путь Хасана-и-Саббаха, да пребудет мир с его именем, и пресекла попытки свернуть с этого пути. В залог этого я требую большего, нежели просто твое слово. Цену крови барона и наследника баронства, и цену за ранение баронессы…

Синан побледнел. Наконец-то она задела его, и задела глубоко.

— Ты заплатишь, — сказала Марджана, — как мы решили.

Он не мог говорить — кинжал был прижат к его горлу слишком сильно. Марджана призвала его слуг. Они явились по ее приказанию. Они сложили золото в большой сундук, который она приказала им поставить к ногам Айдана; поверх золота пролился мерцающий поток самоцветов. Айдан почувствовал удовольствие, тепло в груди, даже сквозь гнев. Было сладко видеть Повелителя Масиафа, истекающего богатством, которое для него было дороже крови, и знать, что тот понимал, *что* теряет вместе с богатством: рабыню, которая была, раба, который мог бы быть, уверенность, что никого в мире не боятся так, как его. Он был повелителем Сирии, более настоящим, чем человек, который правил в Дамаске, но он не мог повелевать Рабыней Аламута. Он сидел в собственном саду, с кинжалом собственного *фидави* у горла, и платил столько, сколько ему приказывали платить.

Марджана до последнего дирхема точно знала, насколько Синан скуп и насколько он страдает. Он должен был смотреть, как Айдан закрывает сундук, и как их сделка пишется, подписывается и скрепляется бессмертным огнем.

Когда это было сделано, кинжал убрался от горла Синана.

— Ну что ж, сэр франк, — сказал он. Голос его был спокоен, взгляд ужасен. — Ты доволен?

— Нет, — ответил Айдан.

Синан улыбнулся. Такова была сила этого человека: даже поверженный, даже униженный, он не терял ни грана своей веры.

— Так убей меня, — промолвил он. — Возьми мою кровь, как продолжает желать твое сердце. Освободи мир от меня.

Это была насмешка — и нет. Синан не боялся смерти. Жизнь была мила ему, насыщенная властью, волей, раскинувшей по всему Востоку паутину шпионов и прислужников. Но он умер бы довольным, зная, что его смерть сделает его людей сильнее.

— Поэтому, — отозвался Айдан, — я оставлю тебе жизнь.

— Жестоко, — сказал Синан. — Это так понятно… Из тебя вышел бы прекрасный *фидави*. — Он помолчал. — Может быть, ты все же решишь…?

— Нет! — Слишком громко, слишком быстро. Айдан постарался успокоиться. — Я — не ручной убийца кого бы то ни было.

— Жаль. Тебе были бы рады здесь, твои способности раскрылись бы и были бы использованы во всей полноте. Там, куда ты направишься, ты не сможешь найти такого.

— У меня есть обещания, которые нужно исполнить.

— На самом деле? И что ты получишь от возвращения? Мне говорили, что в Иерусалиме только недавно перестали винить тебя за смерть твоих родичей; и эти слухи связывали твое имя с еще худшими вещами.

— Значит, чем скорее я выполню свои обещания, тем скорее я очищу свое имя.

— Или будешь сожжен за это.

— Я дух огня. Какой вред может причинить мне моя стихия?

— Даже пламя ада?

— Если я могу попасть в него, значит, у меня есть душа и я могу также надеяться на рай. А если у меня нет души, то смерть для меня — лишь забвение; и смертный огонь не может коснуться меня.

— Ах, — промолвил Синан, — теолог.

— Безумец, — возразила Марджана. — Он не будет служить тебе, Синан ибн Салман, и ты не сможешь заманить его в свою ловушку. Не задерживай его; отпусти его.

— И отпустить тебя?

— Именно так, — ответила она.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Она спокойно выдержала его.

— Что ты будешь делать без нас? — спросил Синан. — Станешь ли неверной и побежишь вослед за ним? Сможешь ли ты отринуть все, чем ты была и что делала, предать свою веру и свое слово и обратиться против тех, кому ты служила так долго? Не вернешься ли ты ко мне? Теперь ты будешь свободна; свободна от приказов твоему кинжалу, ты будешь сама приказывать, и не будет над тобой никого, кроме меня.

Это были не пустые слова. Он говорил именно то, что думал. Он был коварнее, чем змея. Даже правда должна была служить ему, обратиться к его целям.

— Я плохо сделал, держа тебя так долго в рабстве, — продолжал Синан. — Ныне я разорвал его. Примешь ли ты то, что я предлагаю?

Марджана молчала. Ее лицо было спокойным. Столь застывшим, что оно потеряло свою необычайную красоту; оно было просто чужим.

Когда она заговорила, то заговорила медленно, словно взвешивая каждое слово прежде, чем произнести его.

— Я, которая была рабыней вопреки своей воле, не так-то легко поверю любым обещаниям человека, который все еще остается тем, кто держал меня в рабстве. Но того, что ты человек чести, я отрицать не могу. Какова же цена за ту свободу, которую ты предлагаешь?

— Ничего, кроме того, что ты уже заплатила.

Она осторожно вздохнула.

— И то, о чем мы договорились здесь — цена крови, освобождение франка — остается в силе?

— Клянусь в этом перед Аллахом.

— Так. — Марджана выпрямилась, словно с плеч ее спал тяжкий груз; дышала она легко. Свободно. — Нет. Нет, я не буду служить тебе. Даже свободной; даже облеченной властью. Я покончила со служением.

Но Синан все еще не мог смириться с поражением.

— Покончила ли ты также и с исламом? Ибо что есть ислам как не совершенное подчинение Богу?

— Бог, — очень мягко промолвила она, — не есть Синан ибн Салман. — И когда он вздрогнул, добавила: — Нет Бога кроме Бога. Теперь я научилась служить только Ему, а не прихотям смертного человека. — Она поклонилась, ниже и ниже, как могла бы кланяться рабыня; но это была не покорность. — Да хранит тебя Бог, о мой господин, который был, и да дарует Он тебе мудрость.

— Мне стоило принять то, что он предложил, — сказала Марджана.

Айдан не знал, где они находились. Богатство Масиафа были с ними; свет вокруг был тусклым, бледным и серым. Воздух пах странно. Айдан видел песок и камень, ствол дерева, блеск воды. Насколько он мог понять, они были в землях джиннов.

Неожиданно он узнал местность. Они были у источника в Персии; пещера была позади них. Над головами низко висели тучи. Странный запах в воздухе был запахом дождя.

Марджана пошатнулась. Он подхватил ее. Она была в сознании, но ужасно слаба и от этого сердита.

— Слишком много, — сказала она. — Я перенапряглась. Я не умнее, чем ты.

Айдан скривил на это губы.

— Что ты сделала с *фидави*?

— Я отослала их прочь. В место, которое мне известно, в город далеко отсюда, о котором они никогда не слышали.

Женщины там красивы и распутны, и у каждой много мужей. Слуги моего господина вольны решать для себя, называть ли это адом или раем.

Айдан засмеялся.

— И старец никогда не призовет их обратно.

— Он, как и они, поверил, что они мертвы. Ему нелегко будет найти им замену.

— Или тебе.

— Или мне. — Ее голова склонилась на его плечо. — О Аллах! Как я глупа!

— Восхитительно глупа. — Айдан повернулся ко входу в пещеру. Марджана лежала у него на руках, борясь с тьмой, но проиграв битву.

Сайида выпрыгнула из сумрака пещеры, вне себя от страха, когда увидела, что нес Айдан.

— Она жива, — сказал он, слегка успокоив Сайиду. — Она приложила слишком много силы, только и всего, чтобы добиться нашей победы. Она выспится, и все будет хорошо.

Сайида явно хотела поверить в это. Она смотрела, как Айдан уложил Марджану на диван, а потом немедленно подскочила с одеялом и хмуро спросила:

— Как ты позволил ей так устать?

— Как мог я остановить ее?

— Ты мог бы попытаться, — возразила Сайида.

На это невозможно было дать разумного ответа. Айдан помаячил было около, но его присутствие было нежелательным. Он направился к выходу.

Начинался дождь. Он не ощущал дождевых капель на лице с тех пор, как прибыл в эту сожженную солнцем страну. Дождь был холодным, едва ли не со снегом, но Айдан был рад ему.

Марджана спала глубоким сном, Сайида хлопотала вокруг нее. Он был свободен. Истинно, окончательно свободен. Синан собственными руками заплатил за то, что сделал; и потерял самую полезную свою рабыню. От этого удара он нескоро опомнится. И не обратится вновь против Дома Ибрагима.

Айдану был знаком этот привкус во рту. Пепел. Такая долгая охота, такая жестокая битва, и вот чем все это закончилось. Сундук, окованный железом, серый дождь, и разрывающееся надвое сердце. Остаться и стать возлюбленным этой женщины. Уйти и выполнить свои обещания: в Алеппо, к завершению сделки с госпожой Хадижой; найти Джоанну.

Он даже не знал, как долго он отсутствовал. Месяц? Не проходило ни дня, чтобы он не думал о ней и не был от души рад, что она не поехала с ним. Она наверняка погибла бы, и дитя

вместе с нею.

Быть может, она простит, что он покинул ее. Быть может, она простит даже то, что он вынужден был сделать, чтобы выиграть войну с ассасинами. Они найдут выход из трудного положения. Его дитя не будет заклеймено клеймом незаконнорожденного; его дама получит всю честь, которой она достойна.

А Марджана?

Она получила то, чего хотела. У него были более давние и сильные привязанности.

Трус. Голос из глубин его сознания.

Он загнал этот голос еще глубже и поставил на него ногу. Что могло быть между рыцарем креста и верной мусульманкой, кроме того, что было? Это прошло. У каждого из них был свой мир, своя собственная, отдельная судьба.

Но все же тоненький, как ниточка голосок продолжал звучать.

Подлец. Бесчестный глупец.

— А что мне делать? — закричал он в дождь. — Стать изменником? Жениться на ней? — Он споткнулся. — Да, почему бы мне не стать мусульманином? Я бы мог жениться на обеих.

Голос молчал.

Айдан вскинул мокрую от дождя голову.

— Мой путь избран. Моя мать избрала его в тот день, когда принесла нас в Каэр Гвент и сказала нашему отцу, что мы — его.

Молчание; молчание, в котором был упрек.

Айдан вернулся в пещеру, которая была украшена пышнее, чем парадные залы многих лордов на Западе, и обнаружил, что ничего не изменилось. Во сне Марджана была похожа на ребенка. Он хотел наклониться и поцеловать ее. Он хотел ее, ясно и просто.

Он собрал всю свою волю. Это отняло больше сил, чем он ожидал; почти больше, чем у него было.

Сайида не обратила на него внимания, только попеняла ему за то, что он оставлял на ковре мокрые следы. Хасан спал.

Довольно следов и прощаний. Он вспомнил магическое умение Марджаны, которому она научила его наконец, как будто хотела, чтобы он знал его и сделал то, что должен был сделать сейчас. Сосредоточение сознание; сосредоточение силы, не поддающийся описанию внутренний поворот и изгиб. Айдан помедлил на самом краю этого, и не от испуга. Никто не пошевелился. Никто не позвал его обратно. Он позволил себе уйти.

35

Пока Марджана преследовала своего франка и после того, как она поймала его, У Сайиды было время подумать. Видеть их было до странного больно: танец движений навстречу и прочь; искры от встреч, словно вспышки от соударения стали. Казалось, они едва понимали, как их тела тянутся друг к другу — даже Марджана, которая знала, что хочет его, но избегала любых возможностей очаровать его со смертельной наивностью ребенка. Когда они были вместе, даже ругаясь, как это чаще всего было, что-то в том, как они стояли, сидели или двигались, было подобно звукам лютни, предшествующим песне.

Сайида испытывала такое с Маймуном. Не так, как эти двое, пламя и страсть, но более спокойным, обычным путем сближаясь друг с другом.

Если бы только Маймун мог усвоить хоть немного здравого смысла. Мужчина, который держит свою жену в клетке, может клясть только себя, если она пытается улететь.

— Женщина всегда должна быть покорной, — сказала она Хасану, когда Марджана с Айданом унеслись прочь, чтобы встретиться с Горным Старцем. Сайида не хотела успокаивать себя шутками, издеваясь над ними, и потому издевалась сама над собой. — Женщина должна быть смиренной. Женщина никогда не должна противиться воле мужчины, которого Аллах поставил над нею.

Она готовила хлеб, замешивая тесто на камне в кухне. Она сжала губы и яростно кидалась на тесто, пока ее руки не закричали протестующе.

— Никогда, — сказала она, — разве что она будет хитрой и одурачит его, и будет играть им как захочет. Как бывает почти всегда. Пока ее не поймают на этом. Как поймали меня. — С каждой паузой она набрасывалась на покорное тесто, вбивая в него мягкость.

Она взглянула на свои густо обсыпанные мукой кулачки. Слезы навернулись ей на глаза; смех заклокотал в горле.

— Ох, Хасан! Я скучаю по твоему отцу!

Марджана вернулась назад полумертвая, на руках у Айдана. Он, кажется, не был обеспокоен; Сайида предполагала, что он должен знать, будучи тем, кто он есть. Он был мужчиной, когда доходило до этого: очень большим и очень себялюбивым ребенком, который, свалив свою ношу на колени Сайиды, ушел и покинул ее на этом. Сайида полагала, что он обиделся. Мужчины терпеть не могут, когда женщины не замечают их ради других

женщин.

Она покачала головой и вздохнула. то, что шевелилось в ее душе, не было гневом: просто привычное раздражение. Таковы уж были мужчины. Таков был Маймун.

Примет ли он ее обратно?

Она застыла. Она не может вернуться. Он ударил ее; он назвал ее лгуньей. Она не могла простить его.

Не могла или не хотела?

Ну вот. Если бы она вернулась, если бы она послушалась рассудка и перестала обременять подругу — принял бы он ее.

Он должен был принять. Она не могла позволить ему поступить иначе.

Марджана проснулась нескоро. Задолго до того, как она проснулась, Сайида знала, что франк исчез. Он всегда возвращался к вечерней трапезе и всегда спал в зале. Сегодня его не было.

Он нашел выход из темницы. Она едва ли могла проклинать его за это. Или за то, что он покинул Марджану. Вот так-то было превращать любовь в торговую сделку.

И все же ей было жаль. Она думала о нем лучше.

Она была готова, когда Марджана проснется, выдержать бурю. Когда буря не разразилась немедленно, Сайида почувствовала себя неизмеримо уютнее.

— Когда он ушел? — спросила Марджана совершенно спокойно.

— Прошлой ночью, — ответила Сайида. — Вскоре после того, как принес тебя.

Марджана закрыла глаза. Ее лицо не выражало ничего. Какой-то миг казалось, что ее вообще нет.

Глаза ее открылись. Она улыбалась.

— Так он сделал, — промолвила она. И более медленно, почти нежно: — Так он сделал.

— Марджана, — встревожилась Сайида. — Не делай ничего, о чем будешь жалеть.

— Я уже сделала. — Марджана села, хмурясь. — Я вообще не завоевала его. Я его купила.

— Ты ведь не собираешься притащить его обратно?

— Нет, — ответила Марджана. — Нет, я не собираюсь притащить его обратно. Он дал мне то, за что я заплатила. Так, как он видит это. Я могла бы не согласиться.

Сайида изумилась силе одной ночи любви, превратившей Марджану в спокойную уступчивую женщину.

Марджана засмеялась, звонко и яростно.

— Ты так думаешь? И в конце концов я стану настоящей

самкой?

— Ты хочешь этого?

— Я не знаю. — Марджана постояла, несколько секунд ей понадобилось, чтобы успокоиться, а потом она медленно обошла зал. Тут и там попадались следы Айдана: подушка, которую он любил, в углу, где он часто сидел; чашка, из которой он пил, рядом с бутылкой вина; халат, в котором он так хорошо выглядел, был брошен в изножье его постели. Лютня в своем коробе, теперь умолкнувшая, брошенная. Марджана не задержалась, едва взглянула на все это.

Она вернулась к Сайиде. Что-то лежало на диване, где она спала; когда сместилась тень, эта вещь блеснула на свету. Сайида из любопытства потянулась за нею. Это был нож, просто, но весьма изящно сделанный, с простой серебряной рукоятью.

— Он сделал его, — сказала Марджана. — Неплохо для подмастерья.

Она была немного слишком спокойна. Сайида позволила ей взять нож и увидела, как пальцы Марджаны стиснули его.

— Он оставил его для тебя.

— Какая глупость, — ответила Марджана. Она не сказала, кто именно был глуп. Клинок слегка порезал ее пальцы; она уставилась на тонкую алую линию, как будто никогда прежде не видела крови.

Потом она выпрямилась и повесила кинжал к себе на пояс.

— Ты не оставила мне хоть что-нибудь от завтрака?

Взгляд ее предупредил Сайиду о том, что продолжать не стоит. Сайида заставила себя кивнуть.

— Я принесу еду.

Марджана последовала за ней на кухню. Они поели там, пристроившись у очага, как служанки, поскольку никто из них не подумал расстелить скатерть в зале.

Посреди трапезы проснулся Хасан и потребовал купания и еды.

— Скоро его надо будет отучать от груди, — сказала Сайида, вздрагивая, когда он пускал в ход зубки. — Ах! Жестокий. Вот тебе кусочек хлеба, если тебе так надо что-то жевать.

Он с радостью перенес усилия на кусочек лепешки, обмакнутый в мед. Его мать принялась прибирать кухню, пока Марджана молча наблюдала. Марджана никогда не смогла бы стать женой простого человека. Она слишком мало знала о женских умениях и, казалось, не была склонна научиться большему.

— Они скучны, — сказала она.

— Обязанности часто скучны. — Сайида проверила воду для

мытья посуды в чане, который стоял на очаге и был достаточно велик, чтобы можно было наполнить бассейн. — Привлекательными их делает гордость: выполнять их хорошо и знать их.

— Тебе это нравится?

— Это то, что я делаю. Фахима говорит, что я хорошо справляюсь.

— Он тоже так говорит.

— Халид?

— Айдан. — Марджана произнесла это почти сердито. — Как будто он может знать.

— Он замечает такие вещи. Таков его обычай. Я полагаю, что это потому, что он франк. Они странно относятся к женским делам.

— Он вообще странны. — Марджана встала перед Сайидой, преградив ей дорогу к бассейну. — Покажи мне, как.

— Зачем, ради всего в мире, тебе потребовалось… — Сайида осеклась. — Ну хорошо. Смотри, и увидишь.

К тому времени, как они управились, они перетряхнули кухню и зал и вычистили их от края до края. Марджана занималась делом с редкостным пылом; недостаток умения она с лихвой возмещала рвением.

Когда каждый дюйм был выскоблен и дочиста отмыт, Сайида прислонилась к стене и отерла лоб. Марджана протянула ей чашку. В ней булькал шербет, густой и кисловато-сладкий, именно такой, какой она любила. Сайида уставилась на него.

— Мы могли бы воспользоваться магией.

— Мускулы лучше. — Марджана посадила Хасана на бедро. Она выглядела раскрасневшейся, взъерошенной и почти счастливой. — Ты хочешь вернуться домой, не так ли?

Конечно, она знала. Сайида была чуть растеряна: она искала способ сказать это. Было похоже, что Марджана узнала об этом сразу же, как это пришло в голову Сайиде.

— Да, — ответила Сайида. — Я хочу домой. — Теперь это было сказано. Она чувствовала себя на удивление легкой, удивительно взволнованной.

Марджана протянула к ней руки; она отшатнулась. Они поглядели друг на друга.

— Ты должна вернуться сейчас, — сказала Марджана, — если собираешься возвращаться вообще.

Сайида покачала головой.

— Я не могу. — Она посмотрела на свой халат, на свои волосы.

— Я не могу вернуться в таком виде.

— Значит, вымойся, — ответила ифрита. — А потом мы отправимся.

Сайида сглотнула. Это было больше, чем то, за что она торговалась. Хотя она должна была знать. Она знала Марджану.

— Ты пойдешь со мной?

— Ты этого хочешь?

Сайида кивнула. Руки в нее были холодными, но лицо горело.

— Он должен знать, как это было. Чтобы… чтобы он мог решить.

— Развестись с тобой?

— Или принять меня обратно.

— Мне казалось, — промолвила Марджана, — что решать должна ты.

Сайида улыбнулась, не слишком потрясенно; теперь пути назад не было.

— Я знаю. Ему это нужно.

— Это нечестно.

— Нет, — ответила Сайида. — Но это любовь.

Марджана покачала головой. Она не понимала. Быть может, это человеческая вещь. То, что мужчина дает, хотя кажется, что он берет; то, что женщина может выбирать, предоставив выбирать ему.

— Это не для меня, — сказала Марджана. — И не для нас. — Но она была достаточно мудра, чтобы не спорить.

Пока Сайида купалась и приводила себя в приличный вид, она собирала воедино всю свою храбрость. Она ей понадобится. Она заметила, что Марджана облачилась в женские одежды.

Больше не было причин задерживаться. Хасан был одет в свой новый халатик. Марджана закрыла лицо вуалью. Сайида приготовилась во всем, кроме одного.

Это одно не могло прийти, пока она медлила. Она глубоко вздохнула и с силой обняла Хасана.

— Теперь, — сказала она.

Дом был меньше и темнее, чем запомнилось ей: чуть запущенный, чуть обветшалый, но уютный. Она повела носом. Фахима приготовила *зирбаджу* с избытком чеснока, как готовила только Фахима. Вновь вдохнуть этот запах было больно. Быть дома.

Неожиданное движение Марджаны привело Сайиду в себя. Они были в маленькой комнатке в женских покоях, в которую никто не заходил — разве что время от времени там поселяли гостью, которой больше нигде не находилось места. Она была закрытой и пыльной, как будто сюда давно никто не заглядывал.

Ифрита открыла дверь, помедлила.

— Что-то случилось? — спросила Сайида. Она едва могла выдавить шепот, так сильно пересохло в горле, так неистово стучало сердце.

— Нет, — ответила Марджана. Она жестом пригласила Сайиду за собой. Та повиновалась.

Все сидели за обедом. Быть может, это подстроила Марджана. Раз в кои-то веки Лейла могла ждать своего мужа, и Фахима хотела убедиться, что ее мужчины едят хорошо, но Матушка никогда не снисходила до этого. Но сегодня и она была здесь. Быть может, потому, что здесь был Исхак. Если Матушка и претендовала на то, чтобы изображать служанку, то она быстро утомилась от этого и уселась на лучшие подушки рядом с сыном.

Это собрание не было радостным, несмотря на присутствие Исхака. Фарук выглядел почти стариком. Матушка была угрюма. Лейла молчала, притихнув. Маймун ел все подряд, но так, как будто вовсе не думал о том, что ест. Линия между его бровями стала глубже, под глазами лежали тени.

Сайида бросилась было вперед, но рука Марджаны остановила ее.

Исхак со стуком поставил чашку. Стук был громкий и резкий.

— Йа Аллах! Ты уже месяц сидишь так, и что? Ты хотя бы пробовал искать их?

— Какой толк? — спросил его отец. — Мы знаем, кто забрал их.

— И почему. — В горле Исхака зарождалось рычание.

Маймун не ответил на это ни словом, ни взглядом. Он прожевал последний кусок хлеба и потянулся за своей чашкой.

Исхак схватил его за запястье.

— Иблис бы забрал твои кости!

Маймун легко освободился и начал пить.

— Если они погибли из-за тебя…

Чашка дрогнула в руке Маймуна. Он поставил ее и поднялся, поклонившись сначала Матушке, а потом Фаруку.

— Нет, постой, — сказал Исхак. — Ты достаточно уходил. Теперь взгляни в лицо тому, что ты сделал.

— Я знаю, что я сделал, — ответил Маймун.

— Ты пытался заковать жену в цепи. Что она сделала, чтобы заслужить такое?

— Она водила дружбу с демоном, — произнес Маймун.

— А ты рассердил демона. Кто из вас больший глупец?

— Я делал то, что полагал нужным делать.

— *Ты* полагал. — Исхак хотел было сплюнуть, но поймал взгляд матери и вместо этого скорчил гримасу. — Все, о чем ты

думал — это упивался тем, что ты чей-то господин и повелитель. Эмиры, которые относятся так к своим воинам, долго не живут.

— Я не сказал, что был прав, — отозвался Маймун.

Сайида больше не могла скрываться.

— Ты был настолько прав, насколько знал, как быть правым, — промолвила она.

В сказках возвращение давно потерянного дитяти происходит совершенно просто. Она — или чаще он — возвращается домой, его престарелая мать падает ей в объятия, ее престарелый отец плачет у нее на шее, и после этого все живут долго и счастливо.

Отец Сайиды был не таков, чтобы плакать на чьей-либо шее, а Матушка падала в обморок только тогда, когда это сулило ей какую-либо выгоду. Наступило очень долгое молчание. Никто не выглядел особо удивленным; просто растерянность и некоторое замешательство. Было слишком сложно сменить в сознании мысленное лицезрение пропавшей и, быть может, умершей родственницы на осознание, что эта родственница стоит тут живая и, по всей видимости, совершенно здоровая. На нее даже почти не смотрели прямо, словно от взгляда она снова могла пропасть.

Исхак первым собрался с разумом и, не обращая внимания на стоящую позади Сайиды Марджану, бросился и обнял разом Сайиду с Хасаном, не дав им вздохнуть. Он втащил их в комнату, засыпая Сайиду вопросами.

— Где ты была? Что ты делала? Ты выглядишь чудесно… и Хасан, он подрос. Кто заботился о тебе? Это не…

– 'Джана, — отчетливо сказал Хасан. — Мама. Хасан. — Он ждал.

— Исхак, — произнесла его мать, пытаясь не засмеяться. На лице ее брата было уморительно потрясенное выражение.

— Исхак. — Хасан улыбнулся всем.

Никто не может устоять перед обаянием ребенка; а этот ребенок к тому же учился у франка Марджаны, который мог очаровать звезды на небе. Фахима довольно радостно приветствовала Сайиду, но Хасана она схватила в объятия, смеясь и плача одновременно.

Без ребенка на руках Сайида почувствовала себя обнаженной. Она чувствовала стоящую позади Марджану, тень под вуалью. Никто, казалось, не замечал ее, кроме Исхака, который предпочел не говорить о ней.

Суета вокруг Хасана дала Сайиде время, чтобы собрать свою смелость. Исхак обхватил ее рукой, немного слишком сильно, но она с радостью принимала его поддержку. Все остальные ворковали над Хасаном.

Все, кроме Маймуна. Он смотрел на своего сына жадно, но, казалось, не мог двинуться с места. Он не смотрел на Сайиду.

Хасан сам решил эту задачу, вырвавшись из объятий Матушки, встав на свои весьма резвые ножки и вскарабкавшись на колени к отцу.

— Папа, — сказал он.

Лицо Маймуна засияло, как лампа.

— Вы слышали это? Вы слышали, что он сказал?

Все закивали. Даже Матушка улыбнулась.

— Он ходит, — произнес Маймун. — Мой сын ходит. И говорит.

— Ходит, — повторил за ним Хасан. — Говорит.

После этого никто особо не думал забрасывать Сайиду вопросами, хотя Исхак едва не умирал от любопытства. Сайида вернулась, целая и невредимая. Фарук выглядел довольным; женщины следовали его примеру.

Они верили ей. Она едва не упада, осознав это. Ее отец по меньшей мере, Фахима наверняка, быть может, даже Матушка — все они не боялись, что она обесчестила семью.

Не боялся этого и Исхак, но он точно умер бы, если бы ждал еще дольше.

— Я была в месте, известном Марджане, — сжалилась над ним Сайида, — тайное место, вдали от всех городов. Я не видела ни единого человеческого существа, пока была там.

— Это ужасно! — воскликнул Исхак.

— Там было тихо. — Большую часть времени. — Я заботилась о Хасане. Я присматривала за домом. Я готовила. Я делала женскую работу. Иногда я выходила наружу. Небо было очень широким. Я могла простереть мысли так далеко, что меня словно вообще не было.

— Не говори мне, что это превратило тебя в мистика.

— Когда было так много посуды, которую надо было мыть? Не смеши меня.

— Ты действительно была… совсем одна?

Это сказал Маймун. Он по-прежнему не смотрел на нее. Голос его был хриплым.

— Там была Марджана, — ответила Сайида. Легко, холодно, спокойно. Она гордилась собой.

Тогда они увидели ифриту: она вышла из тени Сайиды на свет. Она не опустила свою вуаль.

— Я попросила ее прийти, — сказала Сайида. — Я перед ней в долгу, за то, что она предоставила мне убежище и приглядывала за мной, пока я была там. Я хочу, чтобы она осталась еще ненадолго. Она больше не ассасинка. Она хочет

научиться быть женщиной.

Они встретили это с различной степенью недоверчивостью. Но никто не зашел столь далеко, чтобы высказать ее вслух. Даже Маймун.

— Я не претендую на ваше гостеприимство, — произнесла Марджана. Это звучало не так высокомерно, как могло бы.

— Нет, — чуть сдавленно сказал Фарук. Он прочистил горло. — Нет, ты не претендуешь. Тебе в моем доме всегда рады.

Лейле, возможно, было что сказать; Матушке, несомненно, тоже. Но Фарук опередил их. Сайида не могла сказать, что он жалел об этом. Он, очевидно, поступал так не из страха перед Марджаной; и явно не затем, чтобы завоевать ее расположение.

Марджана поклонилась, как кланяется женщина высокого рода гостеприимному хозяину.

— Ты весьма щедр, — промолвила она.

— Моя дочь в долгу перед тобой. Могу ли я скупиться, оплачивая его?

— Кое-кто мог бы, — возразила Марджана.

Ничто в ее поведении не бросало ни намека на Маймуна, но тот вздрогнул. Он не сказал ничего. Он наконец-то бросил взгляд на свою жену. Она не могла прочесть этот взгляд, не считая того, что ярости в нем не было. Быть может, он в конце концов простит ее.

Неожиданно она почувствовала, что устала от этой толпы родственников, от их кудахтанья и волнения, которое все никак не успокоится, их отчаянных попыток заставить все выглядеть обычно. Безвредно. Как будто Сайида и не провела месяц среди ифритов.

Но она знала, почему убегала; и Маймун помнил. Она поднялась.

— Благодарю тебя, отец, — сказала она. — Матушка, Фахима, Лейла: мое почтение. Исхак, я рада снова видеть тебя. Маймун… — тут ей пришлось прерваться, чтобы набрать воздуха и начать снова. — Маймун, муж мой, если я по-прежнему могу называть тебя так…

— Ты можешь.

Ему пришлось не легче, чем ей. Когда она поняла это, ей стало немного легче.

— Муж мой, я прошу прощения за свой побег.

Он сглотнул. Слишком это было неожиданно.

— Я тоже прошу прощения. — Он смотрел ей под ноги. — Я сожалею… что сделал то, что сделал.

— Я тоже. — Она позволила себе чуть озорства. — Сможешь ли ты простить меня?

— Я… — Он с усилием моргнул. — Да. Если ты простишь меня.

Она кивнула.

Он должен был поднять глаза, чтобы увидеть это. Он пытался не упасть и не заплакать.

Она едва не заплакала сама. Но было не место для этого. Она вскинула голову.

— Если все извинят меня, то прошло много времени с рассветной молитвы, и я соскучилась по своей собственной постели. Разрешат ли мне удалиться туда?

Они не хотели отпускать ее; Фахима возражала, что Сайида не может отправиться в постель, не поев сперва. Но та была непреклонна. Она чувствовала себя трусихой, оставляя Марджану на их милость, но страх перед ифритой должен был удержать их в рамках приличий. Сайиде надо было поговорить с Маймуном. И, быть может, не только поговорить.

Но едва Фахима и служанка удалились, удостоверившись, что Сайида устроилась уютно, она начала бояться, что оказалась слишком хитрой. Что он не придет. Или откажется это сделать, потому что все еще не простил ее.

Она готова была бежать назад, хотя бы чтобы проведать Хасана. Она даже уже приподнялась, когда Маймун отворил дверь.

Он не выглядел так, как выглядел в последний раз, когда приходил к ней. На этот раз он был спокойнее, и даже покорнее.

Она опустилась на матрац. Он стоял, прислонившись спиной к двери, и смотрел куда угодно, только не на нее.

— Маймун, — сказала она, неожиданно робко.

— Сайида, — отозвался он. Он покусал губу, пытаясь справиться с волнением. — Ты действительно в порядке?

— Действительно.

— Ты была — действительно — там, где ты сказала?

— Действительно. Мы были где-то в Персии, я думаю. В пустыне. Там росла смоковница, но птицы склевали все плоды.

— Тебе там понравилось.

Она не смогла отрицать это.

— Я не пытался опозорить тебя, — сказал он. — Я хотел, чтобы ты жила в чести. Как госпожа.

— Я знаю, — ответила она.

— Это только… это… это создание…

— Ее нелегко полюбить, — промолвила Сайида. — совсем нелегко. Я думаю, надо знать ее с детства.

— Она хорошо заботилась о тебе.

Он пытался как-то обойти острые углы. Сайида оказала ему

всю помощь, какую могла.

— Это так. Она верна своим друзьям. И она любит Хасана.

— Я… вижу это. Она выглядит почти человеком, когда смотрит на него.

— Она очень старается. Для нее было нелегко быть ассасином. У нее были трудное время, но она завоевала свободу.

Маймун не был готов говорить об этом. Он потянул себя за бороду, снова смутился, и словно думал, не убежать ли ему прочь.

Сайида решила проявить хитрость. Она скользнула к нему прежде, чем он успел пошевелиться, и плотно прижалась к нему.

— Я соскучилась по тебе, Маймун.

Он что-то пробормотал. Сначала он стоял, не зная, куда девать руки, но она обнимала его. Потом он крепко обхватил ее и похлопал по спине.

Сайида плакала. Она даже не заметила этого сначала. Начав, она уже не могла остановиться. Она пыталась. Маймун ненавидел слезы; от них он чувствовал себя отчаянно неуютно.

— Прости, — пыталась выговорить она. — Я не хотела…

— Я тоже соскучился по тебе.

Она откинула голову. Его борода была влажной. Она провела по ней рукой.

— Значит, ты не разведешься со мной?

— Разве я должен?

— Я не сделала ничего бесчестного.

— Тогда почему я должен хотеть отослать тебя прочь?

Она пожала плечами.

— Ты мог не поверить мне.

— Ты знаешь, что из этого получается.

— Я хочу быть хорошей женой, — сказала она. — Я попытаюсь слушаться тебя.

— Я попытаюсь приказывать тебе то, чему ты сможешь повиноваться.

— Ты можешь, — медленно выговорила она, — приказать мне поцеловать тебя.

Он залился багровым румянцем. Но засмеялся, изумив ее.

— Ну что ж, я приказываю. Поцелуй меня.

Она с радостью повиновалась. Он с радостью приказал ей снова.

И он даже не пил вина. Посреди поцелуя Сайида откинулась назад, чтобы вдохнуть воздуха.

— Следовало бы убегать почаще, — сказала она, — хотя бы ради возвращения домой.

Ее волосы расплелись, и его пальцы запутались в них. На миг

они напряглись до боли.

— Что, если я прикажу тебе не убегать?

— Я попытаюсь быть послушной.

— Но может статься, ты не сможешь. — Он учился. Это было трудно; ему это не нравилось. Но все же он пытался. Она уважала… нет, больше — она любила его за это.

Она поцеловала его еще раз, с жаром, от которого у него закружилась голова.

— Ты мой муж. Даже когда я была в гневе, я никогда не хотела принадлежать никому другому. Я счастлива, что мой отец выдал меня за тебя. Я счастлива, что ты дал мне Хасана. Я счастлива быть здесь, с тобой, быть твоей женой.

Он не ответил на это, только обнял ее еще крепче, но она почувствовала прилив счастья. Он только на вид был бесстрастным, ее Маймун.

Завтрашний день может оказаться не столь радостным. Им обоим было надо слишком многое простить, и Марджана была здесь, как напоминание. Маймун, будучи человеком и мужчиной, с трудом мог изменять своим привычкам. Сайида, будучи Сайидой, наверняка сделает что-нибудь, что еще усугубит это положение.

Но сейчас ее это не заботило. У них была ночь. Завтрашний день сам о себе позаботится.

Часть VI. Алеппо

36

Айдан выпал из "ничто"; голова кружилась, перед глазами все плыло. Когда это делала Марджана, это казалось так просто: как будто пройти через завесу воздуха. Но эта завеса была бесконечна, и у того, кто проходил через нее, был шанс раствориться полностью. Она высасывала волю; она затмевала в сознании картину — видение места, из которого он вышел, и места, куда он должен был попасть, а без этого невозможно было обуздать тьму.

Долгое время он не мог вспомнить даже куда хотел попасть. Страх нарастал. Забрало ли его в конце концов "ничто"? Быть может, он заблудился, потерялся без надежды на возвращение?

Свет вспыхнул неожиданно. Он находился в комнате, в которой жил во время пребывания в Дома Ибрагима, и рядом с ним стоял сундук с платой за кровь его родичей. Оба они выглядели невредимыми, не считая синяков, которые Айдан получил, когда упал.

Он с усилием вдохнул воздух, поднимаясь на ноги. Благодарение Богу, что никто не видел его. Ему не надо было говорить, каким он был глупцом, попытавшись сделать это в одиночку, необученным.

Во имя Бога и всех святых, никогда больше. Отныне он будет путешествовать людскими способами, и черт побери медлительность.

Он оставил сундук там, где уронила его сила, и вышел наружу, в угасающие отблески дня. Это испугало Айдана. Он исчез в конце дня; теперь определенно должна была быть глубокая ночь.

Бормотание мусульманской молитвы достигло скорее его сознания, чем его слуха. Эти жители востока были словно монахи, отправляющие свои службы. Время и пустыня изменили его: он чувствовал себя непривычно, идя прямо и святотатственно в час молитвы, когда все вокруг по крайней мере делали вид, что обратились к небесам. Но креститься и тем отвергать все это не прошло ему в голову.

Стражи гарема не были мусульманами и не молились. Они пропустили Айдана без единого вопроса.

— Так пожелала госпожа, — сказал один из них.

Она приняла его почти сразу. Женщина, пришедшая с ней, не была Джоанна; с ними, словно охраняя их, сидел Карим. Айдан поклонился им. Они приветствовали его без удивления; даже с радостью. Даже Карим, хотя рад он был не столько Айдану,

сколько тому, что Айдан неизбежно должен был сказать. Честь Дома была на верном пути к восстановлению. Джоанна уехала.

Вероятно, Айдан говорил слова приветствия. Быть может, он вообще ничего не говорил, а стоял неподвижный и безмолвный. Как она могла уехать? Она была здесь, выздоравливая, ожидая его возвращения.

Должно быть, он произнес это вслух. Хадижа спросила:

— Разве она тебе жена, что она должна ждать тебя?

— Вы отослали ее, — сказал он.

— Аллах мне свидетель, — отозвался Карим, — я ее не отсылал. И даже не думал об этом. По правде говоря, я должен был отговорить ее, но она настаивала на этом.

Уехать в Акру. Вернуться к своему мужу. Заморочить ему голову, чтобы он принял ее дитя — дитя Айдана — как своего ребенка.

— Она настаивала на этом, — повторила Хадижа. — Она мудра, если и не совсем предусмотрительна. Надеюсь, что тебе досталась часть от ее мудрости.

Айдан сел. Колени его дрожали; он поджал ноги. Он перенес так много страха: за нее, за ребенка. И так мало думал о том, что они будут делать потом, после Масиафа. Она думала — он дал ей время для этого. Только время. И она использовала это время.

Она не оставила даже слова прощания. Никакого послания, не считая ее отсутствия.

— За ней хорошо присматривают, — говорила Хадижа, как будто это могло успокоить его. — Ее сопровождает отряд стражи. Знахарка поехала с ней, чтобы не дать ей повредить себе ничем сверх того, что неизбежно. Хотя это почти не казалось столь уж необходимым: она исцелилась буквально чудесно.

Чудесно. Да. Айдан засмеялся. Ради нее он покинул Марджану. Ради своего ребенка она покинула его. Одна женщина не была его веры. Другая не была его племени. Теперь он снова был один. Один, и победитель.

Отчаяние было предельным, и в своей предельности дало ему силы на то, чего разум никогда не позволил бы. Серебро и золото хлынули из воздуха, наполнив подолы королевы торговцев и ее наследника. Их удивление было сладкой горечью.

— Золото Синана, — пояснил Айдан. — Серебро ассасинов. Ваша часть платы за кровь Дома Ибрагима.

Они были изумлены. Он снова рассмеялся, легко и безрадостно. Он вложил свиток с согласием Синана в руки Хадижи.

— Как видите, подписано и заверено печатью.

Ей понадобилось время, чтобы прочитать свиток.

— Хорошо улажено, — согласилась она, — и неплохо придумано.

Он не считал нужным говорить ей, как это получилось. Но какой-то проблеск совести заставил его сказать"

— У меня был союзник среди ассасинов. Это он заключил сделку от моего имени.

— Можно надеяться, она не очень многого стоила ему самому.

— Нет, — ответил он. — Не слишком. — Он не мог выкинуть из головы образ Марджаны, какой он оставил ее, без сознания, с подругой, бывшей ей сиделкой и охраной. Кажется, у него вошло в привычку покидать женщин так.

Быть может, Марджана проснется, как проснулась Джоанна, и сделает выбор заново: вернуться к Синану, стать его военачальницей, править среди ассасинов.

Он поднял взгляд на Хадижу.

— Есть ли у вас лошадь, которую я могу купить за свою долю в Доме?

— И что ты с ней сделаешь?

— Разве это имеет значение?

— Нет, — ответила она. И стала ждать.

— Поеду. — ответил он ей. — В Иерусалим, чтобы поступить на службу к королю.

— В Акру, чтобы настичь свою родственницу?

Он открыл рот; закрыл.

— Ты можешь поступать, как велит тебе сердце. Я прошу тебя всего лишь дать своему сознанию несколько мгновений на то, чтобы рассудить. Что ты принесешь ей, кроме боли? Для нее достаточно горько и то, что ей пришлось выбрать то, что она выбрала, с такой ношей, которую она несет. Разве нужно ей терпеть то горе, что принесет твое появление?

Он стиснул зубы.

— Я не могу предать ее. Или заставить ее предать ее саму.

— Нет?

Джоанна была никудышной лгуньей. Айдан знал это так же хорошо, как и Хадижа. Он разжал пальцы один за другим.

— Но если она не сможет сладить со своим мужем… если я понадоблюсь ей…

— Если ты понадобишься ей, ты, несомненно, будешь знать.

Он даже не знал, что она уехала. Он запустил пальцы в волосы и с силой потянул их. Как могла она уехать? Как осмелилась.

Боль привела его в чувство. Он подумал, сможет ли он снова стать действительно или просто диким существом. Что-то в нем

изменилось. Быть может, выросло. Смешалось с огнем.

Было бы легко удариться в безумие. Отдаться своей боли. Убить кого-нибудь.

Слишком легко. И весьма неблагоразумно.

— Я не поеду в Акру, — сказал он. — Даю слово.

Но если она в Иерусалиме…

Хадижа милосердно не высказала этого. Могло ли статься, что она была не всеведущей? Она только склонила голову, принимая его обещание.

Он уезжал утром. Было бы нечестно по отношению к лошади ехать всю ночь, как ему того хотелось. Он был удивлен, обнаружив, что смог уснуть, а проснулся голодным. Для него была приготовлена еда; его одежды были починены и даже сделаны новые взамен тех, что были безнадежно изодраны.

Когда он наконец вышел во двор, караван ждал. Верховые животные; мулы и верблюды; кучка родственников которые, как они сказали, были посланы в Иерусалим по делам Дома.

И охрана. Безымянные в простых доспехах, словно наемные солдаты; лица случайно или намеренно склонены, взгляды устремлены на что угодно, только не на того, кого им предстояло охранять. Айдан не знал, что поднялось в его душе — радость, гнев или просто полнейшее изумление.

— Но они были убиты! — выдохнул он.

— Вряд ли, — сказал позади него Карим.

Айдан не обернулся. Он знал, что глаза у него дикие.

— Она сделала это. Она? И не сказала мне. Черт ее побери. Черт ее забери в ее собственный ад!

— Воистину, — сухо промолвил Карим. — Ты думал, что сможешь освободиться от них?

— Они должны были быть свободны от меня. Я не господин для добрых мусульман.

Айдан едва нашел время противостоять обрушившемуся на него приливу — закованные в доспехи тела и правый гнев.

— Не господин для нас, да? Бросить нас, да? Свобода, ты называешь это? За кого ты нас принимаешь?

— За идиотов, — ответил им Айдан без всякой мягкости. Он качался, как камень в урагане, но удерживался на ногах.

Они все были здесь, все до единого, и были буйны и дерзки, нарушив и достоинство, и дисциплину, чтобы обрушиться на него, они сейчас вспомнили и о том, и о другом, и почтительно простерлись перед ним. Тимур заговорил без разрешения, и Арслан звучно пнул его за это, но он говорил за них всех:

— Мы принадлежим тебе. Мы не хотим принадлежать никому другому.

— Даже себе самим?

Они вскинули головы.

— Но, — произнес Конрад своим сладким, звучным голосом певца, — мы должны принадлежать кому-либо.

— Вы можете принадлежать… — Айдан осекся. Они никогда не поймут. Карим прикрывал рот рукой, но глаза выдавали его. Он смеялся.

Айдан повернулся к нему.

— Ты наследуешь их. Ты заботился о них.

— Не я, — возразил Карим. — Я только заботился о них до твоего возвращения, как подсказывала мне совесть. — И Айдан видел, что Карим был более, чем счастлив избавиться и от них, и от совести.

— Она сказала нам, — произнес Тимур. — Когда отослала нас прочь. Ты не захочешь принять нас, и мы не должны навязываться тебе. Она ожидала, что мы послушаемся ее. Кем она себя считает?

— Дочерью Иблиса, — ответил Айдан.

Ильхан скорчил гримасу.

— Она женщина. Мы принадлежим тебе. Она оставила нас в Дамаске; мы не желали оставаться там, а она не дала нам последовать за тобою в Масиаф. И мы пришли сюда, мы знали, что ты появишься здесь. Ты должен принять нас обратно и наказать нас. Мы позволили бедуинам похитить тебя.

Они были так безрассудны, как самое безрассудное создание, которое он когда-либо видел.

— Если ты оставишь нас, — сказал Арслан, — мы последуем за тобой.

Айдан зарычал, наполовину от ярости, наполовину от неистовой радости.

— Я заставлю вас снять тюрбаны. Сбрить бороды, если они у вас есть. Поклоняться Римской Церкви.

Один или двое побледнели. Остальные даже не вздрогнули.

— Ты этого не сделаешь, — ответил Тимур. — Это не в твоем обычае.

— Откуда вы знаете, что в моем обычае?

Один-двое начали дрожать. Но не Тимур. Для этого у него не хватало разума.

— Я знаю, что ты хочешь принять нас. Твоя совесть велит тебя. Разве ты не можешь этого понять.

— Я понимаю. Но вам нечего делать ни в Иерусалиме, ни в Крестовом Походе против неверных.

— О, — обрадовался Тимур. — Крестовый Поход. Это джихад, ведь так? Джихад свят. Он предписан святым Кораном.

Айдан вскинул руки.

— Мастер Карим! Ты не можешь вбить рассудок в эти тупые головы?

— Я сомневаюсь, что кому-либо это под силу, — ответил Карим.

— Может, ты все же возьмешь их к себе?

Карим был неумолим.

— Нет. Если ты не беспокоишься обо мне, подумай хотя бы о Доме; вспомни, чьими мамлюками они были и что это за город.

Айдан прикусил язык.

— Ты хочешь принять нас, — сказал Ильхан. — Мы нужны тебе. Разве ты не говорил, что о тебе плохо подумали в Иерусалиме, когда ты приехал туда без армии? Теперь у тебя есть армия.

— Ну и армия, — вздохнул Айдан. — Да смилуются надо мной святые, мне и так-то не были особо рады. Но король… — Он помолчал.

— Король будет восхищен.

— Прокаженный? — спросил Дилдирим.

— Король.

Сказано было достаточно свирепо, чтобы заставить присмиреть даже кипчаков. Невелика победа: они все равно выиграли войну.

— Бог осудит вас за это, — проворчал Айдан. Они по-прежнему не поднимали голов, но он видел белые вспышки улыбок.

Карим заговорил прежде, чем молчание затянулось:

— Ты найдешь, что все они в порядке, и их вещи тоже. А, кроме того, пара твоих собственных вещиц, которым ты, быть может, будешь рад.

Одной из них было его почетное одеяние, упакованное во вьюк и так потерянное. Айдан секунду подержал его в руках, вспоминая его вес и его красоту. Так же, как и мамлюки, потерявшиеся и нашедшиеся вместе с этим одеянием, оно было радостью и тяжкой ношей.

Но он был рожден для этого, он, который был сыном короля. Он сложил одеяние обратно и повернулся к тому, что было еще ценнее, поскольку прежде принадлежало Герейнту: его серый мерин. Он терпеливо ждал, но ноздри его раздувались, приветствуя хозяина.

Из-за всего, что свалилось на Айдана — даже из-за его сорвиголов, живых и вернувшихся к нему, а ведь он так долго горевал по ним, — он не собирался плакать. Теперь, из-за немой скотины, он заплакал. Он сжал зубы, чтобы сдержаться, и вскочил

в седло.

Когда он устроился в седле, невероятный тюрбан Карима остановился возле его колена.

— Держи голову пониже, — сказал купец, — пока не отъедешь подальше от города; и следи, чтобы твои черти поступали так же. Тебя помнят здесь, и не добром.

— Ваш регент не может причинить мне вреда, — ответил Айдан, — как и тем, кто едет со мной.

— Тебе — нет. — Карим покачал головой. — Мы наконец-то избавимся от тебя, сэр франк.

— На этот раз — да, — отозвался Айдан. — Я не нарушу ваш покой снова.

— Хвала Аллаху. — Карим произнес это искренне, но без враждебности. — Ты сослужил нам большую службу — это даже я могу признать. Мы в глубоком долгу перед тобой, и мы уплатим его, как было оговорено.

— И ни одним дирхемом больше.

Карим улыбнулся.

— Мы прежде всего купцы.

— Прежде всего, — согласился Айдан. Неожиданно он усмехнулся.

— Передайте мое почтение вашей госпоже. Она более достойна имени королевы, чем большинство из тех, кто носит этот титул.

Карим слегка поклонился.

— Ты истинный образец принца, — промолвил он.

— Разве я не принц? — Айдан подобрал поводья. — Да хранит тебя Бог.

— И тебя, — ответил Карим с безупречной вежливостью. Но взгляд его на миг стал озорным, как у мальчишки.

37

Джоанна покинула Алеппо не из-за гнева на Айдана и не из-за собственной храбрости. О, нет. Она была в глубоком обессиливающем ужасе.

Но под этим ее сознание оставалось ясным. Она видела то, что доселе отказывалась видеть. То, что у нее было с Айданом, было истинным и глубоким чувством. Но оно не могло длиться долго. Она была смертна. Он — нет. У нее была семья, которую она любила; мир, которому она принадлежала. Он был частью этого, но, если не считать нескольких похищенных моментов, не как ее возлюбленный. Их мечта о том, чтобы убежать и растить дитя в мире, была только мечтой. Слова, желания, и горькое изгнание.

Она считала, что он знал это, вероятно, лучше нее. Никто из них не заговаривал о свадьбе: о том, что может сделать принц перед лицом святой Церкви. Их связь была столь же сильна, как освященная законом или Церковью, но она не была ни тем, ни другим.

Удар ассасина отбросил прочь ее самообманы. Отсутствие Айдана только дало время осознать это.

Когда Джоанна добралась до сущности, все оказалось очень просто. Она не желала, чтобы ее дитя называли ублюдком. Не больше она хотела и того, чтобы Айдан отверг свое положение, свою гордость, свою мирскую славу, чтобы стать безымянным изгнанником.

Приняв это, она поняла, что должна делать. Это было нелегко. Она исцелялась чудесно быстро, ибо в ней горела магия Айдана, словно недвижный огонь, но боль проходила медленно: в боку саднило, ныло глубоко. А хуже этого была душевная боль. Сделать выбор. Завершить все так, ни слова не сказав ему. Ибо если она дождется его, если она увидит его прежде, чем начнет выполнять план, она знала точно и неоспоримо, что не сможет сделать этого.

Сначала она плакала, одинокими ночами, глубоко зарывшись в свою подушку. Ее горло, казалось, непрерывно болело, глаза саднили. Но путь до Акры был долог, а она упряма. Слезы высохли. Ее сердце стало тверже. Ее тело, с его новой удивительной силой, радостно принимало долгие часы в седле, ночлеги в караван-сараях, опасность бурь и нападений разбойников. Что бы ни случилось, она не даст снова запереть себя в стенах гарема.

Ранульфа не было в Акре. Его люди сказали, что он уехал в

Иерусалим, на свадьбу принцессы Сибиллы.

После первой вспышки гнева Джоанна засмеялась, потому что у нее больше не было слез. Потом стала отдавать приказы. К некоторому ее удивлению, люди повиновались. Она оставалась женой их господина. Ее отъезд в Алеппо, казалось, был объяснен скорбью по ее брату и по мужу матери, и настояниями ее родственников-неверных. Люди Ранульфа — ее люди — казалось, были действительно рады ее возвращению. Она удивилась тому, что и сама была рада видеть их. Возвращение домой, туда, где она никогда не думала найти дом.

Трусость подсказывала ей задержаться в Акре, подождать, пока он не вернется. Упорство и время, которое не ждало, не уменьшало ребенка в ее чреве, заставили ее снова сесть в седло и направиться в Иерусалим.

Там это началось, там все и кончится. Так или иначе.

Вероятно, Бог был милостив. Ранульф обосновался в том же доме, что и всегда, но его не было, когда она приехала. У нее было время, чтобы принять ванну, поесть, сбросить запыленные в дороге одежды, даже отдохнуть, если она желала. Она сделала все, кроме последнего. Ее тело так уютно, как только могло себе позволить, устроилось в гостиной с книгой и бутылью вина, но ее сознание билось, словно ястреб в клетке. Она наполнила чашу. Запах вина вызвал у нее тошноту; она отставила ее. Ее глаза не могли сосредоточиться на странице. Руки ее были ледяными.

Она повторяла, снова и снова, что должна сделать. Броситься к ногам Ранульфа. Вымолить его прощение. Обольстить его. Дать ему причину поверить, что он отец ее ребенка.

Она не должна любить себя за это. Она никогда не назовет глупостью то, что было между ней и Айданом, но никогда и не заставит их дитя расплачиваться за это. То, что она делала, она делала ради ребенка; и ради чести Айдана и своей собственной. И Ранульфа… да, даже его.

В лучшем случае будет выглядеть так, словно ребенок родится шестимесячным. Но существовали способы скрыть это, старые способы, женские способы. Уйти на время в монастырь, чтобы оплакивать смерть родных. Паломничество под тем же предлогом, и позаботиться о том, чтобы ее мужу даже не пришло в голову сопровождать ее. Даже возвращение в Алеппо, куда он не мог последовать за ней. Ранульф никогда не узнает, как мало времени прошло между его воссоединением с женой и рождением сына или дочери. И она будет молиться, чтобы дитя не походило на своего отца.

Так тонка была кромка, по которой она ходила, тонка, словно лезвие меча, и нет ничего удивительного, что она едва не

помешалась, ожидая возвращения Ранульфа. Она отказывалась думать, что будет, если он не вернется; если он утешает свою скорбь с одной из своих шлюх. От *него* требуется не более, чем отрицать свое отцовство, чтобы ребенка признали незаконнорожденным.

Она не могла дать волю своему гневу на несправедливость мира. Ради своего ребенка, не могла. Она заставила себя склониться над книгой. Натуральная философия казалась сухой и безжизненной по сравнению с тем, что приходилось вынести ей, но она давала возможность отвлечься. Джоанна стиснула зубы и принялась читать.

Так Ранульф и нашел ее, погруженной в Плиния Старшего. Прошло некоторое время, прежде чем она осознала, что он здесь. Она подняла взгляд и моргнула, более чем наполовину отрешенная от мира.

Он похудел. Она заметила это сразу. Под глазами легли тени. Он был чист, выбрит, волосы недавно аккуратно подстрижены, но все это, видимо, заботами слуг, а не его собственными. На его щеке был свежий шрам, все еще распухший, но начавший заживать. Шрам не особо уродовал его. Джоанна подумала, что Зоэ стоит взглянуть на него. Гречанка была лучшим врачевателем, чем многие ученые лекари Иерусалима.

Ранульф стоял у двери, судорожно вцепившись в косяки, словно пытаясь не упасть. Он не был пьян, решила Джоанна. Его лицо было совершенно бледным.

Она положила книгу на колени.

— Добрый вечер, господин мой, — сказала она.

Он двинулся вперед. Она уже и забыла, какой он большой; она никогда не замечала, что в его неуклюжести была грациозность.

Он смотрел на нее, не отрываясь. Похоже, он был сердит. Она совсем не могла читать выражение его лица.

— Я вернулась этим утром, — сказала она. Она пыталась не лепетать, но ее язык не считался с ее мнением. — Это было хорошее путешествие, если рассматривать в общем. А поехала в Акру, но ты уехал. Я надеялась, что найду тебя здесь.

— Я не думал, что ты вернешься, — сказал он.

Она судорожно рассмеялась; взяла себя в руки.

— Конечно, я вернулась, Ты говорил, что позволишь мне сохранить Аймери.

— Ты не приняла его.

— У меня было время подумать.

— Он отослал тебя прочь?

Ей стало жарко, потом холодно. Ее затрясло. Но голос ее

чудом оставался спокойным:

— Если ты имеешь в виду принца Каэр Гвент, то он оставил меня в Алеппо, как и поклялся, и поехал в поход на ассасинов.

— Он добился успеха?

— Я не знаю. — Она знала, как это прозвучало, и попыталась скрыть это. — Я не могла оставаться. Я сходила с ума в гареме.

— Ты сошла с ума, когда оставила его, если ассасин охотиться за тобой.

— Уже нет. Он настиг меня.

От кого лица отхлынула кровь.

— Я была нетяжело ранена, — сказала она, молясь, чтобы он был слишком встревожен, чтобы почуять ложь. — Ассасин удрал. Именно поэтому… поэтому его высочество и уехал. Охотиться на этого ассасина.

— Значит, он отослал тебя сюда. Что заставило его думать, что ты не станешь приманкой?

— Я ей не стала.

Ранульф нахмурился, глядя на все и ни на что.

— Почему ты вернулась?

— Я говорила тебе. Я хочу получить Аймери.

— Что, если ты не получишь его?

Ее трясло теперь сильнее, почти слишком сильно, чтобы она могла говорить.

— Тогда ты потеряешь меня. Я… я уйду в монастырь. Я приму постриг. Ты никогда больше не увидишь меня.

Он стоял и смотрел на нее. Все ее планы, все ее стратегии, были забыты в тот же миг, когда она увидела его.

Она старалась вспомнить, на что это было похоже до рождения Аймери. Тяжелая беременность; месяцы бремени, тяжелого страдания. До этого было не блаженство, но что-то лучшее, чем это. После шумного, озорного детства она решила стать безупречной леди, хозяйкой дома и угодий, баронессой для барона Ранульфа. Она не очень в этом преуспела, но попытки отнимали у нее много времени. Тогда ей нравился Ранульф. Иногда они могли вместе посмеяться. Он вряд ли был тем, что она могла бы назвать хорошим возлюбленным, но он чаще давал ей наслаждение, чем нет, и когда она пыталась даровать наслаждение в ответ, он выглядел счастливым.

Он был счастлив, когда она сказала ему, что носит ребенка. Он подарил ей ожерелье из синих камней из Персии и улыбнулся, видя это ожерелье на ней. "Ты прекрасна", — сказал он тогда. Единственный раз он сказал это.

А потом, когда их сын родился, Ранульф забрал его у нее.

А сейчас он рассматривал ее, по другую сторону этой стены,

и лицо его было мрачным.

— Ты ведь даже не простила ничего, не так ли?

— Разве ты когда-нибудь думал о том, чего желает кто-либо, кроме тебя самого?

Она гадала, не ударит ли он ее. Он никогда не бил ее. Даже в ответ на самые явные дерзости.

Не ударил он и сейчас. Он запустил пальцы в свои волосы, беспорядочно взлохматил их, словно ребенок. Неожиданно он схватил ее. Она была захвачена слишком врасплох, чтобы отбиваться, даже чтобы упираться пятками. Он вытащил ее из комнаты.

Когда Джоанна наконец опомнилась, чтобы сопротивляться, она двигалась слишком быстро для чего-либо, кроме как уберечь ноги. Его хватка была сильной, но почти не причиняла боли, просто из нее нельзя было вырваться. Он протащил ее через покои слуг, через угол сада, в то место, к которому она клялась не приближаться. Это была детская.

Он отпустил ее так резко, что она пошатнулась и упала. Она схватилась за первый же твердый предмет, попавшийся ей под руку: тело Ранульфа.

Она едва сознавала, за что уцепилась. Она пристально смотрела. На женщину несколько старше себя, темноволосую, округлую, невозмутимую. И на того, кто сидел на коленях у женщины.

Он был похож на своего отца, У него были пшенично-золотые волосы, как у Ранульфа. Но подбородок, даже в младенческом возрасте, был выпячен с упрямым выражением, хорошо знакомым Джоанне.

Она не могла двинуться. Это был не ее ребенок, этот чужак, этот плотный мальчишка шести месяцев от роду. Она совсем не знала его.

И он не мог знать ее. Он осмотрел ее и начал спорить, очевидно, со столь вопиющим вторжением.

— Аймери? — Это прозвучало едва слышно.

Он нахмурился. Лицо его начало краснеть.

— Аймери, — сказала Джоанна. — Аймери.

Он позволил ей обнять себя. Он напрягся всего чуть-чуть. Казалось, он вспомнил что-то: прижался к ней, узнавая. Она зарылась лицом в его волосы. Его запах был теплым и молочным, густым, сладким детским запахом, от которого у нее закапали слезы.

Она смахнула их. Ранульф снова покраснел. Он был совсем как Аймери.

Что-то огромное и разбухшее, прятавшееся в ней, душившее

ее, неожиданно разорвало свои оковы и исторглось в воздух, оставив ее легкой и пустой. Кроме того, что недвижно горело под ее сердцем, там, где начинался Аймери.

Он напрягся в ее объятиях, протестуя против их неожиданной силы. Она ослабила хватку настолько, насколько могла.

Она мечтала об этом, а вышло не так, как должно было быть. Аймери вырос, пока она не видела его. А она… она совершила поступки, которых было не переделать, не отменить. Только лгать. Только скрывать.

— Я даю тебе слово, — сказал Ранульф. — Если я когда-нибудь заберу у тебя другого ребенка, то только по твоей просьбе.

Ее дыхание пресеклось от чего-то — от смеха, от горечи? Если бы он знал… если бы он только знал…

Он так старался. Доставить ей приятное. Удержать. Быть тем, кем она хотела его видеть. Несчастный, неловкий, смертный человек.

"Почему, — думала она, глядя в его большие синие глаза. — Почему он так боится меня?"

Потому что она была женщиной. Потому что он никогда не мог знать, что она сделает в следующий миг. Потому что — Бог ему помоги — он любил ее.

Он любил. Быть может, это магия Айдана, притаившаяся где-то в глубине ее, а может быть, это любовь Айдана дала ей глаза, чтобы увидеть.

Айдан был огнем. Ранульф был землей, простой и плотной, без слов, без грации и легкости. Он никогда не знал, что сказать, и редко — что сделать. Кроме как упорствовать.

Джоанна отдала Аймери няньке. Он запротестовал: это отозвалось в ней приливом горя и вспышкой радости разом. Он вспомнил ее. Несмотря ни на что, он вспомнил свою мать.

— Тише, — сказал она ему. — Тише, мой хороший. Я скоро вернусь. Я обещаю.

Обещания не значили ничего для ребенка, которого отрывали от матери. Кормилица прекратила его плач, дав ему грудь.

Сердце Джоанны сжалось. У нее теперь не было молока; и для Аймери уже не будет.

Она отвернулась, чтобы не видеть, как другая женщина делает то, чего она сама делать не может, и оказалась лицом к лицу с мужем. Ее руки обвили его шею. Он был всего лишь немного выше нее, но много больше, ширококостнее и плотнее, в нем не было ничего от кошачьей гибкости Айдана. Его кожа была человеческой кожей, его запах — человеческим запахом: странным теперь, чужим. Он был напряжен. Испуган.

Она тоже боялась бы, если бы у нее было время подумать. Он

послушно последовал за ней, как будто она околдовала его. Может, так оно и было. Теперь в ней был демон, во многих смыслах.

Она провела его между слугами, взглядами и вопросами, в спальню. Она отделалась от его оруженосца и даже от его любимого пса. Она стащила с него его чистые новые одежды, не без труда: порою он был стыдлив, как девушка. Хотя она не видела, чего ему стыдиться. Весь в буграх мускулов и в шрамах, с копной пшенично-золотых волос, он был красивым мужчиной, хорошо сложенным.

Она удивлялась себе. Она хотела его. Его человечности; его силы и его смертной хрупкости. Он был ее; он принадлежал ей. Только Бог мог забрать его у нее.

Это было возмутительное распутство: испытывать вожделение к собственному мужу. Церковники были бы потрясены.

Она засмеялась, чем потрясла Ранульфа. Он никогда не видел ее такой. Она пыталась объяснить:

— Я дома, разве ты не понимаешь? Я вернулась домой.

Он мог называть это истерикой, если хотел. Он хмурился не от гнева, она сознавала это. Он пытался понять. Насколько она понимала его когда-либо?

Она сбросила собственную одежду, шокировав его еще больше, и привела его в постель. В его глазах появился блеск. Ему нравилось то, что он видел. Добрая надежная охапка женщины, не раз называл он ее. И теперь он снова был уверен в этом. Она крепко поцеловала его, к его изумлению и неожиданному удовольствию. Она почувствовала это всей кожей, словно дыхание или прикосновение руки.

Он слегка причинял ей боль, своим весом, своим жаром. У него не было магии, чтобы узнать, когда она была готова или где; или как доставить ей наслаждение. Она пыталась показать ему. Вышло это неуклюже. Они начинали все заново, словно были незнакомцами. Ему требовалось не только показывать. Ему надо было говорить: толчком, словом, направляющей рукой. Это заставило ее подумать об обучении лошади.

На этот раз она спрятала смех, зарывшись лицом в его плечо. Он был слишком поглощен, чтобы заметить. Мужчинам, кажется, для этого нужно больше, чем они сами. Быть может, потому, что это все, что они дают. Женщины же сталкиваются с последствиями.

Он бодрствовал достаточно долго, чтобы спросить ее, счастлива ли она. Она дала ему тот ответ, который он хотел услышать. Ответ шлюхи; хотя это могло быть и правдой. Он заснул, улыбаясь.

Она плакала, сперва едва сознавая это, потом осознав до боли. Большей частью это было облегчение. Теперь она была в безопасности. У нее был Аймери. У нее был муж.

Чего она лишилась…

Она должна была ненавидеть себя. Это было частью того, почему она плакала: она не могла ненавидеть себя. Она совершила смертный грех и ни на миг не раскаивалась в этом. Мужчина без стыда может уходить от женщины к женщине. Она ушла к мужчине. Она не могла вернуться к нему. И не могла пожалеть о нем. Он нашел ее разбитой и сделал ее целой. То, что у нее осталось несколько шрамов, которые будут ныть, когда задует холодный ветер, было всего лишь смертной реальностью.

Айдан должен понять. Он живет своей собственной ложью, ради своей сохранности. Ранульф никогда не лгал; он в этом не нуждался. Она никогда не сможет сказать ему правду. Он сочтет это все скверным. Он возненавидит ее.

А этого, она точно знала, она не сможет перенести.

Она молилась. Быть может, она не должна была этого делать; быть может, она навлекала на себя еще более черное проклятье. Но все же она плотно закрыла глаза и вся превратилась в молитву. За дитя, которое родится; за Аймери; за Ранульфа; за Айдана. И за нее саму. Сохранить их всех; защитить их друг от друга.

Часть VII. Иерусалим

38

Айдан стоял на Горе Олив, на том месте, где сто лет назад стоял Танкред со своей армией воителей, святых и возмутительных грешников, под знаменем первого Крестового Похода. Танкред заплакал, увидев Иерусалим; зная, что город находится под пятой неверных. Танкред завоевал его вместе со своими братьями-принцами: Раймоном, Робером, Богемоном и Годфри Лоррайнским. Имена звенели в безмолвии сознания Айдана, словно песня стали, бьющейся о сталь.

Он медленно огляделся. На вершине, где он стоял, находилась разрушенная церковь, святыня, где Христос оставил след своей стопы. На востоке, за гранью затянутых голубой дымкой холмов, блестело Содомское озеро, и тянулись Моавские горы, словно хребет дракона, прилегшего над серебристой лентой Иордана. На западе была глубокая долина Кедрона и стены Иерусалима.

Мамлюки, наконец-то, были немы и недвижны. Один или двое, казалось, вот-вот заплачут.

Айдан не знал, что он чувствует. Радость, да; трепет при виде огромного и святого города; желание войти в город и принести клятву верности его королю. Но и печаль тоже, и что-то очень похожее на сожаление. У него не было возлюбленной, которая разделила бы с ним этот миг. Джоанна уехала. Марджана не появилась, чтобы предъявить права на него, хотя в длинной дороге он снова и снова ловил себя на том, что скачет, повернув голову, вглядываясь в каждую тень, вслушиваясь в каждый звук, зовя ее по имени. Она не отвечала. Воздух, как и его сердце, был пуст.

Его мерин ударил копытом и согнал муху. Айдан подобрал поводья. Он не подал милостыни паломникам, слоняющимся вокруг Горы; теперь они не давали ему покоя: бормотание голосов, бормотание молитв, блеск глаз в сторону дерзких сарацинов, пришедших в самое святое из христианских мест. Он перекрестился с явственной истовостью и сел в седло. Потрясенные взгляды чудесным образом улучшили его настроение. Он пришпорил мерина и впереди своего отряда поскакал прочь с холма.

Иерусалим широко расстилался перед ними. Айдан обнаружил, что поет, как пел он в первое утро по дороге в Аква Белла; но без той ветреной легкости, которая должна была предупредить его о несчастье. Его победа была одержана, какова бы ни была цена. Он вернулся домой.

Родственники и караван пошли своим путем еще до того, как Айдан свернул, чтобы поклониться Горе Олив, и пообещали доставить его багаж в дом леди Маргарет. Мамлюки не позволили отослать их прочь ни тогда, ни сейчас. Они столпились вокруг Айдана, сталкиваясь друг с другом в узких улочках, принюхиваясь, словно псы у чужой помойки, Айдан был рад, что ему приходится все время держать их в руках. Это не давало городу ошеломить его.

У перекрестка дорог, откуда им предстояло свернуть к Башне Давида, они остановились. Проезжал какой-то барон, со свитой, достойной короля, и с шумом, достойным императора. Сорвиголовы Айдана подчеркнуто не обращали на это внимания, ради чести их принца; телохранитель барона не намеревался спускать это. Айдан выволок Тимура за загривок и оттащил за пояс назад Конрада, пока они не успели начать войну. Тимур фыркал от ярости:

— Ты слышал, как он сказал? Ты слышал? Грязный сарацин, вот как он тебя назвал. *Тебя*, мой господин!

— Так он и сказал, — подтвердил Айдан. — Причем на ужасном арабском.

— И ты *позволишь* это? — воскликнул Ильхан.

Айдан усмехнулся.

— Почему нет? Он думал, что говорит правду.

Они уже успели привыкнуть к его вспыльчивости. Кипчаки умолкли. Конрад прекратил изрыгать проклятия и уставился на него, моргая. Остальные решили посмотреть процессию, раз уж их господин, кажется, ничего иного не собирался предпринимать. Процессия не была столь уж длинной, как могло показаться, но улица была запружена народом, и толпа все прибывала по мере того, как боковые улочки добавляли свои потоки людей. Даже когда поток снова пришел в движение, он полз, как улитка, со множеством остановок и столкновений.

Айдан, выискивая дорогу посвободней, спешился и повел лошадь в поводу. Его мамлюки последовали его примеру, последним — Арслан, который приглядывал за близнецами. Лошадь беспокоились, непривычные к толпе и тесноте. Кобыла Тимура заржала. Айдан услышал проклятье мамлюка, а потом неожиданно — громкий плач ребенка.

Он швырнул поводья Конраду и бросился назад вдоль колонны. Это было все равно, что плыть против течения. Айдан пробивался сквозь толпу без всякого милосердия. Он сбил кого-то с ног; он надеялся, что кого-то из своих.

Кобыла Тимура превратилась в бешеного берсерка, выплясывая вокруг центра, которым был ее хозяин, белый, как

мел, и ударяя во все стороны копытами. Она лягнула ильханова мерина, который все же нашел рассудок стать смирно в стороне, вне ее досягаемости, прижав уши к голове. Толпа теснилась подальше от кобылы, то и дело случайно нарушая круг. А позади, прижавшись к стене, стояла дрожащая, плачущая женщина, судорожно обнимающая младенца, который не на шутку раскричался.

Кобыла расчистила большой круг. Айдан переступил черту, не обращая особого внимания на мелькающие копыта, и схватил бестию за узду. Лошадь внезапно остановилась, глаза ее вращались; копыто поднялось, помедлило, опустилось на землю.

— Умница, — сказал кобыле Айдан. — Вот умница.

Он провел рукой по взмыленной шее. Она медленно успокаивалась. Он отвел ее в сторону, чтобы дать иллюзию безопасности. Толпа снова начала двигаться, сначала опасливо, потом более мощно.

Крики ребенка перешли в икоту. Казалось, ничего хуже это суровое испытание не причинило этому младенцу — шумному, светловолосому франкскому мальчику, сидящему на руках у няньки, которая, как было слишком очевидно, собиралась удариться в истерику. Когда ребенок увидел Айдана, то прекратил кричать и начал глазеть. Его глаза были огромными, грозовой сини, темные не от ужаса, а от гнева; хотя гнев уже уступал место любопытству. Мальчик хотел потрогать чудесное, ужасное животное с летающими копытами. Его нянька едва ли не душила ребенка в объятиях и не давала ему покоя своими завываниями и причитаниями.

Позади Айдана сквозь толпу пробилась женщина и выхватила ребенка из рук няньки. Ее глаза были того же грозового синего цвета, как у мальчика; и лицо было так же яростно нахмурено. Она поддержала мальчика бедром и тыльной стороной ладони ударила няньку по лицу.

Это было жестоко, но оказало действие. Завывания женщины резко прекратились. Новоприбывшая, разобравшись с кормилицей, обрушилась на Айдана:

— Ты когда-нибудь что-нибудь можешь сделать без шума?

Он открыл было рот — и закрыл его. Это было не то приветствие, какого он ожидал. Если он вообще ожидал приветствий.

Джоанна уперлась кулаком в бок. Дитя, которое она держала на другом бедре, должно было быть Аймери. Было больно видеть это; знать, что это значит. И все же было радостно переносить даже гнев его матери, видеть ее, знать, что она здесь, невредимая, и совершенно неизменная.

— Если бы этот, — подбородок указал на Арслана, выглядевшего побитым и напуганным, — не зажал меня в углу, я могла бы прекратить истерику этой глупой твари, убрать ребенка с дороги и уберечь тебя от бесконечных объяснений. Итак. Ты готов объясниться?

Айдан выпрямился.

— Мадам, я сожалею, что мой слуга так явственно утратил власть над своей лошадью и тем доставил вам огорчение. Если вы потребуете должного удовлетворения…

— Ты можешь, — резко сказала Джоанна, — объяснить, почему твое возвращение длилось так чертовски долго?

Он скрипнул зубами. Он успел забыть, как совершенно, до безумия нерассудительно она может вести себя.

— Почему, во имя Господа, я должен…

— Король ждал тебя. Они нашли мужа для Сибиллы; он ей нравится, и он от нее тоже в восторге, или от ее приданого: графства Джаффа и Аскалон и, быть может, трон Иерусалима. Балдуин надеялся, что ты будешь на свадьбе. Он был опечален, когда тебя не было. Ты понимаешь, что уже прошел Мартынов день[6]? Что задержало тебя так надолго?

— Ассасины.

Она умолкла. Она покраснела, потом побледнела. Когда она заговорила снова, то уже мягче.

— Ты победил. Мы слышали. Прабабушка прислала весть.

— Ты живешь у своей матери?

Она отвела глаза.

— Нет. — Потом вновь посмотрела на него, неожиданно яростно.

— Что еще я могла сделать?

Айдан не мог ответить. Не осмеливался. Он ожидал, что будет горевать, потому что потерял ее. Он не ожидал, что будет ненавидеть Ранульфа, потому что тот отвоевал ее.

Она видела, Бог ей помоги. Краска отхлынула от ее щек. Она стояла недвижно, словно птица перед змеей; она не сказала ни слова.

Аймери, забытый, начал вырываться. Нянька потянулась к нему. Джоанна передала ребенка ей.

Айдан едва не закричал вслух. Она боялась его. Вот почему она так лепетала; вот почему она так крепко обнимала сына, защищая вместе с ним жизнь, которая зрела в ее теле.

— Ты меня совсем не знаешь, — выдохнул Айдан.

У нее перехватило дыхание.

— Если ты могла подумать, что я способен тронуть ребенка… — Он задохнулся на этих словах. Неожиданно он

почувствовал, что не может больше вынести это, ни единого мига. Он отвернулся от нее.

Его мамлюки, словно живая стена, отгораживали их от бурлящего города. Джоанна схватила Айдана, когда он дошел до них. Аймери огромными глазами смотрел в ее бедра.

Ее пальцы, сжимавшие руку Айдана, были белыми. Она взглянула на них так, словно они не принадлежали ей; разжала их, отпуская его.

— Я… — голос ее был хриплым. — Не уходи.

— Почему? Чтобы вы могли и дальше бранить меня, мадам? Чтобы я усвоил, как именно вы научились презирать меня?

— Почему я должна этого хотеть? Ты уже все знаешь.

— А что мне оставалось делать, если все это было выплеснуто мне в лицо?

Она вскинула голову.

— Я не сказала ни слова!

— Ты думала это.

— Я этого не думала.

— Думала.

Она ударила его.

Наступило долгое, напряженное молчание. Он даже не думал ударить ее в ответ. Он медленно поднял руку к горящей щеке. Джоанна вдруг рассмеялась.

— Ты выглядишь… — выдавила она. — Ты выглядишь… словно… тебя зарезали!

Он не мог пошевелиться от возмущения. Он едва мог заговорить.

— Если вы все завершили, госпожа моя, могу ли я просить у вас разрешения уйти?

— Нет. — Смех ее прервался. — Не желаете ли вы — пожалуйста — пойти со мной туда, где меньше народа? И начать заново?

Он хотел было воспротивиться, но ее глаза удержали его. Он склонил голову в легчайшем поклоне.

На небольшом расстоянии от улицы стояла церквушка, маленькая, темная и забытая паломниками, с крошечным кусочком сада и струйкой фонтана. Вода была холодная и сладкая. Айдан отпил глубокий глоток и ополоснул лицо.

Джоанна села на кусок упавшей колонны. Остальные не последовали за ними сюда. Даже нянька осталась в стороне, сунув Аймери соску и пронзительным голосом высказывая свои печали мамлюкам Айдана. Айдан подумал, что по сравнению с тем, что вызвал этот случай, сам случай был мелкой неприятностью.

Джоанна говорила резко, быстро, без предисловий.

— Я должна была сделать это. Я не ожидаю, что ты поймешь меня или простишь. Я только прошу, если в твоей душе есть милосердие, оставить нас.

Он засмеялся, и в смехе его звучала боль.

— Это ты говорила себе, чтобы легче было вынести это? Что несмотря на все, что ты знаешь обо мне, я просто бездушное чудовище? Что я могу причинить вред тем, кого ты любишь?

— Ты не можешь быть столь совершенным рыцарем.

— Почему нет?

— Потому что если это так, то мне остается только упасть и завыть.

Он встал и начал расхаживать по саду туда-сюда. Он остановился над ней; кулаки он прятал за спину, чтобы удержаться и не встряхнуть ее.

— Нет. Я не совершенен. Я хотел бы придушить твоего мужа. Я хотел бы колотить тебя до тех пор, пока ты не взмолишься о пощаде. Но я не сделаю этого. Я не унижусь до такого.

— Ты ненавидишь меня, — промолвила она.

— Разве ты не хотела этого? — Он снова сел у фонтана, положив голову на руки. — Джоанна, оставим это. Ты не сделаешь проще, если поссоришься со мной.

Он чувствовал, как она борется, чтобы не коснуться его; стоять так близко и не подойти ближе и не убежать со всех ног. Голос ее был низок и труден.

— Нет. Это не подействует. Это никогда не действует.

— Никогда. Мы притворяемся — иногда достаточно хорошо, чтобы обмануть себя.

Ее рука пришлась по его волосам, легко, словно дыхание. Он сидел неподвижно. Она отскочила от него, обхватив себя руками, дрожа.

— Я думала, что смогу сделать это. Когда я увидела тебя на улице, и дьяволица Тимура начала выкидывать свои дьявольские штучки, и Аймери оказался посреди этого, то не было возможности избежать ни этого, ни встречи с тобой. Выругать тебя. Лишить тебя защиты. Прогнать тебя. Положить конец всему этому. — Лицо ее исказилось. — Как будто это вообще будет легко. Кто-то может догадаться. Кто-то сможет подсчитать.

— Я был в чреве матери почти год.

Она открыла рот, потом закрыла.

— Это невозможно.

— Я не человек.

— Значит…

— Значит.

Он мог простить ей неожиданную, неудержимую радость. Она была так ужасно испугана, пойманная в сеть своего обмана, зная его необходимость и ненавидя его; и не было даже уверенности, что это приведет к чему-либо. Она могла объяснить черные волосы ребенка — он мог удаться в ее родню. Но люди — и прежде всего Ранульф — умеют считать до девяти и теперь, поневоле, будут удовлетворены.

— Я могу тебе помочь, — сказал Айдан. — Если ты позволишь мне.

— Смею ли я?

— Ты не посмеешь не сделать этого. Дети колдунов другие. Они должны получить прикосновение силы, которая вела бы их, пока они не смогут вести себя сами.

Она изучала его лицо, словно могла увидеть за ним его мысли.

— Ты тоже хочешь этого ребенка.

— Я не заберу его у тебя.

Глаза ее наполнились слезами. Она сердито вытерла их.

— Ты так чертовски благороден.

— Я не благороден. Я иду кривым путем. Я могу наложить чары, если они понадобятся. Я могу управлять магией малыша. Я могу помочь тебе там, где никто другой не сможет. Я могу быть истинным дядюшкой королевской крови. И все это, чтобы получить долю в единственном ребенке, который у меня будет в этой эпохе мира.

— Откуда тебе знать это.

— Я чувствую это костями.

Она фыркнула.

— Посмотрим, что ты почувствуешь, когда положишь глаз на другую женщину.

Он вздрогнул, словно она ударила его.

Это была только доля мгновения, но она была женщиной и она получила долю его магии. Она смотрела на него и знала.

— Ты уже сделал это. Так?

Он видел совершенную абсурдность этого. Они не могли больше быть любовниками. У нее был муж, сын, целый мир. У него была одна ночь, чуть больше, чем сговор шлюхи. И он не мог сказать ни слова.

Она бросила в его молчание:

— Кто она? Ты не мог подождать хотя бы… как ты мог… *кто она?*

— Марджана.

Это заставило ее остановиться. Она не ожидала правды, даже от него. Не так скоро.

— Марджана?

— Ассасинка.

Она засмеялась.

— Ты шутишь.

— Нет.

— Но как в мире… — Она поняла. — Она такая же, как ты. Она… как… ты…

— Да.

— Боже, — произнесла Джоанна. — Это больно. — Она прижала руки к боку, ниже сердца. — Это больно, как ожог.

— Не так ли?

Она не вздрогнула. Она даже пыталась засмеяться.

— Неудивительно, что ты так великодушен.

— Я мог бы справиться с этим сам.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказала Джоанна. И, чуть помедлив: — Значит, это правда. То, что говорят люди. Она обратилась против своего господина. Она сделала это ради тебя, ведь так?

— Она сказала, что нет.

Джоанна покачала головой.

— Конечно, ради тебя. У нее есть гордость. Я сказала бы то же самое; и сделала бы то же самое. — Она снова помолчала. — Она так прекрасна, как говорят?

— Прекраснее.

Джоанна улыбнулась с болью; вышла почти гримаса.

— Я никогда не видела ее. Она ревнива, не так ли? Иначе она не промахнулась бы.

— Можно подумать, что ты знаешь ее.

— Я знаю себя.

— Это ничего не меняет.

— Нет, Нет, не меняет, правда? Ты женишься на ней?

— Я покинул ее.

Зубы Джоанны сошлись со стуком.

— Ты сделал — что?

— Она правоверная мусульманка. Она отвергает все, во что верю я.

— Я сомневаюсь в этом.

— Я не могу простить ее за то, что она убила Герейнта и Тибо. И ранила тебя.

— Вот так, — сказала Джоанна. — Если бы ты совершил убийство, было бы легче. Женщины приучаются жить с такими вещами.

Он посмотрел на нее, прищурившись. Кажется, она не подшучивала над ним. Определенно, она не питала любви к

ассасинке; и сердце ее ныло оттого, что он обратил взгляд на другую, так скоро, прежде, чем он мог узнать, что она покинула его.

Он гадал, как это получается у мусульман. Марджана, мусульманка, была ревнива столь яростно, как только может быть ревниво живое существо. Джоанна была менее склонна к убийствам, но и она не намеревалась делиться им.

Быть может, мужчины не знают и не заботятся о том, чтобы спрашивать. Для этого полезно держать женщин в гаремах и учить их покорности.

Что сделала бы Сайида, возьми Маймун вторую жену?

Снова вопросы. Быть может, ему следовало стать госпитальером и отвергнуть всех женщин разом.

Должно быть, он сказал это вслух. Джоанна запротестовала:

— Не делай этого! Ты же знаешь, как ты относишься к своему слову.

Он вздрогнул. Она была слишком рассудительна; она слишком хорошо знала его. Связать себя монашескими обетами на такой долгий срок, как его жизнь — он не мог сделать этого. Он едва перенес саму мысль об этом.

Джоанна снова коснулась его, но иначе, по-сестрински: взяла его за плечо и слегка встряхнула.

— Это не может оставаться так тяжело. Мы должны дать этому уйти.

— Мы оба?

— Все мы, — ответила она. — И Бог тоже. Я просила его об этом.

— Время от времени об этом просят все.

На миг она сжалась. Казалось, она вот-вот заплачет.

— О Боже! Я хотела бы, чтобы нам не нужно было лгать.

— Мы можем сказать правду и принять то, что последует.

Она скрестила руки на животе.

— Нет. Я не могу допустить этого. Как заплачу за это я — мне все равно. Но не мой ребенок. Господь свидетель: не мой ребенок.

Айдан склонил голову. Он тоже не мог осудить это, он тоже должен был защитить ребенка. Но…

— Нас будут видеть вместе, — сказал он. — Часто, если я хочу сделать что-то для малыша. Мы никогда не сможем сказать правду; мы никогда не осмелимся намекнуть на нее. Мы должны притворяться в совершенстве, что мы друг для друга не более чем родственники и, со временем, друзья. Ты думаешь о том, как тяжело это будет?

— Постоянно, — ответила она. Потом глубоко вздохнула, словно чтобы собраться с силами, и обняла его так целомудренно,

как только смогла. — Видишь? Это возможно. Пройдет время, и это будет легче.

Он выскользнул из ее объятий, пока никто из них не сломался, и заставил себя улыбнуться.

— Быть может, так. Легче… Бог да дарует нам.

— У него не будет другого выбора, — отозвалась Джоанна.

39

Джоанна не хотела, чтобы ее сопровождали до дома ее мужа, но ей пришлось смириться с этим, и в придачу еще с лошадью: серым мерином Айдана. Это была в некотором роде месть за тот выбор, перед которыми она поставила себя и Айдана. Это был залог того, как им быть дальше.

Айдан оставил ее в воротах, поцеловал ей руку на прощание. Джоанна прижала руку к груди, а Аймери снова поднял крик. Он снова хотел, чтобы были лошади, и мужчины в алых одеждах, и стук и звон, когда они ехали через город. Он был сыном своей матери.

Это происшествие, поднявшее такую бурю в сознании Айдана, отняло у него чуть больше часа. Было едва за полдень. Он был чуть дальше от места, куда направлялся, и путь стал, пожалуй, несколько легче. Это была почти добрая судьба — случай, который заставил Джоанну бежать из дома ее матери при известии о его возвращении и поставил ее на его пути.

Почти.

Он отвернулся от ворот и женщины в воротах, к Башне Давида.

Высокий Двор Иерусалимского Королевства едва начал разъезжаться после свадьбы принцессы. Бароны задерживались, смакуя новые интриги, теперь, когда в королевстве был новый лорд, исподтишка поглядывая, не проявляет ли король признаков враждебности или чрезвычайного дружелюбия к мужу своей сестры. Видеть было почти нечего: чета новобрачных удалилась в свои новые владения Джаффа и Аскалон, а Балдуин сидел в Иерусалиме, правил королевством так спокойно, как только позволял двор.

Айдан дал новую пищу для разговоров: явившись во главе отряда сарацинов, в сарацинском одеянии, с сарацинским мечом, подтвердив все истории и сплетни, бежавшие впереди него. Едва он отдал груму поводья своей лошади, как на него обрушилась волна. Его мамлюки ощетинились; он приказал им выстроиться сзади, встречая град вопросов улыбкой и шуткой.

— Так вы позволите мне войти в дверь прежде, чем я запою об ужине?

— Так входите, — закричал кто-то, — и побыстрее, пока мы не умерли от любопытства.

Айдан засмеялся и быстро пошел вперед. Ему уступали дорогу; его сорвиголовы шли в шаге позади него. Он не мог, вежливость не позволяла, оглянуться, но он знал, что они

вышагивают, положив ладони на рукояти и высоко держа увенчанные тюрбанами головы.

Зал был великолепен, украшен новыми драпировками, оставшимися после свадьбы Сибиллы, и заполнен великими королевства сего. Она замерли, когда Айдан вошел. Голоса смолкли. Его шаги были отчетливо слышны в тишине, как и звон оружия мамлюков, и вздох, который двигался по толпе впереди них, долгий и медленный.

Высокий Двор видел такие спектакли и прежде, встречая посольства неверных. Но никогда такое посольство не возглавлял один из лордов Запада. То, что это был Айдан, видели все. Он был в сарацинском халате, но носил его, как франкскую куртку, с оттенком щегольства. Его волосы были подстрижены по-франкски, но бороду он не сбрил. Тюрбана на нем не было, но он носил шапочку, какие носили и на Востоке, и на Западе.

Он знал, как он выглядит. Он замечал все, пересекая это поле множества битв, каким был Высокий Двор. Здесь были все, все, кто имел вес в королевстве, не только вассалы Балдуина, но и великое лорды Антиохии и Триполи, посольства как с Востока, так и с Запада, и папский легат со свитой, и сборище рыцарей из-за моря: часть тех, кто приплыл с новым графом Джаффы и Аскалона.

Айдан почти не уделял им внимания, отдавая дань более существенной учтивости. Здесь была леди Маргарет в сопровождении мужа дочери. Ранульф приветствовал Айдана с учтивой радостью. При виде его Айдан почувствовал меньшую боль, чем ожидал, и совсем не почувствовал ненависти. Это был неплохой человек, не светоч разума, но в своем роде достаточно мудрый. Он знал, чего достойна его жена; он любил ее. Он выглядел счастливым.

Маргарет, стоящая рядом с ним была не более красива, чем запомнилось Айдану, и не менее. Быть может, он мог теперь видеть ее более ясно сквозь маску безмятежности. Он видел госпожу Хадижу: он знал, какой постарается стать леди Маргарет. И станет, он был уверен. Она обладала теми же качествами.

Она была рада видеть его. Это согрело его. Когда он хотел было склониться перед ней, она превратила это движение в объятие и родственный поцелуй.

— Добро пожаловать, — сказала она. — Добро пожаловать домой.

Он стер слезу с ее щеки.

— Вы так рады, госпожа моя?

Она улыбнулась и качнула головой.

— Вы были частью нашей семьи еще до того, как мы увидели

вас. Как я могу не радоваться, видя вас целым и невредимым?

— И я похож на него.

— И вы похожи на него, — согласилась она. — И я могу простить вас за это. О многих ли останется такое живое напоминание, как о Герейнте?

Айдан не мог ответить ей.

Она собралась и твердо и холодно взглянула на него,

— Расскажите мне, — повелела она.

Он рассказал ей обо всем, кроме того, что принадлежало не только ему: Джоанна и последняя ночь с Марджаной. Того, что он заключил с ифритой сделку, он не скрывал. Он не стал рассказывать здесь, чем он заплатил ей. И леди Маргарет не стала расспрашивать его. Быть может, она догадывалась. Быть может, она считала, что раскаяния, прощения за убийства и освобождения из рабства было достаточно.

Когда он закончил, последовал долгий вздох. Большой круг придворных подался назад, как будто Айдан не знал, что они слушали, и они притворились, что интересуются чем-то другим.

Маргарет долго молчала. В раздумье она медленно шла по залу. Айдан и его мамлюки последовали за ней. Ранульф остался на месте.

Она шла, вроде бы никуда особо не направляясь, но ее путь завершился там, где она, несомненно, желала: в широкой нише между двумя колоннами, где они могли поговорить наедине.

— Вы хорошо сделали, — сказала она наконец. Она говорила медленно, опустив взгляд на свои сжатые руки, на все еще блестевшее не ее пальце обручальное кольцо Герейнта. — Вы сделали очень хорошо. Не убить Синана, несмотря ни на что; потребовать платы, которая пробудила его уважение, но не его слепую враждебность. И то, что его рабыня свободна… я рада за нее. Такое служение никогда не бывает менее, чем жестоким.

Это было так похоже на Маргарет — простить даже того, кто сжимал кинжал.

— Теперь она свободна, — отозвался Айдан, — но не опасна ни для вас, ни для ваших близких.

— Я и не боялась этого. — Маргарет подняла взгляд. — Что вы собираетесь делать теперь?

— Выполнить последнее свое обещание. Предложить королю свою верность.

— Я думала, что вы устали от всех нас и хотите вернуться в свою страну.

— Пока нет, — возразил Айдан.

Она слегка улыбнулась.

— И я усомнилась в вашей стойкости, предположив это.

Простите меня, пожалуйста.

— Здесь нечего прощать. — На миг Айдан забыл, где находится, начал было озираться, но спохватился. Изумление Маргарет вызвало у него быструю улыбку. — Я слишком долго был в пустыне. Я забыл, что значит быть принцем.

— Вы никогда не сможете быть никем, кроме себя самого.

Он замер. Она была спокойна, имея в виду только то, что сказала, и не менее.

— Госпитальеры просили за вас, — сказала она после паузы.

— Правда? — Он не знал, почему это удивило его.

Быть может, знала она. Ей было весело.

— Они знают различие между охотником за удачей и честным воином Господа.

— Ах, но принадлежу ли я Богу? Полагают, что я прислужник дьявола.

— Я вряд ли могу назвать вас святым. Но не дьявол, нет. Для этого вы слишком неумелый лжец.

— Лгал ли я вам?

— Никогда. И не скрывали свою сущность ни от кого, кроме слепцов и глупцов. Нет сомнений, что вы есть то, что вы есть. Иерусалим выдержит это, я думаю. Вы нужны здесь.

— Ради моего меча и моей руки? Или ради чего-то еще, что я смогу принести?

— Есть притча о светоче, который нельзя держать под спудом. Хотя ваш светоч, быть может, чересчур ярок, чтобы открыто являть его всем.

— Я искушаю судьбу, не так ли?

— Я назвала бы это игрой со смертью. Поскольку вы не принадлежите ей по праву, вы рискуете. Вы хотели бы оказаться на месте Герейнта, если бы могли?

На сердце у Айдана было холодно, но он улыбнулся.

— Да.

— Так же поступила бы и я. — Она вскинула голову. — Мы поступаем так, как можем. Я думаю, что не выйду замуж снова. Женщина, овдовевшая дважды, может получить в некотором роде свободу от мужчин. Властью, которая приходит с этим, я распоряжусь так, как потребуется.

Айдан обвел взглядом зал вне ниши, вихрение и кружение власть имущих без определенной цели.

— На вас будут посматривать, — сказал он. — Вы все еще молоды; у вас есть богатство и земли.

— И я еще могу выносить двух-трех наследников. — В ее голосе была сталь. — Нет, милорд. Я покончила с тяготами своего пола. Благодарение Господу, мне не надо переносить тяготы

мужской половины; разве что я сочту это необходимым.

Айдан низко поклонился, признавая поражение. Он знал, что делает; знала и она. Она посмотрела на него с восхищением, не совсем лишенным намека на желание. Он улыбнулся в ответ.

— Ваша бабушка одобрила бы вас, — сказал он.

Маргарет засмеялась. Смех был изумительно звонкий.

— Я полагаю, что она одобрила вас.

— Настолько, насколько могла одобрить столь молодого и к тому же мужчину. — И столь неосторожного, что сделал Джоанне ребенка.

Маргарет не знала об этом. Он сохранял улыбку и беззаботный вид, когда она сказала:

— Вы достойный союзник. Я, в свою очередь, могу помочь вам, заставив смолкнуть шепотки, идущие против вас.

— Сделка, мадам?

— Сделка. — Она скопировала его покривившееся лицо. — Позвольте мне сказать, то, что я собираюсь сказать сейчас, о том, что будет между нами впоследствии. Я принимаю во внимание, что мы родственники. Я знаю, что вы намерены добиться могущества в этом королевстве; я верю, что мы можем быть полезны друг другу.

— Я хотел бы назвать это дружбой.

— Народ ислама нашел бы вас очаровательным.

— Скорее, дерзким, — ответил Айдан и протянул руку. — Дружба?

Она приняла руку. Ее пожатие было твердым.

— Дружба.

Бароны, лишенные спектакля, вернулись к своим делам. Возвращение Айдана было отмечено всего лишь небольшим шумом. Такова была придворная деликатность; и проблески учтивости.

Король вошел в зал тихо, пока Айдан обменивался любезностями с бароном Триполи, и сел на свое место без фанфар. Долгое время никто не замечал его.

Айдан знал о присутствии короля с того момента, как тот вошел в дверь. Болезнь короля стала сильнее, но он повзрослел, как будто для того, чтобы сопротивляться ей. Он был образцом короля, хотя и королем без лица, скрытого куффьей. Открытыми оставались только его глаза, но они нашли Айдана и смотрели с укрощенным нетерпением, поблескивая, словно оценивая настроение двора. Айдан встретился с ними взглядом через весь зал. Радость в них была тем ярче от того, что не уменьшала себя словами.

По кивку Айдана его мамлюки выстроились позади него. Все

они таращились на бесстыжих женщин, не носящих вуалей. Король по меньшей мере привел их в замешательство: прокаженный, а король, и никто не шарахается от него и не думает о нем хуже из-за того, чем Господь покарал его.

Айдан направился прямо к королю. Перед троном он остановился. Двор вновь замер. Король ждал в громовом безмолвии. Когда Айдан поклонился, его сарацины простерлись на полу, отдавая дань уважения тому, кого их господин назвал повелителем.

Король поднялся. Айдан выпрямился. Балдуин действительно вырос: их глаза были почти на одном уровне. Король ничего не спрашивал и ничего не предлагал, только взглядом.

Айдан поцеловал расшитую драгоценными камнями перчатку. Рука под ней была тоньше, чем прежде, пальцы скрючились от болезни; но рука была спокойной. Голос был мягким, не глубже и не звонче, просто тот же голос.

— Милорд. Рад новой встрече.

— Воистину добрая встреча, государь, — ответил Айдан. — Я пришел, чтобы служить вам, если вы примете меня.

— Принять вас? — Голос Балдуина стал выше на октаву. — Вы желаете этого?

— Желаю всем сердцем.

Глаза короля заблестели. Взгляд их переместился с Айдана на ряд спин и тюрбанов позади него и заплясал.

— Это будет ваша рыцарская дружина?

— Если ваше величество примет их.

— Они согласны на это?

— Я не слышал от них обратного.

И, несомненно, вряд ли придется услышать, судя по вспышкам взглядов из-под тюрбанов. Сорвиголовы Айдана оценили короля и нашли его достойным внимания.

Балдуин сел, не устало, не совсем, но осторожно. Он, наверное, улыбался, его глаза озорно блестели.

— Это будет скандал.

— Не так ли?

Балдуин засмеялся.

— Без вас тут было скучно, милорд.

— Я думаю, здесь способны оживить скуку, — сказал Айдан, окидывая взглядом двор.

— Оживить, — согласился Балдуин. — Но не возмутить.

— Ах. Печальное упущение. Мне нравится думать, что я могу быть полезен.

— Всегда, милорд. — Айдан подозревал, что король посмеивается. Он был явно весел. — Я рад, что вы пришли

сегодня. Не происходит ничего интересного, теперь, когда моя сестра вышла замуж и уехала. Должны ли мы дать обед в ознаменование вашей победы?

— Ваше величество щедры, — ответил Айдан.

— Значит, вы действительно желаете этого. Вы будете служить в Иерусалиме.

— Вам, ваше величество, и никому более.

Балдуин был король; он не стал говорить о том, что недостоин. Но он был рад, и горд, и чуть испуган, как человек, принявший окончательное решение.

Айдан знал. То же самое было и с ним. Он неожиданно преклонил колени и сложил руки ладонь к ладони, предлагая свою верность.

Балдуин смотрел на него. Айдан даровал ему радостную уверенность, гордость, свободно избрав его своим господином.

— Вы мой король, — произнес Айдан, — мой лорд и мой сеньор. Я служу вам по собственной воле. Я отдаю вам уважение вассала к сеньору.

— Это высокая честь, — промолвил Балдуин, — и королевский дар. — Его руки в перчатках легко легли поверх ладоней Айдана; король набрал воздуха, чтобы произнести формулу принятия присяги.

Айдан мало что видел и слышал, кроме короля, но его чувства несли свой дозор. Он знал, что зал застыл в безмолвии от центра до стен. Последние из его слов, сказанных королю, упали в тишину.

Когда руки Балдуина накрыли ладони Айдана, молчание стало иным. Что-то вторглось в него, что-то необычное. И не успел король заговорить, как высокий холодный голос опередил его.

40

— Король и повелитель, если ты принимаешь этого рыцаря на службу, принимаешь ли ты также и его долги?

Эхо взлетело под потолок и замерло. Никто не произнес ни слова.

Айдан застыл, коленопреклоненный. Его сердце превратилось в птицу: оно подпрыгнуло и запело.

Он отмечал ее приближение по гулу голосов и по блеску в глазах короля. В какой-то миг он должен был не выдержать и обернуться, даже зная заранее, что увидит. Ни свиты, ни единого признака высокого положения, только одинокая стройная фигура, возникшая из воздуха, закутанная в покрывала и дерзко заговорившая на langue d'oeil. Ее акцент был очарователен.

Марджана остановилась около него. Ее присутствие было подобно боли; ее образ растекался по коже огнем. Для человеческих глаз она была человеческой женщиной, высокородной сарацинкой в золоте и шелке, закутанной и скрывающей лицо под вуалью.

Она поклонилась королю; ропот усилился, когда она простерлась рядом с мамлюками, показав всем свою грациозность и свою чужеземность. Ропот утих, когда она заговорила.

— О повелитель Иерусалима, этот человек сказал тебе, что он пришел ничем не обремененный, свободный от всех долгов и обязательств. Я утверждаю, что это не так.

Руки Айдана высвободились из ладоней короля. Он повернулся, но медленно.

Ее покрывала были зелеными. Они скрывали все, кроме одной белой руки.

— Ты планировала это с самого начала? — спросил он ее.

Она не обратила на него внимания.

— Он в долгу передо мной, повелитель, который он может выплатить прежде, чем ты примешь его присягу.

— Я уплатил его, — возразил Айдан, — по всем пунктам. *Будь ты проклята*, — выругался он так, как могла услышать только она. *Будь ты проклята за то, что поступила так со мной*.

Его как будто не было здесь вовсе. Она поднялась на колени и обратилась к королю:

— Повелитель, ты выслушаешь меня?

Балдуин бросил взгляд на Айдана. Айдан неотрывно смотрел на Марджану.

— Я выслушаю вас, — ответил король.

Она склонила голову.

— Ты милостив, повелитель, к той, что была рабыней. Я зовусь Марджана; я служила владыкам Аламута, а после них повелителю Масиафа.

Ранее двор ее присутствие забавляло. Но теперь внимание стало яростным. Айдан напрягся. Нет, Бог ему помоги, не ради себя. Могла ли даже Марджана ускользнуть, если бы на нее ополчился весь Высокий Двор?

Она вообще не сознавала ничего вокруг.

— Я была Рабыней Аламута, — сказала она. — Теперь я свободна, и отчасти обязана этим сему рыцарю. Мы заключили сделку. Я привела его к моему господину и защитила его, и завоевала для него все, к чему он стремился, и вместе с этим мою свободу.

— А принц? — спросил король. — Могу ли я спросить, что он дал взамен?

— Нет, — сказал Айдан.

— Да, — сказала Марджана, — повелитель. Я всего лишь невежественная сарацинка, но я знаю кое-что о твоих рыцарях. Их честь; их верность; их отвага на поле битвы. Их искусство любви.

Щеки Айдана пылали. Благодарение Богу, что он оставил бороду: она скрывала большую часть румянца.

Она видела. Он чувствовал ее насмешку.

— Я думала, — сказала она, — что я смогу найти для себя рыцаря, который воздаст мне честь и будет служить мне со всем смирением. И — вот! — Аллах послал мне не просто рыцаря, но цвет рыцарства, истиннорожденного принца, луну среди звезд небосвода. Я признаю, что уловила его в сети. Я похитила его, не ради своего господина, но ради себя.

— И все же, несомненно, служа своему господину, — заметил Балдуин.

Было несколько жутко быть зажатым между ними: ифрита, закрывающая лицо, и закрывающий лицо король, голоса без лиц, маски вокруг сверкания глаз. Марджана отвечала твердо, чуть склонив голову под покрывалом:

— К тому часу он уже не был моим господином, только по имени. Я раскаялась, что дала свою клятву тому, кто держал ее. Но мой рыцарь не поверил бы и не простил бы меня ради одних только слов. Я решила доказать ему. Я обещала позволить ему отомстить моему господину, но за плату.

— Было ли это по чести, требовать платы?

— Это было необходимо, — возразила она. — Видишь, я любила его. Я полюбила его с тех пор, как впервые увидела его. Он не позволял себе полюбить меня. Я поняла, что он не полюбит меня, если я не свяжу его обязательством.

— Поэтому ты заключила сделку.

— Поэтому я заключила сделку. Он получает отмщение. Я получаю его.

— Пока я не удовлетворю тебя, — возразил Айдан. — И не дольше.

— И не короче, — отозвалась она.

Никто не засмеялся, даже не улыбнулся. Никто не осмелился.

— Я дал тебе то, что должен был дать, — сказал Айдан. — Я получил свободу, которой добивался. Я ничего тебе не должен.

— Ты никогда не спрашивал меня, так ли это.

Он сглотнул всухую. Его голос был трудным и хриплым.

— У меня были причины поверить, что это так.

Она покачала головой.

— Ты никогда не слушал, не так ли? Или не думал. Или не делал ничего, только бежал и молился, чтобы я не последовала за тобой.

— Ты называешь меня трусом?

— Нет, — ответила она. Просто, как отвечала всегда. В ней совсем не было притворства. — Я называю тебя бездумным. Упрямым. Быть может, жестоким. Мужчина может быть жестоким, когда угрожают его самолюбию.

Айдан глубоко вздохнул, чтобы успокоиться и заставил себя говорить без дрожи:

— Госпожа моя, частью нашей сделки была моя свобода. От тебя, как и от твоего господина. Разве ты забыла?

— Жестокий, — сказала она, словно сама себе.

— А разве ты менее жестока? Явиться ко мне сейчас, опозорить меня перед всем рыцарством страны — ты довольна? Позволишь ли ты мне уйти?

Она чуть пошатнулась под натиском его гнева.

— Я не довольна.

Он вскинул руки.

— Тогда что удовлетворит тебя?

— Ты.

Он сжал кулаки.

Он не был испуган. Он не был зол — не больше, чем должен был быть, в таком месте и в такое время, которое она выбрала, чтобы призвать его к расплате. То, что билось в нем, было до ужаса похоже на счастье. Ястреб, наконец-то попавший в сеть, обнаружил, что рад своим путам.

Но он оставался диким существом. Он не собирался покоряться, даже Марджане.

— Ты имела меня, — сказал он, и было неважно, что подумает об этом двор. — Разве я не доставил тебе наслаждение.

— Ты доставил, — сказала она. — Слишком хорошо. Разве ты и вправду поверил, что огонь можно затушить огнем?

— Я был еще большим глупцом. Я верил, что женщину можно удовлетворить.

Она засмеялась, легко и до боли сладко.

— О, господин мой! Ты становишься мудрее.

Гнев его вспыхнул. Айдан бросился на нее. Он хотел сорвать ее вуаль, сделать с ее драгоценной стыдливостью то, что она сделала с его гордостью, но рука не повиновалась ему. Шелк был холоден; глаза ее горели. Вуаль и головное покрывало свободно соскользнули и упали. Когда волосы Марджаны рассыпались по ее платью, Айдан услышал долгий вздох; и сквозь него — как перехватило дыхание у короля. Айдан вообще не дышал. В голове было только смутное удивление. Она была сверхъестественно, невозможно прекрасна.

Его ладонь знала, где ей следует быть: на щеке Марджаны. Айдан смотрел на свою руку, пытаясь опустить ее.

— Мы даже не верим в одного и того же Бога, — сказал он.

— Нет бога кроме Бога. — Мягко, чисто, неоспоримо.

Он с болью вдохнул, наполняя опустошенные легкие.

— Между нами кровь.

— Разве твоя вера не велит прощать врагов своих? — Она отбросила волосы с лица и обратила огонь глаз на Балдуина. — Повелитель, ты здесь король. Я прошу твоего правосудия. Этот человек обещал мне себя. Он исполнил только мельчайшую долю обещания. Будет ли он свободен? Должна ли я оставить свои претензии к нему?

Айдан повернулся лицом к королю.

— Должен ли я снова потерять свою свободу? Должен ли я платить цену, которую давно уплатил?

Король переводил взгляд с одного на другую. Даже не сознавая этого, Айдан стоял плечом к плечу с Марджаной, как будто они вместе сражались в битве, а не жестоко противостояли друг другу.

Балдуин осознал иронию этого. После нескольких секунд молчания он сказал:

— Сделка — вещь тяжелая; тем более, когда договаривающие не могут согласовать свои мнения. Скажите мне честно, госпожа. Вы желаете этого человека? Сделаете ли вы все, чтобы получить его?

— В границах веры и разума — да, ответила она.

Король слегка кивнул.

— И вы, милорд. Эта женщина отвратительна тебе? Ты презираешь ее?

— Нет. — Айдан вытолкнул слово.

— Значит, твои возражения вызваны только вопросом религии?

— Нет.

Балдуин ждал. И ясно было, что ждать он будет, пока Айдан не заговорит снова. Айдан выдал то, чего тот ждал.

— Вы думаете, у меня совсем нет чести?

— Совсем наоборот, — ответил король. Айдан видел, что он доволен собой. Чертов мальчишка. Не сговорился ли он с этой ассасинкой?

Айдан укротил себя. Ему понадобится весь его разум: быть может, больше, чем у него когда-либо в жизни было.

— У меня есть гордость, — сказал он, — и, да, моя вера. И уверенность в том, что я не должен этой леди ничего, кроме своего прощения. Я дарую его. Я прощаю ее за все, что она сделала со мной и моими близкими.

— А то, что ты сделал со мной? — спросила она. — Ты и это прощаешь себе?

— Должен ли я просить прощения за то, что любил тебя?

— Нет, — ответила она. — Только за то, что покинул меня.

— Вы можете также замолить грех, — добавил Балдуин.

Взгляд Марджаны был отчаянным. Айдан не мог заставить себя поступить так, как велел король, хотя отлично знал, почему Балдуин сделал это. Церковь слушала, и ее приговор не подлежал сомнению. Айдану следовало бы быть более решительным, чем он был. Искреннее покаяние, соответствующая епитимья, и он свободен. Стоило только воззвать к находящимся здесь прелатам. Они могли бы даже изгнать демоницу ради него, если бы он попросил.

Балдуин был истинным христианином, но он также был и королем, и он был молод. Насколько молод, Айдан успел забыть. Того, о чем он должен был рассудить, он никогда не ведал сам и не мог изведать из-за своей болезни. Это ставило его особняком, это отдаляло его на такое расстояние, какое не мог понять даже священник. Священник под своей тонзурой был мужчиной, и был связан всего лишь обетом, и никак иначе.

— Разве это грех, — спросила Марджана, — быть избранным в мужья?

Ее отчаяние не было вызвано потрясением, Это было пауза перед убийством.

Балдуин выпрямился.

— Он женился на тебе?

— Нет! — закричал Айдан.

— Нет, — ответила Марджана. — По закону — нет. Но деяния

достаточно, если доказано намерение.

— Я намереваюсь только расторгнуть нашу сделку.

— Именно, — подтвердила она.

Балдуин положил подбородок на руки.

— Это замечательно все решит, — пробормотал он.

Айдан едва слышал его.

— Этого ты хочешь? — требовательно спросил он Марджану. — Выйти за меня замуж?

Она совсем не покраснела. Даже не опустила глаз.

— Да.

— Так ради этого ты заключала со мной сделку?

Она кивнула.

Айдан рассмеялся. Это был наполовину плач.

— Ты никогда не говорила мне.

— Ты не слушал.

— Где же посредники? Где приданое, земли, обещание союза? Что вы можете предложить мне, госпожа моя?

— Себя.

Он слышал песню; а может быть, он сочинил эту песню. Ее глаза были ее приданым. Ее глаза, и колдовство в них.

Марджана взяла его за руки. Ее пальцы были тонкими, холодными и нечеловечески сильными.

— Разве это по-рыцарски, господин мой, отвергать женщину?

И он еще думал, что в ней нет притворства. Она была так же коварна, как любая рожденная женщина.

Их молчание нарушил король:

— Ответьте мне, милорд. Скажите мне правду, находите ли вы это неприемлемым — взять эту леди в жены?

Айдан открыл рот. Слова не шли. Он закрыл рот. Его руки все еще были в ее, и пальцы сплелись почти неразрывно. Его сознание билось о стены, взывая к ней. Но все это застывало перед маленькой, холодной ледышкой сопротивления. Или страха. То, что люди называли любовью, было хрупко; слово, жест могли разрушить ее. Эта любовь была много сильнее. И если он примет ее, он никогда не сможет выпустить ее.

— Ты не принимаешь ее, — сказала Марджана, прочтя его мысли, как обычно, совершенно без усилий. — Она принимает тебя. Посмотри вокруг себя. Разве это вольный воздух? Или ты не узнаешь желудок дракона?

— Не узнаю, — сказал он, сопротивляясь. — Я не ненавижу тебя. Я не… хочу… Как я могу жениться на тебе?

— Легко, — ответила она. — Ты скажешь слова. Ты вложишь в них смысл.

— Но какие слова?

— Наши, — сказал король. И когда они обратили к нему лица: — Я Защитник Гроба Господня. У меня есть свои обеты и свои обязательства. Вы просили меня рассудить вас, леди. Я это сделал. Я рассмотрел суть вашей жалобы. Я заключил, что существует долг, и он еще не оплачен. Отдадите ли вы за это свою веру?

— Нет! — Айдан выкрикнул это прежде, чем она пошевельнулась.

— Это не может быть частью любой сделки, ни для нее, ни для меня. Я ставка в этой игре. Я говорю, что согласен — если госпожа моя выйдет за меня замуж по христианскому обряду.

Сердце его колотилось. Драконий желудок, да? Это был абсолютный, невероятный ужас. И безумное счастье. И Марджана, сплетшая с ним пальцы, изумленная тем, что он защитил ее веру. Можно подумать, он не знал, что значит эта вера для нее. Словно его не беспокоило, что это уничтожит ее.

Она вглядывалась в его лицо и в его сознание, яростно, не осмеливаясь поверить ему даже сейчас.

— Ты так сильно любишь меня? — спросила она.

— Да, — ответил он.

Ее счастье было едва ли не сильнее, чем он мог выдержать.

— Я выйду за тебя замуж, — сказала она. — Я произнесу христианские слова. — *Это всего лишь слова. Имеет значение только дух.*

Айдан слышал все это. Его сердце пело, все стены пали. Марджана была в его сознании, заполняя пустоты, исцеляя шрамы. Но это было отнюдь не сладкое, не успокаивающее присутствие. Она чаще спорила с ним, чем соглашалась; ее неистовый характер был под пару его собственному. И когда война встретится с войной, когда Крестовый Поход встретит джихад, и Бог будет выбирать между ними…

— Тогда Бог выберет, — сказала она, — как Он начертал, и мы поступим так, как должны.

— Так говорят неверные.

— Только франк может подшучивать над судьбой.

Они посмотрели друг на друга.

— Я буду служить королю, несмотря ни на что, — сказал Айдан.

— Почему я должна возражать? Он достоин этого.

— Ах, но достоин ли я?

— Ты, — сказала она, вскинув подбородок, — лучший рыцарь в мире.

Лучший рыцарь в мире смотрел на прекраснейшую леди в мире и размышлял над мудростью ответа. Двор ждал его выбора,

затаив дыхание. Леди предоставляла ему спорить с нею или согласиться с нею.

Рыцарь знает, когда говорить. Он также знает, когда молчать. Айдан низко поклонился и предложил ей улыбку.

Она осторожно размышляла над ней. Взвешивала, измеряла, рассматривала. Потом приподняла бровь.

Он сделал улыбку чуть шире.

Другая бровь поползла вверх.

Все они торговцы тут, на Востоке. Ему придется приглядывать за ней, когда дойдет до брачной клятвы, чтобы она не пыталась торговаться со священником.

Она вспыхнула на это. Он схватил ее в объятия прежде, чем она разразилась речью, и звучно поцеловал ее.

Франкская прямота, решил он, может быть полезна в приручении сарацинки.

Она засмеялась. Жестокая; никакой пощады его бедной уязвленной гордости. Но он простил ее. Ведь он был, прежде всего, лучшим рыцарем в мире.

АВТОРСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

События "Аламута" честно поделены поровну между историей и фэнтэзи. Принц Айдан и его ассасинка, конечно, придуманы, как и королевство Райана; так же, как Дом Ибрагима и его подданные, и семья оружейника из Дамаска. Остальные "драматические персонажи", однако, совершенно историчны, включая эмира Усамы ибн Мункида и его сына Мурафа. Истории, который Усама рассказывал, подлинные, взятые из его воспоминаний; они выходили на английском языке, в книге "Арабо-сирийский дворянин и воин во времена Крестовых Походов", под редакцией П.К.Хитти (Нью-Йорк, 1929). Так же и история, рассказанная наставником Балдуина, Архидиаконом (позднее Архиепископом) Уильямом Тирским, о том, как обнаружилось, что Балдуин болен проказой. принадлежит самому Уильяму; ее можно найти в томе втором его "Истории свершений, происходивших за морем), п.р. Эмили Бэбкок и А.К.Крей (Нью-Йорк, 1943).

Я построила замок на месте разрушенного дома в Аква Белла и подарила его вымышленной семье Отекур. Настоящий замок, следует заметить, принадлежал рыцарям-госпитальерам, которые также владели большим замком Крак де Шевальи. В начале нашего столетия Крак был восстановлен французами и в нынешнее время служит, как это ни иронично, одной из главных резиденций Организации Освобождения Палестины.

Король Балдуин VI Иерусалимский действительно был болен проказой, и его болезнь действительна была принята теми, кем

он правил, как король, без единого вопроса о его праве на трон его дяди, Балдуина III, и его отца, Амори I. Во время действия романа (лето и осень 1176 года) ему было около шестнадцати лет, а королем он был с тринадцати. Он был недюжинным военным стратегом, и пока позволяло его здоровье, правил твердо и хорошо. В следующем году, в возрасте семнадцати лет, он потерпел от Саладина единственное и худшее из поражений, в битве при Монгизаре. Он умер в 1185 году, слепой, безликий, его руки и ноги были изъедены болезнью, но даже в последний год своей жизни он водил свои армии против сарацинского султана, приезжая на поле битвы в носилках. Он умер в своей постели от лихорадки и был похоронен в Иерусалиме, в Храме Гроба Господня.

Сестра Балдуина, принцесса Сибилла, не была наделена ни его интеллектом, ни его здравым смыслом. Избранный для нее муж, Уильям Длинный Меч, маркиз Монферратский, был достойным выбором: молодой, привлекательный, хороший воин и искусный политик. К несчастью, он заболел лихорадкой и умер в следующем году; его сын и наследник, названный Балдуином в честь короля и прозванный Балдуинетом, "Маленьким Балдуином", родился через несколько месяцев после смерти Уильяма. Сибилла, казалось, искренне оплакивала его, но вскоре нашла ему замену: французский рыцарь, не особо выдающийся, но замечательно красивый и дамский угодник. Гай де Лузиньян, за которого она вышла замуж в 1179 году, вопреки возражениям лордов королевства. Ее брат, удрученный своей болезнью, дал разрешение на брак; однако вскоре пожалел об этом. Гай был скорее слаб, чем действительно вероломен, но Балдуин знал, что трон завоеванного королевства не должен перейти в руки человека, органически неспособного принять решение. Когда прокаженный король умер, его племянник, ребенок Балдуин V, был посажен на его место, под регентством графа Раймона Триполийского. Это был прямой вызов Гаю, и Гай принял его: он восстал против регентства и, когда после года правления Балдуин V умер, захватил трон. Годом позже, 4 июля 1187 года, Гай проиграл большую часть своего королевства Саладину в битве у Отрогов Хаттина. К осени 1187 года Саладин правил в Иерусалиме, как король. Иерусалимское Королевство Крестоносцев, основанное в 1099 году после захвата Иерусалима армией Запада под командованием, в числе прочих, графа Годфри Бульонского, пало; оно никогда не было восстановлено. Следующий Крестовый Поход не увенчался успехом в отвоевании Иерусалима у неверных.

Султан Саладин (Салах аль-Дин Юсуф ибн Айюб)

действительно был в Дамаске в конце лета 1176 года, после неудачного нападения на Масиаф; он женился на госпоже Исмат, вдове сельджукского султана Нур аль-Дина, несколько позже, чем я показала, осенью, перед своим возвращением в свой второй султанат в Каир. Его старший брат, Тюран-Шах, остался в Дамаске как регент. Саладин вернулся через несколько лет, чтобы усилить свою власть в Сирии и распространить ее на Алеппо. Принц аль-Салих Исмаил, сын Нур аль-Дина оот другой жены, не от Исмат, умер в 1181 году, в возрасте 19 лет; в 1182 году город пал перед Саладином. Что касается превосходной и ччрезвычайно подробной биографии султана, см. М.К.Лайонс и Д.Е.П.Джексон, "Саладин: политика Священной Войны" (Кембридж, 1982).

Исламская секта ассасинов (точнее, исмаилитов), основанная в конце 11 века воином и мистиком Хасаном-и-Саббахом, была экстремистской формой шиитского ислама, утверждавшей провозглашаемые принципы методом убийства. Ее центральной твердыней был Аламут, Орлиное Гнездо, в горах Приэльбрусья в современном Иране; Алеппо оказывал сильную поддержку их политике. Синан ибн Салман, Горный Старец, был величайшим ассасином Сирии; будучи (по его словам) рожден сыном благородного жителя Басры, он попал в Аламут и поклялся на верность тогдашнему повелителю, Кийе Мухаммаду, и был выращен и воспитан вместе с наследником повелителя. В 1162 году Синан направился проповедовать свою веру в Сирии. В 1164 году сын и наследник Кийи Мухаммада, Хасан, провозгласил Воскресение Погибшего Имама и наступление Золотого Века. Синан продолжал следовать аскетическим законам секты, а потом отрекся от нее. В следующие тридцать лет он почти нераздельно правил Сирией; его последним предприятием было убийство следующего претендента на трон Иерусалима, Конрада Монферратского — быть может, по сговору с королем Англии Ричардом Львиное Сердце. Бернард Льюис приводит короткую, но точную историю секты в книге "Ассасины: радикальная исламская секта".

Хотя Аламут был уничтожен в тринадцатом веке монголами, а сами ассасины выродились в малую исламскую секту, род последнего Повелителя дожил до двадцатого века. Его прямым наследником по мужской линии является Ага Хан.

Написание исторического романа может потребовать, и требует такой же долгой и утомительной работы в библиотеке, как докторская диссертация; это нелегкая задача — превратить горы исследований в гладкое повествование. Мой роман никогда не стал бы тем, что он есть, без помощи названных выше книг. В добавление я обязано драматическим сюжетом и местным

колоритом Роберту Пейну, "Мечта и Гробница: история Крестовых Походов"(Нью-Йорк, 1984) — это его заглавный рассказ "Доблесть юного короля и падение Иерусалима" первым вывел меня на прокаженного короля; К.Р.Кондеру, "Латинское Королевство Иерусалим: 1099–1291 гг." (Лондон, 1897), не считая нескольких фактических ошибок; и Колину Туборну, чье "Зеркало Дамаска" (Бостон, 1967) вело меня через древнейший из ныне населенных городов мира и дало мне материал для дамасских глав романа.

Песня, которую принц Айдан поет в начале части I — подлинная песня Крестового Похода, призыв ко Второму Походу 1147 года. Старофранцузский текст и музыка взяты из сборника Жозефа Бедье и Пьера Обри, "Песни Крестовых Походов" (Париж, 1909); английский перевод мой собственный. Хорошая современная запись песни в исполнении баритона соло и хора сделана Дэвидом Манроу и Лондонским Ансамблем Старинной Музыки в "Песни любви и войны: музыка Крестовых Походов" (Арго).

notes

Примечания

1

Рыцари, счастливы вы, что Господь Бог воззвал к вам о помощи против турок и альморавидов, которые совершили против Него такие бесчестные дела

2

Всякий, кто последует теперь за Людовиком, может не бояться зла, потому что душа его будет в раю с ангелами Господними

3

Давайте пойдем и отвоюем Моисея, что находится на горе Синай: не оставим больше в руках сарацинов ни его, ни его посох, которым он единым ударом разделил воды Красного Моря, когда великое множество народа шло с ним; и фараон последовал за ним и погиб вместе со всеми своими людьми.

4

"Слава Господня"

5

Призыв вассалов к оружию

6

Мартынов день — 11 ноября. *прим. перев.*